

II-10.
90-153.

O III

РЕPERTУАРЪ
и
ПАНТЕОНЪ
ТЕАТРОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ И. ПЕСОЦКИМЪ, ПОДЪ РЕДАКЦИЕЮ О. А. КОНИ.

1847.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ОСУДАСТВЕН. АКАДЕМ.

ЛенГрадская Театральная

БИБЛИОТЕКА

МУЗЕИ А. В. ДУНАЧАРСКІ

ТЕАТР ДРАМЫ

Въ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛЬНОГО КОРПУСА ВНУТРЕННІЙ СТРАЖІ.

ГЛАВНЫЙ
ФОНДНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

но в 1-м. Оригиналъ якобы въведенъ въ Цензурийный Комитетъ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурийный Комитетъ
указомънное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 20 Января 1847 года.

Цензоръ А. Никитенко.

ОП

РЕPERTУАРЪ

И

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

1847.

І.

Издатель: И. Песецкий.

Редакторъ: Ф. А. Кони.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

СОДЕРЖАНИЕ

№ 1.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

Двойникъ. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ, Соч. П. Карапыгина.

ПАНТЕОНЪ ТЕАТРОВЪ.

I. ТВАРДОВСКІЙ: Романъ Іосифа Игнатія Крашевскаго, взятый изъ польскихъ народныхъ предаій. (Часть первая). Переводъ съ польского. С. П. Побѣдоносцева	1.
II. БІОГРАФІЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Воспоминаніе о князѣ Александрѣ Александровичѣ Шаховскомъ. Статья П. А. Смирнова	101.
III. ИСТОРИЯ РУССКАГО ИСКУССТВА. Начало драмы, оперы и балета въ Россіи, со временъ Петра Великаго. Статья О. А. Кони.	125.
IV. СТИХОТВОРЕНИЯ.	
1. Завѣщаніе. (Изъ Платена.) Н. П. Грекова	157.
2. Два стихотворенія изъ Виктора Гюго. Его же	158.
3. Разлука съ жизнью (изъ Гервега). Н. П. Крешево. Его же	169.
Изъ Рюккера.	
V. ЮМОРИСТИКА. Отрывки изъ народнаго драматическаго представліенія: <i>Марка Егоровна Борецкая, посадница Новгородская</i> . Соч.—О. В. Жигутикова.	161.
VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛІТТОРИСТЬ.	
1. Драматическая фантазія, вмѣсто предисловія. О. А. Кони	1.
2. АЛЕКСАНДРИНСКІЙ ТЕАТРЪ: Критический разборъ бенефисовъ гг. Карапыгина 2, Григорьева 4 и Сосницкаго.	
а. Двойникъ, драма П. Карапыгина.	
б. Женитьба на скорую руку; водевиль А. П—ча.	
с. Приключение въ Жидовской корчмѣ; опера Семенова.	
д. Два брата съ Арбата; водевиль г. Ленскаго.	
е. Дипломатъ и Наворицъ; комедія г. Фурмана.	
ф. Еще комедія съ дядюшкой; водевиль г. Григорьева 1.	
г. Горка на именинахъ; русская картина, г. Григорьева 1.	
и. Школа мужей; комедія Мольера, переводъ А. Григорьева.	
к. Невидимка; водевиль.	
л. Королевская охота; водевиль.	
м. Москаль-Чаривникъ; малороссійская оперета Котляревскаго.	
Статьи О. А. Кони	10.
VII. ОБОЗРѦНІЕ ИНОСТАНННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.	
1. Франция:—«Отверженіе Fausta»—Берліоза; «Агнесса Мерани»—драма Понсара; «Робертъ Брюсъ»—опера Россини; «Тайное покровительство»—комедія Скриба.—«Вѣрный мужъ», водевиль Варенъ; и проч.	
2. Германия: «Ученики Карловой школы»—драма Лаубе; «Гуттенбергъ»—опера Фукса.	
3. Англія: Новости Лондонскихъ театровъ.	
VIII. СМѦСЬ.	
1. Новыя историческія свѣдѣнія о желѣзной маскѣ	63.
2. Магнѣтическія представлѣнія	66.
3. Переенесеніе праха Керубини	67.
4. Рецептъ для составленія романовъ	—
5. Листъ и гирлянда Гименея	68.
6. Золотая медаль	69.
7. Мужъ, отыскивающій жену	71.
РАЗНЫЯ ИЗВѦСТИЯ.	
АНЕКДОТЫ.	

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКОЙ СЦЕНЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Издание «Репертуара и Пантеона», которое нынѣ поступило въ вѣденіе новой редакціи, составилось изъ двухъ прежнихъ изданій, совершенно различныхъ по цѣли и содержанію, изъ «Репертуара русской сцены», издававшагося г. Песоцкимъ, и «Пантеона русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ,» издаваемаго книгопродавцемъ Поляковымъ, подъ редакціею, г. Кони.

«Репертуаръ» долженъ былъ знакомить читающую публику съ драматическими произведеніями, являющимися на русской сценѣ, какія — бы они ни были, — и только.

Цѣль «Пантеона» была знакомить съ замѣчательнѣйшими явленіями драматической поэзіи всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ, въ переводахъ вѣрныхъ и художественныхъ. Кромѣ того, онъ обязался, дѣльными и учеными статьями по всемъ отраслямъ искусствъ, указывать на современное ихъ состояніе въ Европѣ; давать направлѣніе русскому творчеству положительнью и беспристрастною критикою; сообщать жизнеописанія и взглядъ на искусство знаменитѣйшихъ художниковъ; слѣдить за всѣми явленіями европейскихъ театровъ, за развитіемъ драматической литературы въ Россіи и излагать исторію театра у всѣхъ народовъ, какъ древнихъ, такъ и новыхъ. Изъ этой задачи, предложенной «Пантеономъ» видно, что онъ имѣлъ положительную цѣль и направлѣніе.

Нынѣ, когда оба изданія соединены подъ одною общею обверткою, мы находимъ необходимымъ сдѣлать подраздѣленіе во внутреннемъ содержаніи, подраздѣленіе, которое выражало — бы первоначальную мысль каждого изъ нихъ. Первый отдѣлъ каждой книжки, мы назовемъ «Репертуаромъ русской сцены,» потому что онъ будетъ заключать въ себѣ исключительно только пьесы, *игранныя* на русской

сценъ; второй отдѣлъ — «Пантеонъ театровъ» — и въ составъ его войдутъ всѣ рубрики, означенныя въ нашей программѣ.

Въ «Репертуарѣ» пьесы поступаютъ прямо со сцены, стало бѣть, редакція ни за достоинство ихъ, ни за внутреннее содержаніе отвѣтить не можетъ. Въ этомъ случаѣ она будетъ только руководствоваться успѣхомъ, который пьесы эти имѣли на сценѣ. Если-же они не будутъ удовлетворять строгому вкусу и разборчивости читателей, вину надо отнести — къ театру и къ тѣмъ, которые для него подвизаются. Мы — же умываемъ руки.

«Пантеонъ», напротивъ, весь лежитъ на отвѣтственности редакціи и она постарается всегда быть вѣрной своему воззрѣнію, предположенной цѣли и тому направлению, которое почитаетъ необходимымъ для этого изданія. По этому, читатели не должны удивляться, если въ той же книжкѣ «Репертуара и Пантеона театровъ» — они часто встрѣтятъ въ первомъ отдѣлѣ — драму, комедію или водевиль, — а во второмъ, въ «Пантеонѣ», — строгую и, можетъ быть, невыгодную для нихъ, оцѣнку этихъ пьесъ. Выборъ пьесъ сдѣлала публика, которая доставила имъ успѣхъ, и которая руководствуется нерѣдко въ такихъ случаяхъ своей минутной прихотью, мимолетнымъ расположениемъ или не совсѣмъ отчетистымъ вкусомъ; оцѣнку пьесы — дѣлаетъ критика, кототорая должна быть вѣрна себѣ и руководствоваться неизмѣнными законами эстетики и правилами искусства.

Если намъ когданибудь попадется въ руки драматическое произведение съ истиннымъ внутреннимъ достоинствомъ, по чому-либо не принятное на сцену, мы охотно распахнемъ для него объятія «Пантеона» — и даже — «Репертуара», въ случаѣ нужды, но отмѣтимъ въ такомъ случаѣ «что пьеса эта не была удостоена принятія на театръ.»

Объяснивъ это дѣло однажды навсегда, мы сообразно съ нимъ и будемъ дѣйствовать.

ДВОЙНИКЪ

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. П. КАРАТЫГИНА.

(Сюжетъ заимствованъ изъ рассказа Полля-Февалля.)

Представлена въ первый разъ въ С. Петербургѣ, на Александрийскомъ Театрѣ, 3-го Декабря, 1846 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ричардъ Лаутеръ, Лондонскій банкиръ	Г. Каратыгинъ 4-й.
Клариса Лаутеръ, жена его	Г-жа Дюрь.
Дженни, дочь ихъ.	Г-жа Самойлова.
Стевенсонъ, Манчестерскій банкиръ.	Г. Каратыгинъ 2-й.
Генрихъ Стевенсонъ, сынъ его.	Г. Смирновъ 2-й.
Самуилъ Чортонъ, кассиръ Лаутера.	Г. Максимовъ 4-й.
Томасъ, камердинеръ.	Г. Сосницкій.
Маеневъ, трактирщикъ.	Г. Мартыновъ.
Жоржета, его племянница.	Г-жа Цвѣткова.
Патро, слуга въ Трактирѣ.	Г. Марковецкій.
Дорваль.	Г. Смирновъ 4.
Морель.	Г. Ширяевъ.
Жоржъ.	Г. Славинъ.
Бернаръ.	Г. Толченовъ 4.
Гильо.	Г. Горшениковъ 4.
Едмондъ.	Г. Сергеевъ.
Евгений.	Г. Люстикъ.
Констабль.	Г. Третьяковъ.
1.	Г. Максимовъ 2.
2.	Г. Раззаковъ.
3.	Г. Горшениковъ 2.
4.	Г. Антонолини.
Слуга.	Г. Чайскій.

Первое и третіе дѣйствія происходятъ въ Лондонѣ, второе въ Парижѣ.

САМУИЛЬ

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ роскошную гостиную банкира, направо отъ зрителей дверь въ кабинетъ съ окошкомъ.

Я В Л Е Н И Е I.

Самуилъ одинъ, потомъ Томасъ.

Самуилъ. Мистеръ Ричардъ! Мистеръ Ричардъ! извините, что я васъ беспокою, но эти бумаги очень важныя... Гм! даже не поймевшися, сидить какъ вкопанный. Мистеръ Ричардъ... скажите, по крайней мѣрѣ...

Томасъ входитъ. Что вамъ здѣсь надобно?

Самуилъ. А! это вы, г. Томасъ... дождите, пожалуста, г. Ричарду, что я...

Томасъ. А сколько разъ приказывалъ вамъ г. Ричардъ, чтобы вы не беспокоили его въ кабинетѣ.

Самуилъ. Но эти бумаги очень нужныя.

Томасъ. Большая мѣрѣ нужда до вашихъ бумагъ. Я исполняю приказаніе моего господина; и если вы сейчасъ отсюда не уйдете, то сего дня же отправитесь искать себѣ другаго мѣста; а такого другаго, вы навѣрно, не скоро найдете... понимаете?

Самуилъ. Не сердитесь, г. Томасъ, я вѣдь изъ усердія къ хозяину...

Томасъ. Чортъ возьми всякое усердіе! Хозяинъ запретилъ даже и женѣ своей его беспокоить, когда онъ работаетъ... и она, другой разъ, подойдетъ къ окошку, поглядитъ и не смѣеть сказать ему словечка, а если что и скажетъ, такъ ни пол слова не дождется отъ него.

Самуилъ. Да, вотъ и я теперь минутъ десять стоялъ у окна, а онъ даже и рукой не пошевелилъ. Признаться, вѣ

всемъ Лондонѣ, вѣрно, не найдется банкира трудолюбивѣе его: цѣлую ночь сидѣть за дѣломъ; и для чего? Кажется, наша контора совершенно исправна. Писцовъ вѣй иной канцеляріи нѣть столько.—Кассиръ тоже человѣкъ, кажется, неусыпный, точный; дѣла идутъ—какъ нельзя лучше; капиталъ необъятный, обороты гигантскіе, кредитъ неимовѣрный, а онъ все еще работаетъ по ночамъ. Нѣть, вѣрно человѣкъ никогда не можетъ быть совершенно доволенъ своимъ состояніемъ. Вѣдь поглядишь на г. Ричарда, такъ подумаешь, что онъ самый несчастный человѣкъ; цѣлый день—какъ ночь, не улыбнется... а изъ какого горя? Жена у него добрѣйшая женщина, дочь—ангелъ; нѣть, все недоволенъ, все мало!.. Ахъ, еслибъ Богъ привель мнѣ имѣть десятую долю такого состоянія, сколькихъ бы я облагодѣтельствовалъ, бѣдные бы меня благословляли и я бы, кажется, жилъ только для того, чтобы наслаждаться своими благодѣяніями.

томасъ. Да, это всегда такъ говорятъ, когда нѣть гроша въ карманѣ.

самуилъ. Нѣть, г. Томасъ, вѣрно честнѣе меня конторщика не найти нашему хозяину... я его собственность берегу, какъ свою.

томасъ. Охъ, то-то и бѣда, что иные конторщики ошибкою принимаютъ хозяйствскую собственность за свою, а его мѣшокъ за свой карманъ.

самуилъ. Сохрани Богъ! честь для меня дороже миллионовъ!

томасъ. Какова честь... иная похожа на старинную монету: блеститъ, а штемпеля не видно; и право, истинно честный человѣкъ рѣдко говорить о своей чести.

самуилъ. Нѣть, г. Томасъ, я бѣденъ, но что касается до чести...

томасъ. Ахъ, какъ вы надѣли съ своей честью... Никто у васъ обѣ ней не спрашиваетъ. Вы честны, я честенъ, всѣ честны, а мошенниковъ не оберешся.

самуилъ. Зачѣмъ говорить личности, г. Томасъ; я, кажется, не подалъ никакого повода; всѣмъ известно мое поведеніе. Мистрессъ Лаутеръ обходится со мною съ уваженіемъ, миссъ Женни также очень учтива, и я, право, не заслуживаю...

томасъ. Да я и не думалъ обижать васъ; я только такъ, примѣрно говорю, а мнѣ до вашей чести дѣла нѣть. Вы кассиръ, я камердинеръ, должности наши совершенно разныя. Считать деньги я неумѣю, да и нечего; а считать всѣхъ людей за честныхъ, не вижу надобности.

САМУИЛЬ. Полноте, г. Томасъ, не сердитесь; оставимъ это, поговоримъ о другомъ. Мы такъ рѣдко съ вами видимся, а я давно искалъ случая посовѣтоваться съ вами. Хозяинъ вѣсъ очень любить, онъ къ вамъ, кажется, больше всѣхъ имѣть довѣрѣнности, и если вы будете такъ добры, что...

ТОМАСЪ. Что такое? чего вы отъ меня хотите?

САМУИЛЬ. Я хочу повѣрить вамъ тайну.

ТОМАСЪ. Напрасно беспокоитесь; я со всѣмъ не любопытенъ и не мастеръ совѣтоваться.

САМУИЛЬ. Но, г. Томасъ, вы сами были молоды и вѣрно знаете, что бываютъ душевныя тайны, отъ которыхъ наконецъ становится душно, пока ихъ не выскажешь кому нибудь. Вы конечно любили когда нибудь?

ТОМАСЪ. Не помню; кажется, никогда.

САМУИЛЬ. Ахъ, я и самъ боялся этой страсти, убѣгалъ отъ нея... но отъ судьбы не уйдешь: миссъ Дженни лишила меня свободы!

ТОМАСЪ. Какъ! что? хозяйская дочь! гм! не дурно, вкусть хорошъ, и расчетъ коммерческій.

САМУИЛЬ. Неужели вы думаете, что моя любовь основана на расчетахъ? Сохрани Богъ... Конечно я ничего не имѣю, но еслибы она даже была бѣднѣе меня, мое сердце и тогда бы ее выбрало.

ТОМАСЪ. Не спорю, сердце можетъ выбирать сколько ему угодно, только дочь банкира, единственная наслѣдница отцовскихъ миллионовъ, должна быть разборчивая невѣста.

САМУИЛЬ. Ваша правда, я и не смѣю мечтать объ этомъ недоступномъ блаженствѣ; но я уже счастливъ тѣмъ, что живу съ нею подъ одной кровлей, дышу одинимъ воздухомъ, хотя въ недѣлю разъ увижу ее, скажу одно слово... и знаю, наконецъ, что труды мои и занятія посвящены на пользу ея родителя.

ТОМАСЪ. Послушайте, г. Самуиль: я хотя и старъ, но не болтливъ, я хозяину ничего не скажу, но если онъ самъ додадется, то берегитесь: онъ шутить не любить, и, вѣрно, никогда не позволить, чтобы вы свои шесть нулей приписали къ его единицѣ.

САМУИЛЬ. Какая мысль... я вамъ повторяю, что и не думаю о его миллионахъ... эта любовь мечта, но мечта, которая дѣлаетъ меня совершенно счастливымъ!

ТОМАСЪ. Мечтайте себѣ на досугѣ; но теперь уже утро, на-

до заниматься дѣломъ, всѣ заняты работой—вотъ нашъ хозяинъ вамъ примѣръ.

САМУИЛЬ. Иду, иду, не сердитесь, г. Томасъ, я вѣдь приходилъ за дѣломъ. До свиданія... я возвращусь сюда, когда хозяинъ выйдетъ изъ своего кабинета.

ТОМАСЪ. Ну, ну, ступайте, ступайте.

Я В Л Е Н И Е II.

ТОМАСЪ (одинъ).

Негодай! прошу покорно, что онъ забралъ себѣ въ голову. Влюбиться въ хозяйскую dochь! да съ ея миллионами она можетъ выйти за лорда, пера, за герцога!.. Однако-жъ мой хозяинъ меня сегодня беспокоитъ не на шутку: утро уже давно, а онъ... Нѣтъ это добротъ не кончится. Прежде бывало часовъ до семи... а нынче... худо! если это откроется, весь его кредитъ пойдетъ къ чорту! Что-то запшумѣло... нѣтъ ничего не слышно. Ну! мистриссъ Лаутеръ опять идетъ сюда... чорть возьми, прошу покорно тутъ вывертываться.

Я В Л Е Н И Е III.

ТОМАСЪ, КЛАРИСА и ДЖЕННИ.

КЛАРИСА. Здравствуй Томасъ.

ТОМАСЪ. Мое почтеніе, сударыня.

КЛАРИСА. Неужели онъ еще не кончилъ свою ночную работу?

ТОМАСЪ. Нѣтъ мистриссъ, онъ все еще занятъ.

КЛАРИСА. Ахъ, Боже мой, какъ онъ себя изнуряетъ.

ДЖЕННИ. Бѣдный папенька! съ его богатствомъ онъ такъ себя мучить. Позвольте маменька, я съ нимъ поздороваюсь въ окошко ..

КЛАРИСА. Нѣтъ, нѣтъ, не дѣлай этого: онъ разсердится, а онъ и безъ того все эти дни такъ печалень, мраченъ, что миѣ даже страшно становится.

дженни. Что это значить маменька? что его можетъ такъ огорчать? чѣмъ онъ недоволенъ? развѣ мы не любимъ его? развѣ онъ не любить насть? что съ нимъ сдѣлалось?

томасъ. Бѣдныя женщины; еслибъ онъ знали...

дженни. Томасъ, добрый Томасъ, не можешь ли хоть ты намъ сказать что нибудь...

клариса. Да, ты всегда съ нимъ. Не замѣтилъ ли изъ его словъ или поступковъ....

томасъ. Ахъ, сударыня, не спрашивайте, ради Бога, я самъ не меныше вѣсъ беспокоюсь о моемъ добромъ господинѣ... но, вѣроятно, это скоро кончится... Какое нибудь важное предпріятіе, обороты, проекты, въ которыхъ я ничего не смыслю... онъ все при мнѣ пишетъ, а я рѣшительно ничего не понимаю. Мое дѣло — молчать, когда мнѣ приказано; и не отвѣтывать, когда нечего говорить.

Уйду отъ нихъ, а то еще проболтаешься. Бѣдныя женщины! еслибъ онъ знали... ахъ! не хорошо, право, не хорошо!

(Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е IV.

КЛАРИСА И ДЖЕННИ.

дженни. Какой несносный этотъ Томасъ; молчаливъ и холоденъ, какъ рыба. Я увѣрена, что онъ все знаетъ, а только не хочетъ намъ сказать. Это для меня непонятно! Какъ, кажется, не разсказать тайны, когда ее знаешь... меня напротивъ всякая тайна мучить! Бывало въ пансионѣ чутъ что нибудь услышу по секрету, на другой же день всѣ узнаютъ... такъ и должно, а то что за глупые секреты!.. Вы меня еще въ дѣствѣ учили, чтобъ я отъ вѣсъ ничего не скрывала, я такъ и дѣлаю: у меня что надушѣ, то и на языкѣ. Вотъ, напримѣръ, люблю Генриха и призналась вамъ, онъ меня тоже любить и сказалъ своему отцу;—вотъ дѣло и пошло своимъ порядкомъ, а то еслибъ мы оба секретничали, чѣмъ бы это кончилось, Богъ вѣсть!.. Да улыбнитесь, добрая маменька, право, вы сегодня скучнѣе обыкновеннаго... вѣдь я все болтаю для того, чтобъ вѣсъ развлечь, развеселить, а вы, какъ нарочно, не догадываетесь.

КЛАРИСА. Милая Дженин, ты права, мнѣ сегодня ужасно
хрустно, какъ будто какое предчувствіе...

Дженин. Полноте, маменька, неужели вы вѣрите предчувстві-
ямъ? Это, просто, воображеніе. Конечно, сама я нынѣшнюю
ночь видѣла предурной сонъ объ васъ и объ папенькѣ, но я
не люблю толковать сны; они вообще очень безтолковы.

КЛАРИСА. Что жъ ты видѣла?

Дженин. Пустяки, не стоитъ говорить. Поговоримъ лучше
о томъ, о чёмъ я готова бредить днемъ и ночью. Мой Ген-
рихъ скоро будетъ сюда съ своимъ отцомъ и сдѣлать фор-
мальное предложеніе вамъ и папенькѣ... Вы-то согласитесь, я
увѣрена, не правда ли, маменька?.. да, да, вѣдь вы знаете мо-
го милаго Генриха. Но вотъ что-то папенька скажетъ, онъ
видѣлъ Генриха, когда ему было лѣтъ 12. Мы съ нимъ вмѣ-
стѣ росли, вмѣстѣ учились, вмѣстѣ шалили. Бывало его гувер-
неръ оставилъ безъ завтрака, а я приду, да потихоньку и на-
кормлю его; а если меня гувернантка накажетъ, такъ онъ при-
несетъ мнѣ свой завтракъ:—вотъ бывало то и дѣло кормилъ
другъ друга завтраками; и еслиъ вы знали, какъ это было
вкусно! Забѣшься гдѣ нибудь въ уголкѣ, или убѣжишь въ
паркѣ, и будешь съ такимъ аппетитомъ, какого никогда не бы-
ваетъ, когда сидишь за накрытымъ столомъ... а это все отъ
того, что мы уже тогда любили другъ друга, какъ братъ и
сестра. О! мы съ нимъ были большие шалуны, за то теперь
сдѣлались маленькими философами: мы терпѣливо ждемъ своей
участи. Я увѣрена, что папенька его не узнаетъ: онъ изъ рѣз-
ваго мальчика сдѣлался степеннымъ молодымъ человѣкомъ, а
что больше всего должно папенькѣ понравиться, такъ это то,
что онъ помогаетъ въ торговыхъ дѣлахъ своему отцу, воро-
часть капиталами, завѣдываетъ всей конторой. Это нешутка...
Вѣдь вы сами говорили, что папенька былъ очень друженъ съ
отцомъ Генриха, и что только занятія и дальность мѣста раз-
лучили ихъ въ послѣднее время. За то они теперь снова сой-
дутся и ихъ старинная дружба укрѣпится болѣе прежняго.
Ахъ, папенька, глядя на наше счастіе, бросить свою угро-
мость. О, лишь бы только онъ согласился на нашу женитьбу,
а то я все здѣсь передѣлаю по своему: у насъ будуть каждую
недѣлю балы, обѣды, концерты, не такъ-ли маменька? Да
вы меня, кажется, и не слушаете. Вотъ мило! я тутъ строю
возлужные замки, придумываю, выдумываю, а вы думаете со-
всѣмъ о другомъ... Ахъ, какой скучный папенька! Это все по
его милости вы такъ печальны! Нѣтъ, ужъ это несносно!

Чтобы ни было, а я пойду, закричу въ окошко, чтобы онъ бросилъ свою несносную работу.

КЛАРИСА. Нѣтъ, ради Бога...

ДЖЕННИ. Нѣтъ, нѣтъ, воля ваша.. (Подходитъ къ окошку) Шапенъка! мильй папенька! мы цѣлые полчаса здѣсь вѣстъ дожидаемся; выйдите къ намъ, или, по крайней мѣрѣ, пустите насъ къ себѣ... Посмотрите, маменька, посмотрите... хоть бы пошевелился... точно вкопаный, точно приросъ къ своему несносному столу! Боже мой! Боже мой! какъ ему нестыдно: для своихъ цифръ и оборотовъ не хочетъ даже оборотиться ко мнѣ. (Отходитъ) Что это такое? вотъ, кажется, и у меня слезы навертываются. Постойте, постойте... вотъ хорошо, онъ задернуль занавѣску. Только этого не доставало, онъ не хочетъ даже, чтобы мы и видѣли его. Пойдемте-же отсюда, маменька... Богъ съ нимъ, если ему бухгалтерскія книги дороже нашей любви... нѣтъ, нѣтъ, погодите, погодите... вотъ ключъ щелкнуль въ замкѣ, дверь отворяется. Слава Богу... наконецъ онъ выходитъ.

Я В Л Е Н И Е V.

Тѣ же и РИЧАРДЪ.

ДЖЕННИ. Здравствуйте, папенька! насили-то вы кончили!

КЛАРИСА. Другъ мой...

РИЧАРДЪ. Здравствуй, Дженнинъ... здравствуй, Клариса. — Давно-ли вы здѣсь?

ДЖЕННИ. Вотъ хорошо; развѣ вы не слышали, какъ я съ вами говорила?

РИЧАРДЪ. Нѣтъ.

ДЖЕННИ. Прекрасно, когда вы заняты своей работой, такъ ничего и слышать не хотите.

РИЧАРДЪ. А сколько разъ я вамъ говорилъ, чтобы вы не приходили сюда, чтобы не мѣшали мнѣ...

КЛАРИСА. Извини вѣстъ, мой другъ, но мы такъ беспокойились о тебѣ... Сегодня ты работалъ необыкновенно долго... прежде ты кончалъ, по крайней мѣрѣ, къ семи часамъ, а сегодня...

РИЧАРДЪ. Перестаньте пожалуста; не могу же я кончить мою работу потому только, что вы пришли сюда. Часомъ раньше, часомъ позже, вамъ все равно, а мнѣ иногда лишняя минута слишкомъ дорога.

КЛАРИСА. Но ты себя изнуряешь, ты можешь захворать.

ДЖЕННИ. Конечно; маменька правду говорить; если вы потеряете сто тысячъ фунтовъ стерлинговъ, вы еще не разоритесь, а здоровья вы не купите за миллионы.

РИЧАРДЪ. Спасибо за нравоучение.

ДЖЕННИ. Развѣ это не правда?

РИЧАРДЪ. Молодые люди, если захотятъ умничать, всегда говорятъ старыя фразы.

ДЖЕННИ. Правда никогда не устарѣеть, а жизнью надо пользоваться.

РИЧАРДЪ. Жизнью? Понимаешь ли ты, что такое жизнь?

ДЖЕННИ. Ну хоть и не понимаю, да люблю ее, люблю потому, что получила ее отъ добрыхъ родителей, потому что люблю ихъ всею душою, потому что мы созданы для любви, и грѣшино тому, кто ничего не любить.

РИЧАРДЪ. Ты сегодня особенно краснорѣчива; тема довольно веселая и варіаціи красивы, жаль только, что все это немножко фальшиво.

ДЖЕННИ. Развѣ вы думаете, что я притворяюсь?

РИЧАРДЪ. Еслибы ты и хотѣла притвориться, такъ не съумѣешь. Ты, вѣроятно, заговорила о дочерней любви съ тѣмъ, чтобы свернуть разговоръ на любовь другаго рода?

ДЖЕННИ. А, такъ стало быть вы оттуда слышали, о чёмъ мы здѣсь говорили съ маменькой?

РИЧАРДЪ. О чёмъ же ты говорила?

ДЖЕННИ. О! какой вы хитрый; вы все слышали, а хотите только, чтобы я вамъ сама призналась.

РИЧАРДЪ. Въ чёмъ? Что такое? Я ничего не знаю.

ДЖЕННИ. Нѣтъ, нѣтъ, вы все знаете, все, все... я вижу по глазамъ. Да, милый папенька, Стевенсонъ ѳдетъ сюда. Вѣдь онъ вашъ старый другъ, не такъ-ли? Вы, вѣрно, будете такъ добры и примете его предложеніе.

РИЧАРДЪ. Что? какое предложеніе?

ДЖЕННИ. Извѣстно какое... онъ будетъ просить руки моей.

РИЧАРДЪ. Какъ? онъ хочетъ на тебѣ жениться?

ДЖЕННИ. Ха, ха, ха!.. вотъ хорошо... какъ это можно, вѣдь онъ старикъ.

РИЧАРДЪ. Такъ что же ему надобно? А вы разъ забыли... что у него есть сынъ...

РИЧАРДЪ. Да, да, сынъ... помню... мальчишка... шалунъ... Ахъ, папенька, какіе вы смѣшные... неужели же вы думаете, что онъ съ тѣхъ поръ, какъ вы его не видали, остался мальчикомъ? Онъ теперь ужъ мужчина, женихъ...

РИЧАРДЪ. А, да, да, конечно...

ДЖЕННИ. Онъ уже пять лѣтъ занимается на конторѣ у своего отца, а мнѣ... мнѣ гораздо прежде.

РИЧАРДЪ. А вотъ что? Такъ ты его любишь?

ДЖЕННИ. Послѣ вѣсъ обоихъ, больше всего на свѣтѣ.

РИЧАРДЪ. Вотъ теперь я понимаю, почему ты такъ горячо заговорила о любви.

ДЖЕННИ. Ахъ, еслибы вы знали, какъ онъ хороши, какъ любезенъ... Прошлое лѣто, когда мы были на водахъ, онъ все общество свѣль съ ума; какъ онъ говорить, какъ пишетъ, какъ танцуетъ, какъ поетъ.

РИЧАРДЪ. Короче сказать, онъ имѣеть все, чтобы слѣдѣться прекраснымъ мужемъ... Съ такими качествами, онъ будѣть виолицъ наслаждаться жизнью. И точно, свѣтъ не прихотливъ: пой съ нимъ одну и туже пѣсню, пляши подъ его глупую дулку, пересыпай изъ пустато въ порожнєе... сегодня то же, что вчера, завтра тоже, что сегодня — и вотъ цѣль этой прекрасной жизни... Весело, очень весело...

ДЖЕННИ. (матери) Что это онъ такое говорить, маменька? Ахъ Боже мой... да у васъ слезы на глазахъ.

КЛАРИСА (отворачивается). Нѣтъ, нѣтъ, ничего, это тебѣ показалось.

ДЖЕННИ. За чѣмъ же вы отвертываетесь. Ай, ай, ай, папенька, папенька! Вотъ всегда ваши насышки этимъ кончаются.

РИЧАРДЪ. Не моя вина... я хвалю веселую жизнь, а вы плачете. Это, вѣрно, тѣ слезы, которыя льются черезъ золото, какъ говорить пословица.

КЛАРИСА. Ричардъ, Ричардъ!.. ты не справедливъ, ты несправедливъ (Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е VI.

Дженни и Ричардъ.

Дженни. Маменька! маменька!

Ричардъ. Постой, останься здѣсь... тебѣ будетъ еще довольно времени утѣшать ее, побудь со мною... Обними меня... И такъ, ты любишь Генриха, онъ любить тебя, отецъ его согласенъ на вашу женитьбу и пріѣдетъ его сватать, ты будешь счастлива, какъ тебѣ кажется, и я душевно радъ, радъ, что ты при мнѣ выбрала себѣ мужа, и стало быть, новый родъ жизни, свѣтскія удовольствія могутъ развлечь, утѣшить тебя, въ случаѣ потери отца.

Дженни. Что? что такое... что вы хотите этимъ сказать?

Ричардъ. Ничего, это одно предположеніе. Можетъ-быть, по моимъ дѣламъ, по необходимости, я принужденъ буду... уѣхать куда нибудь, можетъ статься надолго, это, я надѣюсь, тебя не слишкомъ огорчитъ; у тебя останется мать, которую ты любишь одинаково со мною; добрый, честный мужъ; я оставлю вамъ богатство, котораго вы не проживете при всей возможной роскоши... стало быть... вы будете счастливы, вполнѣ счастливы, по вашему понятію...

Дженни. Ахъ Боже мой! Да что это у васъ за странныя мысли? Куда вамъѣхать? къ чему? Развѣ мало у васъ конторщиковъ, которыхъ вы можете послать хоть на край свѣта.

Ричардъ (*мрачно*). Нѣть, въ эту сторону, куда я думаю отправиться, мало охотниковъ, и никто другой не можетъ замѣнить меня.

Дженни. Извините... папенька, но если бъ я смѣла сказать, что думаю...

Ричардъ. Говори, говори; дѣти всегда говорятъ, не подумавши, а взрослые не говорятъ того, что думаютъ. Такъ ужъ запрещено на свѣтѣ.

Дженни. Ну, а я такъ думаю, что вы для вашего богатства слишкомъ многимъ жертвуете; вы отказываете себѣ во всякомъ удовольствіи, вы, для своей конторы, оставили вашихъ друзей, удалились отъ свѣта, и всю жизнь посвятили только на то, чтобы увеличивать ваше необъятное состояніе.

Ричардъ. Гм! какъ ты еще худо знаешь своего отца, Дженни... Ты, съ дѣтскимъ легкомысліемъ воображаешь, что золото мой кумиръ, что я живу только для богатства... О еслибы ты могла понять, какъ мало я дорожу своими миллионами! Не

для нихъ я оставилъ свѣтъ и такъ называемыхъ друзей; нѣть, банкиръ можетъ имѣть ихъ тысячи и не имѣть ни одного настоящаго. Свѣтъ также можно подкупить... и что мудренаго; въ немъ все на откупу: честь, знатность, уваженіе, дружба, все, что хочешь можно купить, были бы деньги. Мой отецъ мнѣ ничего не оставилъ; богатствомъ своимъ я обязанъ самому себѣ. Когда я вступилъ въ свѣтъ, я также ребячески думалъ, что жизнь дана намъ для труда, что трудомъ прорѣбѣтъся богатство, что богатство дѣлаетъ насть счастливыми... О, какъ грустно было мое разочарованіе. Я испыталъ все, я исчерпалъ наслажденія до дна — и что же на этомъ днѣ?.. грязь, земля, дрины!..

Дженни. Ахъ, папенька, какъ мнѣ страшно слышать отъ васъ такія мрачныя рѣчи...

Ричардъ. Да, точно, я много наговорилъ глупаго, и глупаго именно потому, что все это говорилъ тебѣ... но ты не тревожься... Вашъ полъ иначе понимаетъ жизнь, иначе сюю наслаждается, и потому вы всегда будете счастливѣе насть!

Дженни. Хотите ли вы, папенька, я вамъ доставлю новое наслажденіе, котораго, можетъ быть, вы еще не испытали.

Ричардъ. Сдѣлай милость.

Дженни. Именно милость; обѣ пей-то я и хочу говорить. По моему, нѣть выше удовольствія, какъ дѣлать благотворенія, утѣшать бѣдныхъ, отыскивать несчастныхъ, которые, можетъ быть, умираютъ съ голоду, возвращать ихъ къ жизни, обеспечивать ихъ жалкое существованіе и сдѣлаться ихъ ангеломъ хранителемъ. — Вотъ отрада, вотъ наслажденіе тѣхъ счастливцевъ, которыхъ судьба надѣлила своими дарами!

Ричардъ. Мнѣ пріятно видѣть въ тебѣ эти добрыя наклонности, Дженни; но неужели ты воображаешь, что я не испытывалъ этого наслажденія? — Было время, когда я отыскивалъ бѣдныхъ, благотворилъ имъ, облегчалъ ихъ страданія; но чѣмъ же кончилось? Меня стали обманывать на каждомъ шагу; выдумывали небывалыя несчастія, приготавливали плачевые сцены, сочиняли фальшивыя банкротства, играли моимъ легковѣріемъ и во зло употребляли мое добродушіе! Я плакалъ, глядя на жалкое человѣчество, а оно... оно смѣялось надъ своимъ благодѣтелемъ... Я узналъ людей и завязалъ мой кошелекъ.... Кончено, добро мое не увеличить неблагодарныхъ и не будетъ кормить тунеядцевъ, плутовъ и лѣнтиевъ. Попробуй выкинуть изъ окна кошелекъ съ золотомъ первому прохожему нищему, и будь увѣ-

рене, что завтра цѣлая толпа негодяевъ будетъ стоять противъ твоего окна показывать пальцами и говорить: «Вотъ здѣсь живеть богатый сумазброль, который бросаетъ деньги на улицу.»—Поди, отыщи въ грязномъ углу истинно-несчастнаго человѣка, и ты въ другой разъ уже не пройдешь по этой улицѣ, чтобы тебя, какъ дурака, не обманули, или не ограбили изъ благодарности. Дѣлай добро, какое хочешь, люди съумѣютъ обратить его во зло.... Довольно, я *разсчитался* съ людьми, они меня *обсчитали*; больше мнѣ съ ними дѣлать нечего.

Дженин. Ахъ, паченька, какъ мнѣ сдѣлалось теперь грустно.

Ричардъ Полно, полно, Дженин. Чистый источникъ души твоей не возмущенъ еще грязнымъ опытомъ. Наслаждайся же жизнью. Тебѣ еще готовится много неиспытанныхъ радостей.—Будь-же счастлива и вспоминай иногда объ отцѣ своемъ... Прощай! Прощай!

Дженин. Вотъ мило! Утро только что началось; я не успѣла съ вами поздороваться, а вы ужъ прощаетесь со мною.

Ричардъ (мрачно). Да, для тебя утро, для меня ночь!

Дженин. Какъ?

Ричардъ. Ты забыла, что я еще не ложился спать; я всю ночь работалъ.

Дженин. Ахъ да! Такъ прощайте же милый паченька — до свиданія.

Ричардъ. Да, да, до свиданія... можетъ быть.. до свиданія. Прощай!..

Дженин. Нѣтъ, у него что-то странное сегодня въ глазахъ и въ голосѣ. Пойду все расскажу маменькѣ. (Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е VII.

Ричардъ (одинъ).

Да, да, пора лечь отдохнуть отъ этой глупой жизни... Моя послѣднія ночные развлечения наконецъ мнѣ надоѣли... Жизнь нестоитъ того, чтобы жить. Одна только дочь привязывала меня къ жизни, но она нашла себѣ жениха, любить его и скоро позабудетъ обо мнѣ. Жена!.. жена найдетъ себѣ другаго мужа и

может быть лучше, моложе меня, и будет счастливъе. Стало быть и съ этой стороны дѣло очищено. Рѣшено; я и то слишкомъ долго откладывалъ.

Я В Л Е Н И Е VIII.

Ричардъ и Томасъ (*который вошелъ прежде*).

томасъ (*тихо*). Ну! опять самъ съ собою разговариваешь... худо, это добромъ не кончится.

ричардъ. А ты здѣсь, Томасъ?

томасъ. Здѣсь, сударь.

ричардъ. Здравствуй!

томасъ. Здравствуйте, сударь.

ричардъ. Спряталъ?

томасъ. Заперъ, вотъ и ключъ.

ричардъ. Хорошо... оставь его у себя. Ну, Томасъ, наша комедія скоро кончится.

томасъ. Какъ вамъ угодно.

ричардъ. Тебѣ, я думаю, тоже надоѣли ночные караулы.

томасъ. Ничего; днемъ выслюсь.

ричардъ. Жена приходила нынѣшнюю ночь?

томасъ. Два раза.

ричардъ. Говорила что нибудь?

томасъ. Ни пол слова—вздохнетъ и уйдетъ.

ричардъ. А поутру разспрашивала тебя?

томасъ. Разспрашивала.

ричардъ. Что же ты?

томасъ. Да что я ей скажу, когда самъ ничего не знаю.

ричардъ. Такъ ты и не подозрѣваешь ничего?

томасъ. Не мое дѣло, приказано молчать и молчу.

ричардъ. Неужели тебя самого не мучитъ любопытство?

томасъ. Я не женщина.

ричардъ. Хорошо. (*Молчаніе*) Послушай, Томасъ, что еслиъ я умру?

томасъ. Что же? Тогда бы я спаль по ночамъ, а днемъ вспоминалъ бы объ васъ.

ричардъ. Томасъ!

томасъ. Что сударь?

ричардъ (съ глубокимъ вздохомъ). Тяжело жить на свѣтѣ!

томасъ. Тяжело—а можно.

ричардъ. Любилъ ли ты кого нибудь?

томасъ. Больше вѣсъ—никого.

ричардъ. И у тебя не было ни жены, ни сына, ни брата?

томасъ. Ни души.

ричардъ. Для чего же ты живешь?

томасъ. Не мое дѣло разсуждать. Живу, стало быть такъ нужно.

ричардъ. Ты философъ?

томасъ. Не знаю.

ричардъ. Такъ стало быть, просто, дуракъ.

томасъ. Можетъ быть.

ричардъ. Какая же польза въ твоей жизни?

томасъ. Я вамъ служу.

ричардъ. А еслибъ я тебя прогналъ?

томасъ Тогда... тогда бы, можетъ быть, я умеръ съ горя—и грѣхъ былъ бы на вашей душѣ.

ричардъ (*подаетъ ему руку*). Ты добрый старикъ; ты долго еще проживешь, и проживешь именно потому, что не понимаешь жизни.

томасъ. Э, всякий понимаетъ ее по своему, и никто ничего не знаетъ. Вѣкъ живи, вѣкъ учись, все умрешь дуракомъ. Вы грустите отъ пресыщенія, другой горюетъ, что есть нечего, а кто правъ, кто виноватъ—Богъ знаетъ.

ричардъ. Играли ли ты когда нибудь въ карты?

томасъ. Никогда, потому что нечего было проигрывать.

ричардъ. А еслибъ у тебя были деньги, хотѣлъ-ли бы ты попробовать счастія?

томасъ. Не думаю, кто не жаденъ къ деньгамъ, тотъ никогда не будетъ игрокомъ.

ричардъ. Право? А знаешь ли ты, что я... я игрокъ.

томасъ. Вы?

ричардъ. Да, я! Страсть къ игрѣ сдѣлалась для меня послѣднимъ наслажденіемъ, которое я могъ придумать!

томасъ. Какъ! неужели вы вѣсъ ночи проводите въ игорныхъ домахъ?

ричардъ. Да, въ такихъ домахъ, гдѣ человѣчество, какъ филинъ, боится дневнаго свѣта; гдѣ иногда отчаянная бѣдность ставить на карту послѣдній пенсъ, гдѣ собираются люди, ко-

торые все проиграли въ обществѣ и живутъ только этою ночною работою. Въ лондонскихъ улицахъ есть закоулки, куда не заглядываетъ ни дневной свѣтъ, ни полиція... тамъ то, въ кругу этого жалкаго человѣчества... я еще нахожу людей, которые не похожи на ежедневныхъ автоматовъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, я вижу страсти, волненіе, тамъ я невольно принимаю участіе въ судьбѣ своего противника; его удача меня сердитъ... я удвоиваю куши, ставлю большія суммы, всѣ смотрятъ съ адскимъ нетерпѣніемъ, я проигрываю, это меня бѣситъ, волнуетъ и въ то же время доставляетъ мнѣ наслажденіе!

томасъ. Боже мой!.. И вы не боитесь играть въ такомъ домѣ, гдѣ отъявленные негодяи могутъ посягнуть на вашу жизнь?

ричардъ. О, между ними, вѣрно, не найдется ни одного такого дурака. Какой расчетъ убить меня и взять изъ кармана въ одинъ разъ то, что я проигрываю имъ каждую ночь.

томасъ. Но если въ свѣтѣ узнаютъ объ этомъ... неужели вы не боитесь потерять вашей репутаціи, всеобщаго кредита?..

ричардъ. Тамъ никто не знаетъ моего настоящаго имени; и ни одна душа не заботится объ немъ, потому что каждый изъ нихъ давно проигралъ свое собственное.

томасъ. Кто бы могъ это подозрѣвать. Во всемъ Лондонѣ, вы сливаете примѣрнымъ супругомъ, бережливымъ хозяиномъ, самыми разсчетливыми банкиромъ, и проводите ваши ночи въ вертепѣ негодяевъ, которые, можетъ быть, обыгрываютъ вѣсъ навѣрняка.

ричардъ. Да... можетъ быть... а развѣ въ нашихъ блестящихъ обществахъ играютъ честнѣ. Тотъ еще не опасный плутъ, котораго всѣ знаютъ за плута, настоящіе бездѣльники всегда сливутъ за порядочныхъ людей. Въ этомъ вертепѣ, какъ ты его называешь, неувѣряютъ меня, по крайней мѣрѣ, ни въ дружбѣ, ни въ любви, ни въ преданности, не стараются влезть въ душу, а прямо лезутъ въ карманъ... и я имъ, какъ собакамъ, бросаю кости, они грызутся, и это меня тѣшитъ, я доволенъ и съ каждымъ днемъ все больше и больше презираю это жалкое твореніе, которое называю по ошибкѣ человѣка. Да, всѣ мы обманываемся и обманываемъ другъ друга. Меня тоже почитаютъ счастливѣйшимъ человѣкомъ, примѣрнымъ семьяниномъ, оборотливымъ капиталистомъ. О, близорукіе глупцы! какъ вы понимаете счастіе? Большое веселье, что мои сундуки наполнены золотомъ, бюро векселями, контора

пользуется всеобщимъ кредитомъ; когда здѣсь (Показываетъ на сердце) здѣсь все истрачено—Послушай Томасъ.

ТОМАСЪ. Что прикажете, сударь?

РИЧАРДЪ. Можетъ быть, завтра—можетъ быть, сегодня, я совсѣмъ не возвращусь.

ТОМАСЪ. Какъ, сударь...

РИЧАРДЪ. Не твое дѣло; слушай что тебѣ говорятъ.

ТОМАСЪ. Слушаю, сударь.

РИЧАРДЪ. Если я черезъ сутки не приду домой, — первымъ твоимъ дѣломъ будетъ истребить эту вещь, которую ты сейчасъ заперъ въ шкафъ...

ТОМАСЪ. Слушаю.

РИЧАРДЪ. Сожги ее въ моемъ каминѣ; только, чтобъ никто не видѣлъ этого—съшиши. Дай мнѣ честное слово—исполнить въ точности мое приказаніе.

ТОМАСЪ. Всѣ будетъ исполнено.

РИЧАРДЪ. Потомъ, служи моей женѣ также вѣрно, какъ служилъ мнѣ, не оставляй ея; она наградитъ твое усердіе... твоя старость будетъ обеспечена; я... я прикажу ей это сдѣлать.

ТОМАСЪ. Послушайте сударь... у васъ что-то недобroe на умѣ... Куда? куда вы сбираетесь... ради Бога. Самоубійство грѣхъ, смертный грѣхъ.

РИЧАРДЪ. Полно, полно, стариkъ, ты меня не понялъ... Я—я ѳду отсюда; дѣла мои этого требуютъ, но ты не бойся за меня — я ворочусь, непремѣнно ворочусь... Ступай-же, ступай, мой ночной сторожъ, отдохни, тебѣ скоро будетъ покойнѣе. Прощай.

ТОМАСЪ. Прощайте, сударь... Я пойду помолюсь за васъ...

РИЧАРДЪ. Томасъ!..

ТОМАСЪ (ворочается). Я, сударь.

РИЧАРДЪ. Не забудь же, помолись за меня! (Жметъ ему руку)
Прощай... прощай...

Я В Л Е Н И Е IX.

РИЧАРДЪ (одинъ).

И такъ... рѣшено.. разсчетъ съ жизнью конченъ, итоги подведены, въ остаткѣ одинъ безконечный нуль. «Умереть—уснуть»

говорить Гамлетъ. Смерть можетъ пугать однихъ только глупцовъ. Да, я чувствую, что сегодня, болѣе нежели когда нибудь, я приготовилъ себя къ этому рѣшительному переходу. При мысли о смерти сердце мое хладнокровно, голова спокойна, одно мгновеніе — и жизненная комедія кончена... остается одинъ только вопросъ: какъ? и чѣмъ? Темза глубока, но на берегу такая пропасть зѣвакъ: найдется много охотниковъ вытащить меня; люди всегда такъ великодушны — днемъ, при свидѣтеляхъ... здесь же есть благотворительныя общества, которые награждаются за спасеніе человѣчества... какъ не броситься въ воду, кто умѣеть плавать... Нѣть, великодушные друзья, отъ меня вамъ будетъ плохая пожива—добрый камень съ мостовой отобьетъ у васъ охоту пускаться на смерть для моего спасенія... Гм! не лучше ли пуля: нѣть, она бываетъ иногда такъ глупа, что сдѣлаетъ калѣкой, пройдетъ насквозь, не повредивъ ни одной артеріи... Ядъ... нѣть, физическія страданія могутъ быть нестерпимы... Да, да, рѣшено: Темза, родная Темза должна быть мою могилою! — Ея широкая грудь носила мои корабли, пусть же добрый хозяинъ заплатитъ ей за эту услугу! Съ дочерью я уже простился... жена... ея слезы могутъ поколебать мою рѣшимость—лучше не видать ея больше... вотъ и она... уйдемъ!

(Уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ X.

Клариса.

Его здесь нѣть... онъ опять въ своемъ ненавистномъ кабинетѣ... Боже мой... Боже мой!... чѣмъ это кончится? Безсонные ночи, дневныя занятія совершенно измѣнили его—и мнѣ еще завидуютъ! говорятъ: какъ она богата, счастлива... счастлива!... о, Ричардъ, Ричардъ! неужели ласки жены и дочери тебѣ уже наскучили? Неужели ненависть къ жизни овладѣла тобою?.. О это было бы ужасно! Но его холодное молчаніе, ядовитыя насмѣшки надъ жизнью, блѣдное, изнуренное грустью лицо—все заставляетъ это думать... Еслибы мы были бѣдны, мы были бы счастливѣ... но твое богатство, Ричардъ, твое золото, какъ тяжелый свинецъ тяготить мою душу.

Я В Л Е Н И Е XI.

Дженни и Клариса.

Дженни. Ахъ, маменька!.. вы здѣсь... я вѣсѣ искала. Какая радость, какое счастіе!.. Генрихъ сейчасъ прислалъ мнѣ записку, что онъ съ отцомъ своимъ уже пріѣхалъ; онъ остановился въ гостинницѣ и проситъ меня сказать, когда они могутъ прийти къ намъ... Извините, маменька, я такъ обрадовалась, что отвѣчала посланному: чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Вы, вѣрно, не разсердитесь за это на меня.

Клариса. О, конечно.

Дженни. Ахъ, какъ я рада! Вѣдь я цѣлый годъ не видѣла Генриха. Я готова прыгать, какъ ребенокъ... Но гдѣ же папенька... надо его попросить, чтобы и онъ не сердился за мою торопливость.

Клариса. Онъ, кажется, опять въ своемъ кабинетѣ.

Дженни. О, несносный кабинетъ! Папенька, папенька, прошу оставить вашу бухгалтерію, выѣдте на минуточку... на одну только минуту.

Клариса. Не шуми, мой другъ, можетъ-быть, онъ заснулъ.

Дженни. Ахъ, какая я глупая... точно.. точно... тамъ не видно его у конторки... онъ, вѣрно, спитъ... Ну все равно, вы примете отца Генриха, а я ужъ сама займусь съ нимъ; папенька отдохнетъ, выйдетъ къ нимъ; они переговорятъ немножко, и дѣло кончено. Я упрощу папеньку сдѣлать сегодня же нашу помолвку, потомъ маленький балъ на скорую руку, приглашу своихъ пансіонскихъ подругъ... какъ онъ удивится, какъ обращаются, станутъ меня поздравлять. Ахъ, Боже мой! я сама не вѣрю своему счастію!

Клариса. Тише, тише, не разбуди его...

Дженни. Да, да, ваша правда... видите какая я болтушка... Постойте, постойте, что то я еще хотѣла сказать... Да! я пойду надѣнъ другое платье... и кажется, я сегодня причесана не къ лицу, не правда-ли?.. Хоть я увѣренна, что Генриху все равно, онъ не обратить вниманія на мой нарядъ, да его отецъ-то давно меня не видалъ, надо и ему понравится... Я сию минуту ворочусь, милая добрая маменька. Счастливѣе меня теперь нѣтъ никого на свѣтѣ.

(Упьгаетъ)

Я В Л Е Н И Е XII.

КЛАРИСА, потомъ САМУИЛЬ.

КЛАРИСА. Милое дитя... вотъ такъ и я радовалась 17 лѣтъ назадъ. Сколько прекраснаго, веселаго сулила мнѣ судьба — и какъ быстро было мое разочарованіе. Дай Богъ, чтобы она была счастливѣе меня!

САМУИЛЬ. Извините, мистрисъ... но я не знаю, какъ вамъ сказать, это такъ странно. Развѣ вашего супруга нѣтъ дома?..

КЛАРИСА. Какъ, нѣтъ дома; онъ у себя въ кабинетѣ.

САМУИЛЬ. Я и самъ такъ-же думалъ, дождался его цѣлый часъ въ нашу контору и наконецъ рѣшился пойти къ нему съ своей бухгалтерской книгой, какъ вдругъ Вильямъ, одинъ изъ нашихъ конторщиковъ, который былъ куда-то посланъ, на возвратномъ пути встрѣтилъ нашего хозяина... бѣднаго, въ беспорядкѣ... онъ остановилъ Вильяма и велѣлъ отдать вамъ эту записку.

КЛАРИСА. Записка отъ моего мужа!

САМУИЛЬ. Такъ точно, мистрисъ.

КЛАРИСА. Но гдѣ же Вильямъ его встрѣтилъ?..

САМУИЛЬ. Онъ шелъ очень скоро къ берегу Темзы.

КЛАРИСА. Къ берегу Темзы, о Боже, что это значитъ! Прочтѣмъ: «Прощай, Клариса, будь счастлива; мы больше не увидимся; я благословляю союзъ Дженни съ Генрихомъ, бракъ «ихъ можетъ быть совершенъ когда тебѣ угодно... Прощай... навсегда.» Боже мой! (Подаетъ на кресло)

САМУИЛЬ. Мистрисъ, успокойтесь! ради Бога придите въ се-
бя. (Поднимаетъ записку съ полу). Гм! «я благословляю союзъ Дженни съ Генрихомъ»... Нѣтъ этого никогда не будетъ! Смѣ-
лѣе, Самуиль, смѣлѣе! Вотъ рѣшительная минута, пользуясь своимъ счастіемъ, сама судьба вручаетъ тебѣ эту записку.

КЛАРИСА. Гдѣ я? гдѣ онъ? Вы здѣсь — пойдемте, пойдемте со мною, позовите Вильяма, разспросите его... гдѣ? на какомъ именно мѣстѣ онъ встрѣтилъ моего мужа; можетъ быть, мы еще успѣемъ его удержать... пойдемте, пойдемте скорѣе!..

САМУИЛЬ. Остановитесь, мистрисъ, успокойтесь... не дѣлай-
ти такъ скоро оглатки... Сегодня должна у насъ совершиться важная коммерческая операциѣ... огромный заемъ... и если это
произшествіе сдѣлается извѣстіемъ, нашъ домъ въ одну минуту потеряетъ весь свой кредитъ...

КЛАРИСА. Что мнѣ до этого; пустите меня, пустите... гдѣ онъ?
Самуилъ. Нѣтъ, нѣтъ, мистриссъ, я, какъ главный бухгалтеръ, долженъ беречь честь нашего торгового дома... Вы женщина, вы не можете судить о той опасности, которой онъ подвергается! Надо подождать день—два... чтобы принять необходимыя мѣры. Малѣйшее сомнѣніе въ чести такого банкира можетъ погубить его кредитъ, его репутацію.

КЛАРИСА. Но гдѣ онъ? гдѣ онъ. Пустите, пустите меня!
Самуилъ. Умоляю васъ, мистриссъ, успокойтесь... Я сю минуту отправлюсь съ Вильямомъ отыскивать хозяина, станемъ всѣхъ разспрашивать, но потихоньку, осторожно... Бѣда, можетъ быть, не такъ велика... можетъ быть, онъ куда нибудь уѣхалъ... можетъ быть...

мистриссъ. Бѣгите же скорѣй... бѣгите!..
Самуилъ. Сю минуту... подождите только одинъ часъ, полчаса, нѣсколько минутъ... Ради Бога, не объявляйте никому объ этой запискѣ... главное не говорите ничего вашей дочери. Ея женихъ сейчасъ пріѣдетъ... такой ужасный переходъ отъ радости къ отчаянію можетъ погубить ее. Скажу вамъ болѣе... я даже увѣренъ, что супругъ вашъ живъ; я подозрѣваю кое что, о чѣмъ не могу еще сказать навѣрное, но во всякомъ случаѣ не предавайтесь отчаянію и вѣрьте моей преданности! Если вы скроете отъ всѣхъ объ этомъ происшествіи, я вамъ все разскажу, если-жъ нѣтъ, вы ничего не узнаете, и только погубите своего супруга!

КЛАРИСА. Но что-же это такое? Не мучьте меня.

Самуилъ. Обѣщаетесь ли вы никому не говорить объ этой запискѣ?

КЛАРИСА. Да, да, Боже мой, Боже мой! я сама не знаю, что дѣлаю, что говорю!

Я В Л Е Н И Е XIII.

Тѣ же и Стевенсонъ, Генрихъ и Дженни.

Дженни. Вотъ они, вотъ они, маменька!

СТЕВЕНСОНЪ! Мое почтеніе, мистриссъ... Сколько лѣтъ мы

съ вами не видались... Пожалуйста, извините мою невежливость: я еще не успѣлъ снять дорожного платья; но во всемъ виноватъ мой повѣса: дома онъ мнѣ не давалъ *отдыху*, здѣсь не далъ *отдохнуть*. Что прикажете дѣлать? вытащилъ меня изъ моей конторы, втискалъ въ дилижансъ, и мы скакали сюда точно на пожаръ. Здравствуйте, милая Дженнин, здравствуйте! Ну Генрихъ, теперь понятно, отчего ты такъ торопился... Чортъ возьми, въ твои годы я бы ~~тоже~~ не усидѣлъ на мѣстѣ. Вы вѣрно забыли меня... я вѣдь видѣлъ въ послѣдній разъ лѣтъ 8 назадъ—вы были тогда премилый ребенокъ, и тогда еще, я, какъ человѣкъ коммерческій, разсчитывалъ на васъ, но въ эти 8 лѣтъ столько прибавилось вамъ процентовъ, что я сказать нечѣла.

Дженнин. Нѣтъ, я вѣдь незабыла... вы, напротивъ, вѣсколько не перемѣнились: такъ же любезны, веселы, шутливы...

Стивенсонъ. Смѣшино бы было мнѣ скучать. Если миллионы будуть ходить повѣся голову, такъ куда же дѣвать ее бѣднякамъ? Но гдѣ же мой другъ Ричардъ?.. Вѣрно, онъ удивится моему посѣщенію... мы съ нимъ вспомнимъ прошлое, порадуемся настоящему и устроимъ будущее... Да, чортъ возьми! соединеніе двухъ такихъ домовъ не шутка; это будетъ капитальная женитьба. Но извините меня мистриссъ, я съ горяча все болтаю, а вы, какъ кажется, чѣмъ-то разстроены. Ужъ во время ли мы пріѣхали? Пожалуйста, не церемоньтесь.

Клариса. Нѣтъ, ничего, мистеръ Стивенсонъ, я... я не очень здорова.

Стивенсонъ. Да, да, въ самомъ дѣлѣ, я прежде и не замѣтилъ, а вы дѣйствительно очень блѣдны.

Дженнин. Маменька, что съ вами сдѣлалось? вы дрожите.

Клариса. Ничего, ничего.

Стивенсонъ. Но дайте же мнѣ поскорѣе увидѣться съ мімъ другомъ.... Вѣрно, онъ въ своей конторѣ. Въ такомъ случаѣ, я не буду ему мѣшать...

Клариса. Онъ..... онъ...

Самуилъ (*тихо ей*). Ради Бога удержитесь.

Клариса. Вы еще здѣсь?

Самуилъ (*переходитъ къ Стивенсону*). Тсс! Мистеръ Ричардъ не очень здоровъ... я сюю минуту былъ въ его кабинетѣ... онъ извиняется, что не можетъ припять васъ сегодня.

Дженнин. Какъ? папенька боленъ?... не можетъ быть, я четверть часа назадъ говорила съ нимъ....

СТЕВЕНСОНЪ. Что же это значитъ? Ну, Генрихъ, мы точно съ тобой, кажется, пріѣхали не во время.

ГЕНРИХЪ. Я не понимаю, батюшка.

СТЕВЕНСОНЪ. Я тебѣ говорилъ, я тебя предупреждалъ, и вышло по моему; надо было лучше письменно сдѣлать ему предложеніе: онъ, вѣрно, обидѣлся...

КЛАРИСА. Бѣгите же скорѣй... узнайте...

САМУИЛЬ. Сю минуту; надо только ихъ удалить отсюда....

СТЕВЕНСОНЪ. Чортъ возьми! они перешептываются. Ну, любезный сынокъ... я не ожидалъ такого приема... Стоило бросать контору, терять время... трастись такую даль. Я сейчасъ же уѣду отсюда.

ГЕНРИХЪ. Батюшка... ради Бога, подождите....

СТЕВЕНСОНЪ. Да что-же это въ самомъ дѣлѣ, онѣ нась дурачать; дочь говорить, что отецъ здоровъ, этотъ рыжий, что онъ боленъ, мать ничего не говорить,—это хоть кого такъ взбѣситъ! Скажите же наконецъ, сударыня, что все это значитъ? Этакъ съ старинными друзьями не дѣлаютъ. Если наше предложеніе неугодно вашему супругу, такъ все-таки можно отказать учитивѣе... воля ваша, это очень странно.

ДЖЕННИ. Маменька, въ самомъ дѣлѣ что же это значитъ? растолкуйте намъ, пожалуйста...

КЛАРИСА (съ ужасной борьбою). Джени! милое дитя мое.. мы... мы... очень несчастливы! (Падаетъ въ обморокъ)

ДЖЕННИ (бросалась къ ней). Маменька! маменька! что съ вами?

СТЕВЕНСОНЪ. Мистрисъ! Чтоже это значитъ?

САМУИЛЬ (тихо Стевенсону). Ради Бога, сударь, удалитесь, не тревожьте ее, дайте ей уснуть...

СТЕВЕНСОНЪ. Чортъ возьми! — Ступай за мною! мы сю минуту уѣдимъ отсюда... этой свадьбы не бывать!.. слышишь ли ты, не бывать!! (Уводитъ сына)

ГЕНРИХЪ. Батюшка, батюшка!

ДЖЕННИ. Генрихъ! Матушка! матушка!

Сирота Г.М., скончавшегося в Н.Липнице от ожогов, скончавшегося
здесь он от инфаркта, который, подозревают, произошел в Р.Липнице
или в Кривоморье, в этот же день Р.Липнице скончалась
все эти пять человек. Один из погибших был из Кривоморья.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ садъ, сзади рощетка, въ стоянъ домъ, на сценѣ нѣсколько столовъ и стульевъ.

ЯВЛЕНИЕ I.

Дорваль, Жоржъ, Морель, Бернаръ, Гилью, Эдмондъ, (сидятъ за столомъ; на другой сторонѣ Генрихъ куритъ сигару и читаетъ газету).

Хоръ молодыхъ юдей.

Да здравствует радость, среди наслаждений!

Пока не остынет кипучая кровь,

На свѣтѣ такъ много для насъ развлечений:

Игра и охота, вино и любовь.

Дорваль.

Въ любви несчастныхъ утѣшаетъ
Судьба счастливою игрой.
Кого игра не занимаетъ,
Займись охотой удалой!
Когда жъ ова не удастся,
Вицо утѣшить грустный вѣкъ,
Но если и виво припѣтсѧ,
Такъ тотъ погибшій человѣкъ!

ХОРЪ.

Да здравствует радость... и проч.

ДОРВАЛЬ. Эй мальчикъ! еще бутылку Бордо!
ЖОРЖЪ. Мальчикъ!—бутылку Бургонскаго.

МОРЕЛЬ. Мальчикъ!—мнѣ того и другаго!

ДОРВАЛЬ. Ну что, Жоржъ, ты былъ вчера въ Фраскати?

ЖОРЖЪ. Какъ же! просилъ до полуночи...

ДОРВАЛЬ. Какая досада!—Я никакъ не могъ поспать туда.

Ну, что же, счастливо игралъ?

ЖОРЖЪ. Да, благодаря этому сумасшедшему англичанину.

ДОРВАЛЬ. А Джонъ—буль опять явился?

ЖОРЖЪ. Какъ же цѣлую недѣлю онъ куда то пропадалъ, но вчера пришелъ утѣшить насть... И ужъ точно потѣшилъ... ставилъ чертовскіе куши.

ДОРВАЛЬ. И что же?

ЖОРЖЪ. Что?—по обыкновенію ни разу не выигралъ.

ДОРВАЛЬ. Неужели—ни разу?

ЖОРЖЪ. Ни одного.

МОРЕЛЬ. Воля ваша господа, а этотъ Джонъ—буль долженъ быть счастливъ въ любви.

ДОРВАЛЬ. Ну врядъ ли! онъ глядѣть такимъ медвѣдемъ.

ЖОРЖЪ. Однакожъ, господа, это странно, вотъ уже три недѣли онъ почти безвыходно въ Фраскати, и до сихъ поръ никто изъ насть не подумалъ развѣдать объ его имени.

ВЕРНАРЬ. Очень нужно, пусть его, по обыкновенію, молчать, его гинеи ясно говорятъ за него... онъ богатый чудакъ,— и больше ничего.

ДОРВАЛЬ. Воля ваша, я не могу на него безъ смѣха взглянуть... придется очень важно, сядеть на завѣтное мѣсто, положить деньги; самъ какъ темная ночь и всегда ставить темную... проиграетъ пѣсколько сотъ франковъ, иногда даже тысячу... и болѣе, не улыбнется, не поморщится, заплатить наличной монетой — и спокойно уйдеть, какъ дѣло сдѣлалъ...

ЖОРЖЪ. А главное, ни съ кѣмъ не скажетъ ни одного слова.

ЭДМОНДЪ. Чортъ возьми! въ самомъ дѣлѣ это презабавно. Я хоть никогда не играю, но завтра непремѣнно отправлюсь въ Фраскати, полюбоваться на этаго чудака.

ДОРВАЛЬ. О, стоить, стоить. Его бы можно за деньги показывать, а онъ — еще самъ платить.

ЖОРЖЪ. Я полагаю, господа, что онъ долженъ быть лордъ, непремѣнно лордъ.

ВЕРНАРЬ. Нѣтъ, нѣтъ; онъ такъ много лумаетъ, что, вѣроятно, членъ парламента.

ДОРВАЛЬ. Пустяки, просто банкиръ.

морель. Скорѣе не квакеръ ли какой нибудь гилью. Нѣтъ, онъ, вѣрно, американецъ.

дорваль. А ты Эдмондъ, что думаешь объ немъ? Эдмондъ. Я?—ничего.

дорваль. Ну вотъ ты, кажется, единъ не ошибаешься.

жоржъ. Впрочемъ къ чорту всѣ догадки! кто въ Парижѣ заботится объ имени какого нибудь Джонъ-буля; онъ прѣхаль во Францію проживать свои полновѣсныя гипси, и прекрасно, надо помогать ему.. Выньемъ за его здоровье!

всѣ, Прекрасно! здоровье Джонъ-буля! вивать!—

Эдмондъ. Тише господа, тише.... тамъ сидитъ тоже англичанинъ.

дорваль. Ну чужъ, очень радъ.... Вы англичанинъ?

Генрихъ. Да,

дорваль. Ваше здоровье.

Генрихъ. Благодарю.... Извините только, что я не могу выпить за вашъ.

дорваль. Почему же?

Генрихъ. Я не пью вина.

дорваль. А вы не употребляете крѣпкихъ напитковъ? Въ такомъ случаѣ мы велимы подать чего нибудь послабѣе: грому, рому, виски, джину, все, что вамъ угодно, только кромѣ лива, его надо поберечь для вашихъ ремесленниковъ.

Генрихъ. Я ничего не пью.

дорваль. Ничего!—Ну такъ это не англичанинъ.

Я В Л Е Н И Е II.

Тѣжко и Евгений.

Евгений. Господа! вы здѣсь! важное открытие! Знаете, кто живеть въ здѣшней гостинницѣ?

всѣ. Кто?.. кто?

Евгений. Нашъ знаменитый Джонъ-буль, который такъ счастливо играетъ каждый день въ Фраскати. Я его сейчасъ видѣль въ окнѣ квартиры подъ № 7.

всѣ. Браво!

ДОРВАЛЬ. Вотъ прекрасно! а мы сю минуту обѣ немъ говорили. Надо позвать хозяина и разспросить его.

ЖОРЖЪ. За чѣмъ?

ДОРВАЛЬ. Нѣтъ, господа, мы наконецъ доберемся до истины. Эй, хозяинъ, хозяинъ!

ВСЪ. Полно, что за глупое любопытство, какое тебѣ дѣло.

ДОРВАЛЬ. Эй, хозяинъ! хозяинъ!

ТРАКТИРЩИКЪ (за кулисами). Чортъ возьми! Я тебѣ говорю рѣшительно, чтобъ ты убирался отсюда!

ДОРВАЛЬ. Хозяинъ! хозяинъ!

Я В Л Е Н И Е III.

ТѢЖЕ И ТРАКТИРЩИКЪ.

ТРАКТИРЩИКЪ (въ дверяхъ). Я ничего не хочу слушать.... Я сейчасъ же съ тобою разочтусь, а къ вечеру—чтобъ духу твоего здѣсь не было.

ДОРВАЛЬ. Эге! кого это нашъ хозяинъ такъ угощаетъ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Что вамъ угодно, господа?

ДОРВАЛЬ. Что это у тебя за исторія, на кого ты кричалъ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Это, господа, до васъ не касается, это се-
мейный дѣла. Негодай, молокососъ.... осмѣлился влюбиться въ
мою племянницу.

ДОРВАЛЬ. А вотъ что! Кто же этотъ дерзкій?

ТРАКТИРЩИКЪ. Патро, мальчишка, котораго я принялъ къ
себѣ въ услуженіе изъ милости.

ЖОРЖЪ. И ты, жестокій трактирщикъ, ихъ разлучаешь.

ДОРВАЛЬ. Ну къ чорту любовный дѣла; зайдемся нашимъ
Джонъ—булемъ. Послушай, хозяинъ, кто у тебя живетъ въ
седьмомъ номерѣ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Мальчишка! ницій, неблагодарный!

ДОРВАЛЬ. Онъ все свое. Мы у тебя спрашиваемъ, кто зани-
маетъ седьмой номеръ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Да въ этомъ-то нумерѣ онъ и служитъ; я
его туда помѣстилъ, какъ самаго исправнаго служителя; а
онъ....

ДОРВАЛЬ. А, твой волокита служитъ, этому англичанину?

ТРАКТИРЩИКЪ. Да, господа, англичане народъ щедрый, но и взыскательный; они требуютъ, чтобы все было въ исправности... Моя гостинница славится порядкомъ, честностью и благопристойностью, а негодий Патро...

ЖОРЖЪ. Но кто же этотъ англичанинъ?

ТРАКТИРЩИКЪ. А какое мнѣ дѣло... Онъ живетъ смироно, платить исправно, есть, пить, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку; рѣдко бываетъ дома, ни съ кѣмъ не говоритъ... такой жилицъ находка;—а мошенникъ Патро волочится, чѣмъ-бы угождать нашему постояльцу.

ДОРВАЛЬ. Но давно ли онъ у тебя живеть?

ТРАКТИРЩИКЪ. Вотъ ужъ около мѣсяца.

ДОРВАЛЬ. А какъ его имя?

ТРАКТИРЩИКЪ. Онъ называется Джонъ Гарлей, но, кажется, это не настоящее его имя.

ДОРВАЛЬ. Почему же ты это думаешьъ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Потому что здѣсь недавно былъ одинъ изъ его земляковъ и говорилъ, что онъ очень похожъ на мистера Лаутера, изѣбнаго лондонскаго банкира.

ЖОРЖЪ. А, это одинъ изъ первыхъ коммерческихъ домовъ въ Лондонѣ.

ГЕНРИХЪ (тихо). Что это значитъ?

БЕРНАРДЪ. Мистеръ Лаутеръ... Постойте, я недавно читалъ въ какой-то газетѣ обѣ немъ, гдѣ говорятъ, будто онъ помѣшался.

ДОРВАЛЬ. Не можетъ быть; вѣрно это его родственникъ.

ЖОРЖЪ. Но неужели ты не могъ замѣтить изъ его словъ, въ своемъ ли онъ умѣ?

ТРАКТИРЩИКЪ. О! онъ долженъ быть преумный человѣкъ, потому что платить безъ отговорокъ по моимъ счетамъ.

ДОРВАЛЬ. Ну ступай—больше намъ ничего не нужно. И такъ, господа, мы ничего не узнали вѣрнаго обѣ нашемъ чудакѣ. Впрочемъ и я, какъ трактирщикъ, скажу: играетъ онъ дурно, платить прекрасно, чего же вамъ больше? Однакожъ, намъ пора; господа. Лошади наши отдохнули, пора на охоту; вечеромъ мы опять увидимъ нашего золотаго чудака.

ВСЪ. Маршъ на охоту.

(Уходяятъ)

—

Я В Л Е Н И Е IV.

ТРАКТИРЩИКЪ И ГЕНРИХЪ.

ГЕНРИХЪ. Послушай, хозяинъ. Скажи мнѣ пожалуста... этотъ англичанинъ, обѣ которомъ ты сейчасть говорилъ, выходитъ иногда сюда?

ТРАКТИРЩИКЪ. Нѣтъ, сударь, онъ цѣлый день сидитъ за перти и выходитъ только по ночамъ, Богъ знаетъ куда.

ГЕНРИХЪ. Нельзя ли какъ нибудь его увидѣть?

ТРАКТИРЩИКЪ. Почему же? Ночью, когда ничего невидно, вы можете увидѣть, какъ онъ выходитъ закутанный въ широкій плащъ.

ГЕНРИХЪ. Каковъ онъ собою?.. Какихъ лѣтъ?

ТРАКТИРЩИКЪ. Лѣтъ за сорокъ; высокій, свѣжій мужчина.

ГЕНРИХЪ. Ты говорилъ, что кто-то принялъ его за банкира Лаутера.

ТРАКТИРЩИКЪ. Такъ говорятъ, сударь.

ГЕНРИХЪ. Странно... Я непремѣнно долженъ его увидѣть.

Я В Л Е Н И Е V.

ТЪЖЕ И ПАТРО.

ПАТРО. Хозяинъ!—Нашъ англичанинъ вѣдьмъ приготовить себѣ завтракъ здѣсь въ саду.

ТРАКТИРЩИКЪ. Вотъ чудеса! этого никогда еще не бывало.

ГЕНРИХЪ (тихо). Прекрасно, я его увижу.

ПАТРО. Только онъ приказалъ никого сюда не пускать, и спросилъ счетъ, что будетъ это стоить.

ГЕНРИХЪ. Какой чудакъ!.. Вирочемъ я не уйду отсюда... этотъ садъ общи, и всякой имѣть право быть здѣсь.

ТРАКТИРЩИКЪ. О, конечно, сударь, но въ такомъ случаѣ онъ не выйдетъ сюда, и вы лишите меня двухъ, трехъ гиней — ни за копейку.

ГЕНРИХЪ. Ну хорошо, хорошо, я уйду.... Какъ досадно...

Нѣтъ, чортъ возьми, во что бы то не стало, я его подкараулю.

(Уходитъ.)

ТРАКТИРЩИКЪ. Смотри же, негодай.... сегодня ты въ послѣдній разъ будешь служить нашему англичанину, вечеромъ я съ тобой разочтусь, и ты ищи завтра себѣ другаго мѣста.

ПАТРО. Послушайте, г. Майонезъ... вы доводите меня до крайности.... Я... я чортъ знаетъ что съ собою сдѣлаю.

ТРАКТИРЩИКЪ. Еслибы нашъ англичанинъ не былъ такъ капризенъ и не требовалъ, чтобы всегда одно лицо ему прислуживало, я бы не сталъ дожидаться вечера, а вытолкалъ бы тебя сю же минуту.

ПАТРО. Неужели же мое преступленіе такъ велико?

ТРАКТИРЩИКЪ. Осмѣлиться волочиться за хозяйской племянницей!

ПАТРО. Я совсѣмъ не волочусь; я, просто, люблю ее.

ТРАКТИРЩИКЪ. Негодай, нищій!

ПАТРО. Тѣмъ больше мнѣ чести, что я въ три года ничего у васъ не наворовалъ.

ТРАКТИРЩИКЪ. Воровъ посылаютъ на галеры.

ПАТРО. А вы честнаго человѣка посылаете къ чорту.

ТРАКТИРЩИКЪ. Да, да, убирайся къ чорту! За деньги я всегда найду честнаго слугу, а у кого нѣтъ денегъ, тотъ не женихъ моей племянницы.

ПАТРО. А сколько же мнѣ надо имѣть, чтобы она была моей невѣстой?

ТРАКТИРЩИКЪ. Разумѣется чѣмъ больше, тѣмъ лучше.... но еслибы у тебя было, по крайней мѣрѣ, на первый разъ 1000 франковъ...

ПАТРО. 1000 франковъ! Когда же я ихъ накоплю?

ТРАКТИРЩИКЪ. Это ужъ твое дѣло, но до тѣхъ поръ ты не увидишь Жоржеты, я ее заперъ на чердакѣ.

ПАТРО. На чердакѣ! на чердакѣ! Ты тамъ дашь отвѣтъ за это тиранство... жестокосердый трактирщикъ!

ТРАКТИРЩИКЪ. Не бѣси меня, негодай, а не то я тебя заставлю прохладить твою любовь въ моемъ погребѣ.

ПАТРО. Въ погребѣ? гм! Еслибы я былъ пьяница, вы бы побоялись это сдѣлать.... Но хорошо же... я вамъ докажу, что я человѣкъ съ душой, съ чувствомъ.. Я утоплюсь и объявлю въ полицію, что вы меня до этого довели!

ТРАКТИРЩИКЪ. Что?.. что... утопиша?..

ПАТРО (плачетъ). Да, да, утоплюсь. Я пойду ко дну, а васъ за меня притянутъ, потащутъ въ судъ, запечатаютъ вашу гостиницу и заставятъ кормить мою бѣдную матушку... Да-съ!..

вотъ что!... Я знаю, что я изъ воды попаду прямо въ адъ; ну, да авось мы тамъ съ вами сойдемся!

ТРАКТИРЩИКЪ. Пошелъ вонъ, негодай! Я вотъ сейчасъ дамъ знать въ полицію, и тебя свяжутъ, какъ сумасшедшаго.

ПАТРО. Тъмъ лучше! — Съ связанными руками я скорѣй пойду ко дну. Хозяинъ! г. Майонезъ.... Послушайте, неужели ни мои слезы, ни вода, которая ждѣтъ меня, не могутъ смягчить васъ... Подумайте хорошенько, послѣ будетъ поздно.

ТРАКТИРЩИКЪ. Отвяжись отъ меня.... Подай завтракъ нашему постолъцу; послѣ мы съ тобой разочтемся, и ступай на всѣ четыре стороны.

ПАТРО. Я не пойду по сторонамъ... я отправлюсь прямо въ Севу, и концы въ воду.

ТРАКТИРЩИКЪ. Ты мнѣ надоѣлъ своей болтовней... мнѣ некогда здѣсь съ тобой разговарывать... Завтра не смѣй сюда носу показывать! Вотъ тебѣ мое послѣднее слово.

Я В Л Е Н И Е VI.

ПАТРО (*одинъ*).

Крокодилъ!.. дикобразъ!.. у тебя, вмѣсто сердца, кусокъ пе-дѣльной говядины!.. Въ тебѣ, около очага засохли человѣческія чувства!.. Хорошо же.... Я не стану ждать, что бѣ онъ меня вытолкаль въ шею!.. Я сію же минуту уйду отсюда... Но бѣ-ная моя Жоржета!.. она теперь, какъ голубка, на чердакѣ.... Это ужасно!.. Любить такъ вѣжно, такъ пламенно, и сидѣть на чер-дакѣ! Кончено, пойду, прошусь съ нею въ послѣдній разъ, и ужъ тамъ я знаю, что съ собою сдѣлаю.

Я В Л Е Н И Е VII.

РИЧАРДЪ и ПАТРО.

РИЧАРДЪ. Готовъ ли мой завтракъ?

ПАТРО. Сію минуту, милордъ.

РИЧАРДЪ. Запри эту калитку, чтобы никто сюда не входилъ.
 ПАТРО. Слышаю, милордъ.
 РИЧАРДЪ. Ну чегожъ ты еще ждешь?
 ПАТРО. Я хотѣлъ вамъ сказать...
 РИЧАРДЪ. Пошелъ вонъ.

ПАТРО. Онь сегодня довольно таки любезенъ и разговорчивъ. (Уходитъ)

РИЧАРДЪ. Ну, я не буду вас беспокоить. (Уходитъ)

Я В Л Е Н И Е VIII.

РИЧАРДЪ (одинъ).

Завтра равно три мѣсяца, какъ я уѣхалъ изъ Лондона. До сихъ поръ все что нибудь да мѣшало мнѣ исполнить мое намѣреніе: несносная судьба точно смѣялась надо мною... За то сегодня моя очередь.—Когда я пришелъ на берегъ Темзы съ твердымъ намѣреніемъ въ нее броситься, бездна народу толпилась на берегу;—я подошелъ поближе,—и чѣмѣнѣе, какаго-то оборванныго утопленника, только что вытащили изъ воды; полицейскіе хлопатали около него, доктора сутились, употребляли какія-то глупыя срѣства... Толпа хладнокровно смотрѣла на эту комедію. Лицо этого несчастнаго было такъ искажено, что мнѣ стало гадко рѣшиться на такое самоубійство.... Послѣ моего письма, которое я послалъ женѣ, глупо бы было возвратиться домой; я машинадльно пошелъ по берегу Темзы... Пароходъ готовился къ отплытію въ Гавръ. Я рѣшился удалиться во Францію.... Шумъ парижской жизни на время развлекъ меня; потомъ страсть къ игрѣ опять возобновилась во мнѣ еще съ большей силой.... Французы играютъ слишкомъ разсчетливо, и они мнѣ надѣли скотине моихъ земляковъ.. Вчера я почти все проигралъ... въ моемъ бумажнике осталась ничтожная сумма. Этими деньгами я заплачу за послѣдній мой завтракъ; остаточное пусть возьметъ тотъ, кто меня похоронитъ. И такъ... сегодня послѣдній срокъ, оторочки не будетъ никакой. (Вынимаетъ пистолеты) Вотъ здѣсь два кондуктора, которые пособятъ мнѣ кончить мое послѣднее путешествіе; въ каждомъ изъ нихъ сидѣть по двѣ добрыя пули... Кажется, неудачи быть не можетъ... Я застрѣлюсь систематически, не такъ, какъ проиграв-

шайся игрокъ, или кассиръ, который промоталъ хозяйскій день-
ги; нѣтъ,— я лишу себя жизни въ полномъ разсудкѣ, когда
солнце такъ привѣтливо свѣтитъ, голова свѣжа, всѣ члены
пользуются избыткомъ жизни. Я вкусно позавтракаю, выпью
бутылку вина, и на закуску—размажу себѣ голову... Кажется,
невозможно благоразумнѣе и хладнокровнѣе распорядиться.
Довольно, довольно я полурачился на этомъ свѣтѣ, пора взяться
за умъ.... Всѣ мы гости на землѣ, счастливъ только тотъ, кто
умѣеть сдѣлаться хозяиномъ своей жизни.

Я В Л Е Н И Е IX.

РИЧАРДЪ И ПАТРО.

ПАТРО. Вотъ, сударь, завтракъ.
РИЧАРДЪ. Хорошо... Вотъ письмо... чтобы глупые люди не
подумали, что я лишилъ себя жизни въ болѣй горячкѣ или въ
какомъ нибудь припадкѣ. У меня все расчитано...

ПАТРО (послѣ нѣкотораго молчанія, со слезами). Прощай-
те, сударь... я сегодня въ послѣдній разъ подаю вамъ ку-
шанье.

РИЧАРДЪ. Какъ? что? Развѣ ты подслушалъ меня?

ПАТРО. Нѣтъ, милордъ, я ничего не слыхалъ; только мы съ
вами больше не увидимся.

РИЧАРДЪ. Почему ты это знаешь?

ПАТРО. Какъ—почему. Ужъ я знаю!—На томъ свѣтѣ, можетъ-
быть, сойдемся, а ужъ на этомъ—кончено! Прощайте, сударь!..

РИЧАРДЪ. Послушай, негодай, если ты въ самомъ дѣлѣ до-
гдался, то молчи... не говори никому, не твое дѣло.

ПАТРО. Да что говорить! Это дѣло рѣшеное. Кто пожалѣть
объ несчастномъ самоубійцѣ. Скажутъ: однимъ дуракомъ мень-
шие.

РИЧАРДЪ. Что? что такое? Какъ ты смѣешь?

ПАТРО. А почему жъ бы не смѣть? Вы думаете, что одни
ваші земляки только на это способны? Нѣтъ, и я человѣкъ рѣ-
шительный... Не знаю только, откуда бы лучше броситься, съ
мосту, или съ набережной.

РИЧАРДЪ. Какъ! и ты хочешь лишить себя жизни? — для чего?

ПАТРО. Да что мнѣ за жизнь безъ Жоржеты.... Прошу съ нею, и — будьтъхъ вверхъ ногами!

РИЧАРДЪ. Ты хочешь утопиться.. Это глупо, — Тебя могутъ вытащить живаго.

ПАТРО. Ну что жъ, тѣмъ лучше. Тогда этотъ людоѣдъ, можетъ быть, побоится слѣдствія полиціи и выдастъ за меня Жоржету.

РИЧАРДЪ. А почему онъ не соглашается?

ПАТРО. Потому что у меня ничего нѣтъ.

РИЧАРДЪ. А еслибъ у тебя были деньги?

ПАТРО. Ну — у кого есть деньги, такъ тотъ утопится развѣ не въ своемъ умѣ.

РИЧАРДЪ. Гм! Такъ ты думаешьъ что съ деньгами нельзѧ лишить себя жизни?

ПАТРО. Вотъ хорошо! Кому есть чѣмъ жить, такъ, вѣрно, умереть не захочеть. Извините, милордъ, говорятъ въ вашей землѣ есть такие сумасброды, а у насть въ Парижѣ тоится только тѣ, у кого нѣтъ ничего за душой.

РИЧАРДЪ. Послушай, ты такъ глупъ, что долженъ жить на свѣтѣ.

ПАТРО. Благодарю вѣсъ, сударь, за ласковое слово, но я ужъ рѣшился!..

РИЧАРДЪ. Постой, куда же ты идешь?

ПАТРО. Сперва на чердакъ, а потомъ — въ воду...

РИЧАРДЪ. Постой! Этотъ глупецъ, можетъ быть, въ одно время со мной лишить себя жизни, или, по крайней мѣрѣ, покусится на самоубійство... Надо его удержать, а то завтра во всѣхъ журналахъ напечатаются, что какой-то богатый англичанинъ и трактирный негодай окончили жизнь самоубійствомъ.. Я сдѣлаюсь предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ.. Глупо!.. Надо его остановить. На томъ свѣтѣ я обойдусь и безъ слуги! Послушай, негодай, сколько тебѣ нужно денегъ, чтобы жениться на твоей Жоржетѣ?

ПАТРО. Мнѣ съ Жоржетой ничего не нужно; мы такъ любимъ другъ друга, что намъ и ѳда на умъ не пойдетъ; а вотъ только дядя-то ея, трактирная вывѣска, заѣдаетъ наше счастіе. Накопи 1000 франковъ! 1000 франковъ! гдѣ ихъ взять! Я мошенничать съ умѣю.

РИЧАРДЪ. Такъ 1000 франковъ сдѣлали бы тебя совершенно счастливымъ, и ты бы не подумалъ тонуться?

ПАТРО. Вотъ дурака нашли!.. Да я бы тогда, кажется, съ нею вмѣстѣ съ крыши соскочилъ отъ радости.

РИЧАРДЪ. Вотъ этихъ денегъ слишкомъ достаточно на мои похороны, этими заплатить за завтракъ, а эти мнѣ не куда лѣтать. На, негодяй, возьми эту дрянь и наслаждайся своей глупой жизнью.

ПАТРО. Что это! что это! Боже мой!..

РИЧАРДЪ. Бери, говорить тебѣ, и убирайся къ чорту!

ПАТРО. Ваше сіятельство!.. Да можетъ ли это быть?.. Мнѣ... мнѣ... столько денегъ... за что же это?

РИЧАРДЪ. За то, чтобы ты не лишалъ себя жизни вмѣстѣ съ порядочными людьми.

ПАТРО. Жоржета! Хозяинъ! г. милордъ, ваше превосходительство... да вѣдь, я съ ума сойду!.. Да вѣдь это небывальщина... вѣдь это чудеса!.. вѣдь это въ сказкахъ только такія штуки случаются... Ахъ, Боже мой!.. да кажется я сейчасъ умру съ радости! Ахъ, ваше милордское превосходительство, какъ васть благодарить!..

РИЧАРДЪ. Довольно, довольно, оставь меня.

ПАТРО. Дай Богъ вамъ за это прожить сто лѣтъ.

РИЧАРДЪ. Убирайся вонъ, говорить тебѣ!

ПАТРО. Ваше сіятельство... ваше графское сіятельство!..

РИЧАРДЪ. Уйдешь ли ты?

ПАТРО. Да вы видите, у меня ноги подгибаются отъ радости, я земли подъ собой не чувствую, вотъ, кажется, такъ на небо и улечу... Побѣгу сейчасъ на чердакъ... лбомъ двери выломаю... и на рукахъ вытащу оттуда мою милую Жоржету... Жоржета, хозяинъ! г. Майонезъ! хозяинъ! вивать, вивать!..

(Уходитъ)

Я В Л Е Н И Е X.

РИЧАРДЪ (одинъ) отъ

Жалкіе люди! Горсть золота,—и они счастливы!.. И этотъ негодяй воображаетъ, что я помогъ ему изъ человѣколюбія.

Они будутъ прославлять мое великодушіе, а я заплатилъ ему только за то, чтобы онъ избавилъ меня отъ своего глупаго сосѣства на томъ свѣтѣ. И такъ рѣшено; послѣ завтрака я лягу отдохнуть и ужъ больше не встану.. Въ послѣдній разъ потѣшилъ нашу жизненную потребность — Завтракъ. приготовленъ со вкусомъ, солнце свѣтѣ привѣтливо, все въ природѣ, кажется, улыбается мнѣ, и я все это оставляю съ полнымъ хладнокровіемъ, съ равнодушнымъ презрѣніемъ ко всему окружающему.. Вотъ это значитъ быть хозяиномъ своей жизни?

Я В Л Е Н И Е XI.

РіЧАРДЪ и Генрихъ.

ГЕНРИХЪ. Что это! Въ самомъ дѣль, какое сходство!..

РІЧАРДЪ. Что вамъ здѣсь надобно?.. Я просилъ хозяина не пускать сюда никого.

ГЕНРИХЪ. Извините, я сейчасъ уйду отсюда, только не могу прийти въ себя отъ удивленія!

РІЧАРДЪ. Чему же вы удивляете?

ГЕНРИХЪ. Вашему сходству съ однимъ извѣстнымъ мнѣ человѣкомъ.

РІЧАРДЪ. Что жъ тутъ удивительного, все люди одинаковы.

ГЕНРИХЪ. Еслиъ я даже вчера еще... Нѣть, нѣть... это непостижимо!

РІЧАРДЪ. За кого же вы меня принимаете?

ГЕНРИХЪ. Я навѣрно знаю, что Річардъ Лаутеръ не имѣть родственниковъ, а васъ можно принять, просто, за его близнеца, даже за его двойника.

РІЧАРДЪ. Річардъ Лаутеръ, лондонскій банкиръ?.. Да, я обѣ немъ слыхалъ...

ГЕНРИХЪ. Я не могу судить обѣ его голосъ, потому что говорилъ съ вимъ, когда еще былъ ребенкомъ. Но ваше лацо, рѣсть, волоса... Это колдовство!

РІЧАРДЪ. Но кто же вы, молодой человѣкъ?..

ГЕНРИХЪ. Я Генрихъ Стевенсонъ.

РІЧАРДЪ. Стевенсонъ, сынъ манчестерскаго банкира?

ГЕНРИХЪ. Такъ точно.

РИЧАРДЪ. Знаю, знаю... И я объ васъ слышалъ... Садитесь, молодой человѣкъ, садитесь; не хотители вы со мной позавтракать.

ГЕНРИХЪ. Благодарю васъ, но я бы желалъ, чтобы вы прежде разрѣшили мое недоумѣніе.

РИЧАРДЪ. То, что вамъ кажется колдовствомъ, дѣло весьма обыкновенное. Хоть я не знаю лично Лаутера, но мнѣ многіе говорили, что я очень похожъ на него. Полноте, полноте смотрѣть на меня такъ пристально. Какое вино вы любите?

ГЕНРИХЪ. Позвольте... позвольте. Я вамъ сказалъ свое имя, теперь, бѣ кажется, слѣдовало...

РИЧАРДЪ. Называйте меня Лаутеромъ, если хотите; называйте, какъ угодно... Позавтракаемъ вмѣстѣ въ первый разъ, а можетъ быть, и въ послѣдній.

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ, воля ваша... а такая игра природы невѣроятна... Я готовъ сквозь землю провалиться, если мнѣ укажутъ еще одно такое сходство.

РИЧАРДЪ. Ха, ха, ха!.. Вы меня начинаете смѣшить... Ваше здоровье, мистеръ Стевенсонъ!.. Пейте же, молодой человѣкъ, пейте, только, пожалуста, не за мое здоровье... я рѣшительно не нуждаюсь въ немъ.

ГЕНРИХЪ (въ сторону). Чудеса, просто, чудеса... Впрочемъ, если разсудить, такъ это дѣйствительно не возможно... Вчера я цѣлую четверть часа смотрѣлъ на Лаутера..., и его лицо...

РИЧАРДЪ. Ну же, мистеръ Стевенсонъ, не отставайте отъ меня! Пейте здоровье вашей невѣсты, а можетъ и жены... Я слышалъ, что вы были помолвлены на миссъ Джени, дочери моего двойника.

ГЕНРИХЪ. Да, это дѣло было бы кончено, если бъ вашъ двойникъ не сошелъ съ ума, и если бъ не замѣщался тутъ еще одинъ негодяй, который все передѣлалъ по своему.

РИЧАРДЪ. Что такое? Лаутеръ сошелъ съ ума?

ГЕНРИХЪ. Да, всѣ такъ думаютъ, даже было напечатано къ газетахъ...

РИЧАРДЪ. Что Лаутеръ въ припадкѣ безумія лишилъ себя жизни?

ГЕНРИХЪ. Нѣтъ, этого и журналы не могли сказать, потому что онъ дѣйствительно живехонекъ. Я самъ его вчера видѣлъ, въ его проклятомъ кабинетѣ.

РИЧАРДЪ. Вы видѣли?.. Теперь ужъ моя очередь глядѣть на васъ розиня ротъ.

ГЕНРИХЪ. Да, видѣлъ... онъ сидѣлъ, какъ истуканъ, у своей конторки. Ни слезы дочери, ни мои просьбы, ни моленія, не заставили его пошевелиться ни однимъ пальцемъ... Согласитесь же, что такое адское хладнокровіе можетъ имѣть только сумасшедшій.

РИЧАРДЪ. Вы сами его видѣли?

ГЕНРИХЪ. Почти также, какъ васть теперь... Онъ сидѣлъ спиной къ дверямъ, но профиль его... нѣтъ... Это ужасно... Чѣмъ больше смотрю на васть...

РИЧАРДЪ. Постойте, постойте... Я начинаю догадываться. Вы его видѣли въ кабинетѣ?...

ГЕНРИХЪ. Вотъ уже почти третій мѣсяцъ онъ не выходитъ изъ него, ни съ кѣмъ, кромѣ своего проклятаго кассира, не хочетъ говорить; не пускаетъ къ себѣ никого, даже жену и дочь свою. По вечерамъ, только Самуилъ Чортонъ, который одинъ имѣетъ доступъ въ его заколдованный кабинетъ, самъ приноситъ ему обѣдъ и свѣчи.

РИЧАРДЪ. Отъ чего же одинъ только Самуилъ Чортонъ?

ГЕНРИХЪ. Отъ того, что онъ управляетъ всѣми его дѣлами, черезъ него Лаутеръ высыпаетъ въ контору свои распоряженія, и за порогомъ хозяйстваго кабинета, этотъ негодяй становится полнымъ хозяиномъ.

РИЧАРДЪ. Но что жъ дѣлаетъ Лаутеръ въ своемъ кабинетѣ?

ГЕНРИХЪ. Чортъ его знаетъ! пишетъ, думаетъ... Просто, помышлялся на своихъ счетахъ.

РИЧАРДЪ. И никто его не видѣтъ?

ГЕНРИХЪ. Всѣ видѣть въ окошко, которое сделано въ дверяхъ его кабинета.

РИЧАРДЪ. И что жъ, онъ ни юстъ, ни пьетъ?

ГЕНРИХЪ. Я уже вамъ говорилъ, что обѣдъ приноситъ ему проклятый Самуилъ, и въ это время онъ задергивается занавѣску у дверей. Такъ мнѣ говорила Дженинъ, которая несколько разъ хотѣла подсмотрѣть.

РИЧАРДЪ. Но отъ чего же вы не женитесь на Дженинъ?

ГЕНРИХЪ. Отъ того, что всему причиной этотъ дьяволъ кассиръ; онъ влюбленъ въ Дженинъ, она, разумѣется, его терпѣть не можетъ; но по его милости мнѣ отказали.

РИЧАРДЪ. Отказали?

ГЕНРИХЪ. Да, почти на отрѣзъ.

РИЧАРДЪ. Гм! А давно ли помышался Лаутеръ?

ГЕНРИХЪ. Должно быть, въ тотъ самый день, какъ мы съ батюшкой привѣхали въ Лондонъ.. А можетъ быть, и прежде. Онъ выслалъ намъ сказать съ Чортономъ, что не можетъ принять насъ. Жена его была тоже разстроена; она, конечно, хотѣла скрыть отъ насъ ужасное состояніе своего мужа. Мы привуждены были удалиться; на другой день, я былъ опять у нихъ, но ужъ не видѣлъ мистрись Кларисы; она слегка въ постель, а Самуилъ решительно объявилъ, что Лаутеръ не согласенъ на нашъ бракъ.

РИЧАРДЪ, (съ досадой потирая руки). Хорошо, хорошо, это все похоже на правду.

ГЕНРИХЪ. Чортъ возьми! Это совсѣмъ не хорошо, и это ни въ чѣмъ не похоже!

РИЧАРДЪ. Но гдѣ же старый Томасъ? Какъ онъ могъ допустить до этого?

ГЕНРИХЪ. Томасъ на другой день скрылся, и до сихъ поръ не возвращался.

РИЧАРДЪ. Старый плутъ! неужели онъ съ нимъ за одно... Ну, а Джени, что дѣлаеть бѣдная Джени?

ГЕНРИХЪ. Что же ей дѣлать? Она плачетъ, горюетъ, а пособить нечѣмъ... Надо ждать, пока отецъ образумится.

РИЧАРДЪ. Чортъ возьми!.. Но какъ же можетъ существовать коммерческий домъ безъ хозяина, который, какъ чурбанъ, сидѣть на одномъ мѣстѣ.

ГЕНРИХЪ. О, разумѣется, теперь уже домъ Лаутера не пользуется прежнѣмъ кредитомъ. Кто захочетъ повѣрить ему свои капиталы. На биржѣ всѣ обѣ немъ перешептываются, и хоть, явно не говорятъ, но по всему видно, что Лаутеръ скоро привужденъ будетъ объявить себя банкротомъ.

РИЧАРДЪ, (вскочивъ и ударивъ по столу). Что! Чортъ возьми! банкротомъ! Сомнѣваться въ моей чести! Не довѣрять Лаутеру! Какъ я прежде обѣ этомъ ни подумалъ? Какъ я этого не предвидѣлъ, не устроилъ. Если бъ я былъ одинокъ, мнѣ бы все равно, чтобы обо мнѣ ни говорили послѣ моей смерти; но пятнать мой домъ, мою дочь, мою жену!! Проклятый Самуилъ, я понимаю, чѣмъ ты воспользовался... Но погоди, не годай, я съ тобой разочтусь.

ГЕНРИХЪ. Чго съ вами сдѣлалось, что вы такое говорите?

РИЧАРДЪ. Лаутеръ пришелъ въ разсудокъ, Лаутеръ опомнился, Лаутеръ не позволять играть собой... Какъ они смѣли по-

читать меня за сумасшедшаго! Какъ могли огорчить мою милую Дженни, мою добрую жену?

ГЕНРИХЪ (въ сторону). Что это значитъ? Этотъ человѣкъ, вѣрно, не въ своемъ умѣ...

РИЧАРДЪ. Что вы на меня смотрите? Развѣ и вы меня считаете за сумасшедшаго. Я вамъ говорю, что я Лаутеръ, лондонскій банкиръ, тотъ самый, котораго вы вчера видѣли въ Лондонѣ.

ГЕНРИХЪ. Не можетъ быть! Вы здесь живете цѣлый мѣсяцъ...

РИЧАРДЪ. Что же? Развѣ это мнѣ мнѣшаетъ быть Лаутеромъ. Давица вы не хотѣли мнѣ вѣрить, когда я выдалъ себя за другаго, теперь сомнѣваетесь, когда я вамъ говорю настоащее мое имя!

ГЕНРИХЪ. Но это сверхъестественное дѣло; не можетъ же одно и тоже лицо жить и въ Парижѣ и въ Лондонѣ.

РИЧАРДЪ. Тамъ мой двойникъ..., а я здесь... Я настоящій Лаутеръ.. Развѣ я могъ бы сидѣть спокойно, когда моя милая Дженни плакала у моихъ дверей, когда ея женихъ умолялъ меня?.. Нѣтъ, нѣтъ, я соединяю вѣсъ... Даю честное слово, ты будешь ея мужемъ, я снова сдѣлаюсь отцемъ моей Дженни, а этого двойника, вмѣстѣ съ моимъ кассиромъ, я выброшу изъ окна!

ГЕНРИХЪ. Ну, кажется, теперь я съ ума сойду...

РИЧАРДЪ. Скажите мнѣ только, за чѣмъ вы пріѣхали въ Парижѣ?

ГЕНРИХЪ. Меня послалъ батюшка по своимъ коммерческимъ дѣламъ.

РИЧАРДЪ. Долго вы здесь останетесь?

ГЕНРИХЪ. Дней шесть или восемь.

РИЧАРДЪ. Ни одной минуты! Вы сейчасъ-же вѣдете со мною... Одно только мнѣ бы хотѣлось знать. Дѣла не могли идти безъ подписи Лаутера. Какъ они это сдѣлали? Какъ я могъ, живучи въ Парижѣ, подписывать вексели въ Лондонѣ.

ГЕНРИХЪ. У меня есть вексель, подписанный рукою Лаутера. Мой батюшка на прошлой недѣлѣ его получилъ.

РИЧАРДЪ. Покажите, покажите!..

ГЕНРИХЪ (подаетъ ему бумагу). Вотъ онъ.

РИЧАРДЪ. О, о, чортъ возьми! Это уже слишкомъ! И все это работа мистера Самуила, и это благодарность за мою довѣренность... Постой же! я съ тобой раздѣлаюсь. Я тебя уничтожу...

я тебя раздавлю, какъ змѣю, которую пригрѣлъ своимъ благо-
дѣяніемъ. О, во всю жизнь мою я не былъ такъ взбѣшенъ!!
Ѣдемъ, Ѣдемъ, сю минуту!

Я В Л Е Н И Е XII.

Тѣ же, ТРАКТИРЩИКЪ, ПАТРО, ЖОРЖЕТА и слуги.

ПАТРО. Вотъ онъ! — вотъ онъ, Жоржета! благодари его!..
Онъ нашъ спаситель. Ему мы всѣмъ обязаны по его необык-
новенной милости.

ЖОРЖЕТА. Ахъ сударь, какъ васъ благодарить.

ТРАКТИРЩИКЪ. Какое удивительное великодушіе.

РИЧАРДЪ. Убирайтесь вы всѣ къ чорту! Ідемъ, Генрихъ,
Ѣдемъ.

ВСѢ. Позвольте, позвольте памъ, милордъ

РИЧАРДЪ. Провалитесь вы сквозь землю, съ своей дурацкой
благодарностью. (Уходитъ съ Генрихомъ).

ВСѢ слуги, (всѣльѣ ему). Да здравствуетъ великодушный
милордъ! Да здравствуетъ благородная Англія! Виватъ, виватъ!

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

— — — — —

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ двѣ комнаты; на правой сторонѣ отъ зрителей кабинетъ Лautера, роскошно меблированный; у стола сидитъ восковая кукла, представляющая банкира, около него стоятъ ширмы; на другой сторонѣ сцены гостиная; сжатая декорація первого дѣйствія.

Я В Л Е Н И Е I.

Самуилъ, въ кабинетѣ стоитъ у стола, нагнувшись къ куклѣ и подаетъ ей бумаги. Конторщики, въ другой комнатѣ, смотрятъ въ окошко у дверей кабинета.

1-й конторщикъ. Да, да, вотъ онъ сидѣть и подписываетъ бумаги.

2-й конторщикъ. Пусти-ко, пусти-ко меня посмотрѣть.

3-й конторщикъ. Постой, постой я еще не видалъ.

2-й конт. Да что же, господа, до которыхъ поръ это продолжится?.. Вѣль, если онъ въ самомъ дѣлѣ сошелъ съ ума, такъ можетъ же сойти съ мѣста... а то онъ точно приросъ къ своему столу... Хоть бы повернулся къ намъ... сказалъ одно слово съ своими конторщиками.

4-й конт. Это все Самуилъ умничаетъ... вонъ онъ съ нимъ шепчется.

1-й конт. Постой же, была не была, я ему закричу...

3-й конт. Нѣтъ, вѣтъ, не дѣлай этого, онъ, пожалуй, какъ вскочить да прибѣть настѣ!

1-й конт. Ну пусть прибѣть... (Кричитъ въ окно). Добрый

вашъ хозяинъ! Мистеръ Лаутеръ!.. Сдѣлайте милость выйдите къ намъ хоть на минуточку.

САМУИЛЬ (въ полголоса, подходя къ окну). Какая дерзость!.. Какъ вы осмѣлились?.. Подите прочь!.. Онъ завтра къ вамъ выйдетъ, а сегодня онъ очень занятъ. (Выходитъ изъ кабинета). Вотъ, вамъ работа! Это тебъ, это тебъ... Ступайте, занимайтесь своимъ дѣломъ, нечего глядѣть по пустякамъ.

1-й конт. Но послушайте, г. Самуиль—это хоть кого выведеть изъ терпѣнія. Вотъ ужъ третій мѣсяцъ нашъ хозяинъ не приходитъ къ намъ, и послѣ того, что стали говорить на биржѣ, больше половины писцовъ оставили нашу контору.

САМУИЛЬ. А что же тамъ говорятъ?

1-й конт. Дѣло извѣстное, всѣ говорятъ, что нашъ хозяинъ сошелъ съ ума.

САМУИЛЬ. Первый, кто только повторить эту вѣдь, будеть сейчасъ выгнанъ отсюда! Вы сами съ ума сошли, негадя! Чего вамъ надобно?.. Вамъ платить жалованье исправно; я уполномоченъ нашимъ хозяиномъ и передаю вамъ его приказанія; онъ занятъ важнымъ предпріятіемъ, о которомъ не нужно вамъ знать — вотъ и все... Всѣ по своимъ мѣстамъ!.. Я вамъ нѣсколько разъ говорилъ, чтобы не ходили сюда! Всѣ по своимъ мѣстамъ!

2-й конт. Каково покрикиваетъ? Прежде бывало его голоса не слыхать, а теперь откуда что берется.

САМУИЛЬ. Ну... что же, уйдете ли вы?

1-й конт. Послушайте, г. Самуиль. Я до вашего опредѣленія сюда, лѣтъ шесть занималъ должность первого бухгалтера и этакого разстройства при мнѣ никогда не бывало. Наша контора всегда славилась исправностью, а теперь, напротивъ, съ каждымъ днемъ, мы теряемъ кредитъ; дѣла вдуть, чортъ знаетъ, по каковски. Мы всѣ любимъ нашего хозяина, и если въ самомъ дѣлѣ его голова не въ порядке, такъ не можетъ быть порядка и въ конторѣ. Однимъ словомъ, я вѣдь предупреждаю, что сегодня-же пойду къ моему крестному отцу, — Г. Констаблю. Онъ знакомъ съ мистеромъ Лаутеромъ. Чусть же зайдетъ къ нему и переговорить, какъ слѣдуетъ. Можетъ быть, онъ совсѣмъ обезумѣлъ, а вы, себѣ на умъ, только дурачите честныхъ людей...

САМУИЛЬ. Что, что такое?.. И ты осмѣлился... Вы начинаете бунтовать... Вонъ, говорить вамъ. Всѣ по своимъ мѣстамъ! Вы дождетеся того, что нашъ хозяинъ прогонитъ васъ палкой...

2-й конт. Ну пойдемте, братцы... съ этимъ мошенникомъ нечего больше говорить.

1-й кант. Вотъ мы посмотримъ, что-то онъ заговоритъ, какъ придется сюда Констабль.

САМУИЛЪ. Вонъ, вонъ сю минуту!
(Конторщики уходят)

АМЕРИКАНСКИЕ АВТОРЫ, ПРИЧЕМ ГЛАВНОЕ ВНИШНЕЕ

on which the author has been engaged for a number of years.

Я В Л Е Н И Е II.

ЯВЛЕНИЕ II.

САМУЙЛ (один).
САМУЙЛ (один).

— Ушиц!.. Чортъ возьми, это худо, они начинаютъ сомнѣваться, и если въ самомъ дѣлѣ придется сюда Констабль, тогда наша комедія кончится слишкомъ драматически: придется мнѣ приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ. Надо въ послѣдній разъ переговорить съ мистриссъ Кларисой... Эй, кто нибудь! (Входитъ слуга). Скажи хозяйкѣ, что я прошу ее сюда пожаловать. (Слуга уходитъ). Сегодня же потребую у нее рѣшительного отвѣта, и заставлю согласиться на мое предложеніе. Женюсь на миссъ Дженни, и съ тремя миллионами, которые на всякий случай отложены здѣсь... уѣду въ Соединенные Штаты. Тамъ она полюбитъ меня, а не полюбитъ, такъ съ этой суммой, можно и безъ любви обойтись. (Входитъ въ кабинетъ и запираетъ его). Ну, мистеръ Лаутеръ, дали же вы на себя палку... Страсть къ ночной игрѣ заставила его выдумать эту восковую куклу; онъ цѣлый годъ надувалъ, наѣлъ; теперь наша очередь. — Сперва мы эту куклу принимали за него, теперь, въ его отсутствіе, можемъ играть имъ, какъ куклой. Невозможно имѣть болѣе распорядительного кассира, и болѣе терпѣливаго банкира; дѣлай съ нимъ что хочешь, слова не добѣшься. До сихъ поръ все мои планы и расчеты удавались, какъ нельзя лучше. Самое трудное дѣло было удалить соперника, въ этомъ я успѣлъ довольно счастливо... Правда, плоды моихъ трудовъ и замысловъ мнѣ многаго стоятъ: я долженъ день и ночь беречь своего восковаго хозяина. Ночь сплю самыихъ лверей, днемъ почти не отхожу отъ него; но я чувствую, что скоро наступить конецъ этимъ Овидіевымъ превращеніямъ. Главное дѣло — деньги!.. Они здѣсь, подъ этой до-

ской; пружина такъ искусно слѣдана, что самъ чортъ не догадается (открываетъ ящикъ). Вотъ они... Три мильона!!.. Чортъ возьми, въ три мѣсяца — гри мильона! — Этого хватить на мой вѣкъ. Тсъ! — что-то зашумѣло! Что-то стукнуло, у этой стѣны... нѣть.. мнѣ послышалось. О, дьявольщина! когда же наступитъ время, что мнѣ нечего будеть бояться... Запремъ же нашъ кладъ и отправимся къ мистрисъ Кларисъ для окончательного переговора... Ну, до свиданія, мой вскокой банкиръ... Какъ скоро я женюсь на вашей дочери, вы тотчасъ растаете отъ радости... Вамъ, какъ добруму тестю, я доставлю тепленькое мѣстечко... съ благодарностью сожгу васъ, такъ, что и духа вашего больше здѣсь не останется. (Закрываетъ его ширмами) Ну, теперь вы можете отдохнуть отъ любопытныхъ... А, вотъ, кажется, и мистрисъ, who ешии изъвѣснніи гроfъ

Я В Л Е Н И Е III.

Самуилъ и Клариса. (Она одѣта просто, блѣдна и разстроена).

КЛАРИСА. О, Боже мой... Чего еще хотеть отъ меня этотъ ужасный человѣкъ.

САМУИЛЬ (въ дверяхъ). Уголю вамъ сюда войти, мистрисъ или тамъ останаться?

КЛАРИСА. Нѣть, нѣть, выйдите сюда.. Я не могу ступить въ этотъ ужасный кабинетъ... мнѣ страшно, страшно.

САМУИЛЬ (запираетъ кабинетъ). А! въ такомъ случаѣ, я къ вашимъ услугамъ.

КЛАРИСА. Вы посыпали за мной?

САМУИЛЬ. Просыпалъ просить васъ...

КЛАРИСА. Говорите же, что вамъ отъ меня надобно?

САМУИЛЬ. Я долженъ вамъ, наконецъ, сказать, мистрисъ, что наши дѣла идутъ очень худо. Завистники распространяли слухи на биржѣ о сумасшествіи вашего пропавшаго супруга. Нѣсколько минутъ назадъ сюда приходили наши конторщики; они начинаютъ роптать не на шутку, и нашъ обманъ можетъ скоро открыться. Я неусыпно старался поддержать всеобщій кредитъ, но все напрасно; теперь, чтобы уничтожить эти зловредные слухи, нужно личное присудствіе банкира.—Съ каждымъ днемъ

нашъ торговый домъ слабеетъ, зданіе колеблется, одинъ толчекъ, и—оно разрушено; но вы понимаете, что при этомъ разрушениі оно задавитъ насъ обоихъ. Я изъ дружбы къ вамъ и изъ любви къ вашей дочери отважился на мъру опасную, но видѣть Богъ, что я действовалъ съ тою только цѣлью, чтобы сохранить репутацію нашего несчастнаго хозяина. Мы теперь зашли слишкомъ далеко и бѣда уже стучится въ наши двери.

КЛАРИСА. Какъ, неужели нѣть никакой надежды?

САМУИЛЬ. Я не вижу никакой....

КЛАРИСА. Но можетъ ли это быть? Такой огромный кредитъ?..

САМУИЛЬ. Кредитъ безъ хозяина, какъ тѣло безъ души. Сколько было примѣровъ, что одна неудачная торговая операція — и все потеряно. Чтобы поправить наше опасное положеніе, я въ послѣдній разъ, умоляю вѣсть уговорить миссъ Дженин принять мою руку... этой только рукой вы спасетесь отъ совершенного раззоренія.... Вы молчите, вы все еще нерѣшаетесь... я жду вашего отвѣта, мистриссъ. Скажите же, согласны ли вы?

КЛАРИСА. Никогда!

САМУИЛЬ. Подумайте хорошенъко... я терпѣливъ, но время не терпить.—

КЛАРИСА. Никогда, говорю я вамъ! Я узнала наконецъ вашу чорную душу и не погублю моей дочери. Наше богатство было такъ огромно, что возбуждало всеобщую зависть, а вы не имѣли ничего.... Теперь это все ваше, а мы... мы будемъ нищія! Мало того, что вы воспользовались моей слабостью и заставили меня действовать такъ, что я должна страшиться законовъ Божіихъ и человѣческихъ, вы теперь хотите отнять мою дочь?.. Вы, виновникъ моего несчастія, моего преступленія!.... вы, какъ злой демонъ, овладѣли мною... въ первыя минуты отчаянія могла ли я разсудить о послѣдствіяхъ, могла ли предвидѣть бездну, въ которую вы теперь меня влечете?... Нѣть, нѣть, возьмите все, но не лишайте меня моей дочери.

САМУИЛЬ (*съ скрытою злостью и наружными хладнокровіемъ*). Продолжайте, сударыня, продолжайте. Это награда за мое стараніе, за мою къ вамъ привязанность, за мои неусыпные труды!.. Вы сказали, что ваше имѣніе перешло ко мнѣ, да, оно точно теперь въ моихъ рукахъ. Вашего супруга, вѣроятно, уже нѣть на свѣтѣ, все наши розыски были тщетны.... Повторю вамъ, теперь только одно средство все исправить: отдайте за ме-

на вашу дочь... си, какъ законной наследницѣ, передаётся все имѣніе, вы получите отъ насъ такую часть, какую сами назначите... Кажется, съ моей стороны невозможно быть сговорчивѣе....

КЛАРИСА. Никогда, никогда! Я имѣла несчастную слабость согласиться на преступное молчаніе, на подлогъ, потому что вы нацугали меня раззореніемъ; я согласилась на это для сохраненія имѣнія своей дочери, но ничто въ мірѣ не заставитъ меня погубить ее союзомъ съ такимъ чудовищемъ!

САМУИЛЬ. Чудовищемъ! гм, какъ женщины не разборчивы на слова. Хорошо же, сударыня, вы заставляете меня перемѣнить мою роль. Я нѣсколько недѣль назадъ умолялъ васъ объ этомъ союзѣ, но вы просили отсрочкі... Срокъ прошелъ... Больше я ждать не хочу! Надо все сегодня кончить, завтра будетъ поздно. Теперь вы принуждаете меня напомнить вамъ объ известномъ вамъ обстоятельствѣ... Вспомните, мистрисъ, что двѣ или три бумаги были вами подписаны... Одна изъ нихъ и теперь еще у меня....

КЛАРИСА. Извергъ! ты воспользовался слабостью болѣй, испуганной женщины, представилъ наше положеніе въ такомъ ужасномъ видѣ, что одно только отчаяніе водило мою рукою...

САМУИЛЬ (съ язвительнымъ хладнокровіемъ). Однакожъ подпись весьма похожа. Въ послѣдствіи мнѣ стоило большаго труда поддѣлывать почеркъ вашего мужа. Вы хоть и слабая женщина, однакожъ, вѣрно, знаете силу нашихъ законовъ: гдѣ рука, тамъ и голова...

КЛАРИСА (съ сильнымъ отчалиніемъ). Такъ погибнемъ же, чудовище, погибнемъ вмѣстѣ. Ты вовлекъ меня въ преступленіе, но ты самъ продолжалъ поддѣлывать фальшивые векселя.

САМУИЛЬ. За кого же вы меня принимаете, мистрисъ. Неужели вы думаете, что я признаюсь передъ судомъ въ моемъ преступленіи? Нѣтъ, человѣкъ, который отважился на такую рѣшительную мѣру, съумѣетъ выпутаться изъ бѣлы. Я ни одной изъ этихъ подписей не признаю за свою. Свидѣтелей между нами не было.... Вы жена, вы молчали,—дѣло ясное.. я буду въ сторонѣ, а вы за все отвѣтите передъ закономъ!

КЛАРИСА (садится). Боже мой, я погибла!

САМУИЛЬ. Да, вы точно погибли, если не примете моего спасительного предложения.—

КЛАРИСА. Несчастная! до чего довела меня моя безразсудная опрометчивость. Умоляю васъ, возьмите все наше богатство

кредить, деньги... Но дочерью... дочерью... я не могу пожертвовать... Сжальтесь, умилосердитесь, ради Бога!..

САМУИЛЬ. Сжальтесь вы надъ мою страстью. Забудьте мои угрозы, помните только объ своей единственной дочери. Я ее люблю, я не могу жить безъ нея...

КЛАРИСА. Боже мой! Я теряю разсудок!

САМУИЛЬ (беретъ ее за руку). Вы всегда найдете во мнѣ нѣжнаго, покорнаго сына. Я для вашей же пользы ищу этого союза...

КЛАРИСА, (взглянувъ ему прямо въ глаза). Нѣть, нѣть, въ этомъ холодномъ, убѣйственномъ взглядѣ, нѣть ни искры человѣческаго чувства.. Прочь, прочь отъ меня, демонъ, адское чудовище! Я не могу тебя видѣть..

САМУИЛЬ. А! Такъ это послѣднее ваше слово?..

КЛАРИСА. Да, да, послѣднее... оставь меня.

САМУИЛЬ. Ну, стало быть, говорить больше нечего, начнемъ дѣйствовать. Приготовтесь же, мистристъ, встрѣтить незваныхъ гостей: черезъ четверть часа явится полиція и полюбоваться на вашего восковаго супруга... Ужъ одинъ мой доносъ докажетъ всѣмъ, что я въ этомъ дѣлѣ чистый человѣкъ.. До свиданія, сударыня. (Идетъ)

КЛАРИСА, (останавливая его). Постойте! Умоляю васъ!..

САМУИЛЬ. Ну, что же, вы передумали?.. Рѣшились? Согласны отдать за меня Дженні?..

КЛАРИСА. Нѣть, нѣть, не могу.. Не въ силахъ!

САМУИЛЬ. Такъ прощайте же, до свиданія... До рокового свиданія! (Уходитъ).

Я В Л Е Н И Е IV.

КЛАРИСА (одна).

Боже мой! Что съ нами будетъ? Я не переживу этого безчестія! Я погубила мою дочь... обезславила себя и покрыла вѣчнымъ позоромъ честное имя моего мужа!.. Я погибла, теперь, ничто не спасетъ меня!..

Я В Л Е Н И Е V.

Клариса и Дженини.

Дженини. Маменька, маменька, вы здесь!.. Но что съ вами? Вы плачете... вы, вѣрно, были у папеньки?.. Скажите пожалуйста, вы говорили съ нимъ?

Клариса. Да; да.

Дженини. Ну, что же, лучше ли ему?...

Клариса, (удерживая рыданія). Нѣтъ, онъ, по-прежнему, грустенъ и молчаливъ.

Дженини. Уговорите же его, чтобы, онъ наконецъ согласился меня впустить къ себѣ; можетъ быть, мои нѣжныя ласки разсѣять его меланхолію. Вотъ уже нѣсколько дней вы обѣщаете мнѣ эту радость, и все откладываете до завтра. Я только два раза въ день вижу папинку, и то черезъ это невынѣстное окошко. По утру приду поздороваться — онъ молчитъ, вечеромъ приду проститься — опять тоже гробовое молчаніе... Три мѣсяца онъ не говорилъ со мной ни слова! Я уже стала совсѣмъ не та, что была прежде; куда дѣвалась моя веселость, рѣзвость? Боже мой! сколько горя я перенесла въ эти три мѣсяца, сколько грустныхъ дней, безсонныхъ ночей... И какъ, наконецъ, объяснигся странное поведеніе папеньки? Неужели правда, что онъ...

Клариса. Что такое?

Дженини. Всѣ въ домѣ у насъ говорятъ, что его разсудокъ... Ахъ, ради Бога, скажите; если это правда, зачѣмъ же вы не призовете лучшихъ докторовъ; не посовѣтуетесь съ нами? Можетъ быть, ему нужно путешествіе, можетъ быть, перемѣна мѣста будетъ имѣть на него благолѣтальное дѣйствіе.

Клариса (въ сторону). Какое мученіе! (ей) Я... я предлагаю ему, но онъ не соглашается.

Дженини. Такъ пустыгіе же меня къ нему; я его уговорю; буду на колѣнахъ умолять... можетъ быть, одна счастливая минута прояснить его мрачную, убийственную задумчивость...

Клариса. О, Дженини, милая дитя мое... еслибы ты знала...

Дженини. Что такое? говорите, говорите, ради Бога... эта неизвѣстность сдѣлалась наконецъ мнѣ нестерпима! Что бы я отъ васъ не узнала, все будетъ легче для меня... Говорите, говорите, ради Бога!

Клариса. Нѣтъ, не въ силахъ... Я... я погубила тебя, дитя мое!

дженни. Вы! что вы говорите... Не вы ли однъ меня утѣшаете, подаете мнѣ сладостную надежду, что я не навсегда лишилась моего Генриха. Передъ отѣздомъ въ Парижъ, онъ заѣждалъ къ намъ; вы все-таки приняли его ласково, папенька только не хотѣлъ выйтъ къ нему; но я понимаю: всему причиною нашъ домашній демонъ, этотъ отвратительный Самуилъ... его любовь ко мнѣ причиною этого разрыва съ Генрихомъ. — Боже мой! какъ могъ папенька допустить, чтобы этотъ извергъ распоряжался здѣсь вмѣсто его... и чѣмъ онъ заслужилъ такое ловѣре? Если его искусство въ коммерческихъ дѣлахъ такъ важно для папеньки, то неужели же страданіе дочери онъ ни во что ставить? Онъ отказалъ Генриху въ рукѣ моей... что же? Я плакала, но покорилась его волѣ... за что же онъ лишаетъ меня своихъ ласкъ, своей отцовской нѣжности? Развѣ я не всегда была послушной дочерью, развѣ я....

Клариса (рыдая). О, перестань, ради Бога, перестань! твои слезы, какъ адское пламя, жгутъ мое сердце!.. Пощади, пощади меня, дитя мое!!

Дженни. Простите меня, маменька! Я знаю, что вы не меньше моего страдаете; но, по-крайней мѣрѣ, вамъ все известно, что здѣсь дѣлается, а мнѣ суждено только страдать и плакать въ этой мучительной неизвѣстности. Боже мой! къ чему служить намъ?

Клариса. Богаство... нѣть, Дженни, мы скоро всего лишимся. Ужасный переворотъ уже близокъ... можетъ быть, сегодня... можетъ быть черезъ нѣсколько минутъ, все откроется, и мы останемся нищими!

Дженни. Что вы говорите? Развѣ это возможно? Развѣ наше положеніе такъ перемѣнилось?.. А! — теперь я догадываюсь — вѣрно разстройство въ дѣлахъ причиною ужаснаго затворничества папеньки. О, нищета меня не ужасаетъ; но что будетъ съ вами, съ моимъ несчастнымъ отцомъ?

Клариса. Милая Дженни!.. ты одна только могла бы отвратить эту ужасную грозу, которая собралась надъ нашимъ домомъ, но такою цѣною, что мой языкъ не всостояніи выговорить.

Дженни. Скажите, скажите скорѣ! Нѣть жертвы, которую бы я нерѣшилась принести для вашего спокойствія.

Клариса. Нѣть, кроткій ангель; мнѣ не вымолить небеснаго прощенія и за прежній мой проступокъ; будь же покойна... это чудовище не осквернитъ тебя своимъ прикосновеніемъ.

дженни. Что такое? о комъ вы говорите?

КЛАРИСА. Самуиль — требуетъ руки твоей!.. Вотъ какою цѣною должно искупить наше благосостояніе.

дженни. Боже мой! Нѣтъ, это выше силъ моихъ! Пусть мой отецъ возметъ мою жизнь, все, что хочетъ, но быть женою этого ужаснаго человѣка... нѣтъ, нѣтъ, не могу... Одна мысль объ этомъ леденитъ всю мою кровь! Пощадите!.. Я не могу!

КЛАРИСА. Не ужели ты думала, дитя мое, что я допустила бы тебя до этого, если бы ты даже и рѣшилась, изъ любви къ намъ, на такую жертву? О, нѣтъ, будемъ вмѣстѣ плакать и покоримся нашей судьбѣ.

дженни. Маменька, маменька! Не убивайте себя... Богъ милостивъ... можетъ быть, Онъ пошлетъ намъ спасеніе!

Я В Л Е Н И Е VI.

Тѣже и Слуга.

Слуга. Мистрисъ... сейчасъ возвратился нашъ старый Томасъ.

КЛАРИСА. Томасъ!

дженни. Томасъ! Ахъ, какъ я рада! При немъ все было хорошо, а съ тѣхъ порь, какъ онъ уѣхалъ отъ насть...

Слуга. Онъ просить позволенія войти.

КЛАРИСА. Гдѣ онъ? гдѣ онъ? Пусть войдетъ. Можетъ быть, онъ принесъ намъ какое нибудь радостное извѣстіе.

дженни. Да, да, вы говорили, что онъ уѣхалъ отъ васъ по приказанію папеньки... Что же это значитъ? За чѣмъ онъ былъ посланъ? Развѣ коммерческія дѣла по его части?

Я В Л Е Н И Е VII.

Тѣже и Томасъ (въ дорожномъ платьѣ).

Томасъ. Мистрисъ! Миссъ Джени! Куда вы подиете? Помогите!

КЛАРИСА. Ну что? говори, говори скорѣ...

томасъ (*тихо*). Какъ, развѣ уже миссъ Дженни все знаетъ..
Клариса. Нѣтъ, нѣтъ, погоди, погоди... Дженни, другъ мой, оставь насъ на одну только минуту, я сейчасъ приду къ тебѣ..

Дженни. Боже мой! будешь ли конецъ этимъ несноснымъ тайнамъ. Добрый Томасъ, я прежде на тебя серлилась, во я была неправа. Безъ тебя у насъ все идетъ хуже. Маменька тебѣ все разскажетъ... Не принесъ ли ты намъ какого нибудь утѣшения? (Уходитъ)

Я В Л Е Н И Е VIII.

Томасъ, и Клариса.

Клариса. Ну что, Томасъ?

Томасъ. Все напрасно! я объѣхалъ пол-Англіи, часть Шотландіи, былъ во Франціи, развѣдывалъ, разспрашивалъ... но не могъ отыскать ни малѣйшихъ слѣдовъ моего несчастнаго господина!

Клариса. И такъ, все кончено! Послѣдняя надежда исчезла!

Томасъ. На обратномъ пути, я еще надѣялся—не найду ли его здѣсь, невозвратится ли онъ во время моего отсутствія.. но нѣтъ!.. О, бѣдный мой господинъ! Вотъ до чего довелъ его проклятый спинъ! Но скажите же, сударыня, что у васъ въ это время случилось?.. Я разспрашивалъ конторщиковъ и они все въ обманѣ: они увѣрены, что нашъ господинъ здѣсь, у себя... Я догадываюсь, что это значитъ: мошенникъ до сихъ поръ продолжаетъ обманывать всѣхъ этой дьявольской куклой!

Клариса. Да, Томасъ, она будетъ причиной всѣхъ нашихъ несчастій... За чѣмъ ты не сжегъ ее, какъ приказывалъ тебѣ мой мужъ?..

Томасъ. За чѣмъ! за тѣмъ, что этотъ дьяволъ Чортонъ помѣшалъ мнѣ... На другой же день, какъ исчезъ нашъ господинъ, я въ точности хотѣлъ исполнить его приказаніе, но въ торопахъ незалернулъ занавѣску у этихъ дверей; онъ все увидѣлъ, началъ шумѣть, призвалъ васъ; ваши слезы заставили меня все выболтать; онъ уговорилъ васъ только на нѣсколько дней согласиться обманывать домашнихъ этой куклой; вы... вы не могли устоять противъ его дьявольскихъ доводовъ... и вотъ

уже прошло три мѣсяца, а обманъ до сихъ поръ не открылся, и ваши дѣла все въ одномъ и томъ же положеніи...

КЛАРИСА. Нѣтъ, Томасъ, гораздо хуже. Время только увеличило наше несчастіе... Но скажи мнѣ, Томасъ, давно ли у него родилась несчастная мысль обманывать насъ своимъ двойникомъ?

ТОМАСЪ. Разумѣется съ тѣхъ поръ, какъ онъ пристрастился къ проклятой игрѣ. Недаромъ я ее всегда ненавидѣлъ. Въ 11 часовъ вечера онъ приказывалъ мнѣ сажать на свое мѣсто этотъ двойникъ, а самъ проводилъ ночи въ игорныхъ ломахъ! Сколько разъ я представлялъ ему всю опасность, но все напрасно, вы сами знаете желѣзную волю вашего супруга. Всякое противорѣчіе его бѣсило... я долженъ былъ молчать и исполнять его приказаніе.

КЛАРИСА. Но знаешь ли ты, чѣмъ можетъ кончиться этотъ несчастный обманъ. Самуилъ Чортонъ, оскорбленный отказомъ въ руки моей дочери, хочетъ донести обо всемъ правительству!

ТОМАСЪ. Полноте, сударыня. Я здѣсь! я не допущу его до этого... Да, вѣроятно, и онъ не посмѣтъ... онъ, просто, какъ подлый мошенникъ, пользуется женскою слабостію и хочетъ васъ напугать, чтобы только вынудить согласіе...

КЛАРИСА. О, этотъ злодѣй способенъ на все! Онъ сейчасъ ушелъ отсюда съ угрозами и, можетъ быть, въ эту самую минуту мое безчестіе вѣмъ извѣстно!

ТОМАСЪ. Ну такъ вѣтъ же! Чортъ меня возьми!—Я знаю, что сдѣлать... Не беспокойтесь, мистрисъ, я все уложу. Въ этомъ кабинетѣ есть потаенная дверь, черезъ которую проходилъ вашъ супругъ; я сюю же минуту ее выломаю, уничтожу эту алѣкую куклу и онъ съ своимъ полицейскимъ комиссаромъ останется въ дуракахъ. Когда не будетъ улики на лицо, тогда мы еще съ нимъ поспоримъ... Если же онъ осмѣлится быть доносчикомъ, то я буду обличителемъ его самого! Я умру, но не выдамъ васъ! Ради Бога, будьте какъ можно хладнокровиѣ. Я знаю, что мнѣ говорить, знаю, чѣмъ сбить его съ толку... Я его обольстю и вмѣсто куклы посажу въ дураки! Скорѣе, скорѣе... въ двѣ минуты все будетъ кончено. (Убѣгаетъ)

Я В Л Е Н И Е IX.

КЛАРИСА, ПОТОМЪ ДЖЕНИИ.

КЛАРИСА. Добрый старикъ; можетъ быть, его сама судьба посыпаетъ для нашего спасенія.

дженни, (выбываю). Маменька, маменька! Генрихъ возвратился изъ Парижа, онъ говоритъ, что ему непремѣнно нужно видѣть папеньку... онъ, вѣрно, привезъ какое нибудь важное извѣстіе, которое обрадуетъ папеньку...

КЛАРИСА. Генрихъ.

Я В Л Е Н И Е X.

ТѢЖЕ И ГЕНРИХЪ.

ГЕНРИХЪ. Мое почтеніе, мистрисъ...

КЛАРИСА. Что это значитъ, серъ Стевенсонъ?—Вы уѣхали въ Парижъ на цѣлую недѣлю, и такъ скоро воротились... Не случилось ли чего нибудь? Ваше смущеніе, беспокойство...

ГЕНРИХЪ. Гдѣ вашъ супругъ, мистрисъ... ради Бога скажите: онъ никуда не уѣзжалъ?... Онъ все еще попрежнему сидѣть въ своемъ кабинетѣ? Разсѣйте мое сомнѣніе.

КЛАРИСА. Что за вопросъ? Что вы хотите этимъ сказать?

ГЕНРИХЪ (въ сторону). Что я дѣлаю? я далъ честное слово этому странному человѣку молчать обо всемъ до вечера; но я до тѣхъ поръ съ ума сойду. Нѣтъ, что бы нибыло, я долженъ его видѣть; это невѣроятно, непостижимо... (Ей) Умоляю васъ, мистрисъ, позвольте мнѣ взглянуть на вашего супруга... со мной дѣлаются необыкновенныя вещи....

КЛАРИСА. Что такое? Объяснитесь...

ДЖЕННИ. Послушайте, Генрихъ, я, просто, разсержусь... что съ вами дѣлается? Васъ точно выпустили изъ Бедлама. Вмѣсто того, чтобы поздороваться со мной, какъ слѣдуетъ порядочному человѣку, вы забросали меня какими то безголовыми вопросами; теперь снова начинаете говорить Богъ знаетъ что... Ужъ это совсѣмъ не по парижски. Маменька, не говорите ему ничего, пока онъ не попроситъ у меня прощенія.

КЛАРИСА, (глядя въ окно). Боже мой! что я вижу! вотъ онъ! и съ нимъ Констабль!.. Все кончено!

(Падаетъ въ кресло.)

ДЖЕННИ. Маменька, маменька! что съ вами?

ГЕНРИХЪ. Мистрисъ!

Я В Л Е Н И Е XI.

САМУИЛЬ, Констабль и канторщики (въ дверяхъ).

САМУИЛЬ. Пожалуйте сюда, г. Констабль.

ГЕНРИХЪ и ДЖЕННИ. Что это значитъ?
САМУИЛЬ. Генрихъ! онъ здѣсь! какимъ чудомъ?.. Все-равно...
ЖРЕБІЙ БРОШЕНЬ... теперь ужъ поздно ворачаться назадъ...

КОНСТАБЛЬ. Извините, мистрессъ, что я обезпокоилъ васъ; но я имѣлъ счастіе пользоваться знакомствомъ съ вашимъ супругомъ, и показаніе вашего кассира такъ странно, такъ необыкновенно, что я, по долгу совѣсти и службы, долженъ действовать согласно съ данной миѣ властью отъ правительства.

ДЖЕННИ. Маменька, маменька, что это, скажите ради Бога.

КОНСТАБЛЬ. Странные слухи давно уже ходятъ по всему Лондону, и они весьма огорчали меня, потому что я душевно уважаю мистера Лаутера.. но теперь, послѣ показанія этого господина, дѣло объяснилось... и я долженъ исполнить мою обязанность. Что же касается до васъ, государь мой, подумайте хорошенько о послѣдствіяхъ: несправедливый доносъ подвергнетъ васъ законной ответственности.

САМУИЛЬ. Это мое дѣло, г. комиссаръ.—Теперь не угодно ли вамъ войти въ этотъ кабинетъ.

КЛАРИСА (въ сторону, тихо.) Боже мой... если Томасъ не успѣлъ исполнить своего намѣренія...

ГЕНРИХЪ, (переходя къ Самуилу.) Постойте, сударь, постойте. Хоть я еще не знаю, въ чемъ заключается вашъ доносъ, но миѣ кажется, что изъ уваженія къ хозяйкѣ этого почтенного дома, вы не должны были позволить себѣ такой дерзости. Вы не войдете въ кабинетъ мистера Лаутера безъ его позволенія.

САМУИЛЬ. Это не ваше дѣло, г. Стевенсонъ. Сю минуту все объясняется. Мистеръ Лаутера мы не обезпокоимъ: вы увидите, что его двойникъ не пошевелится даже при нашемъ посѣщеніи. Милости просимъ... (Отворяетъ кабинетъ.)

КОНСТАБЛЬ (ходитъ, а за нимъ и всѣ.) Что же здѣсь никого нѣтъ...

САМУИЛЬ. Сю минуту... Улика на лицо. (Отодвигаетъ ширмы.) Вотъ онъ! извольте смотрѣть.

Я В Л Е Н И Е XII.

ТѢЖЕ И РИЧАРДЪ. (Онъ сидитъ у стола, въ томъ же халатѣ и положеніи, какъ сидѣла кукла въ началѣ дѣйствія.)

САМУИЛЬ. Ротъ эта восковая фигура третій мѣсяцъ представляетъ лицо нашего хозяина.

всѣ. (край Кларисы.) Возможнo ли!

САМУЛЬ. И эту ловкую хитрость придумала его вдова, которая за него подписывала всѣ бумаги... Довольно ли вамъ этого... Я, какъ честный человѣкъ, не могу болѣе молчать объ этомъ ужасномъ обманѣ.

КОНСТАБЛЬ. Это невѣроятно! Вы говорите, что это восковая фигура... не можетъ быть... такое разительное сходство... это онъ, живой... онъ самъ...

САМУЛЬ. Вы еще сомнѣваетесь... Подойдите поближе; не угодно ли вамъ своеручно удостовѣриться. Вотъ онъ! вотъ нашъ хозяинъ... ха ха ха... (Бьетъ его по плечу.)

КОНСТАБЛЬ (тоже съ некоторой осторожностью). Позвольте... позвольте...

РИЧАРДЪ, (приподнялся.) Что вамъ угодно?

САМУЛЬ. (причитъ дикимъ голосомъ и падаетъ со стихъ ногъ). Ахъ!

КЛАРИСА. О Боже, Ричардъ!

ДЖЕННИ. Папенька... милый папенька!

ТОМАСЪ (прибѣгааетъ, по тихоньку Кларисъ). Тесь! рада Бога, удержитесь! Скройте свое изумленіе; это онъ, онъ самъ; онъ воротился; только не говорите ничего при свидѣтеляхъ.

РИЧАРДЪ. Повторяю вамъ, чего вы хотите отъ меня? что значить это сборище въ моемъ кабинетѣ? Томасъ, я тебѣ приказалъ никого не впускать ко мнѣ, когда я занимаюсь дѣлами.

КОНСТАБЛЬ, (заикаясь). Извините... почтеннѣйший мистеръ Лаутеръ... я... я... долженъ былъ... я пришелъ вслѣдствіе иска и судебнаго показанія этого господина.

РИЧАРДЪ. Этотъ господинъ или мошенникъ, или сумасшедшій, одно изъ двухъ. Я только удивляюсь, какъ вы могли повѣрить такой нелѣпости?..

КОНСТАБЛЬ. Ваша правда, показаніе было точно невѣроятно и я первой сомнѣвался въ немъ, просто, не вѣрилъ ему...

РИЧАРДЪ. Да, я слышалъ, вы невѣрили своимъ глазамъ и хотѣли удостовѣриться собственными руками. Немножко неучтиво... Я никому не позволю играть собой, какъ куклой... Понимаете—Что же вамъ еще нужно?

КОНСТАБЛЬ. Ничего болѣе... доказательства ясны, очевидны. Извините пожалѣста, что мы васъ обезпокоили... (Хочетъ идти)

РИЧАРДЪ. Постойте... Можетъ быть вамъ показалось странно, что я съ первыхъ словъ этого негодяя непрерывно его клеветы; но мнѣ хотѣлось самому посмотретьъ, дочего можетъ дойти

его сумасбродная дерзость. Неужели вы думаете, что я напрасно позволилъ вамъ насильно ворваться въ мой домъ и нарушить мое уединеніе?.. Нѣтъ, приходомъ своимъ вы оказали мнѣ большую услугу: мнѣ вужно было присутствіе ваше, мнѣ нужно присутствіе всѣхъ моихъ домашніхъ... чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ лучше. Выслушайте меня: человѣкъ неблагодарный, котораго я осыпалъ моими благодѣяніями, съ давнихъ поръ залумалъ погибель моему дому; онъ распространялъ слухъ, будто я сошелъ съ ума, и тайно подрываю мой кредитъ... Наконецъ, случай открылъ мнѣ все. Теперь только не могу понять, чего въ этомъ негодяѣ болѣе, бездѣльничества или безумія? Какъ онъ могъ придумать такую глупую ложь? Какъ, наконецъ, нашлись люди, люди благоразумные, которые ей повѣрили.

КОНСТАБЛЬ. О, мистеръ Лаутеръ... вы извѣстны всему Лондону своей безъукоризненной честностью. Кто въ этомъ осмѣлитъ сомнѣваться. Ну, сударь, (обращаясь къ Самуилу) что вы теперь скажете въ свое оправданіе?

САМУИЛЬ, (ошеломленный.) Я... я... я...

РИЧАРДЪ. Вы видите, какъ онъ смущился; онъ не знаетъ, что отвѣтить, на немъ лица нѣтъ, онъ дрожитъ, какъ въ лихорадкѣ.—Дослушайте же до конца. Этотъ несчастный—по умышленному плутовству, или по несчастному слабоумію,—запуталъ мои дѣла и даже остановилъ уплату по нѣкоторымъ векселямъ, въ то время, какъ моя касса могла бы быть неистощима. Вотъ здѣсь, въ этомъ секретномъ ящикѣ, хранится на всякий случай 130 тысячъ фунтовъ стерлинговъ...

САМУИЛЬ (съ крикомъ.) Это мое!.. мое! это мои деньги!..

РИЧАРДЪ. Его деньги?.. ха ха ха! можно ли послѣ этого еще сомнѣваться, что онъ сумасшедшій. Еслибъ этотъ несчастный говорилъ правду, это было бы явнымъ доказательствомъ его вины. Какъ можно повѣрить, чтобъ простой, бѣлый конторщикъ, изъ одного жалованья накопилъ три миллиона! — не правдали г., Констабль.

КОНСТАБЛЬ. Совершенно справедливо: это было бы явное воровство.

РИЧАРДЪ. Четверть часа назадъ, я самъ видѣлъ изъ моей потаенной двери, какъ онъ открывалъ этотъ ящикъ... Вѣроятно, онъ хотѣлъ посягнуть и на эту сумму.

КОНТОРЩИКИ (кричатъ.) Вонъ его! возьмите его! свяжите его!

какъ онъ смѣхъ! какъ онъ могъ! тащите его въ судъ... онъ негодяй! онъ мошенникъ!

РИЧАРДЪ. Не смѣй никто его тронуть!

САМУИЛЬ. Да, да; это мое богатство! я миллионеръ! я здѣсь хозяинъ! я настоящій банкиръ!.. а онъ... онъ не человѣкъ... онъ привидѣніе... онъ двойникъ!!

РИЧАРДЪ. Вы слышите? довольно ли вамъ этого? Я надѣюсь, что вы теперь удостовѣрились, г. Констабль,—что этотъ несчастный уже не подлежитъ полицейскому суду: его надо лечить. Я передаю его въ ваши руки....

КОНСТАБЛЬ. Теперь все объясняется! Возьмите его... мое поченіе мистеръ Лаутеръ... извините меня, пожалуйста...

САМУИЛЬ(рветъ на себѣ волосы). О, самъ сатана вмѣшался въ это дѣло!

КОНТОРЩИКИ. Хорошъ кассиръ! ай-да—честный человѣкъ!!

(Его уводятъ)

РИЧАРДЪ. Ступайте и вы, друзья мои... Сегодня вы вволю повеселитесь.

КОНТОРЩИКИ, (уходя). Да здравствуетъ мистеръ Ричардъ! Ура, Ура!!

КЛАРИСА. Ричардъ!. Ричардъ! прости меня!..

РИЧАРДЪ. Тсъ... что ты дѣлаешь? я больше виноватъ передъ тобою... я все знаю... Тебѣ, какъ слабой женщинѣ, это было простительно, прости же и ты меня, Клариса!..

КЛАРИСА. Ахъ, я теперь совершенно счастлива!..

РИЧАРДЪ. Дженин! милое дитя мое!...

ДЖЕННИ. Батюшка! О, какое блаженство! я три мѣсяца не слышала вашего голоса, три мѣсяца не цѣловала вашей руки!...

РИЧАРДЪ. Сюда! сюда, друзья мои... прижмитесь къ моему сердцу... вы разбудили въ немъ уснувшее человѣчество! Какъ могъ я бросить васъ безъ защиты, безъ подпоры... О, за эти три мѣсяца скорби я вамъ заплачу сторицю радости и счастія.... Благодарю, съ слезами раскаянія, благодарю того, кто невидимо удерживалъ мою преступную руку!... Генрихъ!.. Томасъ!.. Клариса!.. Дженин!.. (Обнимаетъ ихъ). Съ этой минуты я снова отецъ, мужъ, я снова человѣкъ!!

Конецъ.

ПАНТЕОНЪ

ТЕАТРОВЪ.

ТВАРДОВСКІЙ.

ПОВѢСТЬ, ВЗЯТАЯ ИЗЪ ПОЛЬСКИХЪ
НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ,

ЮСИФА ИГНАТИЯ КРАШЕВСКАГО.

ЧАСТЬ I.

ГЛАВА I.

О томъ, какимъ образомъ на отца Твардовскаго на-
пали разбойники, и что изъ того послѣдовало.

Въ одну изъ темныхъ лѣтнихъ ночей, какія часто случаются въ августѣ, въ окрестностяхъ Подгоржа (*) шляхтицъ Твардовскій. Собиралась гроза. Усталый конь, которому уже видно пріѣхались острыя шпоры всадника, шель шажкомъ, выбирая тропинку поудобнѣе, и, будто предчувствуя бурю, безпрестанно поднималъ голову и посматривалъ на облака. Дорога шла въ густой чащѣ и была вся изрѣзана глубокими колеями, которыя размыли дожди, и потому можно вообразить сколько было работы бѣдному коню, сколько страху бѣдному шляхтицу! Не было видно ни зги, и только по временамъ яркая молнія, прорѣзывая черныя тучи, освѣщала дорогу нашему путнику. Шляхтицъ тяжело вздохнуль, да и какъ было не вздохнуть ему!.. Давно уже не былъ онъ дома, а тамъ оставалась у него молодая жонка, которую онъ любилъ больше всего на свѣтѣ. Шляхтицъ былъ хотя и не трусливаго десятка, но теперь ему стало страшно... Въ другое время такая дорога была бы ему ни по чѣмъ, но теперь, когда за сѣдломъ его висѣла добрая киса денегъ, вырученныхъ имъ отъ продажи наслѣдства по дядѣ,—теперь онъ не хотѣлъ бы повстрѣчаться съ недобрымъ человѣкомъ. Какъ будто сочувствуя господину, и конь его то и дѣло фыркалъ, наостривалъ

(*) Подгорже—предмѣстіе Кракова.

уши, останавливаясь и дрожа всямъ тѣломъ. Страшно стало шляхтицу,—и вотъ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда онъ по-пугалъ коня съ большимъ ожесточеніемъ, а конь не слушался и упирался ногами въ землю, блеснула молнія и озарила ужасные лица нѣсколькихъ разбойниковъ.

—Стой!

И вслѣдъ за этимъ зловѣщимъ крикомъ заблестѣло нѣсколько самопаловъ,—и изъ ближняго кустарника выскочили трое разбойниковъ. Испуганный конь попытился назадъ и бросился было въ чашу, но одинъ изъ разбойниковъ поймалъ его за поводья. Въ первыи минуты страха шляхтица схватили—было за саблю, но три направленияя прямо на него дула тотчасъ же показали ему, сколько неблагоразумнымъ было бы съ его стороны сопротивленіе. Руки опустились у бѣднаго шляхтица, и онъ закричалъ въ отчаяніи:

—Спасите меня, если тутъ есть чѣл-нибудь живая душа:—спаси меня хоть самъ дьяволъ!

Не успѣлъ еще онъ выговорить словъ этихъ, не успѣли еще разбойни выстрѣлить, какъ вдругъ надъ ними раздался чей-то страшный голосъ, который такъ смѣшалъ ихъ, что они стали, какъ вкопанные, и забыли о шляхтицѣ. Раздался лошадинный топотъ, и скоро на дорогѣ показалось нѣсколько всадниковъ, впереди которыхъѣхалъ одинъ, огромнаго роста и на черномъ конѣ. Увидѣвъ ихъ разбойники бросились въ кусты, а конь Твардовскаго пустился уплетать со всѣхъ ногъ.

Междудѣмъ ночь становилась все темнѣе, пасмурнѣе; вѣтеръ дулъ порывистѣе, а яркія молніи то-и-дѣло блестали надъ головой шляхтица. Съ свѣжею мыслю обѣ опасности, отъ которой ему только—что удалось избавиться, съ холоднымъ потомъ на чѣлѣ,—онъ уже миновалъ чашу и тутъ только успѣлъ перевести духъ, поблагодарить Господа-Бога за избавленіе отъ напасти, и дать немножко отдохнуть своей клячѣ. Не успѣлъ онъ отъѣхать еще нѣсколько шаговъ, какъ за нимъ снова послышался конскій топотъ;—оглядывается съ безшкодствомъ и видитъ позади себя своего чернаго освободителя. Въ это время блеснула молнія и освѣтила блѣдное лицо незнакомца. Твардовскому показалось, что онъ гдѣ-то видѣлъ его. Сталъ онъ, что такое точно лицо изображено въ Краковскомъ косцелѣ Дѣвы-Маріи, на образѣ святаго-Михаила-Архангела, поражающаго сатану. При этой мысли волосы стали дыбомъ на головѣ его,—хотѣлъ перекреститься — руки

какъ будто приросли къ тѣлу!.. Не смѣлъ обернуться въ другой разъ и только пришпорилъ свою бѣдную клячу.

Междѣ тѣмъ буря разразилась проливнымъ дождемъ. Громъ гремѣлъ безпрерывно. Удары его раздавались въ воздухѣ то протяжно и медленно, то отбитые эхомъ въ горахъ, громко и отрывисто. Казалось, небо готово было лопнуть и разорваться на части; молни¤ бороздила его во всѣхъ направлени¤хъ. Освѣщенная ихъ блескомъ, природа принимала на себя како¤ то дивный фантастический образъ. Ливень хлесталъ въ лицо бѣдному путнику цѣльными пригоршнями воды, вѣтеръ пробиралъ его нас kvозъ. Можно вообразить себѣ весь ужасъ Твардовскаго, когда, не смотря на шумъ бури и свистъ вѣтра, онъ услышалъ за собою слова незнакомца, произнесенные съ какимъ-то дикимъ смѣхомъ.

—Добрый вечеръ, пріятель! Такъ-то ты бѣжишь отъ меня, даже не поблагодаривши за службу!

—Добрый вамъ вечеръ, пробормоталъ шляхтицъ (зубы его стучали, какъ въ лихорадкѣ). Когда же мнѣ было вѣсть благодарить въ лѣсу,—а теперь—скорѣе бы добраться куда-нибудь, да пріютиться отъ бури.

—О, на этотъ счетъ не беспокойся;—до корчмы еще далеко, а отъ разбойниковъ можешь быть безо опасенъ... Пойзжай-ко, пріятель, потиши; мнѣ надобно съ тобою кос—о—чемъ поговорить.

Волей или неволей, а надобно было послушаться своего страшнаго избавителя. Мысль, что этотъ избавитель можетъ быть для него гораздо опаснѣйшимъ, чѣмъ разбойники, ужасала его и отнимала послѣднія силы. Онъ сдерживалъ клячу.

—Ну,—ты звалъ меня, и я явился на твой призывъ, началь черный.

—Я?.. спросилъ, заикаясь, шляхтицъ:—я?..

—Да, ты, продолжалъ его товарищъ съ прежнимъ ужаснымъ смѣхомъ. Припомни-ка, развѣ ты не звалъ кого-то на помошь, развѣ не сказалъ: «спаси меня хоть самъ дьяволъ?»

—Да кто же ты?..

—Тотъ, кого ты кликалъ, хладнокровно отвѣчалъ черный: я дьяволъ!

Страшная дрожь проняла Твардовскаго; капли холоднаго пота выступили на лбу. Напрасно хотѣлъ онъ поднять руку, чтобы перекреститься, напрасно хотѣлъ повернуть языкъ, чтобы произнести молитву—и руки и языкъ его какъ-будто

приросли къ тѣлу, какъ будто на нихъ налегли пудовые гири.

— Ну, что-жъ молчишь? или ты мнѣ не радъ? Вѣдь еслиъ не я, пропасть бы и тебѣ и твоимъ деньгамъ, а что-бы тогда сталось съ женою?

— Чего жъ ты за это отъ меня требуешь?.. говори скорѣе, только отстань отъ меня,—пробормоталъ шляхтицъ.

— Да мнѣ немногаго надобно, очень немногаго! Денегъ мнѣ не надобно,—а душу твою стерегутъ молитвы жены и твои милостиини.

— Такъ чего же ты хочешь,—чего?.. говори скорѣе!.. продолжалъ ободренный немногаго Твардовскій.

— Не торопись. Вѣдь ночь еще длинна, а у меня нѣтъ никакой работы.

Тяжко вздохнуль шляхтицъ, да чтожъ было дѣлать съ дьяволомъ,—надобно было слушаться. Они ѿхали шагомъ. Синяя кляча то-и-дѣло вздрагивала подъ бѣднымъ шляхтицемъ.

— Бери, дьяволъ, что хочешь, только отпусти меня поскорѣе! сказалъ наконецъ Твардовскій.

— Не спѣши,—къ чему тебѣ спѣшить... корчма далеко— успѣемъ еще; достанетъ времени.

— Да чего жъ ты хочешь отъ меня?

— Объ этомъ-то я и думаю теперь,—отвѣчалъ черный.

Часъ отъ часу было не легче Твардовскому... На сердце его налегла какая-то неизѣясненная тяжесть, страхъ такъ оковалъ его, что онъ не слыхалъ ничего, ни грому, который страшно грохоталъ надъ его головою, ни молніи, ни проливнаго дождя.

— Не бойся, я не раззорю тебя своей просьбою, — сказалъ наконецъ сатана со смѣхомъ;—вотъ, изволишь видѣть, — отдань мнѣ то, что застанешь у себя дома, о чѣмъ не гадалъ, не думалъ, на чѣто не разсчитывалъ. Отдань мнѣ это, такъ и самъ не раззоришься, да и меня не введешь въ убытокъ.

— Что жъ это такое?

— А я почемъ знаю? отвѣчалъ дьяволъ: это откроется по-слѣ; мнѣ вѣдь не надобно многаго...

— Ну, согласенъ! сказалъ Твардовскій, послѣ минутнаго размыщенія... Осемь мѣсяціовъ, какъ я выѣхалъ изъ дому; что-бы тамъ могло быть новаго?..

— Согласенъ! повторилъ съ радостью сатана: вѣ-самомъ—дѣлѣ, согласенъ?.. ну,—слово?..

— Verbum.

«*Verbum nobile debet esse stabile*, — додалъ дьяволъ, и съ этими словами сдержалъ ключу Твардовскаго, вѣльмъ ему остановиться и указалъ мѣсто подъ развѣсистымъ дубомъ, который стоялъ при дорогѣ. Между тѣмъ буря все усиливалась; дождь лилъ сильнѣе.

Когда они стали подъ дубомъ, черный конь дьявола исчезъ подъ нимъ, и онъ, очутившись на землѣ, принялъ вынимать изъ кармана разныя вещи, въ числѣ которыхъ Твардовскій съ ужасомъ увидѣлъ огарокъ свѣчки, сдѣланной изъ человѣчьяго жира, длинный листъ пергамента и перо. Все это было лѣломъ одной минуты. Бѣдный шляхтицъ сидѣлъ на лошади и съ трепетомъ смотрѣлъ на эти приготовленія. Дьяволъ потеръ свѣчу объ ногу и зажегъ ее; потомъ сѣлъ подъ деревомъ и, положивъ пергаментъ на колѣно, принялъся писать на немъ цирографъ. Черезъ минуту онъ подалъ его шляхтицу. При блѣдномъ свѣтѣ огарка, Твардовскій пробѣжалъ актъ, написанный по всѣмъ правиламъ, и взялся было за перо, для того, чтобы подписать его, какъ вдругъ почувствовалъ что кто-то укололъ его въ лѣвую руку... Это былъ сатана. Искуситель обмокнулъ перо въ свѣжей крови и подалъ его Твардовскому. Бѣдный безпрекословно исполнилъ его желаніе и подпидалъ цирографъ. Тогда какая-то тоска овладѣла имъ; онъ даже ни разу не взглянулъ на дьявола; повернувшись лошадь и погналъ ее во всю прыть. Среди бури и ударовъ грома ему слышались чьи-то слова; чей-то пронзительный хохотъ раздавался за нимъ... Онъ не могъ себѣ объяснить этого страшнаго смѣха, этихъ ужасныхъ словъ. То не было крикъ ночной птицы, ни свистъ вѣтра; — что-то говорило Твардовскому что не такъ кричить сова, не такъ свистѣть вѣтеръ. Съ такими грустными мыслями подѣлѣжалъ онъ къ дому.

ГЛАВА II.

О томъ, что нашелъ у себя дома Твардовскій.

Еще издали показался домикъ шляхтица, забѣжалась труба, зачернѣлось свитое на ней гнѣздо аиста. Скоро заблестѣлъ и домашній прудъ, по которому безмятежно плавали гуси и утки. Сердце Твардовскаго билось сильно; чѣмъ ближе подѣлѣзъ.

жалъ онъ къ домику, тѣмъ болѣе становился грустнымъ и скучнымъ. О, какъ хотѣлось ему поспѣсть туда поскорѣе! Еслибы было можно, онъ готовъ бы былъ перескочить туда... Что-то жена его? Здорова ли она? Какъ-то у него въ домѣ?.. Тысячи подобныхъ мыслей тѣснились въ головѣ его; онъ задавалъ себѣ тысячу подобныхъ вопросовъ, и между тѣмъ поискалъ измученную лошаденку—и молился, и плакалъ вмѣстѣ... Осемь мѣсяцевъ минуло съ того времени, какъ онъ оставилъ домъ.

Онъ всматривался, приглядывался въ даль, не увидить ли чего нибудь, не встрѣтить ли кого нибудь, кто бы могъ сказать ему что нибудь о его женѣ, о домашнихъ?.. Напрасно! На опустѣлой дорогѣ все было такъ тихо, такъ спокойно; не видать на ней ни одной живой души. Нечего дѣлать, надоѣло дожидаться прїѣзда, а ему кажется, что онъ въ вѣкъ не доѣдетъ, что кляча его хромаетъ и едва передвигаетъ ноги. Невыразимое беспокойство овладѣвало имъ все болѣе и болѣе; ему стало жарко и душно; поть лиль стъ него градомъ, не смотря на то что дневной жаръ ослабъ и солнце клонилось къ закату.

Вотъ, наконецъ, подъѣхалъ шляхтицъ къ воротамъ; видѣть—онѣ отворены настежь, а на дворѣ никого,—на крыльцѣ никого. Лавочка, подъ липою, на которой, бывало, любила сиживать по вечерамъ его Ганна (*), пуста. Брови его морщатся, сжимается сердце; на глазахъ навертываются слезы... Торопится бѣдный шляхтицъ еще пуще; торопится и лошадка, почуявъ домашнее стойло.

Вотъ онъ ужъ и у воротъ дома, а все никто не выходитъ къ нему, не встрѣтчаетъ его. Теряясь въ догадкахъ Твардовскій, соскальзываетъ съ лошади вѣгаетъ въ сѣни... Тутъ только скрипнула дверь и изъ комнаты выбѣжала старая Магда (**).

— Тише, тише, пане, шептала она, прикладывая палецъ къ губамъ, въ знакъ молчанія. Пани въ постелѣ; знаете ли вѣдь Богъ даровалъ вамъ сынику! Не входите къ ней: радость убьетъ ее!

При этомъ извѣстіи Твардовскій вспомнилъ о дьяволѣ; ему даже послышался адской его хохотъ... Опѣ схватилъ себя за голову,

(*) Ганна, Hanna—Анна; уменьшительный. Anusia, Anzia.

(**) Magda, Magdusia,—Магдалина.

—Сына родила, говоришь ты?... сына?...

—Сына; вотъ ужъ съ часъ, какъ я приняла его... Вы всегда желали сына — вотъ и далъ Богъ! Отслужить бы молебенъ Пречистой-Дѣвѣ!..

Шляхтицъ стоялъ, какъ убитый. Спустя нѣсколько минутъ, вздохнувши тяжело, онъ вышелъ на крыльцо и велѣль между тѣмъ сказать женѣ о своемъ прѣздѣ.—Изумлена такой неожиданной горестью служанка не могла понять, чтосталось съ ея бариномъ, отъ чего его такъ огорчила пріятная новость.—Что съ нимъсталось?.. ворчала она, уходя въ одну изъ боковыхъ комнатъ, которой ставни были прѣтворены съ улицы. Чѣмъ бы радоваться и благодарить Бога,—онъ груститъ и скучаетъ!.. Это чтонибудь да значить!..

Въ это время Твардовскій успѣлъ уже снять съ лошади дорожный вьюкъ и отдать его паробку, который кланялся ему низко, поздравляя съ счастливымъ прѣздомъ и съ новорожденнымъ сыномъ. Грустный Твардовскій даже не поблагодарилъ его за привѣтствіе: онъ не слыхалъ ничего.

—Пришла къ вамъ съ доброй вѣсточкой, милая пани, говорила между тѣмъ Магда, садясь на постель родильницы: говорилъ мнѣ паробокъ изъ Ольшова, что видѣлъ нашего пана.

—Гдѣ, Магда, гдѣ? вскричала Ганна, приподнимаясь.

—Тише,тише, пани; не радуйтесь слишкомъ: поберегите себя. Паробокъ встрѣтилъ его вчера на дорогѣ, на обратномъ пути.

—Такъ онъ будетъ сегодня! Онъ, можетъ быть, уже здѣсь!—продолжала хозяйка: бѣги, Магда; посмотри...;

—Можетъ—быть, онъ ужъ и прѣхалъ!.. на дворѣ слышенъ лошадинный топотъ, отвѣчала старуха.

—Поди же, Магда, встрѣть его, проводи ко мнѣ. Прѣхаль мой дорогой, вернулся!—и она сѣла на постели, вся раскрасневшись, какъ маковъ цвѣтъ. Магда лина вышла.

На порогѣ услышалъ Твардовскій въ первый разъ крикъ новорожденного дитяти... Онъ затрепеталъ при ужасной мысли объ его участіи, и потомъ уже, подававъ въ себѣ страхъ, бросился къ кровати родильницы. Ганна плакала отъ радости. Отѣхѣлъ мужа, безнокойство, какое причинило ей его долгое отсутствіе, мысли объ опасностяхъ путешествія и собственныя мученія — все это истомило ее; но теперь, когда она увидѣла передъ собой любимаго му-

жа, бѣдность на лицѣ ея уступила мѣсто румянцу. Въ безмолвныхъ объятіяхъ и поцѣлуяхъ высказали они другъ друга всю радость. Въ эту минуту Твардовскій забылъ о сынѣ и о дьяволѣ, но потомъ, когда Ганна подала ему на руки ребенка и просила благословить его, грустный Твардовскій вспомнилъ, что дитя его уже не принадлежитъ ему. Печальный видъ мужа изумлялъ Ганну, но она не смѣла спросить о причинѣ. Только тяжелый вздохъ вырвался изъ груди ея.

Спустя нѣсколько дней Ганны не стало; грустный Твардовскій остался одинъ съ сыномъ. Домъ его опустѣлъ; широкой дворъ заросъ травою, гумна развалились,—прежнее хозяйство пошло не въ прокъ. Твардовскій не заботился ни о чѣмъ: ужасная мысль о продажѣ дьяволу сына преслѣдовала его на каждомъ шагу.

ГЛАВА III.

О томъ, какъ выросъ Твардовскій и какъ онъ ходилъ въ адъ за отцовскими циропрафами.

Дитя надобно было окрестить. Твардовскій созвалъ въ кумовья себѣ сосѣдей и послалъ за ксендзомъ въ Прошовицы. Но видно и дьяволъ не дремалъ, потому что кумовья прѣѣхали, а ксендза нигдѣ не могли сыскать. Послали за другимъ, да тотъ лежалъ больной въ постели; послали за третьимъ — говорятъ, что его разнесли и разбили въ дорогѣ лошади; за четвертымъ ксендзомъ побѣхалъ самъ Твардовскій (онъ уже подозрѣвалъ въ этихъ неудачахъ штуки дьявола), но также вернулся ни съ чѣмъ. Этотъ ксендзъ ни за что въ свѣтѣ не рѣшилсяѣхать къ Твардовскому, потому ли, что отказать трехъ его товарищѣ устрашалъ его, потому ли что о ребенкѣ ходили какія-то странныя вѣсти, — неизвѣстно. Всѣ эти препятствія не устрашили, однакожъ, Твардовскаго. Онъ побѣхалъ въ Краковъ, къ пробощу [†] Флоріанскаго косцела и, объяснивши ему все дѣло, просилъ его помочи. Набожный старецъ колебался недолго;

(†) *Пробоющъ* — тоже почти что у насъ благочинный.

далъ Твардовскому частицу св. мощей и велълъ привезти ребенка, Повѣсили на шею ребенка святыню, Твардовскій выбралъ сѧ въ дорогу. Огромную лѣдовскую коляску потащила четверни чахлыхъ клячей. Къ вечеру того же дня думалъ онъ быть въ Краковѣ, но, на бѣду, поднялась такая буря, что онъ принужденъ былъ остановиться въ кормѣ и ждать въ ней погоды.

Не успѣли насыпать лошадямъ сѣчъки (*), какъ небо прояснилось и шляхщица принужденъ былъ выѣхать снова. Едва тронулись—и опять все небо заволокло тучами, опять поднялась буря. Рѣшился Твардовскій доѣхать во что бы ни стало. Укутавши хорошенько дитя, велѣлъ онъ єхать далѣе. Два раза коляска его опрокидывалась, два раза понесли Твардовскаго лошади и разбили бы на смерть, не будь съ нимъ честныхъ мощей; иѣсколько разъ блудили они и сворачивали съ дороги, и, наконецъ, послѣ безчисленныхъ бѣдъ и опасностей, добрались до Кракова. Этимъ, однаждѣ, не кончились бѣдствія. На другой день, когда мамка понесла ребенка въ косцель, напала на нее огромная собака и, вѣрно, разорвала бы вмѣстѣ съ дитею, еслибы она не догадалась перекрестится. Потомъ, скакая за ней какой-то всадникъ, который чуть-чуть не задавилъ ее; послѣ сама она едва не попала подъ колесо огромной коляски; наконецъ, на самомъ порогѣ косцельномъ поскользнулась и упала. Къ счастію, подѣлѣ нее былъ Твардовскій и успѣлъ подхватить дитя. Ребенка, наконецъ, кое-какъ окрестили. Твардовскій прїѣхалъ домой благополучно, но съ той поры во всемъ стало ему несчастливиться. Дьяволъ безпрестанно наводилъ на него бѣды и напасти. Бури, вѣтры, грады и засуха, дожди и громовые удары, пожары, воровства, скотской падежъ—всё это смѣнялось одно другимъ, и Твардовскій сносилъ все безъ ропота.

Между тѣмъ дитя все росло и росло. Способности и понятливость развивались въ немъ изумительно. Всѣ ливились и завидовали счастливому отцу; одинъ онъ только грустно смотрѣлъ на сына, бралъ его на колѣни, цѣловалъ его и пла-каль надъ нимъ. Такъ прошло десять лѣтъ. Смѣтливый ребенокъ, замѣчая грусть и слезы отца, спрашивалъ его о при-

(*) *Сѣчка*—овесь съ рубленою соломой—обыкновенный кормъ лошадямъ между убогую шляхтою и крестьянами. Такой кормъ называется вообще *оброкомъ, оброк*.

чинъ, какъ будто предчувствуя ею въ своей участі. Бѣдный отецъ, который чувствовалъ всю необходимость облегчить передъ кѣмъ нибудь свое горе, рѣшился, наконецъ, открыть сыну горькую правду. Когда онъ кончилъ разсказъ своей, ребёнокъ весело соскочилъ съ колѣнъ его и вскричалъ:

—Папенька! послушай: я... пойду самъ въ аль и возьму назадъ цирографъ твой!

Ребенокъ роѣсь съ этой мыслю; онъ безпрестанно напоминалъ о ней отцу, утѣшалъ его и молился Пречистой-Дѣвѣ, прося у ней помощи. Скоро отецъ отдалъ его въ школу «Всѣхъ-Святыхъ», въ Краковѣ. Молодой Твардовскій учился прилежно и удивлялъ всѣхъ наставниковъ своими способностями. При принятіе имъ твердое намѣреніе вырвать изъ когтей дьявола отцовскую запись, побудила его изучать священное писаніе. Цѣлые дни и ночи проводилъ онъ въ молитвѣ, въ размышленіи и въ чтеніи набожныхъ книгъ. Онъ молилъ Бога дать ему силы, помочь ему въ намѣреніи, которое отнынѣ спллось съ его существованіемъ. Такъ прошло еще пять лѣтъ и тогда только онъ почувствовалъ, что время дѣйствовать наступило.

Въ то время звонаремъ въ косцѣль «Всѣхъ-Святыхъ» былъ одинъ набожный старишокъ, маленькой, худой и горбатый. Никто не зналъ, сколько ему было лѣтъ, да и самъ онъ позабылъ имъ счетъ. Звали его Доминикомъ. Всякой, кому была известна праведная жизнь старца, чтилъ его; всѣ прибѣгали къ нему съ просьбами и за совѣтами. Говорили, что ему не разъ представлялись видѣнія, — что даже самъ онъ творилъ чудеса. Къ нему-то рѣшился прибѣгнуть молодой Твардовскій. Встрѣтилъ онъ его однажды на кладбищѣ, у церковной наперти. Старишокъ стоялъ на колѣняхъ и пѣлъ лitanію Пречистой-Дѣвѣ. Сѣдая борода его покрывала изсохшую грудь; а отъ лысой, какъ лучъ, головы, казалось, отражалось сияніе. Не смѣя прервать молитвы его Твардовскій подошелъ къ нему только тогда, когда тотъ всталъ, опираясь на посохъ; — поцѣловалъ его руку и тутъ уже просилъ о помощи.

—Отецъ мой! такъ началь онъ; отсюду слышу я о святой жизни твоей и о спасительныхъ совѣтахъ твоихъ. Помоги мнѣ; — неминуемая бѣда ждѣтъ меня.

—Чѣмъ могу помочь тебѣ, сынъ мой? Какого совѣта требуешь ты отъ меня? спросилъ его старишокъ, тихо опускаясь на камень.

—Вотъ въ чёмъ дѣло, продолжалъ Твардовскій. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ спасть дьяволъ отца моего отъ разбойниковъ и взялъ съ него за то обѣщаніе отдать ему то что онъ найдеть въ домѣ и о чёмъ не гадалъ, не думалъ. Въ эту-то минуту родился я и обо мнѣ-то заключалъ сатана ужасный торгъ свой. Много противостоять онъ препятствій, когда отецъ хотѣлъ окрестить меня; но Богу было угодно помочь отцу и пробошь Флоріанскаго косцѣла окрестилъ меня. Пришелъ я теперь просить твоей помощи, праведный отче: помоги мнѣ сходить въ адъ и взять оттуда отцовскую запись!..

Призадумался святой старецъ. Долго размѣшился онъ, долго вздыхалъ, пока наконецъ не собрался съ силами:

—Надѣйся на Бога, сынъ мой; Ему единому все возможно. Старайся напередъ очистить душу свою покаяніемъ. Господь приметъ на себя всѣ грѣхи твои... Возьми съ собой святыхъ мицѣ, кроильницу и святой воды: съ ними только ты можешь безопасно войти въ адъ... Много искушений долженъ ты будешь перенести прежде, чѣмъ придешь туда. Крѣпись, сынъ мой!... Причастившись Св. Таинъ, выйдешь ты въ поле, за Krakовъ... увидишь передъ собою полевую мышь, которая и приведетъ тебя къ воротамъ ада. Подходя къ нимъ начни пѣть святые псалмы и лitanіи и кроши святой водою, и пой и кроши до тѣхъ поръ, покамѣстъ не отдастъ тебѣ дьяволъ записи... Духъ Святый будетъ напутствовать тебѣ и предостерегать отъ искушений... Молись и бойся грѣха, сынъ мой.

Твардовскій сдѣлалъ все, что ему ни приказывалъ старичокъ. Исповѣдался, причастился, взялъ святой воды и вышелъ за городъ. Увидѣлъ сѣрую мышь и пошелъ вслѣдъ за нею. Во всю дорогу онъ горячо молился и шелъ опустивши глаза... онъ боялся согрѣшить даже взглядомъ. Во всю дорогу онъ не встрѣчалъ никого, и только къ вечеру послышался ему сзади чей то голосъ:

—Куда ты идешь, добрый молодецъ?

Оглянулся, и видѣть—бѣжитъ за нимъ дѣвушка. Такой красавицы онъ никогда не видывалъ. Ни одна изъ краковскихъ паній, которая разѣзжаетъ въ коляскахъ, облитыя въ золотѣ, не могла бы сравняться съ нею. И эта дѣвушка манила его къ себѣ, звала такимъ голосомъ, такимъ голосомъ, что сердце у него готово было разорваться на части!.. Догадался

наконецъ, что это дьяволъ искушаетъ его,—закрылъ глаза и началъ молиться по прежнему.

—Постой, добрый молодецъ; постой, подожди меня! Я заблудилась, пойдемъ вмѣстѣ! кричала въ-слѣдъ ему красавица.

Твардовскій не отвѣчалъ и молился еще усерднѣе. Но вдругъ слышится ему, что она подбѣжала къ нему, дергаетъ его за платье, говорить ему надъ ухомъ: «Постой, добрый молодецъ, не оставляй меня одну; — ужъ смеркается, а мнѣ страшно идти одной — пойдемъ вмѣстѣ... ты пойдешь... не правда ли?...»

—Я иду въ аль, отвѣчалъ онъ; если ты хочешь идти туда вмѣстѣ со мною, то иди пожалуй.

Дѣвушка отскочила отъ него съ громкимъ смѣхомъ.

—Въ аль! Ты шутишь, вѣрно, или сошелъ съ ума!.. Ну, если такъ, посмотрю я гдѣ этотъ аль...—И она побѣжала за нимъ;—она то отставала отъ него, то опережала его; она то смѣялась надъ его безразсудствомъ, то умоляла его оставаться съ нею; но Твардовскій былъ глухъ на всѣ просьбы, на всѣ обольщенія. Солнце уже зашло, а они не встрѣчали еще никакого жилья. Твардовскій молился и шелъ за мышью. Истошивши всѣ просьбы и обольщенія, дѣвушка начала упрекать его, жаловаться на его равнодушіе.—Безстыдникъ! негодный! говорила она ему: хорошо ли это?.. годится ли поступать такъ жестоко? не сказать ни слова бѣдной дѣвочкѣ! Это безчеловѣчно! Умилосердись!.. Видишь, какъ я устала! сядь со мной,—отдохнемъ!

—Я поклялся передъ Богомъ; и не нарушу клятвы.

—Ну, посмотримъ, далеко ли зайдешь ты? — отвѣчала она ему со смѣхомъ.

Скоро они подошли къ дремучему лѣсу. У опушки его стояла великолѣпная гостинница, откуда доходилъ до нихъ соблазнительный запахъ яствъ. Дымъ выходилъ изъ бѣлыхъ трубъ; въ окошкахъ видно было множество народу. Спутница его остановилась въ дверяхъ и стала звать его.

—Пойдемъ, пойдемъ сюда; отдохнемъ здѣсь... теперь ночь, а путь лежитъ дремучимъ лѣсомъ,—пустыней, говорила она, но Твардовскій молился и шелъ дальше, даже не взглянувши на гостинницу. И вотъ снова посыпалась на него упреки и жалобы:

—Безсовѣтный! тиранъ! мучитель!... увидишь—не далеко

зайдешь! Тебя ограбятъ, убьютъ въ лѣсу! Останься здѣсь лучше,—ночуй, а завтра чѣмъ-свѣтъ въ дорогу!...

Бѣдный юноша ничего не слушалъ и все шелъ. Страшно ему стало въ лѣсу. Темно, холодно,—а мышь все бѣжитъ передъ нимъ; глаза ея блестятъ и свѣтятъ, какъ два карбункула... Долго шелъ онъ, распѣвая канцаты Пресвятой-Дѣвѣ... Вдругъ видитъ невдалекѣ отъ себя какихъ-то людей, которые грабили бѣднаго путешесственника.

—Ей, хлопецъ крикнули они ему: поди-ка къ намъ; помоги намъ донести эти деньги до нашей церкви, — дадимъ тебѣ ихъ за это полную шапку. Стой, — или смерть тебѣ!

Твардовскій шелъ все далѣе... Голодъ и жажда стала мучить его;—и вотъ встречаются ему на дорогѣ, видно потерянные кѣмъ-нибудь, мѣшкы съ явствами; — встречаются проѣзжіе, которые приглашаютъ его пообѣдать съ ними; — деревья съ вкусными плодами протягиваются къ нему обремененные свои вѣтви. Твардовскій крѣпится, молится и идетъ все далѣе.

Черезъ нѣсколько дней почувствовалъ онъ запахъ сѣры и смолы; земля сдѣлалась вдругъ горяча. Онъ вошелъ въ черный, густой лѣсъ; широкая, битая дорога вела къ нему. По ней шли иѣхали тма народу разнаго званія, пола и возраста; одни въ великолѣпныхъ каретахъ, другіе на крестьянскихъ возахъ. Народу было, какъ муравьевъ въ муравейникѣ. Твардовскій примѣтилъ съ ужасомъ, что у всѣхъ глаза были закрыты, что всѣ шли какъ—будто спящіе или мертвые;—одинъ онъ похожъ былъ на живое существо. Мышь, за которую онъ шелъ, исчезла передъ нимъ, и тутъ только онъ догадался, что находится на пути къ вратамъ ада.

ГЛАВА IV.

О томъ, какимъ образомъ Твардовскій пришелъ въ адъ и что онъ тамъ увидѣлъ.

Чѣмъ ближе подходилъ Твардовскій къ аду, тѣмъ усерднѣе молился. Толпы народа кругомъ его росли и росли, но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія. Въ-самомъ-дѣлѣ странное

зрѣлище представляла эта дорога! Множество боковыхъ стежекъ сливалось съ нею, и всѣ они были полны народомъ. Тутъ ужасная картина раскрывалась во всей ея безобразной наготѣ. Шестимѣстная вызолоченная кареты богачей, запряженныя грѣхами ихъ, въ образѣ страшныхъ чудовищъ, неслись во всю прыть. Вмѣсто богатой сбруи, на этихъ ужасныхъ коняхъ свѣтились нанизанныя ожерельемъ слезы, потъ и кровь человѣческія... Другихъ тянуло огромное ненавистное чрево, въ которомъ видны были цѣлья растраниженія деревни, замки и села, кучи золота,—утраченное счастіе цѣльныхъ фамилій, попранныя и уничтоженные добродѣтели...

Другіе шли пьяные, шатаясь, за огромною бочкою, изъ которой прыскала водка, — и красные, прищуренные глаза ихъ обращались къ ней съ сыновникою любовію...

Шелъ тамъ и какой-то щедущій діалектикъ, схоластикъ и теологъ, съ фоліантомъ подъ мышкою, съ Аристотелемъ въ рукѣ. Огромное перо, къ которому онъ былъ привязанъ за шею, тащило его за собою...

Передъ другими катились по дорогѣ червонцы и дукаты, и они бѣжали за ними все дальше и дальше...

Иныхъ манила и увлекала черноокая красавица... Напрасно отглядывались они назадъ, — за ними ужъ не было видно ихъ мирнаго домика, ихъ безмятежной жизни, ихъ золотаго прошлаго; — напрасно колебались они — одинъ взглядъ обольстительницы увлекалъ ихъ, а что же, когда она не щадила передъ ними своихъ чудныхъ улыбокъ, своихъ страстныхъ тѣлодвиженій?.. Если они уставали, если колебались въ нерѣшимости, — она, будто ненарочно, показывала имъ изъ-подъ снѣжной одежды, свое выточенное изъ слоновой кости тѣло, — колѣно, грудь, ливную ногу, роскошныя плечи, — и они забывали объ усталости, — и кровь клокотала въ нихъ, и мозгъ кипѣлъ, и сердце рвалось на части — и они бѣжали, бѣжали, бѣжали...

Были и такие, которые смотрѣли на небо, а сами шли въ адъ.

Другихъ вели за руки собственные ихъ дѣти, воспитанники слуги, наложницы.

А пные поддерживали шлейфы своихъ госпожъ, подушки своихъ господь — и съ ними шли въ адъ.

Шли воры, шли и крали дорогою все, что имъ ни попа-

далось на глаза, даже грѣхи изъ чужихъ кармановъ. Радовались они, что не видали по всей дорогѣ ни одного палача, ни одной висѣлицы....

Шли, съ пѣснями и пляскою, какія-то женщины. Волосы на нихъ были распущены, на устахъ ихъ быта сладострастная пѣсня, и еще болѣе сладострастная умыбка, которую бросали онѣ, какъ уду, на прохожихъ.

Шли тамъ и магнаты, гордо расталкивая толпу, попирая ногами бѣдность, а передъ ними дьяволы несли булавы, и инфузы, и жезлы, и сенаторскія кресла, и титулы, и ордена ихъ...

Были тамъ дивно подобранныя пары, которыхъ вели другъ друга за руки, за полы платья, за что ни попало.

Одного бурмистра еймость (*) вела просто за носъ.

Одна пожилая дѣва песяла своего любовника, придавленнаго въ башмакѣ.

Одна молодая лѣнушка тащила въ адъ старика за остатокъ сѣдыхъ волосъ его.

Другихъ тащили немилосердно черти за ноги, за руки, за носъ, за уши...

Въ-самомъ-дѣлѣ, любопытныи и ни съ чѣмъ несравненнѣи былъ видъ адской дороги, но Твардовскій не обратилъ вниманія ни на что; занятый молитвою онъ не видалъ ничего. Наконецъ, остановился онъ вмѣстѣ съ прочими у воротъ ада. Никто не стерегъ ихъ. Богато убранный швейцарь принималъ каждаго съ низкимъ поклономъ и передъ каждымъ отворялъ настежь дверь. Увидѣвъ Твардовскаго съ кропильницею въ рукѣ, услышавъ священную пѣснь, швейцарь разсердился и захлопнулъ дверь. Твардовскій покропилъ ихъ святою водою; они растворились, и онъ вошелъ.

Едва онъ вошелъ, какъ отсюду начали доходить до слуха его страшные крики и вопли грѣшниковъ, которые мучились въ адѣ. Вопли эти заглушили на минуту робкую пѣснь его, но такова была сила священныхъ словъ, что адскій шумъ скоро затихъ передъ ними,—все смолкло,—и вотъ устрашенная толпа черныхъ дьяволовъ стала передъ нимъ. Твардовскій все пѣлъ и крипилъ на всѣ стороны.

—Чего тебѣ надобно, чистая душа? спросилъ одинъ.—За чѣмъ ты пришолъ?—повторили хоромъ другіе. И всѣ они корчились и отскакивали за каждымъ движениемъ кропила.

(*) Еймость, Jejmosé—ея милость.

—Ищу и требую записи, данной отцомъ моимъ на мою душу, отвѣчалъ имъ Твардовскій, а самъ все пѣлъ, все крошилъ, и все шелъ дальше. Черные дьяволы исчезли. Скоро Твардовскій пришелъ въ темную и глубокую пещеру... Тамъ засѣдалъ самъ Люциферъ, вождь и глава низверженыхъ ангеловъ. Черты обскочили Твардовскаго со всѣхъ сторонъ, но никто изъ нихъ не смѣлъ дотронуться до него, потому что онъ былъ очищенъ отъ грѣха покаяніемъ, потому что крошилъ святою водою. Послѣ долгихъ переговоровъ черти начали входить съ нимъ въ уклады. Сказали ему сначала, что цирографъ затерялся, и предлагали вмѣсто его деньги, но Твардовскій не соглашался..... Предлагали потомъ любую женщину, какой бы онъ ни пожелалъ,—давали высокія мѣста и должности,—но Твардовскій оставался непреклоннымъ... Отговаривались всячески, увѣряли, что того дьявола, который взялъ отъ отца его цирографъ, не было въ аду, что онъ таскался по свѣту, и что всѣ бумаги хранились у него... На все это Твардовскій отвѣчалъ молитвою и крошилъ, и довелъ наконецъ чертей до того, что принуждены были послать за своимъ сотоварищемъ.

Приведенный черезъ минуту дьяволъ запирался и клялся всѣмъ на свѣтѣ, что не думалъ брать отъ отца Твардовскаго никакой записи. Твардовскій снова принялъ за крошило,—снова черти обѣщали ему отдать цирографъ; принесли, наконецъ, огромный сундукъ и велѣли Твардовскому самому искать въ немъ цирографъ. Испугался Твардовскій: увидѣвъ такое множество бумагъ, и въ такомъ страшномъ беспорядкѣ. Это былъ настоящій катанинскій архивъ. Тутъ были бумаги на всѣхъ языкахъ, рукописи всѣхъ націй и всѣхъ вѣковъ.. Вспомнилъ тутъ Твардовскій о святомъ патронѣ потерянныхъ вещей Святомъ Антоніѣ, помолился ему и отыскалъ цирографъ. Волей или неволей, а надобно было чертамъ отдать его Твардовскому. Отдали, наконецъ. Подскочилъ тогда къ нему тотъ самый дьяволъ, который искусили отца его, и поклялся ему, что возмѣтъ его душу и безъ отцовскаго цирографа. Твардовскій не слышалъ словъ и пѣлъ *Te Deum*.

Труднѣйшимъ былъ для Твардовскаго выходъ изъ ада. Ворота закрывались передъ нимъ; исчезала дорога; обваливалась земля подъ ногами; стѣны тряслись; ужасныя чудовища нападали на него; искушали его дорогія ляствы и женщины. Знакомые его протягивали къ нему руки, заговаривали

съ нимъ; его окружала богатая шляхта,—но Твардовскій крѣшился, молился еще усерднѣе... Во всѣхъ этихъ страшныхъ призракахъ видѣлъ онъ одно искушеніе; а изъ-за стѣнъ слабо долетали до его слуха вопли страдальцевъ.. Наконецъ, удалось ему понастѣ на дорогу и найти выходъ изъ ада. Въ воротахъ принесли ему ногу, и вотъ отъ чего прихрамывалъ онъ во всю жизнь. Вышедши изъ ада, Твардовскій палъ на колѣни и благодарили Бога за свое избавленіе.

Теперь уже, на этой дорогѣ, прежде такъ многолюдной, онъ не видалъ никого... Крѣпко держалъ онъ цирографъ свой и шелъ безъ оглядки. Опять явилась передъ нимъ мышь и провела его къ самому дому, въ Проповицахъ. Упалъ Твардовскій безъ чувствъ отъ изнеможенія на порогъ отцовскаго дома. Послѣ уже, придя въ себя, рассказалъ онъ отцу всѣ свои похожденія и отдалъ цирографъ. — Обрадованный отецъ тотчасъ же скжегъ его на освященномъ огнѣ, для того чтобы дьяволъ не могъ взять его и изъ пепла.

Успокоился тогда на старости лѣтъ своихъ отецъ Твардовскаго. Скоро отправилъ онъ сына въ краковскую школу. Недолго жилъ бѣдный старикъ... Въ одно утро пришелъ въ школу паробокъ къ сыну—съ горькимъ извѣстіемъ о смерти доброго старика.

Искренно оплакивавъ его молодой Твардовскій... Неутѣшный въ потерѣ отца, онъ старался искать для себя утѣшненія въ наукахъ,—и остался въ школѣ, ректоръ которой особенно любилъ его за прилѣжаніе и необыкновенные способности.

ГЛАВА V.

*О томъ, какимъ образомъ Твардовскій, сдѣлялся
славнымъ ученымъ.*

Не даромъ поклялся Сатана погубить Твардовскаго. Съ того времени не отступалъ онъ отъ него ни на шагъ, слѣдилъ за нимъ каждую минуту, искалъ въ немъ самаго непримѣтнаго отверзтія, куда бы могъ впустить тлетворное свое дыханіе. Но душа Твардовскаго была чиста, какъ душа младенца. Посвятивши себя науки, которую избралъ звѣздою путеводитель-

ницею въ жизни, Твардовскій не видѣлъ свѣта, не прельщался его приманками,—не зналъ искушенія, ни грѣха. Часъ его еще не насталъ,—а въ жизни каждого человѣка, даже и самаго разумнаго изъ людей, всегда есть одна минута — минута обаянія, минута безумія, съ которой начинается въ жизни переломъ, которая ведетъ къ блаженству или къ гибели, — минута, которую ни предвидѣть, ни подстеречь невозможно...

Твардовскій погрузился въ науку и мысль. Понялъ тогда искуситель, что только однимъ этими путемъ можетъ привлечь къ себѣ Твардовскаго, можетъ погубить его — и онъ схватился за эту адскую мысль, со всѣмъ ожесточеніемъ падшаго ангела. Онъ ждалъ только той минуты, когда Твардовскій, вычерпавши всѣ источники знанія, дойдетъ до границы невозможнаго, — до той границы, которую не переступить земные учителя, мудрецы свѣта. Минута эта настала. Всѣ законы и условія науки были постигнуты Твардовскимъ. Онъ проникалъ въ самые сокровенные тайники ея, разрѣшалъ самые запутанные вопросы, и скоро превзошелъ всѣхъ извѣстныхъ тогда мудрецовъ и ученыхъ. Такіе успѣхи не могли не возбудить зависти. Всѣ дивились неимовѣрнымъ успѣхамъ юноши; одни превозносили его до небесъ, — другие злословили; не доучившіеся ставили его въ примѣръ педантамъ, — ученые, говоря о немъ, значительно качали головой. Скоро не было уже ни одной отрасли науки, въ которой бы онъ не сравнялся съ первыми ея законодателями. Ему стоило только приняться за какой нибудь предметъ, для того, чтобы узнать его основательно. Дарь разумѣнія служилъ ему такъ вѣрно, что, учась, онъ могъ уже поправлять тѣ книги, по которымъ учился; по началу науки онъ уже отгадывалъ ея конецъ, а отгадавши, предсказывалъ и всѣ дальнѣйшія усовершенствованія, какими должны были обогатить ее цѣльные вѣка... Такъ текло для него время. Твардовскій, являясь поперемѣнно то теологомъ, то математикомъ, философомъ, физикомъ, докторомъ, — соединяя глубокое совершенство въ каждой изъ этихъ наукъ, которыхъ такъ рѣдко встречаются въ одномъ человѣкѣ, — а онъ былъ еще молодъ!...

При всемъ этомъ онъ не походилъ на тѣхъ мудрецовъ, которые, узнавши начала науки, воображаютъ уже себя совершенными; — чѣмъ болѣе узнавалъ онъ, тѣмъ болѣе быть увѣренъ въ ничтожествѣ资料а своего знанія: наука представлялась ему неисчерпаемою рудою. Достигнувшіи въ ней тогдашнихъ столповъ

Геркулесовыхъ, онъ чувствовалъ все несовершенство свое,— видѣлъ, что многое еще оставалось закрытымъ для ума человѣческаго, которому суждено было открывать эти сокровища вѣками и по-немногу; онъ предвидѣлъ, что людямъ съ ихъ муравыннымъ трудолюбиемъ суждено только разрушать огромное зданіе науки, и снова воздвигать разрушенное.

Этотъ пророческой духъ Твардовскаго былъ такъ противоположенъ духу тогдашняго времени. И въ-самомъ-дѣлѣ, много ли ученыхъ мужей того времени, стоявшихъ въ головѣ науки и мышленія, чувствовали, какъ еще низко стоять они!.. Твардовскій, почти ребенокъ, который только что ознакомился съ наукою,—этотъ ребенокъ своей деревянною саблей парировалъ всѣ удары тяжелыхъ желѣзныхъ мечей тогдашнихъ мудрецовъ!.. Любимымъ его занятіемъ было опроверженіе принятыхъ въ то время правиль. Съ особеннымъ наслажденіемъ осмѣивалъ онъ всѣ нелѣпости ученаго міра, всю безумную гордость тогдашнихъ аристарховъ науки. Всѣ эти опроверженія, всѣ доказательства подкрѣпляли онъ изрѣченіемъ мудраго Соломона: *Vanitas vanitatum...* За всѣмъ тѣмъ, достигая своей цѣли, убѣждая неразумныхъ, или разсуждая о наукѣ, онъ не обнаруживалъ на лицѣ своеи радости школьнаго, которому удалось поставить на-своемъ; скорѣе въ немъ видѣли грусть и печаль старца, которому неожиданное препятствіе вдругъ заслонило дорогу... При всей своей страсти опровергать фальшивыя мнѣнія, которыя тогдашніе ученые принимали за истины, при всемъ желаніи вразумлять и останавливать дѣтскіе порывы ученыхъ,—Твардовскій старался находить истину тамъ, гдѣ никто не думалъ найти ее—въ ученомъ мусорѣ, въ тѣхъ грязныхъ ямахъ, въ которыя привыкли сливать одни чистоты разсудка и мыслительности. Осмѣивая всѣ тогдашнія системы, всѣ систематическія раздѣленія науки, онъ, въ то же время, какъ бы невольно, указывалъ къ ней настоящій путь и средства достигнуть его. Эта огромная разница его мнѣній съ мнѣніями всѣхъ ученыхъ того времени, эта дерзость ученика въ виду важныхъ, глубокомысленныхъ учителей, не была никѣмъ понята, никѣмъ оцѣнена по достоинству. Зависть замышляла свои ковы въ тиши. На все это разсчитывалъ дьяволъ: онъ хотѣлъ сначала посѣять въ разочарованной душѣ Твардовскаго зерно неудовольствія, и потомъ уже влить въ нее каплю отчаянія,—отравить ее, возмутить цѣлую жизнь. Онъ зналъ, что страсти смѣня-

ются отчаяніемъ, а отчаяніе есть самый вѣрный путь къ преступленію...

Переходя всѣ степени науки, Твардовскій скоро достигъ званія доктора и профессора. Его способъ ученія скорѣе походилъ на игрушку, которую даютъ дѣтямъ для забавы. Чѣмъ болѣе открывалъ онъ ученикамъ своимъ истину въ наукѣ, тѣмъ болѣе возбуждалъ въ нихъ алчность къ нимъ; научая, онъ, какъ будто дразнилъ ихъ. Не утоляя ихъ голода, онъ разсыпалъ передъ ними тысячи прихотливыхъ яствъ науки, и они невольно становились алчными. Такой учитель не могъ не возбудить опасеній. Видѣль все это искуситель и тѣшился заранѣе; онъ зналъ, что душа Твардовскаго рано или поздно, а будетъ принадлежать ему... До-сихъ-поръ онъ еще не былъ увѣренъ въ успѣхѣ, — онъ только опутывалъ Твардовскаго сѣтью, но теперь, когда наука готова была вытѣснить въ душѣ его вѣру, — теперь ему нечего было сомнѣваться въ успѣхѣ.

Въ душѣ Твардовскаго уже не было прежней младенческой довѣрчивости, прежней вѣры. Его путешествіе въ адъ представлялось ему теперь какъ сонъ, въ дѣйствительность котораго вѣрилъ онъ съ каждымъ днемъ менѣе, слабѣе. Отважныя, дерзкія мысли рождались въ умѣ его, и онъ гордо поднималъ голову; онъ дивился, откуда онѣ могли родиться въ немъ, хотя давно уже тревожно предчувствовалъ ихъ въ самомъ себѣ. А между тѣмъ искуситель спаивалъ въ немъ эти мысли невидимымъ звѣномъ, одинъ съ другими, такъ постепенно, такъ искусно и натурально, какъ не спаялъ бы цѣни золота самый ловкій венеційскій ювелиръ.

Межу тѣмъ слава о Твардовскомъ распространялась съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Со всѣхъ сторонъ стекались къ нему знаменитѣйшіе теологи, философы, астрономы и лекари; — одни изъ желанія насладиться его бесѣдою, другіе изъ простаго любопытства взглянуть на него, какъ на диво. Они вызывали Твардовскаго на диспуты и ученые споры, изъ которыхъ онъ всегда выходилъ побѣдителемъ.

И вотъ, пріобрѣти славу, возбудивъ въ людяхъ зависть, Твардовскій увидѣль вдругъ себя одинокимъ. Для толпы казался онъ слишкомъ необыкновеннымъ человѣкомъ, для ученыхъ — слишкомъ опаснымъ... Его оставили всѣ родные, друзья и знакомые; — онъ сталъ одинокимъ на свѣтѣ. Отнынѣ наука застучитъ ему мѣсто друзей, замѣнить ему цѣлый свѣтъ

и теперь-то онъ схватился за нее еще сильнѣе, еще глубже запустить въ нее когти всеобъемлющаго ума; — теперь, когда ему не къ-чему привязаться на свѣтѣ, когда свѣтъ удаляется отъ него съ каждымъ часомъ, съ каждою минутой, болѣе и болѣе.

Отцовской домикъ опустѣлъ; — чужіе люди хохочають въ немъ. Какая до того нужда Твардовскому!... Для жизни ему надоно такъ немнога. Наука—одна изъ самыхъ дешевыхъ страстей и, вѣрно, всѣ бѣдныя были бы сыты, еслибы продали наукѣ и душу и тѣло свои.

Такъ текли юныя лѣта Твардовскаго, текли безъ обаянія чувствъ, безъ сладостныхъ воспоминаній — этихъ благовоній, которыхъ рѣдкая увядшая юность не оставляетъ по себѣ. Одинокій среди живыхъ, онъ бѣдовалъ только съ міромъ усопшихъ, съ книгами, которыхъ источники вычерпывалъ ежечасно. Онъ нашелъ въ нихъ однѣ скучныя повторенія стараго, сбродъ выраженій безъ мыслей, — и принужденъ былъ насыщаться собственными мыслями; — онъ жегъ, палилъ самъ себя, для того только, чтобы не дать потухнуть огню своей умственной жизни.

Онъ скоро почувствовалъ въ себѣ какую-то жажду, какое-то желаніе, котораго не могъ объяснить себѣ, которое терзало и мучило его безпрестанно... Радовался въ эту минуту искушитель его; онъ стоялъ на-сторожѣ и готовъ былъ схватить его душу. Напрасно, томимый жаждою знанія, обращалъ вокругъ себя взоры Твардовскій, — напрасно, подобно умирающему, который требуетъ себѣ помощи, требовалъ Твардовскій пищи для изнеможенной души своей, — напрасно хватался за всѣ: онъ находилъ везде только оставъ, только кости — и нигдѣ матеріи, нигдѣ пищи!...

И вотъ, дождался поры сатана — и вотъ предсталъ онъ Твардовскому въ образѣ ученаго доктѣра.

ГЛАВА VI.

О диспуте Твардовского съ сатаною.

Давно уже стояла гдухая ночь, а Твардовский все еще спалъ въ своемъ чердакѣ, надъ грудою старыхъ запыленыхъ фолиантовъ. Глаза его блуждали по нимъ съ выражениемъ отчаянія. Блѣдные лучи мѣсяца, проходя чрезъ узенькое косящатое окошечко, освещали комнату. Вездѣ, въ безпорядкѣ разбросаны были книги, инструменты и всѣ принадлежности ученаго человѣка того времени—мумія, чучелы, крокодилы и разныхъ видныхъ животныхъ, рѣдкія произведения природы, уроды въ спиртѣ. Все это, поставленное, разбросанное въ безпорядкѣ, какъ будто свидѣтельствовало о тревожномъ расположеніи духа хозяина, какъ будто носило на себѣ отпечатокъ его мыслей, столько же смѣшанныхъ, беспорядочныхъ. Казалось, что онъ бросилъ все это, что все это было имъ узано, постигнуто, — что теперь онъ не нуждается ни въ чемъ этомъ, — и между тѣмъ самъ не знаетъ, за что приняться, что дѣлать. Это была одна изъ тѣхъ минутъ, въ которыхъ онъ всего болѣе чувствовалъ необходимость умственной пищи, въ которыхъ онъ всего болѣе ощущалъ ту жажду, которую тщетно силился утолить... Такую-то минуту выбралъ сатана, и — надо признаться, — выбралъ удачно.

Дьяволъ былъ догадливъ: онъ не явился Твардовскому въ томъ страшномъ видѣ, въ какомъ изображаютъ его, а принялъ на себя образъ ученаго доктора... Онъ вошелъ на цыпочкахъ. Услышавъ шелестъ Твардовскій, медленно поднялъ голову и обернулся...

Передъ нимъ стоялъ мужчина среднихъ лѣтъ, съ серіознымъ задумчивымъ лицомъ, приличнымъ ученому. На немъ было длинный кафтанъ темнаго цвѣта, похожій на сутану, (*) и высокая меховая шапка; на шеѣ висѣла цѣпь. Одною рукою опирался на длинную трость, въ другой держалъ свитокъ пергаменту. Коротенькая бородка торчала у него острымъ кли-

(*) Сутано—длиннополый кафтанъ, который носятъ въ Польшѣ священники.

шомъ черные глаза искрились; орлиный носъ съ разодранною ноздрею, казалось, выпускалъ паръ; стиснутыя губы выражали насмѣшку. Иероглифы морщинъ исчертали его крутой лобъ и лысую голову, какъ ладонь и къ которой, какъ будто въ насмѣшку, приставлены были уши, не короче ослиныхъ... Онъ влепилъ въ Твардовскаго черные глаза свои—глаза змія, которыми онъ смотрѣть на бѣдную птичку, привлеченную ихъ обаяніемъ...

Твардовскій не ошибся, принявъ дьявола за ученаго. Видѣть ученаго не могъ быть для него пріятнѣмъ; онъ зналъ, что дѣло пойдетъ о рѣшеніи какого-нибудь пустаго вопроса или о какомънибудь ложномъ мнѣніи. Подобные визиты были такъ часты, что не могли не надоесть ему. Твардовскій хотѣлъ было отказать гостю, но хитрый дьяволъ умѣлъ ловко отклонить отказъ,—искусно коснулся его самолюбія (онъ зналъ, что самая слабая сторона ученыхъ людей), началъ превозносить его ученость, поджигать его тщеславіе,—и не ошибся, потому что скоро на мрачномъ лицѣ мудреца появилась улыбка самодовольствія и скука исчезла, — скука, которая, какъ увѣралъ дьяволъ, несовмѣстна съ великимъ званіемъ ученаго.

И тутъ Твардовскій, развалившись въ кресль, опустивъ руки въ карманы, началъ вычислять незнакомцу всѣ свои мученія, всѣ страданія, обрадованный, что нашелъ, наконецъ, человѣка, который можетъ понимать его, сочувствовать ему. Въ голосѣ, во взглядѣ, въ рѣчи дьявола, Твардовскій увидѣлъ примѣты, отличающія умъ необыкновенный и высшее направление, и не могъ не довѣриться ему. — не вымыть передъ нимъ всю душу.

— Ты спрашивашь меня, за чѣмъ я такъ скученъ, сказа-
лъ Твардовскій: — а я спрошу тебя, какимъ образомъ можно
быть здѣсь веселымъ?.. Людямъ только—этой глупой толпѣ,
этой сволочи, этому стаду звѣрей — развѣ имъ только веселиться здѣсь... да, стаду... потому что они немногимъ чѣмъ
превосходятъ звѣрей, они, у которыхъ душа—первый неволь-
никъ тѣла! Но намъ, которые смотримъ выше ихъ, намъ хо-
чется не того, намъ нѣтъ времени думать о пустыняхъ.
Мы леземъ на небо, какъ тиганы, мы громоздимъ гору на
гору, для того только, чтобы упасть съ этихъ шаткихъ подмо-
стокъ еще ниже—въ грязь!.. ужасно!.. Спрашивашь, отъ чего
я такъ скученъ? Не смотря на всю славу мою, о которой ты
говоришь мнѣ, я не чувствую себя достойнымъ имѣніи мудре-
ца,—я многаго не понимаю; мало могу сдѣлать, и такъ много

желаю!.. Въ дѣль науки нельзѧ ограничить своихъ желаній,— нельзѧ, подобно циникамъ, довольствоваться въ ней одной водой и хлѣбомъ! О, какъ упоительна эта жажда, какъ роскошно это желаніе — имѣть больше, нежели сколько можетъ дать свѣтъ!.. Несчастливъ тотъ, стократъ несчастливъ, кто остановится на томъ, что дать ему свѣтъ!..

При этихъ словахъ лицо сатаны оживилось невольно улыбкою... Начало бесѣды показало ему, что Твардовскій стоялъ уже на той дорогѣ, куда такъ добивался онъ извести его самъ.

— Жажда науки, отвѣчалъ онъ, палить и жжетъ тебя, благородный мужъ. Такая же жажда терзала не одного изъ мудрецовъ греческихъ—этихъ свѣтильниковъ древняго міра... припомніи себѣ слова Аристотеля, въ послѣднюю минуту его жизни: «поглотите меня, если я не въ силахъ поглотить васъ!»— сказалъ онъ, бросаясь въ пучину Морица. То было отчаяніе человека, томимаго жаждой знанія,—и—признаться ли?—отчаяніе безразсудное... Но прежде лучше испытать — попробовать; не лучше ли до послѣдней минуты жизни искать для ума пиши и свѣта... ведь наша жизнь такъ коротка...

— Свѣта!.. пиши!.. вскричалъ Твардовскій... но гдѣ же искать ихъ? Въ книгахъ?.. Я читалъ, что только можно было прочесть, испыталъ все, что только можно было испытать, что только могла обнять мысль человека. И вотъ я перебралъ все, истощилъ все, узналъ все — а какъ многое осталось для меня еще загадкою!.. и какъ же я долженъ презирать себя, когда даже не могу постигнуть того, что окружаетъ меня!..

— Можно еще пытаться, если ты многаго не понимаешь въ свѣтѣ—на это есть еще средство... вразумилъ дьяволъ.

— Средства?.. отвѣчалъ Твардовскій: оставляю ихъ въ наслѣдіе скотамъ и невѣждамъ!

— Ты забылъ, что прямое наслѣдіе мудреца — терпѣніе и опытъ... на то созданъ нашъ свѣтъ и, если мы не можемъ понять его, то должны пытать, какъ инквизиторы... замѣтъ, что когда одни пытаются разгадать его, то въ тоже время другіе пользуются плодомъ труда ихъ и выигрываютъ противъ нихъ вдвое болѣе...

— И неужели до-сихъ-поръ стоялъ я на ложномъ пути?— вскричалъ Твардовскій, удариивъ себя въ голову. Я, который чувствую въ себѣ необузданную страсть къ наукѣ,—я, который, какъ Архимедъ, ишу рычага, на которомъ бы мысль моя могла опереться и приподнять цѣлый свѣтъ;—не ужели все попытки

мои, все мое знаніе, — были напрасными, смѣшными?.. Ужели этотъ внутренній жаръ, этотъ огонь, который жжетъ и палитъ меня — ужели все это долженъ я считать мечтою, призракомъ, обаяніемъ?....

Дьяволъ не хотѣлъ подтверждать словъ Твардовскаго. Онъ не хотѣлъ разсердить его, и видѣлъ ясно, что еще не пришло время представить ему науку въ настоящемъ ся видѣ. Твардовскій не хотѣлъ узнать этой истины во-время, а теперь, когда подобный трудъ сталъ ему не по силамъ,—онъ бросался за нею со всѣмъ отчаяніемъ скованнаго узника.

—Нѣтъ,—не говори такъ, отвѣчалъ сатана: увѣренъ ли ты, что перешелъ уже всѣ границы науки и мысли?..

Твардовскій гордо улыбнулся и замолчалъ...

—Попробуемъ свои силы,—посмотримъ, кто изъ настѣ выйдетъ изъ борьбы побѣдителемъ,—смѣло сказалъ Твардовскій сатанѣ.

—Попробуемъ, отвѣчалъ тотъ.

—Ночь свѣтлая;—на небѣ мѣсяцъ,—пойдемъ за-городъ.

—Пойдемъ!

Оба встали и вышли.

—

ГЛАВА VII.

О Матюши-Сироткѣ.

—

Никто въ цѣломъ Krakovѣ не зналъ о диспутѣ Твардовскаго съ дьяволомъ; никто ихъ не могъ подслушать, а отгадать и подавно. Споръ длился цѣлую ночь, и къ утру Сатана вышелъ побѣдителемъ. Твардовскій былъ такъ изумленъ познаніями и ученостю дьявола, что даже сказалъ, когда они возвращались домой:

—Откуда въ тебѣ столько знанія;—гдѣ ты учился?

—Эту премудрость далъ мнѣ дьяволъ, въ замѣнъ души, которую я ему продалъ—отвѣчалъ тотъ. Ты видѣлъ доказательства и потому не усомнишься въ справедливости словъ моихъ.

Сказавши это, незнакомецъ кивнулъ Твардовскому головою, въ знакъ прощенія, и скрылся въ одной изъ боковыхъ

улицъ... Слѣдствія были предусмотрѣны дьяволомъ: Твардовскому теперь былъ извѣстенъ источникъ мудрости и познаній; онъ только и думалъ объ этомъ. Иными средствами дьяволъ никакъ бы не достигнулъ своей цѣли. Онъ исчезъ для того, чтобы дать время посѣянному имъ зерну выростія и подняться. Успѣхъ оправдалъ его ожиданія.

Съ той поры, мысль, что одинъ дьяволъ можетъ дать ему сверхъестественную мудрость не могла выйти изъ головы Твардовскаго, алчнаго науки и славы. Она прильнула къ его сердцу и грызла его, какъ эмъя. Съ каждымъ днемъ убѣждалася въ необходимости ужаснаго дѣла; онъ, свыкся наконецъ, съ этой мыслью и рѣшился продать свою душу дьяволу. За всѣмъ тѣмъ ему было жаль безсмертной души своей. Онъ припоминалъ себѣ, какъ сквозь туманъ, какъ дорого обошлось ему искупленіе отцовскаго цирографа, какимъ опасностямъ подвергался онъ въ адѣ,— и тутъ овладѣвала имъ нерѣшительность; мысль о томъ, что онъ долженъ, наконецъ, признать надъ собой превосходство дьявола, страшно терзала его самолюбіе. Всѣ стали находить въ немъ большія перемѣны... Онъ уже не цѣнилъ такъ, какъ прежде, своей учености,—онъ презиралъ себя; наружность его отпечатывала на себѣ всю внутреннюю борьбу, всю грусть, которая грызла и точила его. Прежде онъ съ презрѣніемъ бросалъ магическія и волшебныя книги,—теперь искалъ ихъ везде съ жадностю, углублялся въ нихъ, черпалъ изъ нихъ все, что могло бы сблизить его съ дьяволомъ, что могло бы показать къ нему дорогу. При всемъ его желаніи, онъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ, можно ли цѣною души и вѣчности купить мудрость; — онъ все еще опасался найти въ ней одинъ призракъ, зловредный напой, который, не утоливъ жажды, только усилить ее... Въ эти минуты боренія съ самимъ собою онъ часто съ горестію вспоминалъ свои молодыя лѣта, когда въ душѣ его еще были надежда и вѣра,—онъ вспоминалъ школьнью скамью свою, гдѣ прошло столько сладкихъ часовъ въ наукѣ религіи, которую такъ жадно изучали и умѣли сердце его; вспоминалъ и мраморный помостъ косцѣла Дѣвы—Маріи, на которомъ молился онъ и пѣлъ священныя пѣсни; вспоминалъ и тѣ минуты религіознаго вдохновенія, когда самъ онъ складывалъ пѣсни, которыхъ пѣлись въ цѣломъ Краковѣ.. Теперь эти пѣсни уже не отзывались болѣе въ его сердцѣ, не возбуждали въ немъ того чувства, которое породило ихъ. Теперь онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на дѣтскую забаву, глазами

холодного мудреца, который уже распостился навсегда съ вѣрою,—мудреца, съ угасшимъ вдохновенiemъ, съ увѣдшими надеждами... Но, сравнивая настояще положеніе свое съ прошедшею юностью, ойтъ горько жалѣлъ о ней. Поздно,—невозможно вернуться къ ней—этого счастія было бы слишкомъ недостаточно для настоящаго его возраста, какъ молока матеряяго. Въ жизни, все равно, какъ въ путешествіи,—никто назадъ не возвращается—развѣ только въ мысляхъ. И жаль дома, и жаль молодыхъ лѣтъ, а все спѣшимъ далѣ, все идемъ впередъ!...

Любимымъ мѣстомъ прогулокъ Твардовскаго было дикое урошице за Вислою, на Подгорье, въ Присеменцахъ. Тамъ проводилъ онъ цѣлые дни, а нерѣдко и цѣлые ночи; туда слѣдовали за нимъ ревнивые къ наукѣ ученики его тамъ, подъ голымъ небомъ, хлесталъ онъ ихъ бичемъ своего невѣria. Открывая черную бездонную пропасть науки, зіявшую подъ ногами смѣльчака, который хотѣлъ сойти въ нее Твардовскій скопѣ охлаждалъ его рвение, нежели возбуждалъ его. Дикое и печальное мѣсто гдѣ онъ бесѣдовалъ съ учениками своими согласовалось съ его мыслями... До сихъ поръ народъ зоветъ это мѣсто школой или каѳедрой Твардовскаго.

Обязанности учителя скоро опротивѣли Твардовскому, и онъ оставилъ ихъ. Въ немъ было еще столько совѣсти, что онъ не захотѣлъ преподавать другимъ зараженную его безвѣріемъ науку. Весьма немногіе изъ учениковъ его ходили къ нему, изъ любопытства или изъ привязанности, но и тѣ оставили его, когда увидѣли, что не могутъ извлечь изъ ученія надлежащей пользы. Только одинъ изъ нихъ остался съ нимъ. То былъ бѣдный сирота, котораго Твардовскій нашелъ однажды на косцѣльномъ погостѣ, на рукахъ умирающей матери, и изъ состраданія взялъ къ себѣ. Ребенокъ ростъ на глазахъ Твардовскаго и привязался къ нему, какъ къ отцу. Онъ не оставлялъ его нигдѣ, слѣдилъ за нимъ повсюду, даже въ уединенныхъ прогулкахъ, и стерегъ домъ его.

Его звали Матюшой—сироткою (*). Маленькой, блѣдной, худой, онъ, посвятилъ всю жизни свою тому, кому былъ обязанъ ею. Служить ему было единственою мыслью Матюши;

(*) Maciek, Мацѣкъ, уменьшительное имени Матвѣй, Maciej, Matusz. Мы позволимъ себѣ замѣнить его русскимъ уменьшительнымъ именемъ.

онъ жилъ только Твардовскимъ, — безъ него онъ не понималъ своей жизни. Въ цѣломъ свѣтѣ не было никого, къ кому бы онъ могъ привязаться, не было никого, о комъ бы онъ могъ думать. Только одного Твардовского любилъ онъ въ цѣломъ свѣтѣ. Привязанность эта превратилась, наконецъ, въ страсть,—дошла до самоотверженія, до какаго-то самозабвенія, какъ въ животномъ. Матюша сиротка, казалось, воплотился въ Твардовского, приросъ къ нему, думалъ только о немъ, на яву и во снѣ, — жилъ имъ. Жизнь его была какъ будто додаткомъ къ чужой жизни — къ жизни Твардовского. Это былъ членъ, который можно отсѣчь развѣ сть жизнью. Такая дивная привязанность обратила на себя общее вниманіе. Народъ смылся надъ Матюшой, называлъ его юродивымъ и полагалъ, что Твардовскій только посредствомъ чаръ могъ такъ привязать его къ себѣ.

Матюша ничему не учился, даже не зналъ, существуютъ ли на свѣтѣ науки. Вся премудрость свѣта заключалась для него въ священныхъ пѣсняхъ, а ксендзовъ, которые пѣли ихъ въ косцелахъ, считалъ онъ первыми мудрецами свѣта. Твардовскій казался ему существомъ такъ необыкновеннымъ, что при одной мысли объ его мудрости у него кружилась голова. Матюшѣ никогда не приходило въ голову слѣдить за поступками Твардовского; — это было бы сверхъ силъ его; онъ служилъ ему вѣрно, былъ послушнымъ и преданнымъ. Если случалось ему быть больнымъ, онъ старался скрывать болѣзнь свою; если былъ голоденъ, — то скорѣе бы согласился украсть кусокъ хлѣба, вежливо просить о немъ Твардовского; — если платье его распадалось отъ вѣтхости, онъ клалъ на него заплаты до тѣхъ поръ, пока не удалось ему добыть гдѣ-нибудь другаго, болѣе крѣпкаго рубища. Такъ жилъ Матюша, всегда спокойный и счастливый.

Твардовскій, казалось, не обращалъ вниманія на рѣдкую привязанность къ себѣ бѣднаго сироты, и если и вспоминалъ объ немъ, то развѣ тогда только, когда бывалъ недоволенъ какою-нибудь неисправностью, или недосмотромъ. Тогда онъ выталкивалъ его за двери, и Матюша, какъ вѣрная собака, ложился у порога, готовый на первый зовъ хозяина... Мысль оставить Твардовского, — убѣжать отъ него никогда не могла прийти ему въ голову.

Во время безпрерывныхъ отлучекъ Твардовского на Крѣмъки Матюша не зналъ, что дѣлать со скуча. Сначала онъ хо-

тель следить за пимъ, сопровождать его издали,—но опасение оставить домъ безъ присмотра удерживало его, и онъ оставался. Часто по цѣльмъ днамъ ожидалъ онъ возвращенія Твардовскаго, и мучимый голодомъ, рѣшался сбѣгать на рынокъ добыть себѣ какимъ-нибудь образомъ кусокъ хлѣба.—«Нѣтъ дома пана, панъ за Вислою.» — было неизмѣннымъ отвѣтомъ Матюши каждому изъ многочисленныхъ учениковъ Твардовскаго, которые приходили навѣщать своего учителя. Но отлучки Твардовскаго становились все чаще и продолжительнѣе. Противъ обыкновенія онъ даже не бралъ съ собою книгъ и ходилъ одинъ—одинъ, съ черными своими мыслями. Ученики его стали посѣщать его рѣже, и наконецъ, перестали совсѣмъ. Одинъ только бѣдный Матюша сидѣлъ у порога дома, блѣдный, худой, истощалый, голодный и весь въ лохмотьяхъ, равнодушный ко всему на свѣтѣ даже къ насмѣшкамъ проходящихъ, которымъ онъ казалось отвѣчать съ безумной улыбкой: «мнѣ и такъ хорошо!»

ГЛАВА VIII.

О томъ, какимъ образомъ Твардовскій рѣшился продать себя дьяволу, и что происходило въ душѣ его.

Грустенъ задумчивъ сильнъ однажды Твардовскій на Кржемѣнкахъ. Долго бродилъ онъ по подгорью, и, утомленный, бросился наконецъ на траву въ любимомъ своемъ мѣстѣ. Солнце давно уже зашло; звѣзды замелькали на небѣ, и мѣсяцъ выходилъ изъ-за синяго лѣса. Хотя осенняя ночь и была ясна, но вѣтеръ шумѣлъ по полямъ, свистѣлъ между деревьями, срывалъ съ нихъ листья, крутилъ ихъ и разсыпалъ по-полю. То тамъ, то сямъ поднималъ онъ съ дороги песокъ, заметалъ имъ дорогу, гналъ его по своей прихоти, куда ему вздумалось. Бурно было на землѣ, — а на небѣ чисто, свѣтло, погодно, точь-вѣ-точъ, какъ въ душѣ Твардовскаго: въ ней было чище, чѣмъ прежде, но за то вѣтеръ сомнѣніе металъ и крутилъ въ головѣ его мыслями. Слабо свѣтили тамъ звѣзды знаніе надежды; кровавая луна непреодолимой жажды поднималась на осиротѣломъ небѣ его надеждъ и вѣрованія.

Твардовский рѣшился вызвать дьявола,—видѣться съ нимъ въ эту же ночь, и отдать ему душу свою въ замѣнъ славы и мудрости. странная мысль побудила его ускорить его желаніе. Онъ вспомнилъ, что уже однажды былъ онъ во власти сатаны и что одно чудо помогло ему взять отъ него отцовскій цирографъ. Какъ игрокъ, который кладетъ на столъ только что отыгрышная имъ деньги, кладъ онъ опять свою душу, спрѣвливая себя тѣмъ, что былъ уже однажды въ рукахъ дьявола. Такимъ-то пустымъ доказательствомъ старался онъ заглушить свою совѣсть, заглушить сожалѣніе о бессмертной душѣ, которую мнѣялъ онъ на пустой блескъ славы. Онъ рѣшился вызвать дьявола, и ждалъ только полночи. Съ нимъ были всѣ чернокнижниччи снаряды его, съ которыми въ полночный часъ долженъ быть онъ выйдетъ на распутѣ, на страшное свиданіе...

Долго не наступала желанная минута; время двигалось медленно, какъ будто для того, чтобы дать ему болѣе свободы для размышенія. Твардовский не слушалъ голоса совѣсти, которая громко говорила ему... Напрасно тѣснились въ его головѣ спасительныя мысли, напрасно приходило раскаяніе,—волновалъ лушу страхъ... Твардовский отгонялъ отъ себя этихъ спасительныхъ посланниковъ совѣсти, — но они все-таки, противъ воли его, бѣжали къ нему, налегали ему на груль, на сердце, на голову... Съ очами, устремленными въ небо, Твардовский нетерпѣливо ждалъ полночи, но полночь какъ будто отдалась, медлила приходомъ. Душа Твардовскаго готова была разорваться отъ нетерпѣнія, а мысли, одна другой чернѣje, налетали на него съ болѣшою силой—и онъ далъ имъ волю,—онъ противуставилъ напору ихъ всю силу ума, — онъ отворилъ передъ собою всю свою душу, и говорилъ самъ себѣ:

—Ничто не сорватъ меня съ этого пути; рѣшился—и исполню во чтобъ ни стало! Если въ рукахъ дьявола всѣ тайны науки, которыя тщетно стараюсь я разгадать здѣсь на землѣ, если въ его рукахъ всевѣдѣніе и—если онъ дастъ мнѣ ихъ—я отдамъ ему свою душу,—продамъ ему за нихъ самого себя!

И тутъ предстало Твардовскому воспоминаніе его юности,—въ бѣлой одѣжди певинности, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, съ вѣрою въ сердцѣ, съ надеждою на честь, съ любовью въ груди.

— «Развѣ тебѣ не довольно надежды, любви и вѣры?» сказали оно ему.

—О, мало мнѣ вѣры, отвѣчалъ Твардовскій призраку: ма-

ло, потому что вѣра слѣпа; — мало мнѣ надежды, потому что надежда обманчива; мало мнѣ любви, потому что любовь не даетъ ничего, — не утолить меня ни чѣмъ. Слабѣть во мнѣ надежла и стынетъ любовь; я долженъ дать моей жизни иную вѣру, иную надежду и иную любовь, — недоступныя толпѣ, не-понятія ею и неразгаданныя.

И возстала въ душѣ его ненасытная страсть къ славѣ, — стройная и величавая, въ черной одеждѣ, съ цѣпью на груди, съ лавромъ на челѣ, съ морщинами на лицѣ — встала и сказала ему:

«Доступны и святы всѣ средства къ славѣ. Нѣтъ разницы между червемъ, пресмыкающимся по землѣ, и человѣкомъ, въ которомъ нѣтъ ничего такого, чѣмъ бы онъ отдѣлялся отъ другихъ!..»

И вслѣдъ за ней возстала изъ глубины души его Религія, съ крестомъ въ рукахъ, съ очами полными слезъ и вознесенными къ небу, и, рыдая, отзывалась къ нему:

—За чѣмъ ты хочешь оставить меня и продать себя сатанѣ за пустую славу?.. Развѣ я не служила тебѣ вѣрно? Развѣ не услаждала я тебѣ труда и работы, которые совершалъ ты въ потѣ лица твоего? Развѣ не открывала я тебѣ тайнъ свѣта и жизни, указывая справедливость и мудрость Творца?.. И чего же тебѣ надобно болѣе, кромѣ утѣхъ на землѣ и надежды будущей жизни, которая я разсыпала тебѣ щедрою рукою?.. Зачѣмъ же покидаешь меня и бросаешь въ бурное море ненасытныхъ страстей твоихъ? Ужели забылъ ты, что блаженны одни вицѣ духомъ, и что тѣхъ есть Царствіе Небеснос; а Царство Небесное есть выешая мудрость?.. Ужели забылъ ты, что тамъ, на небѣ, откроются тебѣ всѣ тайны, что тамъ узнаешь ты все ничтожество мудрости человѣка?.. И за эту-то мудрость рѣшаешься ты отдать свою бессмертную душу!...»

Но тихой голоſѣ религіи скоро заглушилъ голоſъ славы; — съ пылающими глазами, съ распостертою дланью — ей казалось, хотѣлось захватить цѣлый свѣтъ.

—Жажду! жажду! — воспѣла она: напойте меня хоть оцтомъ и желчью! Не отнимайте отъ устъ моихъ чаши горечи Жажду... жажду!..

Тогда предстала невинная чистая и скромная добродѣтель, и говорила съ плачемъ:

—Отталкиваешь меня отъ себя Твардовскій?.. Что я сдѣлала тебѣ? Развѣ увѣренность, что я всегда была съ тобою, не услаж-

дала тебе каждого шага на тернистомъ пути твоемъ, не отирала тебъ пота съ чела, слезъ изъ очей?.. Развѣ, какъ вѣрная жена, не покоила я втоей жизни чистой совѣстью? За что жъ ты хочешь мѣнять меня на наложницу?..

И говоря такъ плакала и закрывала лицо руками.

А слава и страсть всевѣдѣнія отвѣчали ей:

—Жажду! жажду!.. Пить мнѣ, пить!.. Оцту—желчи—крови—чего нибудь, только пить, пить!.. чего нибудь, лишь бы новаго, лишь бы безъ мѣры!.. Пить! пить!..

Умолкла и скрылась добродѣтель.

И когда все эти призрѣки изчезла показались на небѣ двѣ бѣлые тѣни; они—летѣли на темныхъ осеннихъ облачкахъ и спустились на землю: узналъ въ нихъ Твардовскій тѣни своихъ отца и матери. На головахъ ихъ сияли звѣзды, въ рукахъ держали они пальму, какъ праведные, какъ святые мученики. Дивною гармоніей зазвучали словами ихъ:

«О сынъ нашъ!.. зачѣмъ тебѣ науки такъ много?.. Мы менѣше твоего знали, а достало намъ ее на двѣ жизни и на цѣлую вѣчность... Ищешь счастія, сынъ нашъ? Найдешь его не въ наукѣ, а въ мирѣ, въ любви, въ отреченія самаго себя. Ищешь славы? Найдешь ея не въ мудрости, а въ геройскомъ самоотверженіи. Ищешь наслажденій? найдешь ихъ въ сочетаніи двухъ душъ и сердецъ. Наука — это пропасть, которую не поглотить человѣку, которая сама поглотить его и раздавить какъ ничтожнаго червя. Познаніе зла и добра погубило первыхъ двухъ человѣковъ и погубить всякаго, кто въ безумной гордости осмѣлится равняться съ Богомъ, обнять свѣтъ ничтожнымъ своимъ умишкомъ, въ которомъ и малѣйшая частица его отразиться не можетъ!.. Зачѣмъ тебѣ науки и мудрость, сынъ нашъ?.. Станешь проклинать ихъ послѣ, когда онъ потемнѣть и отравить твою жизнѣ! О сынъ нашъ! зачѣмъ ты сворачиваешь съ своего пути зачѣмъ идешь въ адъ, откуда вывели тебя однажды милосердіе и помощь Божія? О, вернись, вернись, сынъ нашъ!»

И плакали тѣни, и слезы ихъ капали на томимую жаждою душу Твардовскаго, но не могли напоить ее, потому что жажды славы и мудрости кричали неустанно:

«Жаждемъ! жаждемъ! Не отвратимъ усть отъ оцта и желчи, лишь бы напиться чего—нибудь! Пить, пить!...»

Въ эту минуту Твардовскій взглянулъ на звѣзды. По тече-

вію ихъ онъ увидѣлъ, что полночь уже близка. Всталъ и пошелъ на распутіе, гдѣ уже сторожилъ его дьяволъ.

На распутіи стоялъ крестъ. Старой, гнилой, онъ обросъ мохомъ и елва держался. На немъ скрипѣлъ и вертѣлся маленькой флюгерокъ; вѣтеръ развѣвалъ куски полотна, которые привязали къ кресту набожные крестьяне (*). У поиножія лежали кости, сухой хворостъ и вполовину вросшій въ землю камень. Не успѣлъ еще Твардовскій прийти туда, какъ небо, до сихъ поръ ясное и звѣздное, начало хмуриться и заволоклось тучами. Съ сѣвера подулъ вѣтеръ и понесъ съ собою листья, хворостъ и пыль Твардовскій оглянулся... Отъ креста дорога дѣлилась на четыре стороны. Къ сѣверу шла дорога утѣхъ, широкая и улѣбная;—къ югу, шла въ гору дорога труда, зноя и терпѣнія; къ востоку—дорога надежды; къ западу — дорога отчаянія и горести. Дороги казались широкими и торными; вѣтеръ взвивалъ и несъ по нимъ клубы песку и кучи листьевъ, которые вертѣлись и прыгали въ воздухѣ, какъ плясуны на ярмаркѣ;—надъ дорогой утѣхъ и наслажденій летѣло стадо голубей, надъ дорогой труда взвивался соколь; надъ дорогой надежды тянулись длинной вереницею дикие гуси, а на западъ кричали совы, вороны и филины.

Твардовскій снялъ платье и надѣлъ его опять, выворотивъ на изнанку. Потомъ вынулъ изъ кармана священный мѣль, свѣчку изъ трупьяго жиру, кубокъ съ водою, кропило, книгу и всколько костей человѣческихъ. Волшебную налочку свою (черную съ какими-то бѣлыми знаками), воткнулъ въ землю и мѣломъ обвелъ и вокругъ себя магическую черту. Крестъ круга. тлужилъ центромъ этого зажегъ свѣчку, разбросалъ кости, покропилъ вокругъ водою и началъ заклинать сатану. Слова заклятія были изъ всѣхъ языковъ взяты, живыхъ и мертвыхъ; — вѣтеръ разносилъ ихъ на всѣ четыре стороны.

—Явись, черный духъ!—взвывалъ Твардовскій: тебя ожидаетъ человѣкъ, который хочетъ продать тебѣ свою душу;—явись, и принеси съ собой все твое могущество. Не за золото продаетъ онъ себя тебѣ, не за утѣхи и наслажденія свѣта,—за славу и

(*) У крестьянъ въ Польшѣ существуетъ обычай—обвязывать распятія, которыя ставить на дорогахъ, полотномъ или плахтами. Они вѣрятъ, что этимъ предохраняютъ себя и дѣтей своихъ отъ повѣтря или внезапной смерти.

мудрость! Возьми его душу и дай ему древо познания! Явись, предстань передо мною, черный духъ! заклинаю тебя именемъ царя твоего, который спалъ съ неба въ преисподнія ада! Заклинаю тебя именемъ твоего униженія, мукъ твоихъ и твоей покорности волѣ Бога, — предстань предо мною и прими отъ меня дарованную мнѣ Творцемъ душу! Заклинаю тебя именемъ всѣхъ духовъ тьмы, изверженныхъ съ неба въ побѣдный день воскресенія. Спѣши ко мнѣ изъ глубины ада, сквозь адское пламя, сквозь души всѣхъ осужденныхъ! Заклинаю тебя именемъ того, за кого терпѣлъ ты и терпишь теперь — именемъ вѣчныхъ мукъ, на которыхъ осужденъ ты! Зову тебя разъ, — зову другой, — зову тебя трикраты и семь-кратъ и семьдесятъ-семь кратъ. Зову тебя... явись!..

Не успѣлъ еще Твардовскій договорить послѣдніхъ словъ, какъ передъ нимъ предсталъ какой-то дивный образъ, освѣщенный красноватымъ свѣтомъ. Всмотрѣвшись пристальнѣе Твардовскій узналъ въ немъ ученаго, съ которымъ недавно вѣль споръ... насыщенный, хриповатый голосъ его на этотъ разъ страшно отозвался въ ушахъ Твардовскаго.

Желалъ бы я знать, за чѣмъ, собираясь иродить свою душу дьяволу, вѣялъ съ собою священный мѣлъ и святую воду?.. началь этотъ знакомый голосъ.

— Не хочу, чтобъ ты взялъ меня даромъ, какъ дѣти; я знаю съ кѣмъ имѣю дѣло, отвѣчалъ Твардовскій.—Ты посланникъ ада?..

— Я!... говори, чего ты отъ меня требуешь!..

— Чего требую?.. я требую, чтобъ ты показалъ мнѣ древо познанія; чтобъ ты разрѣшилъ мнѣ вкушать плоды его, чтобъ сдѣлалъ меня мудрѣйшимъ всѣхъ мудрецовъ и сильнѣйшимъ всѣхъ сильныхъ земли; я хочу знать свѣтъ совершенно, хочу знать всѣ тайны его, прошлое и будущее, силы вещей, и силу существа, хочу быть мудрѣйшимъ мудрыхъ, сильнѣйшимъ сильныхъ, величайшимъ великихъ!..

— Многаго требуешь!—отозвался сатана. А что дашь за все это?

— Безсмертную душу мою.

— Душу?—возразилъ, смѣясь, сатана. Да увѣренъ ли ты, что она стоитъ всего того, что ты высчитывалъ мнѣ; увѣренъ ли ты, что она и теперь уже заранѣе не принадлежать сатанѣ, что она не на той дорогѣ, на которой была еще въ приходѣ на свѣтъ

Я знаю только то, и увѣренъ въ томъ, что всѣ слѣманные мною грѣхи окупить покаяніе;—увѣренъ, что не стою на безвозвратномъ пути къ аду; увѣренъ, что мудрость стоитъ того, о чёмъ прошу теперь,—потому что она увлечетъ всѣдѣ за собою множество учениковъ, послѣдователей и глупыхъ подражателей;—что эта мудрость увлечетъ ихъ всѣхъ — однихъ доказательствами, другихъ примѣромъ,—иныхъ любопытствомъ, ослѣпленіемъ!

Сатана разсмѣялся.

—Пиши цирографъ на свою душу! —продолжалъ онъ.

—Не торопись, — отвѣчалъ Твардовскій.. Покажи мнѣ на передѣ то что, можешь дать мнѣ за мою душу, которую продаю, а не дарю тебѣ.

—Я доказалъ тебѣ при первомъ нашемъ свиданіи всю силу моего ума, чего жь тебѣ болѣе?

—Этого мнѣ мало. Докажи мнѣ, власть и силу этого ума на землѣ.

—Какимъ образомъ?

—Предлагаю тебѣ три испытанія во-первыхъ, спеси мнѣ все серебро, сколько его ни есть въ цѣлой Польшѣ въ Олькушскія рукописи. Давно уже засыпало ихъ, и они не даютъ серебра. Этюю карою Богъ наказалъ Олькушскаго магистра за святотатство. Пусть лежитъ тамъ все серебро для меня одного, чтобы одинъ я могъ распоряжать имъ.

—Ты этимъ раззоришь цѣлый край, возразилъ дьяволъ.

—Мнѣ такъ хочется, и пусть будетъ по моему.

Второе испытаніе? спросилъ, смѣясь, сатана.—О, я вижу съ тобой не такъ-то легко устроить дѣло, предвижу, что за твоей душой будетъ мнѣ не мало работы.

Твардовскій самодовольно улыбнулся.

—Во-вторыхъ, продолжалъ онъ: въ эту ночь выкопай мнѣ прудъ подъ Книшиномъ и слвивъ огромный камень, который лежить подъ Червѣнскомъ; наконецъ, въ-третьихъ, поставь мнѣ Соколю-скalu подъ Краковымъ такъ, чтобы верхушкой своей она упиралась въ землю. Все это ты долженъ сдѣлать въ эту же ночь, безъ всякой помощи и въ моемъ присутствіи... Этимъ только можешь удостовѣрить меня въ своей власти и силѣ, и тогда уже я заключу съ тобой уговоръ на душу.

—Такъ всѣ это только проба?.. Ну, хитеръ же ты, Твардовскій! А если, послѣ этой пробы, ты откажешься и не про

дашь свою душу?.. За что же мнѣ трудиться даромъ и понапрасну ворочать свѣтомъ, а?.. Молчишь?..

—Это мое непремѣнное условіе,—продолжалъ Твардовскій. Говори скорѣе: да, или нѣтъ?..

Дьяволъ задумался и долго почесывалъ себѣ копытомъ затылокъ. Онъ долго ворчалъ себѣ подъ носъ, какъ будто что-то разсчитывалъ, и наконецъ сказалъ Твардовскому: «Ну, нечего дѣлать! принимаю условія, какъ ни тяжелы они. Пиши цирографъ... Пусть будить потвомому!

—Не стану писать, покамѣстъ не докажешь мнѣ своей силы.

—Ты торгуешься?..

—Да.—продало саму же драгоценную мнѣ вещь — душу... Я долженъ торговаться, потому что это послѣній торгъ въ моей жизни. Не отдамъ тебѣ за безцѣнокъ своего бессмертія.—Дѣлай, дьяволъ, какъ хочешь.

—Выходи изъ круга, и слѣдуя за мной, сказалъ дьяволъ.

Тогда Твардовскій, окропивъ себя святой водою, взялъ книгу, перекрестился и вышелъ изъ круга. Дьяволъ заскрежеталъ зубами, видя, что ему не удалась его хитрость, и что при такомъ оружии трудно овладѣть Твардовскимъ. На рас-путіи налетѣли на нихъ песчаный смерчъ,—они сѣли на немъ и понеслись, какъ стрѣла. Долго носились они по доламъ и горамъ, и стали, наконецъ, въ Олькушъ. Дьяволъ исчезъ.

У спуска въ мину Твардовскій жалъ лѣявола. Черезъ минуту показалась стая чудовищъ, которыхъ несли на плечахъ своихъ огромныя куски руды. Постепенно, одинъ за другимъ, подходили они къ отверстию, бросали туда серебро, уходили и снова возвращались съ такою же ношкою. Наконецъ, послѣній показался самъ дьяволъ. Въ когтяхъ своихъ онъ несъ маленький кусочекъ руды.—Это остатокъ, сказалъ онъ, бросая его въ отворъ.

—Чѣмъ же ты мнѣ это докажешь?—спросилъ Твардовскій.

—А чѣмъ же ты докажешь мнѣ противное, возразилъ хитрый дьяволъ.

Надо было согласиться Твардовскому, хотя онъ и не былъ увѣренъ, все ли серебро свѣсть дьяволъ, и въ-самомъ-ли дѣло была руда серебряная. Разлосадованный сатана между тѣмъ наклонился къ отверстию и плонулъ туда, какъ будто не нарочно: съ той поры копи залиты водою.

Твардовскій съ дьяволомъ взъ Олькуша полетѣли въ Кышинъ. Тутъ Твардовскій показалъ дьяволу урошище Чеховчицъ

ко, гдѣ надобно было вырыть прудъ. Дьяволъ сталъ посреди-
нѣи и началъ такъ усердно рвать землю копытами и когтя-
ми, выбрасывать ее цѣлыми глыбами, что скоро выкопалъ
огромный прудъ; потомъ паюнуль, и вода наполнила прудъ
до самыхъ краевъ.

— Сдѣлай я тебѣ и другое дѣло.. Поспѣшимъ къ третье-
му, покамѣстъ не запѣли пѣтухи.

И они снова сѣли на песчаный смерчъ, полетѣли на немъ,
и скоро очутились подъ Червеньскомъ. Тутъ Твардовскій показа-
зать дьяволу огромный камень, покрытый мхомъ и плесенью,
вросшій въ землю, и велѣлъ ему перебросить его за-версту,
черезъ лѣсъ и воду — на городскія поля.

Дьяволъ казалось, былъ въ недоумѣніи; онъ долго качалъ
головою, принимался за камень то съ той, то съ другой сто-
роны, вздыхалъ и натуживался; все было напрено; нако-
нецъ, удалось ему цокачнуть его. Тогда онъ обернулся къ не-
му спиною; поднялъ его къ себѣ на плеча, какъ мѣшокъ муки,
натужился, замахнулся, — и черная скала съ громомъ и свистомъ
взлетѣла къ облакамъ, мигнула по темному небу, перелетѣла
черезъ лѣсъ, и тамъ уже гранила о землю.

— Теперь вернемся въ Krakovъ для послѣдняго испытанія,
сказалъ дьяволъ; хотя, признаться, довольно бы и этихъ трехъ.

И вотъ прилетѣли они подъ Krakovъ къ Сокольѣ, или
песчаной скалѣ. Долго посматривалъ на нее сатана, при-
думывая, съ которой бы стороны взяться за нее, — мѣ-
рилъ ея верхушку, обходилъ кругомъ — и все не могъ
ничего придумать. Съ любопытствомъ посматривалъ на дья-
вола Твардовскій. Нельзя было безъ смѣха смотрѣть на
этую маленькую, черненькую фігурку, которую едва было за-
мѣтно у огромной скалы, и которая бѣгала кругомъ ее, чи-
хала и ворчала, посматривая изъ подлобья на Твардовскаго.

Но вотъ, видѣть Твардовскій, что фігурка эта поднимается
на копытахъ, растѣть все выше и выше; — переросла
скалу, — схватила ее за конецъ, какъ палку, перевернула
и поставила вверхъ-ногами. Не стала однажды скала съ пер-
ваго разу: трещала и шаталась то въ ту, то въ другую сторо-
ну, покамѣстъ дьяволъ не притиснулъ ее къ землю.

— Что, каково? — сказалъ онъ, поровнявшись съ Твар-
довскому.

— Ладно; — пойдемъ теперь писать цирографъ.

— Пойдемъ!

И они оба отправились въ школу Твардовскаго, на Кржеменки.

ГЛАВА IX.

О томъ, какъ написанъ былъ цирографъ.

Когда они пришли на Кржеменки, Твардовскій зажегъ свѣчу и вынулъ изъ-за пазухи листъ пергамина.

Ты можетъ быть думаешьъ, Твардовскій, сказалъ ему дьяволъ, что цирографы пишутся, какъ ваши *acta et munimenta*, на ослиной или телячей кожѣ; — ты можетъ быть, полагаешьъ, что купчая на душу можетъ совершиться на этомъ дрянномъ лоскуткѣ, достойномъ развѣ только однихъ вашихъ *omnibus et universis, praesentibus et futuris*, на выдѣль земли монахамъ. О, — ошибаешься; — для такого акта есть у меня пергаминъ, приготовленный въ Италии изъ человѣческой кожи, изъ кожи висѣльника. Прочиѣ такого пергамина нѣтъ на свѣтѣ. Его не только выбили въ выглазили пальками при жизни, да и по смерти славно высушили на вѣслиицѣ... Не трудно догадаться, что и простыя чернила и всѣ ухищренныя выдумки миниатюристовъ и рубрикантовъ, будуть также здѣсь не кстати. Въ аду только тѣ цирографы принимаются за законные, которые написаны людскою кровью. Кровь служитъ тутъ символомъ, задаткомъ тѣлу, такъ точно, какъ выраженная ею мысль задаткомъ душѣ. Это два конца, за которые по смерти тащимъ мы *ad infernos* душу и тѣло... Позволь же пустить тебѣ кровь изъ средняго пальца; — довольно съ меня и одной капли. Редакцію акта ты поручишь мнѣ, какъ самому искуснѣшему нотаріусу.

— Лучше будемъ разбирать вмѣстѣ каждый пунктъ.

— Пусть будетъ по-твоему! Ну, начнемъ же. Ты продаешь свой товаръ; — такъ и говори, что за него просишь! Говори съ толкомъ и явственно. Будемъ брать цѣну круглымъ числомъ; не станемъ торговаться, какъ жиды за боченокъ селедокъ.

— Не обманешь меня, сатана, твоими претензіями на честность; не торопись, — успѣмъ! Прежде всего, требую отъ

тебя, чтобы ты далъ мнѣ знаніе и дьявольскую премудрость во всемъ,—мудрость вдохновенную, которая бы доставалась мнѣ такъ, безъ труда, безъ усилий, по мѣрѣ надобности.

—Согласенъ, но только съ условіемъ: адская премудрость должна быть всегда готова на услуги аду. Дамъ тебѣ ее съ тѣмъ, чтобы ты употреблялъ ее не иначе, какъ во вредъ людямъ. Иного употребленія не допускаю.

—По крайней мѣрѣ, ты не долженъ ограничивать ея дѣйствій, и тѣмъ самыемъ... возразилъ Твардовскій.

—Даю, что имѣю, отвѣчалъ сатана.

—Какая мнѣ польза отъ твоего подарка, когда ты связываешь имъ мнѣ руки²... Нѣтъ! я никогда не соглашусь на такія условія; я хочу быть свободнымъ въ дѣйствіяхъ...

—Этого мы не въ состояніи латъ тебѣ. Твое требование безъ смысла, чистая абстракція, ложное понятіе, хоть оно и не кажется такимъ съ первого взгляда. Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ ни одного человѣка съ совершенно свободною волей.

—Въ такомъ случаѣ я разрываю съ тобой всѣ условія.

—Постой, не торопись... выслушай меня. Если хочешь, ты можешь дѣлать, что угодно, но я буду наблюдать, чтобы всѣ поступки твои клонились ко вреду людямъ.

—Въ такомъ случаѣ все-таки я долженъ поступать не такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось; слѣдственno, буду связанъ.

—Напротивъ;—тебѣ будетъ казаться, что ты дѣлаешь все по своей волѣ.

—А это предчувствіе—эта мысль, что все сдѣланное мною съ добрымъ намѣреніемъ, послужить лишь ко вреду ближняго!

—Нѣтъ, ты не будешь этого чувствовать въ первую минуту...

—Но ты дѣлаешь меня виноватымъ уже тѣмъ однимъ, что говоришь мнѣ обѣ этомъ теперь.

—Какъ же ты хочешь имѣть со мной дѣло безъ всякаго пожертвованія съ твоей стороны. Вѣдь ты нуждаешься во мнѣ, а не я въ тебѣ.

—Кто нибудь изъ нась двоихъ попадетъ въ просакъ замѣтилъ Твардовскій, послѣ минуты молчанія.

—Согласенъ ли² спросилъ дьяволъ.

—Согласенъ, отвѣчалъ Твардовскій.

И оба улыбнулись. Такимъ образомъ, первое условіе было окончено.

—Во-вторыхъ, продолжалъ Твардовскій: дашь мнѣ славу...

да, славу, потому что слава равносильна на этомъ свѣтѣ съ могуществомъ. Человѣкъ, поступкамъ которого превосходитъ слава, почерпаетъ новые силы въ самомъ себѣ. Слава — это его патентъ, аттестатъ, —увѣренность, что все дѣйствія его будутъ приняты. Слава привлекаетъ ко мнѣ толпу, и слѣдуетъ меня властелиномъ ее. Славу ищутъ всѣ для насыщенія тщеславія, гордости, Она — громкое имя обманчиваго призрака, она — орудіе дѣйствій, сила, бразды правленія надъ умами. О, — слава великая, дивная вещь!

—Дамъ тебѣ славу; дѣлай изъ нея, что хочешь, продолжалъ сатана: только не забудь, она будетъ для тебя не болѣе, какъ колыбельною пѣснью кормилицы для ребенка...

—Въ-третьихъ, дашь мнѣ власть творить чудеса, то есть, то что не согласно съ законами природы или человѣческой мысли, —продолжалъ Твардовскій.

—Требуй этого не отъ меня, а отъ лѣяльской мудрости... Она тебѣ дастъ эту силу. Только не забудь, что во всѣхъ вѣщахъ, несогласныхъ съ законами природы, власть эта есть только призракъ власти, симуляція — иллюзія... Мы не творимъ чудесъ, но только морочимъ людей.

—Мнѣ больше и не надобно; —согласенъ.

—Ну вотъ, теперь ты видишь, что я покупщикъ великодушный и невзыскательный. Теперь выслушай мои условія. Во-первыхъ, ты отдашь мнѣ по смерти (ты можешь прожить до глубокой старости, душу свою и пойдешь въ адъ, вмѣстѣ со всѣми твоими послѣдователями, — со всѣми, кто увѣритъ въ тебя.

—До нихъ мнѣ нѣть дѣла, прервалъ Твардовскій. Что же касается до моей собственной души, то я согласенъ отдать ее, но только послѣ самой долголѣтней жизни.

—Это послѣднее условіе не зависитъ отъ меня.

—Но ты можешь сократить мою жизнь.

—Не могу, не смотря на все мое желаніе. Извини меня за откровенность; я не хочу утаивать отъ тебя ничего. Однакожъ, если ты рѣшился продать намъ такъ дорого свою душу, то мы въ правѣ требовать отъ тебя вмѣстѣ съ нею тѣла, прежде, чѣмъ она оставитъ его... Мы возьмемъ тебя за-живо.

—За-живо? —вскричалъ съ ужасомъ Твардовскій: за-живо?!

—Да, за-живо, спокойно отвѣчалъ лѣяль. Въ противномъ случаѣ я не согласенъ... Развѣ не можетъ случиться, что передъ смертію, на смертномъ одрѣ, вздумалось бы тебѣ покаяться? — пришли бы ксендзы, уговорили бы тебя къ посту, къ

молитвъ... Тогда мы пожили бы съ тобою пропасть хлопотъ. Для собственной безопасности, намъ надобно взять тебя въ предсмертную минуту, живаго и злороваго...

— Ну, быть такъ, отвѣчалъ Твардовскій по минутномъ размышленіи:—но ты долженъ назначить одно какое-нибудь мѣсто, въ которомъ бы ты могъ взять меня.

— За чѣмъ?

— Такъ мнѣ хочется. Препятствіе за препятствіе. — упоръ за упоръ. Ты отламываешь у меня кусокъ хлѣба, а я не въ правѣ вознаградить себя за это чѣмъ-нибудь?.. Возмѣши меня не иначе, какъ въ Римъ.

— Вотъ славно! вскричалъ сатана: въ Римъ!.. За чѣмъ же непремѣнно въ Римъ, а не въ другомъ какомъ городѣ? Не хочу въ Римъ.

— А я хочу въ Римъ,—непремѣнно въ Римъ, не иначе, какъ въ Римъ.

— Невозможно.

— Ну такъ конецъ условіямъ.

— Смѣешься паю мною, Твардовскій?

— Скорѣе не ты ли издѣвашся надо мной, сатана?

— За чѣмъ-же въ Римъ?

— За тѣмъ, что оттуда хочу идти въ адъ.

— Не думаешь ли ты, что святость мѣста предохранитъ тебя?

— Нисколько. Мнѣ, просто, хочется попасть въ адъ не прямо изъ моей родины, не прямо изъ тѣхъ мѣстъ, которые для меня дороги, — но изъ отдаленнаго края, гдѣ никто меня не знаетъ, — гдѣ никто не узнаетъ о моей плачевной судьбѣ.

— Ну, такъ для этого тебѣ довольно будетъ выйтѣ только за границу. Зачѣмъ же непремѣнно въ Римъ, — отчего не въ Парижъ, не въ Амстердамъ?..

— Хочу въ Римъ.

— Чудакъ ты, Твардовскій!

— Упоренъ ты, дьяволъ!

— Такъ ты не хочешь перемѣнить своего намѣренія?

— Не могу. Такъ, или нѣтъ, — говори скорѣе.

— Нечего съ тобою дѣлать, — пусть будетъ по твоему. Подумай самъ, что я буду дѣлать, если ты въ пору не пожалуешь въ Римъ, что — говоря между нами — очень вѣроятно.

— Ты можешь постараться объ этомъ. Надѣйся на свою хи-

трость и на свое умение, отвѣчалъ Твардовскій. Можно побудить меня, убѣдить...

— Ну, пусть и такъ будетъ! — сказалъ дьяволъ. Теперь мы кончили. Торопись писать цирографъ; скоро запоютъ пѣтухи.

Сказавши это, дьяволъ укололъ Твардовскому палецъ, омочилъ въ крови перо, подалъ ему и сталъ диктовать условія. Когда Твардовскій написалъ эти условія на огромномъ пергаминномъ свиткѣ и приложилъ печать чернаго воску, раздался вдругъ крикъ первыхъ пѣтуховъ. Все исчезло. Блѣдный лучъ утренней зари коеунлся утомленныхъ очей Твардовскага. Истощенный усилиемъ этой ночи, Твардовскій легъ на траву и крѣпкой сонъ овладѣлъ вмѣ.

ГЛАВА X.

О томъ, какъ Твардовскій воротился въ Краковъ и что говорили ему колокола.

Солнце стояло ужъ высоко, когда Твардовскій проснулся. Матюша-сиротка лежалъ у ногъ его и смотрѣлъ ему въ глаза. Твардовскій не зналъ, откуда и за чѣмъ онъ взялся тутъ. Еще утомленный происшествіями прошлой ночи, когда онъ раскрылъ глаза, первой мыслю его было воспоминаніе прошлаго... Тутъ только замѣтилъ онъ въ себѣ страшную разницу. Теперь онъ смотрѣлъ на вещи иными глазами, теперь онъ иначе понимаетъ свѣтъ, иначе мыслить, иначе чувствуетъ. Онъ убѣдился въ этомъ при первомъ взглядѣ на міръ Божій... Онъ еще узнавалъ себя, потому что помнилъ свое прошлое; онъ, какъ растеніе, держался въ землѣ на той самой точкѣ, на какой былъ вчера, но между вчера и сегодня стоятъ теперь преграда, граница, отдѣляющая двѣ жизни, совершенно между собою различныя, одна на другую исконько не похожія. Прежняя жизнь его была жизнью труда, сомнѣнія, горести и надежды, — новая жизнь означалась гордою самоувѣренностью, желаніемъ злаго, чувствомъ порочнымъ и сладостнымъ вмѣстѣ. Твардовскій задумы-

вался; его чувства и мысли носили на себе върный отпечатокъ дьявольскаго вліянія; онъ увидѣлъ, что дьяволъ, вмѣсто желанной мудрости, далъ ему свою злость и гордость. Но, вникая умомъ своимъ въ природу и въ законы мысли, онъ видѣлъ всѣ предметы яснѣ, чище, понятнѣе прежняго. Все теперь представлялось ему безъ покрова; ни въ чёмъ не было для него тайны. И онъ не могъ быть недовольнымъ собою, не смотря на чувство какой-то невѣдомой ему до сихъ поръ ненависти къ людямъ, на влеченіе къ злобѣ...

—Какимъ образомъ ты попалъ сюда? сказалъ онъ, обращаясь къ Матюшѣ.

—Я беспокоился о тебѣ,—не зналъ, что подумать, и рѣшился искать тебя.

—Теба никто не просилъ объ этомъ. Ужъ не считалъ ли ты это своею обязанностью?

—Обязанностью? произнѣсъ съ тяжелымъ вздохомъ сирота. Благодарность—вотъ моя обязанность.

—Объясни мнѣ, что значитъ благодарность, спросилъ улыбаясь Твардовскій.

—Это... какъ бы назвать тебѣ?.. Это что-то такое, что опутываетъ сердце, какъ цѣпями, и тянетъ его къ своему благодѣтелю,—невыразимое чувство влеченія, самопожертвованія.

—Скажи лучше, возразилъ Твардовскій съ адскимъ смѣхомъ,—удочька на новыя ласки.

—О, нѣтъ, совсѣмъ нѣтъ!

—Что слышно въ Краковѣ?

—Тамъ только и разговоровъ, что о тебѣ.

—Что же говорятъ обѣ мнѣ?

—Всѣ удивляются, отъ чего ты такъ долго сидишъ на Подгорѣ, и даже поговариваютъ, что ты якшаешься съ дьяволомъ (при этихъ словахъ Матюша перекрестился).

—А еще что? спросилъ со смѣхомъ Твардовскій.

—Простой народъ, которому известно, что я служу у тебя, безпрестанно спрашиваетъ меня о тебѣ. Всикой день приходятъ къ тебѣ за совѣтами цѣпными толпами, и докучаютъ мнѣ своими разспросами... Не знаю, какъ отъ нихъ отвазаться. Имъ кажется, что ты и чудеса творить можешь.

—Могу, отвѣчалъ гордо Твардовскій.

—А если можешь, зачѣмъ не хочешь помочь людямъ?

—За чѣмъ?.. Это не твое дѣло. Объ этомъ ты не долженъ знать.

— Пойдемъ лучше домой, Твардовскій. Пора тебѣ заглянуть въ свою каморку. Однѣ мыши читаютъ твои покрытыя пылью книги. Развѣ уже онѣ не нужны тебѣ болѣе? Развѣ, ты уже успѣлъ вычерпать изъ нихъ всю премудрость?

— Все и вся, отвѣчалъ Твардовскій: и теперь готовъ хоть сжечь ихъ.

— Зачѣмъ же ты скрываешь отъ людей свою мудрость?

— Сказалъ тебѣ, что не твое дѣло знать обѣ этомъ.

Матюша замолчалъ. Они скоро подошли къ Кракову. Въ это время колокола косцеловъ звонили на Ave Maria. Было что-то не выразимо жалобное въ этомъ вечѣрнемъ звонѣ.

— Видно по чьей вибудь душѣ звонятъ сегодня такъ жалобно? спросилъ у Твардовскаго Матюша.

Молчалъ Твардовскій. Слышалъ и онъ этотъ жалобный звонъ; который относился прямо къ нему, который говорилъ ему:

— Бѣда тебѣ, душа, бѣла! Ты отвергла Бога для свѣтла и земной мудрости, и предалась сатанѣ. Вѣчныя мученія ждутъ тебя за кратковременную побѣду, вѣчныя муки раздавятъ тебя, какъ червя, и сгладятъ твою гордость и попрутъ славу. Бѣда, Твардовскій, бѣда душѣ твоей!.. Великій учитель, сегодня ты умеръ для неба и началъ жить для ада!..

Одни колокола перебивали другіе, и скоро всѣ они, слившись въ одинъ хоръ, разносили по всему городу страшную свою пѣснь: Бѣда, Твардовскій, бѣда душѣ твоей!

Твардовскому казалось, что колокола говорили для всѣхъ, что не одинъ онъ понималъ вѣщія слова ихъ. Но народъ, не разумѣя ихъ голоса, останавливался и съ нѣмымъ уваженіемъ смотрѣлъ на Твардовскаго. Усмѣшкой и взглядомъ презрѣнія отвѣчалъ Твардовскій.

Частыя отсутствія изъ города и долговременныя пребыванія Твардовскаго на Подгорѣ дѣлали его въ глазахъ простыхъ людей какимъ-то таинственнымъ существомъ. О немъ уже говорили, какъ о великомъ чернокнижникѣ; всѣ смотрѣли на него, какъ на чудо мудрости. Широко разнеслась о немъ слава, и отъ дворцовъ достигла скоро до крестьянскихъ избъ; обѣ немъ начали говорить всѣ. Твардовскій не зналъ, чѣму приписать такое вліяніе, заслугамъ ли личнымъ, или дьяволу. Сомнѣніе это навело его на грустныя мысли, которые однакожъ, были скоро прерваны приходомъ одной старухи.

— Вылечи мою дочь, отецъ мой, благодѣтель мой, говорила она, обливаясь слезами и цѣлюя у Твардовскаго руку. По странному

предчувствію, Твардовскій, никогда не зная этой женщины, угадалъ въ ту же минуту, что она вмѣстѣ съ дочерью жила въ убогой хатѣ на Клепаржѣ, что дочь ея была больна отъ роженія, и что одна только вода изъ близъ лежащаго рудника могла ее вылечить.

—Чѣмъ больна твоя дочь?.. спросилъ Твардовскій старуху. Старуха начала рассказывать болѣзнь.

Твардовскій перебилъ ее.

—Дочь твоя выздоровѣть черезъ три мѣсяца, три недѣли, три дня, три часа и три четверти, только давай ей пить три раза въ день по три рюмки воды изъ рудника, который течетъ въ трехъ шагахъ отъ третьаго отъ вѣстъ дома.

Не успѣла еще уйти обрадованная старуха, какъ къ Твардовскому полошель ученый профессоръ, Италіянецъ. Они по-здоровались по-латыни.

—Отъ чего тебѣ такъ долго не было вилло? говорилъ Твардовскому Италіянецъ. Здѣсь всѣ разсказываютъ о тебѣ чудеса; говорятъ даже, что ты знаешься съ дьяволомъ. Признайся, что не совсѣмъ завидная слава для учителя первой школы во всей Коронѣ (*).—Никто изъ настѣ не вѣрить этимъ баснямъ, но твои частныя прогулки, твое уединеніе...

—Ты знаешь, что разсулокъ требуетъ иногда отыка и уединенія, особенно, если онъ утомленъ трудомъ или отуманенъ горестью. Такія минуты—для него дѣта.

—Правда, правда, отвѣчалъ профессоръ: я знаю, что для своего оправданія ты можешь привести множество доказательствъ, множество изрѣченій изъ древнихъ писателей; еще больше пріимѣровъ изъ жизни святыхъ отшельниковъ; но можно ли до такой степени забыть свои обязанности и презирать свѣтъ? Всѣ ученики твои и мы, товарищи твои, жлѣмъ тебя здѣсь съ одинаковымъ нетерпѣніемъ. Слава твоя говорить за тебя на каждомъ шагу,—а ты убѣгаешь ее!

—Слава? возразилъ Твардовскій: и ты лумаешь, что я имѣю ее, эту славу?.. Нѣтъ, любезный другъ, слава одного города, одного края, не есть еще слава. Эта слава только убиваетъ настѣ... Осгавляя землю, гдѣ жили, и переходя въ другую, мы снова становимся неизвѣстными и ничтожными, и снова должны пріобрѣтать эту славу.

(*) Корона—королевство.

—Какой же тебѣ славы? спросилъ Профессорт, послѣ минутнаго размышленія.

—Какой?.. Такой славы, которая разнесла бы мое имя по щемому свѣту,—чтобъ оно было на языкѣ у всѣхъ людей, отъ королей и до послѣднихъ нищихъ.

—Такая слава въ рукахъ Божіихъ, сказаъ тихо Итальянецъ.

—Скажи лучше: въ когтяхъ дьявольскихъ.

—Не понимаю, сказаъ удивленный Профессоръ, отступа отъ Твардовскаго.

—Я объясню тебѣ это философически, докторъ. Самое величайшее добро и самое величайшее зло могутъ имѣть безграничную славу. Итакъ, слава есть слѣдствіе двухъ противоположныхъ причинъ. Скажи мнѣ, которой изъ этихъ двухъ причинъ обязантъ я своей славою?

—Изъ взаимной совокупности обѣихъ,—если хочешь знать непремѣнно, сказаъ докторъ. Тебя признаютъ мудрецомъ, но общая молва относитъ эту мудрость къ чернокнижію, которое дается не отъ Бога, начала добра, средоточія истины и блага.

—Такъ ты думаешьъ, возразилъ холодно Твардовскій, что эта толпа можетъ судить объ насть, о великихъ людяхъ, когда она васъ и понять не можетъ?...

—Vox populi—vox Dei,—гласъ народа—гласъ Божій, сказаъ тихо докторъ. Существованіе чаръ никто не можетъ опровергнуть, а чары исходятъ отъ дьявола.

—Сущая правда. Если есть на свѣтѣ дьяволъ, то есть и чары. Vale.

—Vale.

Толпа студентовъ смѣнила ученаго доктора. То была кипящая, алчущая науки молодость; веселая, хоть и въ рушищѣ; свѣжая и румяная, хоть и голодная. Увидѣвъ учителя, студенты не моглиничѣмъ обуздѣть своего восторга. Шапки полетѣли на воздухъ. Всѣ кричали: Vivat Tvardovius! vivat!

Матюша сиротка плакалъ отъ радости. Улыбка сіяла на лицѣ Твардовскаго.

А между тѣмъ колокола пятидесати краковскихъ косцеловъ звонили и доносили до слуха Твардовскаго ужасную свою пѣснь:

—Бѣда душѣ Твардовскаго! Бѣда тебѣ, Твардовскій, съ твоей славою, съ твоимъ величиемъ. Ты продалъ себѣ сатанѣ—отдалъ за минуту жизни цѣлую вѣчность! Бѣда тебѣ, учитель, бѣда, бѣда!

Понятенъ былъ Твардовскому этотъ голосъ; щемилъ онъ больно его сердце. Твардовскій шелъ въ задумчивости; кругомъ его раздавались виваты; вдали жалобно выли псы. Изъ всего этого шума, смѣшаннаго разнообразнаго, дикаго, можно было вывести дурное предзнаменованіе; — то не были крики счастія и радости. Недовольный Твардовскій остановился и закричалъ:

— Молчать, колокола!

И въ ту же самую минуту вырвались изъ рукъ звонарѣ шнуры колоколовъ. Колокольни тряслись въ основаніяхъ готовые разсыпаться камнями и колокола, глухо простонавъ, умолкли. Скоро Твардовскій пришелъ домой. Толпы народа окружили его и зѣльствовали громкими криками: *Vivat Tvardovius!*

ГЛАВА XI.

Какъ Король посыпалъ за Твардовскимъ.

Что такое слава? Откуда она? Не похожа ли она на снѣжный комъ, который катится съ горъ въ долину?.. Сначала онъ малъ; потомъ растетъ и растетъ, все больше и больше. Вотъ уже онъ захватываетъ съ собою все, что ни встрѣтитъ на дорогѣ; это уже не прежній комъ, это цѣлое облако снѣгу, скала, лавина, — страшная, всеразрушающая лавина, которая летитъ, какъ молнія, засыпаетъ села, города, и наконецъ, усталая, падаешь гдѣ нибудь въ долинѣ и разливается озеромъ. Такъ возрождается, такъ растетъ и такъ оканчивается слава. Часто приходитъ она неожиданная и незаслуженная. Иной бѣднякъ ложится спать, а проснувшись видитъ ее у себя на изголовье, какъ золотую корону, которая не столько украшаетъ голову, сколько тяготитъ ее. Но чаще, она также скоро и исчезаетъ, какъ скоро приходитъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, что такое слава? Мечта, обманчивый призракъ чего-то несуществующаго, — обаяніе! Каждый можетъ лять ее, каждый можетъ отнять, а никто не знаетъ гдѣ она, что она, для кого она?

Слава Твардовскаго была одна изъ тѣхъ, которыхъ приходили во снѣ. На другой день послѣ договора съ дьяволомъ, онъ нашелъ ее у себя подъ изголовьемъ, — и она при-

шлась ему впору, какъ будто нарочно для него была сдѣлана. Ему казалось, что онъ давно уже ждалъ ее, что надѣялся на нее, какъ будто она была ему обѣщана напередъ,— не удивлялся ей и принялъ ее съ равнолушіемъ заимодавца, который привыкаетъ въ срокъ уплаченный долгъ.

И однажды, могучею была эта слава, слава, для которой не существовало ни невѣрующихъ въ нее, ни завидующихъ ей, ни оспоривающихъ ее, потому что Твардовскій въ глазахъ народа стоялъ такъ высоко, что нико не осмѣялся бы и полумать завидовать ему. Всѣ горожане съ уваженіемъ преклоняли предъ нимъ головы; ходили дивные слухи о его чудесныхъ исцѣленіяхъ, о совѣтахъ и срѣствахъ, которые онъ давалъ, о чаракъ и заклятияхъ, которыхъ онъ производилъ. Безпрестанныя повторенія слуховъ этихъ увеличивали ихъ вмѣстѣ съ временемъ,— разнообразили до безконечности. У дверей дома Твардовскаго толпился народъ съ утра до вечера; вѣльможи присыпали за нимъ раззолоченные свои колясы и осыпали его деньгами за каждый визитъ, за лекарства, прописанныя имъ, вѣрѣлко за одно слово. Счастье сопутствовало Твардовскому во всемъ: каждый новый шагъ увеличивалъ его славу; за каждымъ шагомъ слѣдовали новые, болѣе прежнихъ дивные слухи,— каждый день ознаменовывался какимъ-нибудь новымъ чудомъ. Могущество чародѣя не знало грааницъ.

И радовался Твардовскій, потому что гордость его и жажда славы были уже насыщены; онъ обладалъ тѣмъ, чего желалъ, испилъ того, чего жаждалъ. Но былъ ли счастливъ отъ своей славы Твардовскій— этого не зналъ никто.

Однажды позднимъ вечеромъ Твардовскій сидѣлъ передъ огромною книгой, хоть и ничего не читалъ въ ней. Лампа горѣла передъ нимъ на столѣ Матюша спалъ въ углу комнаты. Кругомъ все было тихо. Ничто не нарушало торжественной тиши той минуты, въ которую цѣлый городъ съ молитвою отходилъ ко сну. На огромномъ, покрытомъ грубымъ сукномъ, столѣ, передъ которымъ сидѣлъ Твардовскій, стояли и лежали предметы, какие въ то время можно было найти у однихъ только ученыхъ по ремеслу. Лежали на немъ человѣческой черепъ, кости и ребра такъ называемыхъ *великолюдовъ* (*); чучело крокодила висѣло на потолкѣ; въ углу стояла

(*) Великановъ.

египетская мумія, обвитая іероглифическими пеленками; уроды мокли въ спиртъ, въ огромныхъ банкахъ; скелетъ бѣлѣлъ на почернѣвшей стѣнѣ; надъ окномъ распиленъ былъ нетопырь. Было время, когда Твардовскій по этимъ бреннымъ, когда-то оживленнымъ, остаткамъ изучалъ тайны природы, цыталъ прошлое, доскакивался будущаго. Теперь все это стало для него известнымъ и бесполезнымъ; теперь онъ готовъ быть бросить все это съ презрѣніемъ, какъ огрызокъ плода, изъ котораго высосана уже вся сладость.

Вдругъ послышался Твардовскому какъ будто чей-то шелестъ, какъ будто чей-то тихій говоръ. Улыбаясь, прищурилъ Твардовскій глаза, и среди мертвой тиши явствено доходили до его слуха слѣдующія слова, которыхъ, кроме его, не услышалъ бы и не понялъ никто на свѣтѣ.

Скелетъ. Какая смертная скука стоять, какъ на часахъ, у этого безумца, — стоять безъ пользы и понапрасну! По крайней мѣрѣ, прежній господинъ мой пересчитывалъ мнѣ иногда ребра, — а этотъ даже и не дотрется до меня. Мыши только огрызаютъ мнѣ на ногахъ пальцы! Ужъ лучше было бы мнѣ въ сырой землѣ! Спокойно выспишься тамъ за вѣкъ беспокойныхъ ночей въ жизни, а тутъ стой, вытянувшись, какъ на часахъ рекрутъ... Еще какъ будто на-смѣхъ попацѣплялъ мнѣ пружинки вмѣсто мускуловъ, — жмутъ бѣдныя кости, которыхъ, бывало, такъ привольно двигались подъ кожей и тѣломъ. Чтобъ тебѣ самому, проклятый мудрецъ, служить по смерти пугаломъ или посмѣшищемъ! За что ты меня держишь по-напрасну?

Рука великана. Молчалъ бы лучше, воробей, если видишь, что я не жалуюсь! А мнѣ-то небось хорошо здѣсь, мнѣ, которая при жизни была не чета тебѣ, ничтожному червяку? И развѣ пріятно мнѣ слушать, когда вѣкъ лысыя головы, съ очками на носахъ, примутся разсуждать обо мнѣ и доказывать, что я никогда не была членомъ человѣка, а какимъ-то безсловеснымъ мамонтомъ, или чѣмъ-нибудь похуже этого? Небось, хорошо мнѣ здѣсь, — мнѣ, руки допотопнаго великана, — мнѣ, которая была такъ сильна въ жизни?

Скелетъ. Сильна — по величинѣ, да по глупости развѣ...

Уродецъ вѣ спить. Ай! ай! И я мучусь, и я терплю, хоть и думаютъ, что будто у меня нѣть и не было души и что я не видаль свѣта. И развѣ пріятно смотрѣть на кусочекъ этого свѣта, который описывали мнѣ такимъ прекраснымъ, — смо-

треть сквозь спиртъ и стекло—и не видать ничего, кроме грязной комнаты, да этой лысой головы?..

Мумія. Что это разворчалась тамъ эта противная сволочь? Что они? кто они? люди или рабы? Молчать! я здѣсь царица!

Всѣ. Ха! ха! ха! Царица?.. Ты царица? Да здравствуетъ царица! ха! ха!..

Мумія. Не видите развѣ на пеленкахъ моихъ надписи? Знайте же—я знаменитая великая царица народа египетскаго. Не понимаю я только, кто этотъ безумецъ, который осмѣливалась рѣзать меня на кусочки и давать больнымъ вмѣсто лекарства. Бѣда ему, когда настанетъ часъ моего мщенія!

Всѣ. А! бѣла ему, отъ тебя знаменитой, всемогущей царицы, которая раздаешь себя по кусочкамъ всѣмъ тѣмъ, кого одолѣвѣтъ колика, у кого отяжелѣтъ голова или прогнютъ внутренности!!

Мумія. Во всѣхъ гробницахъ нашихъ не было женщины можетъ и прекраснѣе меня...

Всѣ. О, великая царица! прекрасная царица! какъ жаль, что тебя обпилилъ такъ мучитель нашъ! Сама себя хвалишь, ты—царица безъ двора и безъ штата!

Нетопырь. Не ужели уже на дворѣ ночь? Ахъ, какъ хотѣлось бы мнѣ слетѣть съ этого окна, къ которому меня пригвоздили! За чѣмъ, за что прибили меня?.. Что любопытнаго нашли они въ моихъ крыльяхъ? Я простая мышь, только съ крыльями, какъ отецъ мой, какъ мать моя, какъ вся семья наша. Какъ, я думаю, весело теперь жить на свѣтѣ, братцамъ и сестрицамъ моимъ! Сколько тамъ огоньковъ блеститъ въ окнахъ, какіе прохладные, роскошные гнѣзла ва чердакахъ и въ подвалахъ! О, за чѣмъ я не могу полетѣть къ нимъ!..

Крокодилъ. Висѣть и висѣть безконечно въ этой сырой, холдной избѣ! Но когда вибуль должно же кончиться мое мученіе! — Когда нибудь да долженъ издохнуть этотъ лысый сторожъ! О,—сѣмъ бы я его, еслибы могъ!..

Адамова голова. Добрый вечеръ, братцы, добрый вечеръ! Каково вы спали днемъ? Вотъ уже проснулась наша лампада и свѣтить прамо въ очи,—пора вставать! Пора вставать, пора идти прогуляться... .

И стучали зубами, поднимался на столъ черепъ.. Въ эту минуту Твардовскій ударилъ рукою по столу, — и таинственный говоръ стихъ... Матюша проснулся.

За дверьми послышались чьи-то шаги; ручка застучала, двери отворились и, в комнату кто-то вошелъ.

зглянувши на пришельца равнодушно, безъ любопытства, Твардовскій самодовольно улыбнулся. Пришелецъ однокожъ, не отличался ничѣмъ особеннымъ, и приходѣ его, по-видимому, не предвещалъ большой радости. Онъ стоялъ у порога, завернувшись въ черный плащъ, въ шляпѣ съ чернымъ перомъ, въ сапогахъ съ длинными носками и широкими раструбами. На груди его виднѣлась золотая цѣпь съ медальономъ; изъ подъ плаща выставлялась птица. Бѣдное лицо незнакомца показывало въ немъ человѣка еще молодаго; глаза тускло свѣтились въ глубокихъ впадинахъ; губы были стиснуты. Острый и узкій носъ спускался къ чернымъ усамъ, почти закрывающимъ ротъ, подъ которымъ чернѣлась эспаньолка, окруженная рѣдкою, остроконечпою бородою, какую носили тогда на Западѣ.

Незнакомецъ снялъ шляпу и подошелъ къ Твардовскому.

— Я ждалъ васъ, сказалъ ему Твардовскій, привставая съ кресла.

— Меня, — меня? вскрикнулъ удивленный пришелецъ.

— Да, да, именно васъ, отвѣчалъ Твардовскій: не удивляйтесь; вспомните, что я умѣю отгадывать все, что случилось и что случится впередъ.

— Ошибаетесь, вашмосьцъ (*), отозвался съ полунасмѣши-
вой, полупрерптельной улыбкой незнакомецъ, оскорбленный самоувѣренностью Твардовскаго.

— Я не ошибаюсь никогда, возразилъ Твардовскій. Хотите, чтобы я вамъ сказа-
лъ, кто вы?

— Прошу васъ, отвѣчалъ незнакомецъ, увѣренный, что Твардовскій не могъ знать его, и, потомъ продолжалъ, указывая на Матюшу: — Но прежде, чѣмъ начнемъ разговоръ, я просилъ бы васъ... выслать... этого человѣка.

— Это слуга мой, отвѣчалъ Твардовскій, — и дай звѣ-
нко Матюшѣ, чтобы онъ вышелъ.

Матюша вышелъ въ маленькую дверь.

— Теперь готовъ слушать васъ.

— Вашмосьцъ — придворный Его Королевской Мосьці, не такъ-ли?

(*) Waszmosc, сокращенное Wasza Mosc,—ваша милость.

— Такъ, но развѣ вы видѣли меня когда-нибудь при дворѣ?

— Король послалъ васъ ко мнѣ. Назадъ тому нѣсколько мѣсяцѣвъ онъ лишился любимой супруги... Говорить ли болѣе?

— Довольно, довольно, вскричалъ удивленный незнакомецъ, приблизившись къ Твардовскому. Выраженіе на смѣшкѣ и гордости изчезли съ худаго, блѣднаго лица его; онъ видимо смѣшался.— Скажите мнѣ, ради Бога, откуда вы знаете обѣ этомъ? Король ни кому не говорилъ обѣ этомъ, кромѣ меня; могу васъ увѣрить, что въ комнатѣ кромѣ его и меня никого не было; могу поручиться, что никто не осмѣлился бы подслушивать у дверей. Къ тому же король говорилъ мнѣ на ухо. Никто въ свѣтѣ немогъ знать этого, кромѣ меня и его.

— Я знаю третій, отвѣчалъ смѣло Твардовскій, потому что все, сокрытое для другихъ, для меня открыто, и будущее я читаю, какъ книгу.

— По этому я не хочу васъ и спрашивать, продолжалъ придворный, удивленный всевѣдѣніемъ Твардовскаго, можете ли вы исполнить то, чего просить отъ васъ король.

— Могу ли— въ этомъ сомнѣваться пѣчего; но сдѣлаю ли— это еще сомнительно.

— Какъ! имѣя возможность и средства сдѣлать, вы не сдѣлали бы для короля?

Твардовскій улыбнулся и отвѣчалъ:

— Для меня нѣть короля. Есть нѣкоторыя причины, для которыхъ я долженъ подумать—надобно ли исполнить королевскую просьбу.

— Какія же причины?

— Король огорченъ потерю дорогой ему супруги; ему хочется видѣть ее— ее, или ся тѣнь, и онъ просить меня вызвать ее. Такъ-ли?

— Такъ.

— Хорошо ли будетъ, если король увидитъ снова обожаемую имъ Варвару?.. Раны, которыя теперь начинаютъ заживать, откроются; увидѣвъ ее, онъ захочетъ подойти къ ней, прижать ее къ осиротѣлому сердцу, — поговорить съ нею. Слѣдствіемъ такого свиданія будутъ новыя слезы, новая грусть, новое отчаяніе. Свиданіе это можетъ принести королю больше вреда, чѣмъ пользы,—больше горести, чѣмъ утѣшенія. Каждый день уносить съ собой частичку воспоминанія, во когда это воспоминаніе оживится чуднымъ видѣніемъ, то ляжетъ тяжело на-сердцѣ; милый образъ яснѣе отразится въ

душъ, и грусть овладѣетъ ею снова и надолго. Не похоже ли это на желаніе больнаго, который хотѣлъ бы испытать въ другой разъ одну и ту же болѣзнь?..

— Я раздѣляю ваши мысли и предоставлю вашей мудрости дѣйствовать, какъ лучше, отвѣчалъ съ покорнымъ видомъ придворный.

— По крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется, продолжалъ Твардовскій. На свѣтѣ есть вещи, о которыхъ не знаю и которыхъ не вижу, потому что не хочу видѣть ихъ и нарочно отврашаю отъ нихъ взоры. Будущее короля есть именно одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которыхъ не хочу и не смѣю допускаться.

— На чѣмъ вы рѣшились?

— Въ эту минуту я не могу дать вамъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ надо, по крайней мѣрѣ, три дни на размышеніе. Черезъ три дни и въ такую же пору, какъ сегодня, приидите ко мнѣ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте ли вы мнѣ, не откладывая до другаго времени, сказать вамъ, что обѣщаетъ вамъ король, если вы исполните его желаніе?

— Любопытно было бы знать, невольно сказалъ Твардовскій: по истинѣ, я не могу отгадать этой награды.

— Предупреждаю васъ, что король, Егомосыць, вовсе не считаетъ это наградою. Онъ хочетъ просто оставить вамъ по себѣ память—и этою памятью будутъ золотая цѣпь въ три ста золотыхъ вѣсомъ, драгоценный перстень и соболиная шуба, одна изъ тѣхъ, которыя послѣдній царскій посолъ привезъ королю въ подарокъ изъ Москвы, и красотъ которой не могли въ то время надивиться. Повторяю: король не думаетъ награждать васъ; все это будетъ единѣмъ знакомъ его къ вамъ благорасположенія.

— Благодарю за ласку и милость королевскія для меня, ничтожнаго слуги его, отвѣчалъ Твардовскій. Не забудьте же прийти ко мнѣ чѣрезъ три дни.

Съ этими словами онъ поклонился и придворный вышелъ. Задумчивый Твардовскій остался одинъ; но сдва только утихли шаги гостя на лѣстницѣ, какъ въ углу комнаты, что-то зашелестило и изъ подъ огромной кучи книгъ вымѣзъ, зѣвая во весь широкой ротъ свой, дьяволъ.

— Добрый вечеръ!

— А я только что собирался тебя звать.

— Видишь, какъ я легокъ на-поминѣ. Я зналъ, что ты знаешь со мной видѣться и предупредилъ зовъ.

— Такъ стало быть ты знаешь въ чемъ дѣло?

— Знаю, да не совсѣмъ, равнодушно отвѣчалъ дьяволъ.

— Король нашъ, сказалъ ему Твардовскій, послѣ минутнаго размышенія, потеряль нѣжно любимую имъ супругу, Варвару (*). Дороже всего на свѣтѣ была она ему, потому что онъ взялъ ее, какъ нѣжную подругу, а не какъ королеву. Не смотря на всѣ прекрасныя качества настоящей королевы, скончавшейся недавно въ Вильнѣ, Варвара взятая королемъ съ бою, умѣла затмить всѣ качества своей предмѣстницы и соперницы. Огорченный ея смертію, король самъ проводилъ тѣло ея въ Вильну, носиль всегда портить ея на груди, и одно воспоминаніе объ ней заставляетъ его проливать слезы. Дошла до него вѣсть о моемъ знаніи. Народная молва разгласила вѣсть о моемъ могуществѣ, посредствомъ котораго я вызываю тѣла умершихъ, и это подало королю мысль взглянуть еще разъ на образъ любимой супруги. Сейчасъ только вышелъ отъ меня посланецъ королевскій, который передалъ мнѣ желаніе и просьбу монарха. Скажи, могу-ли я показать ему духъ умершей? Могу-ли вызвать его?

— Не могу сказать тебѣ навѣрное, что стало съ душой королевы. Если она полетѣла туда (дьяволъ указалъ пальцемъ на небо), то трудненько будегъ вызвать ее на землю.

— Трудно, но все-таки возможно?

— Ну, не знаю, какъ тебѣ сказать. Есть заклятія и на добрыхъ духахъ; о заклятіяхъ на злыхъ ты знаешь самъ: потому что они гораздо легче первыхъ. Подумай-ко; авось отыщешь въ ихъ въ своей головѣ.

— Знаю, отвѣчалъ Твардовскій, глубоко задумавшись.

— Во всякомъ случаѣ, продолжалъ сатана: старайся показать королю духъ такимъ образомъ, чтобы онъ не влюбился въ него болѣе, чѣмъ любилъ покойницу при жизни,—напротивъ, слѣлай такъ, чтобы онъ внушилъ ему ужасъ, или отвращеніе. Память и любовь къ умершимъ соединяютъ живущихъ съ мертвыми неразрывными, таинственными узами, и тогда они менѣе грѣшатъ. Многіе,—говорю тебѣ это по опыту,—удержались на путяхъ добродѣти единственно отъ воспоминанія объ умершихъ.

Мы, какъ тебѣ известно, стараемся только о томъ, чтобы вѣтъ грѣшили, потому что грѣхомъ свѣтъ держится, и давно бы провалился, еслибы не было этого *malum necessarium*. Потому-то я такъ и стою на этомъ. Потомъ, ты долженъ стараться, чтобы король ни подъ какимъ видомъ не приближался къ духу и не коснулся бы его; даже чтобы не заговорилъ съ нимъ, ибо, въ противномъ случаѣ, если духу вздумается отвѣтить, то король непремѣнно умретъ и тебя сожгутъ, или повѣсятъ, какъ колдуна и чернокнижника. Впрочемъ, дѣлай себѣ, какъ угодно. Съ моей стороны будетъ только одно условіе; вѣдь надобно же и мнѣ что-нибудь тутъ выиграть. Ты долженъ отказаться отъ всякой награды. Проси короля только объ одномъ: пусть проститъ первого преступника, котораго на другой день должны вѣшать на площади передъ ратушей; этимъ ты приобрѣшь для себя новую славу, — славу безкорыстнаго человѣка, а для ада — окажешь большую услугу, сохранивши человѣка, для него необходимаго. Надобно о себѣ думать: *primo mihi*. За это я берусь помочь тебѣ въ дѣлѣ. Помни же о двухъ главныхъ вещахъ: для себя — чтобы король во время явленія духа не сошелъ съ мѣста и не заговорилъ бы съ нимъ; для меня, — чтобы помиловалъ преступника. Ну, прощай; я тороплюсь въ другую сторону. *Vale et te amo.* —

Дьяволъ исчезъ. Твардовскій бросился на жесткую постель. Лампада, по прежнему, озаряла тусклымъ красноватымъ свѣтомъ своимъ мумію, крокодила, скелетъ и уродовъ въ банкахъ. Твардовскій скоро заснулъ. Тогда только тихонѣко подошелъ къ кровати его неустанно наблюдавшій за господиномъ своимъ Матюша-сиротка, покрылъ его одѣломъ въ комнатѣ было холодно), погасилъ лампаду, и, машинально перекрестившись и пробормотавши что-то подъ носъ, улегся на полу, въ ногахъ своего господина.

ГЛАВА XII.

Какъ Твардовскій вызывалъ тѣнь королевы. Варвары.

Черезъ три дня, которые Твардовскій выпросилъ на размышеніе вечеромъ, брякнула у дверей желѣзная щеколда, и въ комнату вошелъ королевскій посланецъ. Твардовскій подошелъ къ нему.

— Какой отвѣтъ долженъ я принести королевской Мосьцѣ? — началъ придворный, послѣ обычнаго привѣтствія.

— Желаніе его можетъ быть исполнено, отвѣчалъ по минутномъ размышленіи Твардовскій: только не иначе, какъ на условіяхъ, которыя непремѣнно долженъ привѣтъ король.

— Увѣренъ заранѣе, что король согласится на самыя тяжелыя условія, если только они будутъ приличны его высокому сану. Король такъ горячо любилъ свою супругу, что рѣшился на все, лишь бы увидѣть хоть на минуту тѣнь ея.

— Первое мое условіе — чтобы король въ минуту появленія тѣни не пытался приближаться къ ней, не говорилъ бы ни слова, не сходилъ бы съ мѣста. Второе — чтобы при вызовѣ тѣни не было никого, кромѣ меня, короля и васъ. Третье — чтобы король, вмѣсто всякой награды, помиловалъ осужденнаго на смерть преступника.

— Могу поручиться, отвѣчалъ удивленный требованіями Твардовскаго придворный, что всѣ эти условія будутъ королемъ исполнены. Что же касается до награды, то я совѣтовалъ бы вамъ не пренебрегать ею: тутъ можно много выиграть. Подумайте хорошошенько; не пожелаете ли еще чего нибудь?..

Удивленный придворный поспѣшилъ къ королю съ радостной вѣстью и скоро возвратился, объявить Твардовскому, что король соглашается на всѣ условія и просить его явиться къ нему во дворецъ. Гордый своимъ безкорыстіемъ, Твардовскій сбирался не долго. Онъ зналъ, что нетерпѣливый король не будетъ откладывать до другаго времени исполненіе своего замысла. Твардовскій взялъ волшебный жезль, свитокъ пергамену, книгу, какой-то ящичекъ, завернулся въ широкой плащъ и вышелъ вмѣстѣ съ придворнымъ.

Они шли молча. Была уже поздняя ночь; гонимыя осеннимъ вѣтромъ тучи волоклись по небу; вѣтеръ гудѣлъ въ узкихъ,

опустѣлыхъ улицахъ Кракова. Не было видно пизги. Изрѣдка доходили до слуха путниковъ вой собакъ, или отрывчатые голоса пьяницъ, гулявшихъ въ корчмахъ, не смотря на позднюю пору. Порой раздавалось по улицѣ брянчанье сабли, которое тотчас же заглушалъ лай собакъ, и потомъ опять наступала тишина, — и опять гудѣлъ одинъ вѣтеръ. Надобно было хорошо знать Краковъ, чтобы не заблудиться въ немъ въ позднюю пору и темною осеннею ночью. Наши путники, должно быть, знали его хорошо, потому что шли съ увѣренностью по узкимъ и кривымъ улицамъ, поворачивая то вправо, то влево, замѣчая дорогу по разнымъ примѣтамъ, по домамъ, оградамъ косцельнымъ и колокольнямъ, пока, наконецъ, не подошли къ королевскому замку.

Они вошли въ калитку, ключъ отъ которой былъ у придворнаго. Потомъ имъ надобно было пройти маленькимъ дворомъ, откуда, черезъ длинную галлерею съ тонкими готическими колоннами и нѣсколькою корридоровъ, они скоро достигли королевской половины. На крыльцѣ не было никого. Кругомъ царствовали темнота и мертвая тишина, и только въ отдаленіи, въ одиномъ изъ оконъ замка, за красною занавѣскою, мелькалъ огонекъ. Путники опять поднялись по лѣстницѣ, вошли въ корридоръ, гдѣ ихъ встрѣтилъ королевскій дворецкій и проводилъ до самыхъ королевскихъ покоеvъ. Комната, въ которую онъ привелъ ихъ, не отличалась особыеннымъ убранствомъ. Это была караульня. Кругомъ, около стѣнъ, стояли дубовые лавки, — по срединѣ большой дубовый столъ. Въ углу высилась огромная печка съ голландскими изразцами. Большая окна съ оправленными въ олово стеклами шли по одному боку. На потолкѣ виднѣлись огромныя балки съ рѣзными украшеніями. Комната освѣщена была двумя витыми желтыми свѣчками, вставленными въ огромные мѣдные подсвѣчники, надъ мисками съ водою. На каменномъ и холодномъ полу лежали въ разныхъ мѣстахъ, завернувшись въ плащи, королевскіе коморники и юргельтиники. Одни изъ нихъ спали на подостланныхъ кожахъ, другіе просто на связкахъ соломы. Подъ каждого лежали сабли и распущенный поясъ. У дверей, прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ вооруженный съ головы до ногъ часовой. Въ эту-то дверь вошелъ Твардовскій съ своимъ спутникомъ. Не успѣли они войти въ нее, какъ нѣсколько головъ приподнялись съ постелей и вслѣдъ за тѣмъ раздалось отовсюду:

— Кто тамъ? Кто идетъ?

— Тсъ! — отозвался придворный, прикладывая палец к губамъ и указывая съ таинственнымъ видомъ на входившаго вслѣдъ за нимъ Твардовскаго. Дворяне (это были они) тотчасъ умолкли. Многіе изъ нихъ, опершись на локтяхъ, съ любопытствомъ осматривали Твардовскаго, перешептываясь между собой съ насмѣшилымъ видомъ, какъ это всегда случается между придворными. Никто изъ нихъ не видаль Твардовскаго, и они напрасно терялись въ догадкахъ, зачѣмъ бы могъ требовать король рѣ такую позднюю пору незнакомое имъ лицо. Между тѣмъ дворецкой, который ввелъ Твардовскаго, сказалъ ему, что пойдетъ къ королю, доложить объ его приходѣ, и указалъ на лавку. Твардовскій сѣлъ.

Дворецкой, тихонько, на цыпочкахъ, подошелъ къ другой двери, завѣшенной занавѣскою, и скрылся за нею. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и далъ знакъ Твардовскому следовать за собой. Въ тоже время онъ разбудилъ одного изъ коморниковъ и тихонько отдалъ ему какія-то приказанія. Другіе коморники начали вставать и надѣвать сабли. Впustивъ Твардовскаго, дворецкой опустилъ занавѣсь. Они прошли двѣ темные комнаты и остановились у полуоткрытыхъ дверей, откуда виднѣлся свѣтъ.

Это была небольшая комната со сводами и однимъ оконшкомъ. Полъ былъ устланъ персидскимъ ковромъ; по угламъ стояли покрытые мраморомъ столы, на которыхъ лежали опрѣвленные въ пергаминъ книги въ связки бумагъ. Въ глубинѣ виднѣлась кровать, завѣщенная малиновыми занавѣсками; у кровати стоялъ покрытый сукномъ столъ съ серебряными кубками для вина и воды, съ вызолоченными лаханью и рукомойникомъ. По стѣнамъ шла покрытая ковромъ лавка; по срединѣ комнаты стояли два кресла, обитыя малиновымъ бархатомъ съ золотой бахрамой. Въ углу, на столѣ, горѣла ламца.

У кровати стоялъ средняго роста, сутулый мужчина, весь въ черномъ. Лице его было блѣдно, брови наспущены. Длинная, раздвоенная борода его падала на грудь; усы и волосы были немножко подстрижены. Твардовскій не успѣлъ еще преступить порога, какъ тотъ закричалъ ему:

— Не подхѣди близко! — издалека! издалека!..

Смѣшавшійся и изумленный Твардовскій остановился у порога. Дворецкой стала подлѣ него.

Спустя минуту, король это былъ онъ), замѣтно волнуемый страхомъ и нерѣшительностью, продолжалъ:

— Ты вызвался показать мнѣ тѣнь дражайшей супруги моей королевы Варвары?

— Да, наияснѣйший и всемилостивѣйший государь, отвѣчалъ Твардовскій: я обѣщалъ это вашей королевской мосьци—только не иначе, какъ съ условіями.

— Какія-же твои условія?—спросилъ нетерпѣливо Августъ.

— Во-первыхъ, ваша королевская мосьци, не должны говорить, не должны прикасаться къ тѣни, не должны подходить къ ней.

— Какъ? не сказать ни слова? не показать и знака чувства? Это ужъ слишкомъ, и если только крайне необходимо...

— Необходимо для безопасности вашей священной особы. Награды я не прошу никакой, кромѣ помилованія преступника, котораго завтра должны казнить.

— Я уже слышалъ объ этомъ, сказаъ король, и желать бы знать, почему такъ дорогъ тебѣ этотъ преступникъ?

— Я даже не знаю, кто онъ, отвѣчалъ Твардовскій.

— Прошу тебя, продолжалъ король по минутномъ молчанію: не употреблять заклятій, запрещенныхъ Церковю. Они могутъ погубить душу. Вызови мнѣ тѣнь королевы простыми заклятіями бѣлой магіи или молитвою.

Твардовскій, вместо отвѣта, отрицательно покачалъ головою.

— Намъ надобно комнату побольше этой, сказаъ онъ потомъ.

По знаку короля дворецкій открылъ другія двери, завѣшенныя занавѣской. Всѣ троє вошли въ нихъ. Дворецкій освѣщалъ дорогу лампою. Пройдя двѣ небольшія комнаты, они вышли въ огромную залу о трехъ окошкахъ, обитую чернымъ сукномъ и съ двумя, по обѣмъ концамъ, дверьми, кругомъ залы, по стѣнамъ, тянулись лавки, посерединѣ стоялъ столъ, покрытый до полу чернымъ сукномъ; на стѣнѣ висѣло распятіе. Въ огромномъ каминѣ тлѣли уголья и освѣщали всю залу слабымъ красноватымъ мерцаніемъ. Блѣдный, изнуренный король молча опустился въ кресла; Твардовскій началъ свои приготовленія. Разложивъ на столѣ свои черновицкіе снаряды, онъ вѣльзъ при дворному завѣсить распятіе. Король, казалось, не примѣчалъ, или показывалъ видъ, что не примѣчаетъ этого.

Передъ начатіемъ заклинаній, Твардовскій обратилъся къ королю:

— Прошу у вашей королевской мосьци, сказаъ онъ: волось покойной королевы.

Августъ снялъ съ груди своей черную книжку съ золотыми

застежками и, вынувъ оттуда волосы, послалъ ихъ съ придворнымъ своимъ Твардовскому.

— Повторяю вамъ, государь, наше условіе. Вы должны сидѣть тихо, не должны вымолвить ни одного слова при появленіи тѣни, иначе и съ вами и со мной можетъ случиться большое несчастіе.

Король въ знакъ согласія кивнулъ головою. Видно было, что страхъ и радость боролись въ немъ и онъ не могъ пересилить въ себѣ ни одного изъ этихъ чувствъ, хотя и старался скрыть ихъ. Брови его нахмурились еще болѣе, тяжелое дыханіе колебало грудь, лицо блѣднѣло, руки судорожно сжались.

Минуту спустя Твардовскій началъ вызывать тѣнь и жечь на лампѣ волосы королевы. Густой дымъ заволокъ туманомъ всю комнату. Потомъ дымъ началъ рѣдѣть; лампа вспыхнула ярче, — противоположная дверь съ трескомъ и скрипомъ растворилась и на порогѣ показался чѣй-то неясный образъ. Онъ обозначался все яснѣе, яснѣе. Скоро можно было разлучить прелестныя черты молодой женщины небольшаго роста, стройной, голубоокой, бѣлокурой, съ томнымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ бѣлой, легкой одеждѣ, подъ которой виднѣлся блестящій, драгоцѣнныій уборъ. Она шла тихими, мѣрными шагами, едва касаясь ногами пола, останавливалась и потомъ шла опять. Прекрасные глаза ея были обращены въ ту сторону, где сидѣлъ король, съ выраженіемъ любви и невыразимой грусти.

Въ минуту, когда отворилась дверь, Августъ закрылъ глаза; — но когда, послѣ внезапнаго страха, онъ открылъ ихъ, — передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, стояла та, которую любилъ онъ болѣе всего на свѣтѣ. Онъ впился въ мілый призракъ взорами, въ которыхъ просвѣчивались грусть и отчаяніе; тяжелый вздохъ вырвался изъ груди его. Тѣнь все приближалась. Когда глаза короля встрѣтились съ небесными очами усопшой, онъ не могъ преодолѣть своихъ чувствъ, забылъ объ опасности, вскочилъ съ креселъ и вскричалъ, протягивая къ Варварѣ руки:

— Это ты! ты — Варвара!!!

Затрепетала тогда тѣнь Варвары и страшно измѣнилось лицо ея. Въ одну минуту, вмѣсто этого очаровательнаго неземнаго существа, король увидѣлъ передъ собой изсохшій трупъ въ сгнившихъ лоскутяхъ, изъ подъ которыхъ торчали обрывки гнилаго, източеннаго червями тѣла... могильная вонь наполнила комнату.

Король вскрикнулъ и упалъ въ кресло безъ чувствъ. Лампа погасла. Придворный въ отчаяніи ломалъ руки и проклиналъ чернокнижника. Скоро на крикъ его прибѣжали королевскіе придворные и коморники. Обезпамятѣвшаго короля перенесли въ спальню и послали за лекаремъ Шнебергеромъ. Твардовскаго нигдѣ не могли найти: онъ скрылся.

На другой день дивные слухи ходили объ этомъ происшествіи. Говорили, что Твардовскій вызывалъ тѣнь умершей королевы и едва не погубилъ короля...

Августъ сдержалъ свое слово, и преступникъ, котораго на другой день должны были вести на плаху, былъ помилованъ.

ГЛАВА XIII.

О томъ, какъ дьяволъ обѣяснялъ Твардовскому свои памѣрепія.

Воротившись домой, Твардовскій разбудилъ Матюшу и собирался уже лечь спать, какъ вдругъ явился передъ нимъ дьяволъ.

— Король не сдержалъ слова? — спросилъ онъ.

Твардовской съ замѣшательствомъ кивнулъ головою.

— И что жъ дальше?

— Тѣнь королевы превратилась въ отвратительный трупъ.

Дьяволъ засмѣялся.

— Чему ты смѣешься, сатана?.. сказалъ съ упрекомъ Твардовскій... Вѣдь ты самъ не желалъ этого, ты самъ остерегалъ меня?

— Ты старался, возразилъ дьяволъ, прелостеречь короля всѣми мѣрами и однимъ этимъ ты заставилъ его дѣйствовать совершенно напротивъ. Ты знаешь, что людямъ все запрещенное особенно нравится. Возбужденное въ сильной степени любопытство ихъ не знаетъ предѣловъ, и тутъ они забываютъ уже всѣ предосторожности. Мне именно того и хотѣлось, чтобы прелестный образъ королевы явился передъ королемъ въ отвратительномъ видѣ въ ту самую минуту, какъ тотъ думалъ уже осязать его. Такимъ образомъ видѣніе это, вместо того, чтобы усилить любовь короля, возбудило въ немъ сильное отвращеніе къ предмету прежняго обожанія. Теперь король будетъ искать

удовольствія и развлеченья между другими женщинами, и наконецъ, совсѣмъ забудетъ о Варварѣ. Этого-то мнѣ и хотѣлось. Прощай, Твардовскій!

Залумчивый Твардовскій не отвѣчалъ на привѣтствіе дьявола.

—Итакъ, сказалъ онъ наконецъ самъ себѣ: я орудіе дьявола!.. Стѣло же изъ за этого связываться съ сатаною!

ГЛАВА XIV.

Какъ Твардовскій выѣхалъ изъ Кракова.

Ничто не нарушало глубокой задумчивости Твардовскаго. Безъ цѣли и надежды достигъ онъ того, чего желалъ. Теперь не было невозможнаго для его воли. Онъ оглядывался на свое прошлое, — останавливался надъ нимъ. Какъ сонъ, представилась ему давно утраченная юность; онъ едва вѣрилъ ея существованію. Окружавшіе его никогда предметы и люди, являлись ему, какъ призраки, съ слабымъ подобіемъ существенности...

Эти думы о прошломъ нарушены были внезапнымъ приходомъ королевскаго дворецкаго.

—Учитель, сказалъ тотъ, войдя въ комнату и бросая на столъ тяжелую золотую цѣпь, — король приказываетъ тебѣ тотчасъ же выѣхать изъ города и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ тебѣ вотъ это, на память и въ подарокъ.

—На память? воскликнулъ съ гордой усмѣшкой Твардовскій. Если на память, беру, въ подарокъ — не принимаю. Ты говоришь мнѣ о выѣздѣ?

—Такова воля короля. Ему угодно, чтобъ ты сейчасъ же оставилъ Краковъ. Весь дворъ, весь городъ знаютъ уже о томъ, что случилось сегодня во дворцѣ, ночью. Дворяне подслушали у дверей, когда король звалъ Варвару, видѣли тѣнѣ ея, слышали смрадный запахъ. Короля обвиняютъ въ чародѣйствѣ, говорятъ, что ты совѣтовалъ ему сноситься съ умершими посредствомъ злого луха (при этихъ словахъ дворецкій плунулъ и перекрестился). Не совѣтую тебѣ медитировать отъѣздомъ: къ завтрашнему утру слухи эти еще болѣе распространяются по городу, — тогда какъ съ отѣѣздомъ твоимъ могутъ забыть объ нихъ.

Если не жалеши себя, то не нарушай, по крайней мере, священной воли короля,—подумай объ его спокойствіи. По отъезду твоемъ легко можно будетъ разсѣять слухи; — не все имъ тогда повѣрять.

—Ошибаешься, сердито прервавъ его Твардовскій:—если думаешь, что меня, какъ старую беззубую бабу, можно позвать и вытолкнуть потомъ за дверь. Не думаешь ли ты, что тотъ, кто вызвалъ тѣнь съ того свѣта, не будетъ въ состояніи и спровадить кого-нибудь ва тѣть свѣть такимъ же порядкомъ.

Дворецкій поблѣднѣлъ.

—Полно, Твардовскій! Чѣмъ же ты обижаешься,—за что мѣсть? Не забудь, что дѣло идетъ о твоемъ спокойствіи, о твоей славѣ?

—О славѣ??.. Моя слава, отвѣчалъ запосчиво Твардовскій— не боится ничего въ свѣтѣ. Глупымъ болтунамъ я зажму губы,—повѣрь мнѣ.

—Ошибаешься, Твардовскій. Молвѣ не зажать тебѣ рта. Не одинъ простой народъ и глупые болтуны будуть нарѣкать на чародѣйство короля. Скоро узнаютъ о немъ радныѣ паны (*) и сенаторы, а что еще хуже, епископы, — заведутъ процессъ, который можетъ повести тебя на костеръ. Припомніи свѣжіе примѣры.

—Кто осмѣлитсѧ взять меня, — кто будетъ судить меня? — спросилъ Твардовскій.

—Духовная власть. Самъ король не охранить тебя отъ нея. Ты знаешь, что было съ людьми, которыхъ осуждали не въ чародѣйство, а въ Виттембергской ереси...

—А ты думаешь, что я дамся имъ, что позволю судить себя?

—Знаю, и потому то прошу тебя объ отъезду именемъ короля.

Твардовскій задумался.

—Ты говоришь, что король приказываетъ мнѣ выѣхать?..

—Король приказываетъ, а я совсѣмъ.

—Приказываетъ! приказываетъ! повторилъ Твардовскій. Зачѣмъ же онъ прибѣгалъ къ моей помощи, когда власть его сплыла моей?

—Ну, лѣтай, какъ хочешь; прощай!—Сказавъ это, дворецкій вышелъ.

(*) Радныѣ паны—сановники, засѣдавшіе въ Радѣ, или Совѣтѣ.

Волнуемый мыслями, Твардовский долго ходил по комнате. Въ порывѣ негодованія бросилъ онъ цѣпь на полъ, топталъ ее; потомъ, какъ будто одумавшись, поднялъ и надѣлъ на шею.

Спустя минуту, онъ позвалъ Матюшу.

—Сейчасъ на коня—и за мной!

—На коня?.. откуда же взять коня?.. У насъ нѣтъ коней, пане, жалобно отвѣчалъ Матюша.

—Какъ нѣтъ коней?

—Нѣтъ и не было.

Тогда Твардовский взялъ изъ камина потухшій уголь и нарисовалъ имъ на стѣнѣ двѣ лошади. Матюшъ приказалъ сѣсть на одну, самъ вскочилъ на другую—и выѣхалъ черезъ окошко на улицу, заклавши порогъ дома, чтобы никто, въ его отсутствіе, не могъ перейти черезъ него. Разсвѣло уже, когда онъ выѣзжалъ изъ окошка, и народъ выходилъ изъ домовъ на работу. Такимъ образомъ узнали въ цѣломъ Krakовъ отомъ, что Твардовский выѣхалъ изъ дома чѣмъ-свѣтъ на намалеванной лошади.

ГЛАВА XV.

О томъ, какъ Твардовский давалъ людямъ добрые совѣты.

Начало уже смеркаться, когда Твардовский и его слуга, пересѣвши съ измученныхъ лошадей на пѣтуховъ, вѣзжали въ мѣстечко Быдгошчъ. Увидѣвъ городскія вѣли и вороты и бѣлые стѣны домовъ, Твардовский махнулъ имъ рукою, въ знакъ привѣтствія, — и въ ту же минуту отозвались на это привѣтствіе пѣтухи и курицы со всего города, всѣ совы съ колоколенъ, изъ слуховыхъ оконъ, всѣ нетопыри изъ погребовъ и подваловъ. Отъ страшнаго шума и пискотни ихъ не слышно было городскихъ колоколовъ, звонившихъ въ ту минуту на сонъ грядущій. Верхомъ на пѣтухахъ вѣзяли въ городъ Твардовский съ Матюшой, въ сопровожденіи густой толпы горожанъ, которые не могли надивиться такому чуду. Окружавшая ихъ толпа росла и росла, пока наконецъ такъ стѣснила дорогу, что наши путники едва могли добраться до корчмы, гдѣ намѣрены были остановиться. Подъ окнами корчмы со-

брался почти весь городъ. Всъ кричали, шумѣли и толковали только о томъ, кто бы такие могли быть странные всадники. Желая избавиться отъ докучливаго ихъ любопытства, Твардовскій выслалъ къ нимъ Матюшу съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ великаго ученаго, чернокнижника и некромана; вѣльмъ сказать имъ, что останется въ городѣ недолго, и просилъ разойтись по домамъ.

Едва успѣлъ объявить обо всемъ этомъ Матюша, какъ въ толпе раздались крики и восклицанія:

- Пусть покажетъ намъ чудо! — кричали одни.
- Пусть меня вылечитъ! — отзывались другие.
- Пусть дастъ мнѣ денегъ!
- Пусть воскреситъ мнѣ покойнаго мужа!
- Пусть исправитъ жену мою!

Оглушенный крикомъ, Матюша заткнулъ уши и скрылся. Не видя Твардовскаго, народъ началъ расходиться и скоро улицы опустѣли. Толки о Твардовскомъ не умолкали цѣлую ночь. Всъ только и думали о завтрашнемъ днѣ, совѣтывались другъ съ другомъ, о чёмъ просить Твардовскаго, и у каждого, навѣрное, отыскивалось не мало просьбъ и вопросовъ. Любопытство было возбуждено въ такой степени, что рѣдкій могъ сомкнуть глаза въ эту тревожную, полную таинственного ожиданія, ночь.

Съ разсвѣтомъ корчма была уже наполнена народомъ. Душа была такая, что Твардовскій черезъ трубу принужденъ былъ выйти на крышу — подышать свѣжимъ воздухомъ. Увидѣли его и тамъ и начали просить со всѣхъ сторонъ. Сжался наконецъ Твардовскій, сошелъ въ корчму и вѣльмъ впускатъ къ себѣ всѣхъ.

Тутъ-то началась толкотня и давка. Люди всѣхъ половъ, возрастовъ, состояній, тѣснились къ Твардовскому, изъ любопытства или въ надеждѣ помочи. Твардовскій допускалъ къ себѣ каждого изъ нихъ по одиночкѣ.

Прежде всѣхъ проразась къ нему старая, беззубая баба, съ палкой и съ четками въ рукахъ, съ книгой подъ мышкой, съ краснымъ рубцомъ на носу отъ откосья, вся въ грязи и въ мохомъяхъ.

— Много лѣтъ тебѣ здравія, кормилецъ! — сказала Твардовскому баба хрипливъ голосомъ. — Дай ты мнѣ мужа, голубчикъ. Жить не могу безъ мужа. Вотъ ужъ три года, какъ я похоронила моего покойника, и до сихъ поръ

никто еще на мнъ не сватался. Куда какъ испортился нынче свѣтъ; мужчины только и льнутъ, что къ молодымъ.

Вотъ что ей отвѣчалъ на ея просьбу Твардовскій:

Возьми то, что спрятано у тебя въ изголовье кронати, положи въ старый сундукъ, и выдѣшь замужъ! — Не успѣла еще оставить корчму старуха, а уже съдомъ за ней пробирался скорнякъ прежній подмастерье ся покойнаго мужа. Дорогою онъ къ ней посватался, а на другой день они обѣнялись.

Молодому парню, который подошелъ къ Твардовскому, вслѣдъ за старухой, онъ сказалъ:

— Тебѣ, вѣрно, надо лекарства для сердца?

— Ахъ, правда, правда, — отвѣчалъ, почесываясь и вздыхая парень. Вотъ уже слишкомъ годъ, какъ я люблю Маргариту, дочь золотыхъ лѣтъ мастера Мальхери, но жестокая и слушать меня не хочетъ. Видно, ничѣмъ не тронешь ее. Помоги...

— Возьми мертваго нетопыря, и ночью, на новолуние, снеси его на кладбище и положи тамъ въ муравейникъ. Жди потомъ, когда муравы обѣдятъ его и оставятъ одинъ остовъ. Въ полночь выкопай кости и ищи между ними двухъ, одну, загнутую крючкомъ, другую какъ вилка. Захочешь, чтобы полюбила тебя женщина, дотронься до нее одной косточкой; надѣяться тебѣ — дотронься другою.

Обрадованный парень побѣжалъ домой и разболталъ тамъ о чудномъ лекарствѣ, данномъ ему Твардовскимъ. Такимъ образомъ, вѣсть эта разошлась скоро по свѣту и перешла въ по-тому, по преданію.

Вслѣдъ за нимъ подошелъ къ Твардовскому сутулый, мужиковатый ремесленникъ, почесывая затылокъ, переваливаясь съ ноги на ногу; подъ мышкой держалъ онъ засаленную свою шапку. Долго шевелилъ онъ губами, стараясь что-то сказать, кряхтѣлъ и потѣлъ, отирая то въ дѣло со лба погъ, который выступалъ на немъ крупными каплями. Слова не давались ему отъ страха ли, отъ застѣнчивости ли, или просто отъ глупости, и Богъ знаетъ, когда кончилась бы его аудіенція, еслибы самъ Твардовскій не подоспѣлъ къ нему на помощь и не спросилъ его, что ему надобно.

— Ой, бѣда, бѣда пришла на мою голову, отвѣчалъ ему, наконецъ, собравшись съ духомъ ремесленникъ: — изурочили меня недобрые люди. Есть у меня сосѣдка, старая, злая вѣдь-

ма. Околдовала она меня и все добро мое, и съ тѣхъ поръ нѣть мнѣ ни въ чёмъ удачи, — все идетъ не въ прокъ. Погубила она мою душу.

— Поможемъ и твоему горю, сказалъ Твардовскій. Закопай у порога дома перышко съ ртутью, брось туда же горсть иванова цвету и жабрею, а въ хатѣ повѣсь ивановой травы — все какъ рукой сниметь.

Три раза поклонился ему въ ноги ремесленникъ, и не успѣлъ еще онъ протѣсниться сквозь толпу, какъ новый проситель стоялъ уже передъ Твардовскимъ. Это былъ здоровый, краснощекій человѣкъ, средняго роста. Привѣтствовалъ онъ Твардовскаго по-латыни.

— Чѣмъ могу служить вашей милости, г. докторъ? спросилъ его Твардовскій: какому несчастію обязанъ я вашею просьбою?

— Большому несчастію, celebreime et sapientissime. Сглазили и меня; чувствую въ себѣ вліяніе чаръ, которыя отнимаютъ у меня силы, здоровье, спокойствіе, — и не нахожу для нихъ лекарства въ моей аптекѣ. Искалъ я совета въ мудрыхъ книгахъ отцовъ науки нашей — и не нашелъ его. Околдовала меня женщина, которую не могу полюбить противъ воли, и которую долженъ полюбить теперь дьявольскимъ навожденіемъ. Помоги, учителю!

— Ладно, отвѣчалъ Твардовскій: постараюсь разрушить очарованіе; есть у меня для этого вѣрное средство, вотъ какое: (*)

«*Si quis ad aliquam vel aliquem, nimis amandum, maleficatus fuerit, tum stercus recens illius quem vel quam diligit, ponatur mane in oscula vel calceo dextro amantis et calciet se, et quamprimum factorem sentiet, maleficium solvetur.*»

Записавши рецептъ и низко поклонившись Твардовскому, докторъ вышелъ. Всльдъ за докторомъ протѣснилась къ Твардовскому пляхтянка, въ измятомъ чепцѣ, съ нечесанной головою, съ лицомъ полнымъ и краснымъ какъ луна въ полнолуціи, вся въ грязи и въ лохмотьяхъ.

— Спаси и помилуй, мой милостивецъ, закричала она: помири меня съ мужемъ, ты это можешь, для тебя нѣть ничего невозможнаго. Вотъ ужъ годъ мы живемъ, какъ кошка съ собакой,

(*) Взято цѣликомъ изъ одной старинной рукописи.

Примѣчаніе автора.

какъ пестъ со ступкой, — бранимся, деремся съ утра до вечера, такъ, что сосѣдамъ житъ несть. Кто изъ насъ виноватъ, знаетъ одинъ лукавый. По моему — онъ, а ему кажется, что все я. Посмотрѣть на него — смотрѣть такимъ бараномъ, да и я, такъ себѣ, ничего баба, сосѣди никогда не терпятъ отъ меня обиы; а какъ сойдемся вмѣстѣ, то ужъ выноси святыхъ изъ избы. Помоги ты мнѣ, милостивецъ; буду вѣчно за тебя Бога молить, — дамъ все, что попросишь; помиря ты насъ....

— Можно и твоему горю помочь, отвѣчалъ Твардовскій. Достань ты ворона и ворону, и вырѣжь у нихъ сердца. Сердце воронье носи всегда ты, а мужу вѣли носить сердце ворона. Если исполните совѣтъ мой — не будете больше ссориться.

— И это правда, милостивецъ; не будемъ ссориться?

— Увидишь. Теперь ступай себѣ съ Богомъ. Шомни только, что въ первую недѣлю ты должна уступать мужу во всемъ. Чтобы онъ тебѣ ни говорилъ, какъ бы ни бранилъ, какъ бы ни билъ — молчи. Послѣ — твоя возметъ.

— Уступать? вскричала женщина: и такъ долго! цѣлую недѣлю!

— Только одну недѣлю.

— Охъ, тяжело, крѣпко тяжело будетъ мнѣ уступать ему; ну да попробую.

Сварливую бабу замѣнила другая женщина, въ слезахъ.

— Помоги и мнѣ, благодѣтель, говорила она, утирая фартухомъ слезы: обманываетъ меня мужъ; скрываетъ отъ меня тайну, не говоритъ мнѣ ничего... высохла я вся съ досады и горя.

— А ты любопытна? спросилъ ее Твардовскій.

— А кто жъ изъ насъ не любопытенъ! отвѣчала женщина. И развѣ не лучше бы было, еслибъ я обо всемъ знала, что въ домѣ дѣлается.

Твардовскій улыбнулся. Да, подумалъ онъ: задамъ же я работы дьяволу! — и вслѣдъ за тѣмъ шепнулъ женщинѣ на ухо: разрѣжь живаго тетерева и проглоти его сердце. Будешь знать все, о чёмъ задумалась.

Обрадованная женщина побѣжала домой.

— А у меня, говорилъ, подходя къ Твардовскому, какой-то экзѣ-бурмистръ въ сѣромъ кунтушѣ и грязномъ жупанѣ шафраннаго цвѣта: у меня черти завелись въ домѣ.., каждую ночь слышу надъ собой, кругомъ себя, крики, пѣсни, да хотѣть. Спать не могу, боюсь; молюсь Богу до бѣлага дnia, по-

тому что съ разсвѣтомъ только исчезаютъ нечистые... не придумаю, что тому за причина.

— А вы женаты? — спросилъ Твардовскій.

— Женатъ, отвѣчалъ экстѣ-бурмистръ.

— И жена молодая?

— Разумѣется, не старуха, — проложилъ бурмистръ, охорашиваясь.

— Ну, теперь я знаю въ чёмъ дѣло. Если въ самомъ дѣлѣ завелись у васъ черти, то стоитъ только окурить домъ порошкомъ изъ зубовъ мертвѣца; если же нѣтъ чертей, то помочь горю нечѣмъ. Тутъ надо, чтобы или жена ваша состарилась, или вамъ скинуть съ себя десятка два годовъ.

— А этого нельзя сдѣлать? спросилъ бурмистръ, вытаращивъ глаза на Твардовскаго.

— Почемужъ бы и нѣтъ?

— Такъ я могу еще помолодѣть? вскричалъ обрадованный бурмистръ.

— Говоря въ тѣсномъ смыслѣ — можетъ быть,

— И безъ большихъ трудовъ, безъ большихъ издержекъ?

— Напротивъ, это такъ трудно, что и думать объ этомъ нечѣмъ... Вирочемъ всего вѣрѣю то, что черти причиной кутерьмы въ вашемъ домѣ. Советую вамъ употребить то средство, о которомъ я говорилъ.

— Довольно, сказалъ Твардовскій по уходѣ экстѣ-бурмистра, обращаясь къ тѣснившейся около него толпѣ: ступайте по домамъ; мнѣ теперь нѣкогда!

Не смотря на это воззваніе, толпа не только не уменьшалась, но часъ-отъ-часу увеличивалась. Напрасно Твардовскій грозилъ и приказывалъ; всѣ наперерывъ просили, умоляли, заклинали Твардовскаго всѣмъ на свѣтѣ помочь имъ. Сотни голосовъ нестройно смышивались въ одинъ неясный гулъ; сотни рукъ протягивались къ Твардовскому; — одни лица смынались другими. Не предвидя конца просыбамъ, Твардовскій приказалъ старой вытертой метле, которую замѣтилъ въ углу комнаты, выгнать просителей.

Послушная на зовъ чародѣя, метла встрепенулась и пошла скакать вправо и влево, выметая локучивыхъ гостей, какъ соръ. Черезъ минуту комната была очищена, дверь заперта щеколдою, и метла стала передъ Твардовскими, ожидая дальнѣйшихъ приказаний.

— Убирайся на свое мѣсто!

И послушная метла, переваливаясь с боку на бокъ и подпрыгивая, какъ ворона, по прежнему заняла свое скромное мѣсто въ углу.

Едва все пришло въ прежній порядокъ, какъ снова послышался сильный стукъ въ двери. Стукъ постепенно возрасталъ и ветхія двери едва уступали усилиямъ новаго, докучливаго просителя.

—Кто тамъ? спросилъ Твардовскій.

—Ради Бога, впустите меня, отозвался чей-то плачевный голосъ: я бѣдный шляхтицъ,—ицу вашего совѣта и помощи; умру у дверей, если не впустите. Давно уже ишу я того, кто бы могъ помочь мнѣ... на силу нащель я васъ, благодѣтеля, и ужели просьбы мои не смягчать васъ...

—Ступай къ черту, не мѣшай мнѣ; отвѣчалъ Твардовскій.

—Не пойду, не пойду никуда отъ порога. Умру здѣсь, если не увижу славнаго Твардовскаго.

И онъ началъ плакать и молить Твардовскаго, пока наконецъ не разжалобилъ его. Твардовскій приказалъ метль впустить шляхтица, впустить только его одного.

Когда метла отворила дверь, вошелъ въ комнату бѣдный, худой, высокій мужчина. На немъ былъ вытертый кунтушъ, котораго цвета нельзя было различить за старостью;—саноги его порыжѣли отъ росы и грязи; изъ шапки ключьями выставлялась грязная вата; изъ-подъ воротника кунтуша выглядывали лохмотья рубашки. Бѣдный шляхтицъ низко кланялся Твардовскому, пока тотъ вымѣралъ его взглядомъ.

—Чего вамъ надоѣло отъ меня? спросилъ онъ сурово.

—Бѣдность, нищета, отецъ мой, привлекла меня къ тебѣ, отвѣчалъ шляхтицъ. За богатство отдалъ бы душу дьяволу,—доконала меня нищета,—есть нечего; пришлось хоть умирать съ голоду. Прикрыть нечемъ наготы своей, вотъ, — видишь самъ...

И онъ указалъ на свои лохмотья.

—Обманываешь меня, отозвался Твардовскій: я знаю: у тебя есть деньги.

Шляхтицъ то бѣднѣлъ, то краснѣлъ, и не зналъ, что отвѣтить... Я... я... видѣть Богъ... сказалъ онъ, заикаясь.

—Знай, продолжалъ Твардовскій: что предо мною нѣтъ ничего скрытаго; я могъ бы пересчитать тебѣ до послѣдняго шелыага всѣ твои деньги, которыя прячешь ты въ своей постели, подъ изодраннымъ одѣяломъ,

Холодный потъ выступилъ на лбу шляхтица. Онъ то по-жималъ плечами, то отиралъ потъ.

—Ты не бѣденъ, по скupъ, продолжалъ Твардовскій: тебѣ не довольно того, что у тебя есть; ты хотѣлъ бы все больше и больше.

—Правда, жалобно отвѣчалъ шляхтицъ: не стану запираться передъ тобой. Я хотѣлъ бы разбогатѣть, и пришелъ къ тебѣ узнать, нѣтъ ли у тебя на то средствъ.

—Есть,—но они слишкомъ трудны.

—Трудны?.. а развѣ желающему кажутся трудными сред-ства, которыми бы онъ могъ достигнуть до цѣли?..

—Nil difficile amant!, сказаль Твардовскій, паролируя слова Цицерона: правда твоя. Такъ ты желалъ бы за деньги отлатъ свою душу дьяволу?

—Съ охотою. На что мнѣ душа; были бы деньги; и я от-дамъ ее тому, кто дастъ мнѣ денегъ.

—Ну, попробуй; я дамъ тебѣ способъ. Найди въ лѣсу опу-стѣлую избу, въ которую бы не доходило изъ деревни пѣніе пѣтуховъ, и запрись въ этой избѣ на цѣлую ночь. Возьми съ собою одну свѣчку и девять серебряныхъ монетъ. Во всю ночь считай безъ устали эти девѣги, отъ одного до десяти и отъ десяти до одного. Если не ошибешься ни разу, дьяволъ дастъ тебѣ безчисленныя сокровища; если же ошибешься, устанешь, заинкнешься, или одно число повторишь два раза сряду — наживешь большую бѣду. Хочешь разбогатѣть — испытай это средство.

Разспросивши Твардовскаго обо всѣхъ подробностяхъ страшной попытки, шляхтицъ поблагодарила его и вышелъ.

—Я всѣмъ имъ лалъ хорошіе совѣты, сказаль смѣясь и садясь за свой столъ Твардовскій, по выходѣ скряги: но мнѣ кажется, что не всѣ изъ нихъ понравятся дьяволу.

Елва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ изъ за печки показался дьяволъ. Съ улыбкою подошелъ онъ къ Твардовскому.

—Желаю здравія великому мудрцу и философу, началь са-тана: я подслушалъ твои добрые совѣты, и радуюсь, что на-шелъ въ тебѣ достойнаго себѣ помощника, — ревностнаго и усерднаго къ нашимъ адскимъ подвигамъ. Спасибо тебѣ, Твардовскій, спасибо.

—Съ ума ты сошелъ, что ли? возразилъ Твардовскій. Я твой усердный помощникъ?.. Не послышалось ли тебѣ

чего другого? Въ чём же я могъ показаться тебѣ твоимъ помощникомъ?

— Во всѣхъ совѣтахъ твоихъ; давая такіе совѣты, ты, очевидно, имѣлъ намѣреніе подслужиться аду вообще и мнѣ въ особенности. Ты напутствовалъ людей къ ихъ гибели, своими, по видимому, невинными, но на самомъ дѣлѣ гибельными совѣтами.

— Объ этомъ я нисколько не думалъ, клянусь тебѣ въ томъ самимъ тобою, дьяволъ,—и говоря противное, ты хочешь или помучить меня, или посмѣяться надо мною.

— Говори что хочешь, а я между тѣмъ докажу тебѣ истину моихъ словъ.

— Прошу тебя,—разувѣрь меня.

— Пойдемъ со мною. Я покажу тебѣ послѣдствія твоихъ совѣтовъ.

ГЛАВА XVI.

Какъ дьяволъ показывалъ Твардовскому послѣдствія совѣтовъ его.

Сначала дьяволъ принесъ на себѣ Твардовскаго въ избѣ старой женщины, которая просила его о мужѣ и которой онъ присовѣтовалъ поискать за изголовьемъ кровати. Подмастерье ея прежняго мужа, женившись на ней, началъ обращаться съ нею жестоко, бранилъ безпрестанно, и даже билъ. Тутъ только старуха узнала свое несчастье: она проклиналъ свое неразуміе и совѣты Твардовскаго.

— Неправда моя? — спросилъ Твардовскаго дьяволъ: а знаешь ли, чѣмъ это кончится?

— Не знаю и не догадываюсь. Побои кончаются синяками, не болѣе.

— Кончатся преступлѣніемъ, сказалъ дьяволъ. Увидишь, если захочешь дождаться конца, который уже и недалеко. Старуха ищетъ зелья, которое приготовить молодому супругу вѣрную смерть.

Оттуда пошли они къ избѣ того парня, которому Твардовскій далъ совѣтъ, какимъ образомъ сискать любовь Магдалины, дочери золотыхъ дѣлъ мастера Малькера. Парень готовился уже къ свадѣбѣ; Магдалина влюблена была въ него по уши.

— А! сказалъ, взирая на счастливую пару, Твардовскій, и тутъ ты предвидишь дурной конецъ?

— И тутъ, отвѣчалъ дьяволъ: я вижу неизбѣжную поживу для нашего брата. Они женятся, — правда, но любовь ихъ, вынужденная дѣйствіемъ чаръ, исчезнетъ вскорѣ послѣ свадѣбы. Тогда молодая жена вспомнитъ о прежнемъ подмастерыи своего отца — и необходимымъ слѣдствіемъ такого воспоминанія будетъ во 1-хъ *паденіе*, во 2-хъ *убийство*, и въ 3-хъ *проклятие*. Всего этого конечно бы не случилось, еслибы она вышла за мужъ за своего возлюбленнаго, они любили бы другъ друга и жили бы спокойно и счастливо. Виной противному ты, Твардовскій, и я благодарю тебя за это отъ лица ада.

Твардовскій задумался.

— Все это одни парадоксы, предположенія, замѣтилъ онъ.

— Математическія истины, перервалъ дьяволъ, и вслѣдъ за тѣмъ повелъ Твардовскаго къ избѣ крестьянина, которому дано было *antidotum* отъ чародѣйства. Тутъ увидѣлъ Твардовскій, что старая чародѣйка, удостовѣрившись въ бессилии чаръ своихъ, приготовляла своему сосѣду другое средство, гораздо болѣе дѣйствительное, чѣмъ колдовство — ядъ.

— Видишь ли, чѣмъ и здѣсь кончится? — сказалъ дьяволъ. Отъ прежнѣго колдовства ея было менѣе вреда, но ты далъ лекарство противъ него, и пѣнай на себя.

Потомъ они пошли дальшѣ, къ жилищу доктора, которому Твардовскій далъ совѣтъ — избавиться отъ любви постылой ему дѣвушки. Докторъ уже принялъ лекарство и оно произвѣло ожидаемое дѣйствіе, но за то бѣдная дѣвушка, съ отчаяніемъ, предалась распутству.

— Еслибы ты не далъ доктору такого совѣта, сказалъ дьяволъ: онъ волею или неволей женился бы на дѣвушкѣ, и они жили бы счастливо; теперь хоть одинъ изъ нихъ пойдетъ въ адъ. И за это тебѣ спасибо, Твардовскій.

— Постой, сатана, не торопись выводить своихъ адскихъ заключеній. Пойдемъ, посмотримъ на двухъ супруговъ, которыхъ я помѣрилъ своими совѣтами.

— А, да вотъ кстати и ихъ изба, отвѣчалъ съ улыбкою дьяволъ, указывая на близъ стоявшую избу.

Сквозь узкое оконшко увидѣли они большую выбѣленную избу, въ одномъ концѣ которой сидѣла и зѣвала женщина, а въ другомъ спалъ мужчина.

Вотъ ихъ согласіе, шепнуло Твардовскому дьяволъ: онъ напился мертвѣцки, а она обокрала его. Они уступаютъ другъ другу и прощають свои грѣхи обоюдно. Они согласны, правда, но это согласіе будетъ для нихъ пагубно. Покамѣстъ они ссорились, то смотрѣли другъ за другомъ; онъ не смѣлъ пить и долженъ былъ работать; она не крала и не радиась въ ленты и кружева, которыя всегда ведутъ извѣстно къ чему.

— Всему этому виноватъ ты, дьяволъ, а не я: намѣренія мои были добрыя.

— Да развѣ я помирить ихъ? отвѣчалъ, пожимая плечами, сатана.

— Теперь я начинаю вѣрить, грустно замѣтилъ Твардовскій: что многіе изъ моихъ союзтовъ принесли дурные плоды. Одной женщинѣ я далъ средство узнавать тайны мужа, которыя онъ скрывалъ отъ неї.

— Въ эту минуту, когда я съ тобой говорю, на городскомъ рынкѣ палачъ рубитъ ему голову, хладнокровно отвѣчалъ дьяволъ; вся его тайна, которую онъ такъ скрывалъ отъ жены, заключалась въ томъ, что съ двумя изъ своихъ товарищѣй онъ дѣлалъ фальшивую монету. Узнавъ эту тайну, жена проболталаась сосѣдѣ; сосѣдка, подъ строгимъ секретомъ, передала женѣ лавочника, та женѣ бурмистра, эта въ откровенную минуту разсказалась жененѣку; жененекъ почелъ нужнымъ передать это извѣстіе войту (*), и такимъ образомъ, *finis bonus, дѣло дошло до плахи.* Славно удался тебѣ твой совѣтъ, Твардовскій; еще разъ спасибо тебѣ за него.

— А бурмистръ, которому я далъ средство избавиться отъ нечистой силы?

— Кирилъ онъ твоимъ спасительнымъ ладаномъ по-напрасну. Узнавъ, чому мужъ приписывается ея проказы, т. е. тотъ шумъ, который заводили въ домъ ея любовники, жена сѣѣлась еще смѣльче и проказить теперь подъ самимъ носомъ

(*) Должность, соответствующая должности Станового Пристава.

мужа, въ увѣренности, что онъ не высунетъ его изъ подъ одѣяла, отъ одного страха увиѣть нашего брата во очю. Теперь онъ думаетъ обратиться къ тебѣ съ другой просьбою; хотеть просить тебя помолодить его, или сѣѣтъ жену старухою. Но обѣ этомъ послѣ.

— Что жъ? Я охотно сѣѣю на немъ пробу того элексира, который возвращаетъ старикамъ молодость, прибавилъ Твардовскій.

— Дѣлай, что хочешь, возразилъ дьяволъ; воля твоя, послѣдствія — наши, и ручаюсь тебѣ, что будуть для насъ пригоды.

— Вы думаете сѣѣтъ меня вашимъ невольникомъ, покорнымъ слугою? — сказалъ, разгорячясь, Твардовскій.

— Нимало. Мы не отняли у тебя воли; ты можешь дѣлать, что тебѣ угодно.

— Зачѣмъ же послѣдствія моей воли обращаете вы въ свою пользу, т. е. во зло?

— Такъ ты думаешь, что на свѣтѣ сыщется хоть одинъ человѣкъ, который бы могъ управлять по желанію своему послѣдствіями своихъ поступковъ? Поступки и послѣдствія — это то же, любезный, что прицѣлъ и выстрѣлъ. Вѣдь не всегда стрѣла попадаетъ въ ту цѣль, куда мѣтить сю стрѣлочъ, даже стрѣлочъ опытный, и за вѣрность выстрѣла нельзѧ поручиться головой.

— Твардовскій молчалъ. На этотъ доводъ дьявола онъ не приумалъ никакого опроверженія.

— А тотъ шляхтицъ, сказалъ по минутномъ молчанію Твардовскій, которому я далъ вѣрное средство обогатиться, онъ безъ сомнѣнія, теперь уже въ самомъ тартарѣ?

— Сомнѣваюсь, прошипѣлъ сатана свозъ зубы: вадъ нимъ еще надо поработать.

— Всегда мнѣ наперекоръ!... Ты шутишь, сатана; ручаясь головою, что этотъ шляхтицъ теперь на большой дорогѣ къ вашему царству.

— Тебѣ такъ кажется, возразилъ бѣсъ. Вы, люди, всегда заключаете о вещахъ по наружности; но мы, черти, смотримъ на эти же вещи съ высшей точки зрѣнія. У этого шляхтица есть оборона отъ насъ. Она въ душѣ его.

— Въ душѣ его я видѣлъ только одно сребролюбіе и скучность.

— Ты не примѣтилъ третьего — трусости, возразилъ дья-

воль. Кстати ты припомнить мнѣ объ этомъ шляхтицѣ. Пойдемъ, посмотримъ, что съ нимъ теперь дѣлается.

Была уже темная ночь и бѣсъ, обнюхавши воздухъ съ четырехъ сторонъ и по вѣтру, почуялъ то мѣсто, которое выбралъ шляхтицѣ для приведенія въ дѣйствіе совѣта Твардовскаго. Въ сѣверозападной сторонѣ лѣса стояла опустѣлая хата лѣсничаго, погибшаго со всею своей семьею во время послѣдней моровой язвы. Онъ занесъ ее изъ города, куда ходилъ за мукой. Съ того времени хата опустѣла, и хотя вѣтеръ, разгуливавшій въ ней на свободѣ, и порастясь ея ветхія стѣны и кровлю, но она все еще держалась. Стояла она вдали отъ большой дороги, въ глубокой чащѣ, и даже тропинка, которая къ ней вела когда то, заросла кустарникомъ, крапивой и лопушникомъ. Развѣстые столѣтнія березы, калина и ивы, составлявшія нѣкогда садикъ лѣсничаго, оплели ее своими вѣтвями, едва позволяя выглянуть на свѣтъ Божій... Сгнившій заборъ давно уже повалился; въ хатѣ не было ни дверей, ни оконъ; старая печь вся развалилась и обломки ея наполняли хату. Въ другой комнатѣ, поменьше первой, окошко было забито полусгнившими досками, и въ ней то помѣстился отважный скряга. Старая, разбитая бочка и обломокъ двери послужили ему столомъ, на немъ съ самыхъ сумерекъ считалъ онъ свои девять шеляховъ. Огарокъ, прильпленный къ бочкѣ, освѣщалъ избу. Твардовскій и дьяволъ застали его надѣй этой работою. Блѣдное лицо его было все въ поту, глаза искрились; онъ казался едва живымъ, дрожалъ со страху, какъ осиновый листъ, и все считалъ свои шеляги, не переводя дыханія.

Однѣ только воры вѣтра да крикъ совъ, лоходившій въ чащи, грѣрывали глубокую тишину. Самый отважный смѣльчакъ почувствовалъ бы невольный страхъ, еслибы очутился въ такомъ безлюдномъ мѣстѣ глубокою ночью. Твардовскій не мало дивился, какимъ образомъ шляхтицѣ, котораго дьяволъ называлъ трусомъ, рѣшился на такой подвигъ. И въ самомъ дѣлѣ, старый скряга забылъ о своей трусости; онъ такъ былъ погруженъ въ свою работу, такъ былъ занятъ ею, что не спускалъ съ денегъ глазъ ни на минуту, не оглядывался, даже не поправилъ волосъ, которыхъ длинныя космы спускались ему на глаза: онъ только считалъ и считалъ.

—Наѣбно его постращать, сказалъ дьяволъ.

И сказавши, спустился въ избу черезъ трубу, забрался въ уголъ и началъ кричать по совиному.

Дрожь проняла шляхтица, но онъ все считалъ. Потомъ, когда дьяволъ принялъ кричать и плакать, какъ маленькое дитя, шляхтица побѣдѣла, какъ плахта, но работы своей не оставляла. Тогда раздосадованный его отвагой дьяволъ оторвалъ уголъ крыши и бросилъ его черезъ окошко въ лѣсную чашу. Трескъ и гулъ пошли по лѣсу;—на столъ и вокругъ шляхтица посыпались камни, земля и обломки, но скрага не прерывала работы, хоть и видно было, что онъ едва держался на ногахъ отъ страха. Послѣ этого дьяволъ оставилъ скрягу въ покой, но прежнему забился въ уголъ и оттуда вторилъ однообразному голосу шляхтица, смѣхомъ беззубой старухи.

—Разъ, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, одинъ—раздавался дрожащій голосъ скряги.

Дьяволъ машиналъ хвостомъ — и свѣтка потухла. Это не остановило работы скряги: онъ продолжалъ считать и въ потемкахъ.

—Постой же, скряга; мы переломимъ твое упорство, скажетъ дьяволъ и снова зажечь свѣтку. «Умирѣтъ со страху, а дѣла не бросаетъ.»

Шляхтица считалъ безъ ошибки.

Твардовскій и дьяволъ провели въ избѣ почти всю ночь, наблюдалъ надъ работой скряга. На разсвѣтѣ, помучивши по-рядкомъ шляхту, дьяволъ подошелъ подъ окошко и оттуда за-кричалъ во весь дьявольскій голосъ.

—Панѣ Вареоломей! а не ошиблись ли?

—Нѣтъ! отвѣчалъ шляхтицъ.

—А ну-тка, на чёмъ остановились. Продолжайте считать, сказа-лъ бѣсь.

Шляхтица принялъ было за счетъ снова, но языкъ приль-нуль ему къ гортани: онъ забылъ посѣдѣвшее слово. Оправившись немнога, онъ снова началъ перебирать пальцами деньги, и весь дрожа, бормоталъ языккомъ несвязные звуки. Весь плодъ успѣй цѣлой ночи обращался теперь для него ни во что, и впереди ждала его, по обѣщанію Твардовскаго, страшная кара. Было отъ чего сойти съ ума.

—Два, пять, девять, бормоталъ онъ, заикаясь и вперивъ глаза въ землю. Дьяволъ за окошкомъ помиралъ со смѣху.

—Сбился съ дороги, почтенѣйший, говорилъ онъ: теперь ужъ не найдешь ее; поздно. И едва успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ вся изба затряслась, готовая разсыпаться въ

прахъ, и изъ всѣхъ отверстій, изъ всѣхъ щелей вылезли, выскочили, выползли, вылегли черти, во всей страшной наготѣ своей, во всей причудливости своихъ адскихъ нарядовъ. Всѣ они были съ оружиемъ; одинъ съ метлою, другой съ лопатою, третій съ пестомъ, четвертый съ раскаленнымъ до краски уполовникомъ, и всѣ они бросились на обезпамятѣвшаго шляхтица. Безъ чувствъ, какъ трупъ, палъ онъ подъ ихъ ударами.

Жалко стало Твардовскому гнуснаго скрягу; досадно ему было на дьявола.—«Зови къ себѣ на помощь, кого только можешь!» закричалъ онъ.

Дошли эти слова до слуха шляхтица и напомнили ему о милосердомъ Богѣ, о Пресвятой заступнице—Дѣвѣ, о святыхъ Угодникахъ Божіихъ,—онъ вспомнилъ и призвалъ ихъ на помощь, собравъ послѣднія силы:

—Боже! спаси меня! Заступница Матерь Божія помилуй меня! Угодники Божіи, спасите меня несчастнаго!

Пораженные, какъ громомъ, святыми словами, исчезли адскіе слуги, съ шумомъ, крикомъ и свистомъ.

Вскочилъ тогда шляхтицъ, схватилъ со стола деньги и пустился бѣжать изъ лѣсу со всѣхъ ногъ.

—Теперь видиши ли, сатана, сказалъ бѣсу Твардовскій по уходу шляхтица; что не всѣ мои совѣты приносятъ вамъ пользу. Не напомни я ему о Богѣ, онъ палъ бы вашею жертвою; теперь же, спасенный Богомъ, онъ обратится къ нему и забудетъ о деньгахъ.

—Забудетъ о деньгахъ?.. Ха, ха, ха! увидиши, какъ онъ забудетъ о нихъ... Впрочемъ, твоя правда; онъ обратится къ Богу. Знаешь ли, куда онъ пошелъ теперь?

—Полагаю, что онъ пошелъ прямо въ Быдготчъ, гдѣ, вѣрно, вступить въ монастырь къ реформатамъ.

—Угадаешь; онъ именно пойдетъ въ реформаты, отвѣчалъ Мефистофель: но не думаешь ли ты, что отъ этого ему будетъ легче?

—Думаю, что онъ уйдетъ отъ вашихъ когтей.

—Онъ попадется въ нихъ еще вѣнѣ. При нашихъ странахъ онъ не забудетъ о золотѣ, и я уже напередъ вижу его въ предверіи ада... По моему, такъ лучше бы было, еслибы онъ сегодня не звалъ къ себѣ никого на помощь, а пошелъ бы прямымъ трактомъ въ адъ. Для него — меньше жизни — меньше грѣха — меньше адскихъ мученій.

Гневно посмотрѣлъ Твардовскій на бѣса, отвернулся отъ

нега и молча пошел домой, въ свою гостиницу. Обуреваемый мыслями, заперся онъ въ комнатѣ, приказавъ Матюшъ не впускать къ себѣ никого.

ГЛАВА XVII.

Что видѣлъ Твардовскій въ четвергъ, на Лысой Горѣ.

Задумчивъ, грустенъ, неспокойенъ былъ Твардовскій. Впервые почувствовалъ онъ тутъ, какъ мало было для несѣтой души его того всевѣдѣнія, которое дала ему дьяволъ. Казалось, что все еще недоставало ему всевѣдѣнія и могущества. Была однажды минута раздумья, въ которую эта жажда еще большаго знанія и могущества показалась ему фальшивою и мгновенною.

—Нѣтъ! сказалъ онъ самому себѣ: я еще не испыталъ всѣхъ силъ моихъ; я еще только начинаю чувствовать ихъ въ себѣ. Много разнообразнаго употребленія могу я слѣдѣть изъ моей науки; еще многихъ удовольствій не испыталъ я. Послѣній мой левъ еще не близокъ, далеко еще до дна той чаши, которой я только что коснулся устами. Попытаюсь еще... поѣду на Лысую Гору!—сказалъ онъ, подумавъ съ минуту — и хлопнувъ въ ладоши.

День этотъ, какъ нарочно, случился въ четвергъ, когда собираются на Лысой Горѣ колдуны и вѣдьмы.

Черезъ минуту Твардовскій былъ уже въ дорогѣ. Усыпивъ Матюшу, который дремалъ въ углу комнаты, Твардовскій сѣлъ на нарисованнаго на стѣнѣ коня и вылетѣлъ въ немъ въ трубу. Были уже сумерки; дулъ крѣпкій сѣверный вѣтеръ; красный мѣсяцъ, окутанный пеленою тучъ, выходилъ изъ за дальн资料 лѣса. Твардовскаго окружала дивная свита: совы, не-топыри, филины, адскіе духи, невиданныя на свѣтѣ чудовища. Въ воздухѣ слышалъ какои-то невнятный шелестъ, и значеніе этаго таинственнаго разговора тварей Твардовскій понималъ отъ слова до слова!..

Попалась на встречу Твардовскому кукушка — прорицатель-

ница будущаго, любимая вѣщунья простаго народа, и говорила ему :

— Добрый вечеръ тебѣ, Твардовскій, добрый вечеръ!.. Куда ты спѣшишь такъ, зачѣмъ ёдешь?.. Что возбуждаетъ любопытство твое? развѣ не знаешь, что скуча и грусть слѣдуютъ всегда по пятамъ любопытства?.. Добрый путь тебѣ! поѣзжай все прямо; за калиновымъ мостомъ, за тремя стѣнами, за тремя могилами и за тремя крестами найдешь, чего ищешь, хоть не отыщешь, чего искать.

И полетѣла кукушка далѣе.

Потомъ закаркала ему надъ ухомъ ворона :

— Кра, кра!.. Привѣтствую тебя, Твардовскій! Спасибо тебѣ! Я только что сѣлъ на пиру, куда позвали меня мои братья и сестры. Расклевали мы трупъ, четвертованный по твоей милости. Мне досталось сердце его — чудесное сердце, жирное, сочное, розовое. Спасибо тебѣ, Твардовскій! Кра! краа!

— Кого же бы это могли четвертовать по моей милости? — подумалъ Твардовскій, ужъ не того ли молодца, который дѣлалъ фальшивую монету?.. Если такъ, то по дѣламъ ему. Пошелъ!

Гвалась за Твардовскимъ летучая мышь и хлопала ему въ знакъ привѣтствія перепончатыми своими крыльями.

— Не узналъ ты меня, Твардовскій? защищала она. Я та самая мышь, которая виситъ надъ твоимъ окошкомъ въ Краковѣ въ которой заслоняетъ тебя своими крыльями отъ чаръ вражихъ. Я освободилась на минуту изъ своего заточенія и лечу къ вѣдьмамъ на Лысую Гору.

Вслѣдъ за легучею мышью налетѣла сова и кричала :

— Угу! угу! Чую смерть и возвѣщу о ней людамъ; ударю въ оконницу, застучу крыльями въ стекла и скажу имъ: ступайте, ступайте, зовѣть васъ!.. угу! угу!

Другая сова прилетѣла за ней вслѣдъ и кричала :

— Чую: родится дитя; полечу подъ окошко, закричу отцу и матери: будетъ дитя, будетъ, а крикъ мой такъ устрашитъ ихъ, какъ предвозвѣстникъ смерти. Родится дитя на слезы, на горе, ждѣть его лютая бѣда, лютая смерть! Виноваты сами, любовники! Не надобно было сидѣть въ зеленомъ саду при коварномъ свѣтѣ мѣсяца... Холодны мѣсячныя ночи; вездорова холода падаетъ роса, болѣзнь идетъ вслѣдъ за пресыщеніемъ!...

Чиликали воробыи — и понимаю ихъ щебетъ Твардовскій.

— Полетимъ въ жатницу богача, выклюемъ колосья, выѣдимъ хлѣбъ; не станемъ просить у него милостыни...

Стрекотала сорока, сидя на завалинѣ:

— Бѣгутъ гости! Бѣгутъ гости! Ёдетъ панъ на черномъ возѣ, а на немъ бѣлый крестъ, а везутъ ихъ четыре коня, а провожаютъ ихъ попы. Принимай гостя, хозяйка; ёдетъ званый гость, когораго ты ждешь—не дождешься!...

И все это слышалъ, все это понималъ Твардовскій; доходили ему эти ливныя рѣчи и до слуха и до сердца: вѣщали они что-то недоброс.

Междѣ тѣмъ въ воздухѣ мимо его летѣли толпы духовъ — какъ и онъ, сиѣшили они на Лысую Гору.

На Лысой Горѣ толпились уже старыя вѣдьмы, горбатыя, беззубыя, съ всклоченными волосами, съ безстыдно-распущенными одеждами. Большая часть изъ нихъ сидѣли верхомъ на лопатахъ, на метлахъ; другія пріѣхали на козлахъ, на черныхъ кошкахъ, на гадкихъ летучихъ мышахъ.

Изъ русскихъ дремучихъ лѣсовъ прилетѣла баба-яга, костяная нога, — прилетѣла въ ступѣ, съ метлой, которую замѣтала свой слѣдъ.

Одну изъ вѣдьмъ везла жаба, другую черная корова; — и всѣ они гнали себѣ подъ ность безстыдныя пѣсни, и у каждой изъ нихъ за поясомъ висѣла горшокъ съ зельемъ, которое дымилось и наполняло воздухъ удушливымъ гаромъ.

Мимо Твардовскаго проскользнула бѣлый скелетъ висѣльника съ веревкой на шеѣ; съ громкимъ краканьемъ преслѣдовали его стадо черныхъ вороновъ.

— Отдай намъ остатки твоего тѣла, каркали они: висятъ еще куски мяса на оголеныхъ, костлявыхъ бедрахъ твоихъ; отдай намъ ихъ; они наши!

Увиѣль Твардовскій Летавца и Летавицу (*), вѣжную пару, которая также прилетѣла на Лысую Гору.

(*) *Летавецъ, Летавица.* Мы позволили себѣ передать эти названія — вымыселъ народной фантазіи Русиновъ, тѣми же словами, какъ и въ подлинникѣ. *Звѣзда-летавица* падающая звѣзда, до сихъ поръ означаетъ на Ураинѣ и въ Червоной Руси, заколдованного любовника, разлученнаго злыми людьми съ своей милою. *Летавецъ* и *Летавица* — это Филемонъ и Бавквида славянской миѳологии. Поэты Украины Богданъ

Увидѣлъ малыхъ совъ, которыхъ спѣшили туда же густыми толпами.

Увидѣлъ вампировъ, блѣдныхъ, въ гробовыхъ саванахъ.

За ними шли оборотни, Вилколаки (') и выли, какъ голодные волки.

Много другихъ дивъ увидѣлъ Твардовскій, подъѣзжая къ Лысой Горѣ. Вдали еще завидѣлъ онъ на ясномъ ночномъ небѣ темную фигуру церкви, а внизу, подъ горою, мелькали, мигали и прыгали огоньки. Сюда то съ тѣхъ поръ, какъ Храмъ Божій осѣнилъ гору, стекались вѣдьмы на чародѣйскій шабашъ свой.

Чѣмъ ближе подъѣзжалъ къ Лысой Горѣ Твардовскій, тѣмъ яснѣе представлялось ему скопище вѣдьмъ и ливныхъ чудовищъ, освѣщенныхъ яркимъ пламенемъ отъ разложенныхъ тамъ и сямъ огней. Яснѣе доходили до его слуха, ливныя ихъ рѣчи и пѣсни. Долго, лежа наль головами ихъ, на чародѣйскомъ конѣ своемъ, присматривался Твардовскій къ ливному зрелищу. Время отъ времени выбѣгали изъ толпы вѣдьмы, брались за руки и заводили бѣшеный танецъ; движенія ихъ похожи были на корчи прокаженаго, на предсмертныя конвульсіи умирающаго. Въ кругу ихъ вертѣлись и бѣсновались черти, которымъ измѣнялъ пламень, мелькавшій надъ головою и сердцемъ ихъ. Черный, смоляной дымъ окутывалъ всю эту группу темною пеленою, и смрадъ далеко распространялся въ воздухѣ.

— Ладо! ладо! Дицъ-ладо! кричали колдуны и вѣдьмы.

Въ другомъ мѣстѣ вѣдьмы готовили себѣ чародѣйскую похлебку. Огромный котель кипѣлъ на угольяхъ; густой, удушливый паръ поднимался изъ него.

Съ любопытствомъ присматривался Твардовскій къ новому для него зрелищу и тихонько объѣзжалъ гору. Одинъ онъ былъ задумчивъ и грустенъ на этомъ адскомъ пиру; дико

Залѣсскій и Северинъ Гошчинскій, передали намъ въ прелестныхъ тихахъ народныя легенды о Летавцахъ.

(*) Wilkolak, оборотень, отъ слова wilk, волкъ. Подъ этимъ именемъ народное суевѣріе Польши разумѣеть оборотней. О Вилколакахъ смотри у Войницкаго: *Stare gawedy i obrazy*,

Прим. Перевод.

отзывались въ его сердцѣ звуки и отголоски этой сатанинской радости.

Страшна та веселость, сквозь которую проглядываетъ отчаяніе, мука и смерть!

Скоро подъѣхалъ Твардовскій къ тайному совѣту вѣдьмъ.

Сидѣли тутъ семь старыхъ бабъ, за семи надгробныхъ камняхъ, а вокругъ ихъ толпились молодыя. Каждая изъ семи старухъ говорила поочередно и училъ, какъ вызывать нечистыхъ духовъ, какъ задерживать дождь на небѣ, отнимать у коровъ молоко, наводить на людей лютыя болѣзни, портить хлѣбъ на гумиѣ и въ полѣ, плаксу насыпать на дѣтей, и т. п. Молодыя слушали уроки ихъ съ любопытствомъ, съ жадностю, и принимали ихъ къ сердцу, потому что искона дурной совѣтъ прививается къ уму и сердцу скорѣе хорошаго.

Далѣе, вѣдьмы, взявшись за руки, заводили хороводъ и пѣли пѣсни, которыхъ значеніе имъ только было понято. Другія вѣдьмы варили въ котлы любовный напитокъ, любчикъ, и бросали въ него дѣвичьи волосы, мѣшавъ ихъ тамъ съ каплями дѣвичихъ крови и слезъ и съ разными зельями. Вместо мѣшалки служила имъ лапка нетопыра.

— Кто напьется этого зелья, пѣли онѣ хоромъ, будетъ жить только тою, которая поднесетъ его; будетъ ходить за ней, какъ тѣнь, будетъ послушенъ ей во всемъ, будетъ готовъ положить за нее голову, дать сжечь себя за нее, не пожалѣть за нее роднаго отца—матери....

«Кипитъ и варится любовный напитокъ. Надъ нимъ шумъ и пѣча, какъ любовь надъ сердцемъ дѣвушки, подъ нимъ осадокъ и гуща, какъ послѣ любви — горесть и раскаяніе. На верху сладко, какъ въ первыя минуты любви, внизу горько, какъ въ тѣ минуты, когда пройдеть она!...

«Шумитъ вѣтеръ, трещатъ дрова, подъ огнемъ, кричатъ и поютъ адскія силы, и во всемъ этомъ шумѣ, трескѣ, крикѣ, какъ будто слышится призывъ миаго: Сюда, сюда! Ко мнѣ, ко мнѣ!... Но миагій нейдетъ, не придетъ до тѣхъ поръ, пока сама возлюбленная не полюбить его, пока сама не поднесетъ ему зелья!....

«Растетъ трава на берегу ручья; цвѣтетъ трава, только въ полночь, цвѣтетъ однажды въ годъ, наканунѣ Иванова дня, и цвѣтъ ея розовый... Сыпите въ котелъ цвѣтъ, — лѣвой рукой отъ сердца. Носила его на груди дѣвушка; — сожгла его песь, испепелила.»

«Бросьте въ котель сердце голубя, у которого охотникъ застрелилъ милую голубку. Тоскуетъ по голубку голубь: пусть и онъ тоскуетъ и сохнетъ такъ, напившись нашего любовнаго зелья!»

Въ другомъ мѣстѣ, другія старухи—вѣдьмы варили другой чародѣйскій напитокъ, сидѣли вокругъ котла, покачивали головами, махали руками, бросали въ котель разныя снадобья, приговаривая, одна вслѣдъ за другою:

—Бросаю кость человѣческую, взятую съ кладбища: пусть тотъ, кто отвѣдаетъ зелья, высохнетъ и пожелтѣетъ какъ кость эта!

—Бросаю воскъ отъ свѣчи церковной, горѣвшей на похоронахъ: пусть кто отвѣдаетъ зелья, сгоритъ, какъ свѣча!

—Бросаю горѣть соломы изъ подъ крыши церковной; кто отвѣдаетъ зелья, пусть въ душѣ его гнѣздятся грусть и злые намѣренія, какъ гнѣздились совы и воробы подъ той церковною крышей!

—Бросаю сердце висѣльника, высохшее на висѣлицѣ: кто отвѣдаетъ зелья, пусть ему будетъ такъ, какъ тому, когда онъ цѣловалъ крестъ изъ рукъ попа; — пусть умретъ онъ, какъ умеръ тотъ;—воронамъ на ужинъ сердце его; воронамъ на обѣдъ его легкія,—коршунамъ и ястребамъ на завтракъ все тѣло его!

—Бросаю гнилушку отъ гроба; кто отвѣдаетъ зелья, пусть въ томъ сгнѣтъ веселость и счастье, какъ сгнилъ трупъ въ томъ гробѣ.

—Растѣть надъ могилой цвѣтокъ; цвѣтѣть въ задушный день, чернымъ и бѣлымъ цвѣтомъ... Бросаю цвѣтокъ въ котель, пусть тотъ кто отвѣдаетъ зелья, познаетъ черныя мысли, горе и отчаяніе!

—Бросьте въ котель сердце той совы, которая прячется днемъ и плачетъ ночью, которую преслѣдуютъ люди и птицы: пусть и тотъ, кто напьется зелья, будетъ преслѣдуемъ и ненавидимъ во всю жизнь свою!

Мѣшали они любовный напитокъ мертвыми костями и лили въ него всю желчь и злобу, какія были въ сердцахъ ихъ. Кипѣль и шумѣль напитокъ, вздымался и пучился, доходя до краевъ котла. И если стекала на землю капля его, то подъ ней выгорала трава и на земль оставляла послѣ себя кровавое пятно.

Былъ и другой кружокъ вѣдьмы, но тутъ, среди смыка и

шопота, Твардовский не могъ разслышать о чёмъ шла речь. Любопытство не удерживало его и онъ ждалъ дальше.

Увидѣлъ онъ старого вампира, который училъ молодаго— высасывать кровь изъ людей во время ихъ сна; увидѣлъ и старую стречу, которая учила молодую — садиться на грудь спящимъ и душить ихъ.

Далѣе шла свадьба: козелъ женится на старой бабѣ. Передъ ними шли музыканты и играли на костяныхъ пищалкахъ и били въ барабаны, обтянутые человѣческой кожей. Постель для молодыхъ послали на гробовой доскѣ, а надъ нею разбили шатерь изъ савана.

Тамъ и сямъ расхаживали духи и привидѣнія, то по одиначкѣ, то попарно съ дьяволами. Некоторые изъ нихъ, отыскивая себѣ товарищей, приставали къ прохожимъ распутницамъ, передраживая гримасы влюбленныхъ. Были между ними старики и молодые, старухи и цветущія молодостью девицы, солдаты и монахи, дворяне и мужики, купцы и мѣщане. И все это ходило взадъ и впередъ, толкалось, шумѣло, пѣло и кричало, смыялось и плакало, брачилось и торговалось, спорило и проклинало.

Кое-гдѣ слѣпые гуслисты играли колдуньямъ пѣсни и танцы; въ другомъ мѣстѣ пили и ѳли;— другое сидѣли вокругъ разложенного огня, подъ кустарникомъ и вели шумную бесѣду.

Ко всему этому присматривался и прислушивался съ любопытствомъ Твардовский. Грустныя мысли и чувства волновали его душу.

Вдругъ почувствовалъ онъ, что кто-то ударилъ его по плечу, и въ то же время отозвался знакомый ему голосъ—голосъ Мефистофеля,—его *familiaris*,

— Я зналъ, что найду тебя здѣсь.

— Какъ могъ ты отыскать и увидѣть меня? спросилъ его удивленный Твардовский.

— По обыкновенію, я шелъ за тобою въ слѣдъ.

— По обыкновенію, говоришь ты?

— Да, по обыкновенію.

— Такъ ты слѣдишь за мной, какъ за своимъ невольникомъ?

— Не какъ за невольникомъ,—взвини, но какъ мать за сыномъ.

— Спасибо за сравненіе, но признаюсь, я не желалъ бы быть для тебя ни тѣмъ, ни другимъ.

И замолчали оба.

—Зачемъ же не хочешь ты раздѣлить съ нами веселья? спросилъ бѣсь.

—Веселиться не люблю, отвѣчалъ серье́зно Твардовскій: а выучиться тутъ мнѣ нечему.

—Все у тебя въ головѣ ученье! Долго ли будетъ портить твой мозгъ эта наука, Твардовскій? Развѣ человѣкъ только и долженъ думать, что обѣ ученья?

—Что жъ бы я сталъ дѣлать тутъ? Полезнымъ здѣсь я быть не могу...

—Развѣ всегда человѣкъ долженъ думать обѣ услугы и пользы? возразилъ дьяволъ.

—Чего жъ ты требуешь отъ меня?

—Чтобъ ты гулялъ и веселился съ нами и пользовался бы жизнью, покуда она твоя.

—Пользоваться жизнью? повторилъ, смеясь, Твардовскій: для этого мнѣ не нужны Лысая Гора и ваше общество.

—Но ты также мало пользуешься ею и въ людяхъ.

—Для этого не пришла еще пора;—отвѣчалъ Твардовскій.—Благоразумный человѣкъ долженъ удалять отъ себя удовольствія жизни, покуда не узнаетъ свѣтъ совершенно.

—А когда захочетъ пользоваться удовольствіями, то будетъ уже поздно,—шепнулъ дьяволъ.

Эта мысль заставила Твардовскаго задуматься.

—Такой человѣкъ, какъ я, сказалъ онъ, собравшись съ мыслями: исполнить все, чего ни пожелаетъ.

Вмѣсто отвѣта, дьяволъ захохоталъ.

Междудѣй тѣмъ, шабашъ подоходилъ къ концу. Не дождалась пѣвія пѣтуховъ, многія вѣдьмы оставили Лысую Гору. Мало по малу гасли огни, пустыла гора; въ воздухѣ раздавался свистъ отъ улетавшихъ чудовищъ и вѣдьмъ. Раздался бой церковныхъ часовъ и вслѣдъ за тѣмъ зашѣлъ первый пѣтухъ въ ближнемъ селеніи.

Твардовскій возвратился въ Быдгощъ и разбудилъ Матюшу, спавшаго крѣпкимъ сномъ.

ГЛАВА XVIII.

Какъ Твардовскій помолодилъ бурмистра Сломку.

Было еще очень рано, какъ кто-то постучался къ Твардовскому. Послѣ воздушной поѣзки своей на Лысую Гору Твардовскій не могъ сомнѣніе въ глазъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, печальный, задумчивый. Мысли и чувства, одни другихъ противоположнѣе, волновали его.

Вошедший былъ тотъ самый бурмистръ, которому Твардовскій совѣтовалъ курить порошками изъ мертвыхъ зубовъ. Средство это, какъ известно уже читателю, не помогло болѣному бурмистру, потому что въ домѣ его, вмѣсто злыхъ духовъ, проказничали возлюбленные еймосци пани бурмистровой. Не было ничего мудренаго въ этомъ обстоятельствѣ: бурмистръ былъ старъ, а жена его молода. Крайности не всегда сходятся. Догадался обѣ этомъ наконецъ самъ бурмистръ, и повелъ рѣчь свою такимъ образомъ:

— Sapientissime! Знаю теперь, что лѣдается у меня въ домѣ, — проказатьъ моя жена. Если хочешь поправить бѣду, то помолоди меня, или ее слѣдай старухою. Лучше однажды, еслиъ ты выбралъ первое; не даромъ говорить пословица: сѣдина въ бороду, а бѣсь въ ребро; старую печку лѣялъ топить. Какъ помолодѣю, то если жена и не станетъ любить, то, по крайней мѣрѣ, ея пріятели будутъ меня бояться. Знаю я, что для тебя нѣтъ ничего невозможнаго; — исполни же мою просьбу, ради Бога.

— Не такъ-то легко исполнить твою просьбу, отвѣчалъ серѣзно Твардовскій. Сдѣлать изъ старика мололаго — не шутка. На это нужно много времени, много трудовъ, много издержекъ.

— Не буду жалѣть никакихъ издержекъ, отвѣчалъ бурмистръ: заложу все имущество свое, чтобы достигнуть цѣли, чтобы сдѣлаться молодымъ... Какого же рода издержки могутъ быть въ такомъ случаѣ? спросилъ онъ, почесывая свою лысину.

— Значительныя издержки, отвѣчалъ Твардовскій: для этого надо мнѣ рѣкіхъ и дорогихъ зелій, заморскихъ мазей; — одно приготовленіе лекарства отниметъ годъ времени.

— Годъ! вскричалъ изумленный бурмистръ.

— Лучше помолодеть черезъ годъ, чѣмъ никогда, замѣтилъ Твардовскій:

— Правда; но я могу и не дожить до такого счастія. Годъ — не шутка, особенно для такихъ стариковъ, какъ я.

— Кромѣ того, мнѣ надобно пріискать помощника, къ которому бы я имѣлъ полное довѣріе. На первый разъ попробую взять моего слугу. Ты долженъ разгласить вѣздѣ, что оставляешь городъ. Никто не долженъ знать ни о твоемъ намѣреніи, ни о твоемъ мѣстопребываніи. Между тѣмъ, мы отыщемъ для себя гдѣ нибудь подальше квартиру, и тамъ примемся за дѣло. Предваряю тебя: если дорога тебѣ жизнь, то ты долженъ хранить все въ тайнѣ и быть нѣымъ, какъ камень.

— Буду нѣмъ, какъ гробъ, сказъ, низко поклонившись, бурмистръ. Въ городѣ разглашу всѣмъ о поѣзданіи своей въ Вильну, для покупки кожъ, куда я не разъ ужеѣзжилъ. Квартиру наймемъ себѣ гдѣ нибуль въ отдаленномъ предмѣстіи; я самъ поищу ее, а покуда эти деньги удовлетворягъ нашимъ первымъ нуждамъ.

И говоря такъ, бурмистръ положилъ на столъ набитую деньгами кису.

— Ну, теперь прощай. Хлопочи о квартирѣ и не отыскивай меня раньше нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Это время мнѣ также необходимо для приготовленій.

По уходѣ обрадованного бурмистра, Твардовскій сказалъ самъ себѣ: не велика бѣла, если не удастся мой опытъ надъ этимъ глупымъ старикомъ. Попробую.. Эй, Матюша!

Явился заспанный Матюша.

— Знаю твою преланность ко мнѣ и потому хочу употребить тебя для одного важнаго дѣла. То, что ты узнаешь, можетъ тебѣ со временемъ пригодиться. Во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ новое доказательство твоего усердія и преданности.

— Слушаю и исполню все, что ты прикажешь.

— Дѣло идетъ о томъ, чтобы изъ старика слѣтать молодаго.

— Молодаго?.. Какъ же ты это сдѣлаешь? спросилъ Матюша, почесывая въ головѣ.

— Сдѣлаю, какъ умѣю, и ты будешь помогать мнѣ. Съ завтрашняго дна мы примемся отыскивать всѣ нужныя къ тому зелья, начнемъ приготавливать спирты и мази.

— Слушаю.

И въ самомъ дѣлѣ, на другой день Твардовскій съ Матю-

шай, одѣтые пустынниками отправились отыскивать зелья. Длинный рядъ названий этихъ травъ быть записанъ Твардовскимъ на бумагѣ. Большихъ трудовъ стоило имъ собирать ихъ. Однѣ травы надлежало искать при мѣсячномъ свѣтѣ, или въ полнолуціе, другія на свѣжей росѣ, до восхода солнца; однѣ въ цвѣту, другія въ семенахъ, а иѣкоторыя — за-видѣшиими. Еще большихъ хлопотъ стоило сбереженіе ихъ.

За другими материалами Твардовскій долженъ былъ посыпать Матюшу далеко. Матюша отыскала и купицъ ему кака-выхъ орѣховъ, носорожихъ клыковъ, частичекъ муміи и много другихъ рѣдкихъ вещей, за которыхъ заплатилъ до-рого.

Твардовскому необходимы были также члены многихъ рѣд-кихъ звѣрей, обитающихъ въ отдаленныхъ странахъ свѣта. Съ великими усилиями и не безъ помощи дьявольской досталь ихъ Твардовскій. Въ числѣ многихъ другихъ предметовъ, до-сталъ Твардовскій и воды, имѣвшей свойство молодить. — На неприступной горѣ былъ одинъ изъ семи ключей этой чаро-дѣйственной воды, и оттуда то, съ опасностію собственной же-зни, начерпалъ ея Твардовскій.

Наконецъ, Твардовскій далъ знать бурмистру, что все готово и можно приступить къ тяжелой работе. Бурмистръ, по обѣщанію, уже собирался въ дальний путь, простился съ же-ною и поручилъ брату управлѣніе домомъ и лавкою, и ночью, тайкомъ, перешелъ въ новое свое жилище.

Въ первую ночь на новолуціе принялъ Твардовскій за ра-боту. Прежде всего онъ усыпалъ бурмистра снотворнымъ зельемъ, положилъ его, соннаго, въ огромный котель и варилъ, подъ напѣвъ чародѣйственныхъ пѣсень, по-томъ, вынувъ изъ котла, натирая мазями и кронилъ чудес-ной водою.

Тяжкихъ трудовъ стоила работа Твардовскаго, и только твердость его и присутствіе духа могли помочь ему выдержать ее. Много опыта далъ ему этотъ трудъ. Твардовскій не унывалъ, предвѣдя близкій конецъ. Во все время страшнаго процесса, которому подвергнуто было дряхлое тѣло бурмистра, душа его, вынутая изъ тѣла, заключена была въ крѣпко-запе-чатанной и осмоленной банкѣ. Потомъ, когда помололъ и посвѣжѣло дряхлое тѣло, Твардовскій вдуналъ въ него душу, и тогда уже въ немъ начали показываться признаки насиль-ственнно изгнанной жизни. Едва пріимѣтно забился пульсъ;

кровь прыснула въ сухія жилы ; встрепенулось сердце и ударило въ легкія ; лицо начало оживляться румянцемъ ; тяжелый вздохъ потрясъ свѣжую, молодую грудь, зашевелились уста, залепетала языкъ, раскрылись глаза — и блеснули всей яркостью, всей силою очей влюбленаго юноши...

Бурмистръ ожиль....

Матюша осталбѣнѣль отъ изумленія. Самъ Твардовскій не чувствовалъ себя отъ радости. Оживленный бурмистръ стоялъ передъ нимъ, и какъ послѣ долгаго сна, припоминалъ, что съ нимъ было.

Щедрая плата соотвѣтствовала труду и бурмистръ разстался съ Твардовскимъ, осыпая его тысячию благословеній.

Отпуская бурмистра, Твардовскій приказалъ Матюшѣ слѣдовать за нимъ въ домъ его, и о томъ, что увидитъ, пересказать ему. Возвратившись, Матюша говорилъ Твардовскому слѣдующее :

— Было уже темно, когда бурмистръ постучался въ двери своего дома. Въ домѣ было много гостей, кареты и брики стояли у воротъ. Въ окнахъ виднѣлся яркій свѣтъ, и до слуха доходили звуки веселой музыки. Бурмистръ не зналъ, что и подумать о такомъ празднике. Время было не запустное (*); имянинъ въ домѣ не было ; — крестинъ не могло быть. Что за притча ! говорилъ самъ себѣ бурмистръ: но погоди у меня, матушка, пойдетъ теперь все по маслу. И продолжалъ стучать.

Наконецъ, отворилась дверь, и старый вѣрный слуга, не узнавъ барина, спросилъ его очень серьезно: кто онъ и что ему надобно ?

— Чего мнѣ надобно ? Кто я ? ха, ха, ха ! Такъ ты меня не узнаешь, Фаддей ?

Фаддей выпучилъ глаза и стоялъ, какъ вкопанный: онъ все еще не узнавалъ своего пана.

— Проводи меня въ ту комнату, отъ которой ключи у пана, продолжалъ бурмистръ.

— Да что вамъ отъ меня надобно ? бормоталъ слуга: что вы мнѣ тутъ разсказываете!... Какой вы мой баринъ ! Мой баринъ годится вамъ въ дѣдушки. Въ моего барина вѣзѣли трое такихъ молодцевъ, какъ вы.

(*) Запусты, — послѣдніе дни карнавала.

Продолжая такъ говоритьъ, онъ подставилъ свѣчу подъ носъ бурмистру и тутъ только началъ замѣтать какое-то сходство прихожаго съ его господиномъ.

—А и вправду, немножко сбиваестъ вы на моего барина, когда онъ былъ молодъ. И носъ у него былъ точно такой, въ глаза такіе, какъ теперь помню... Да что это въ самомъ лѣтѣ,—дурманъ что ли на меня нашелъ? или я пьянъ, или просто съ ума сошелъ. Ни дать, ни взять мой баринъ, когда былъ моложе.

—Ни то, ни другое, отвѣчалъ бурмистръ, всходя на лѣстницу: перемѣнился только я.

—Да какъ же вы могли перемѣниться?—говорилъ слуга, все еще не довѣряя глазамъ своимъ.

—Ну ужъ объ этомъ я тебѣ не скажу; это секретъ. И бурмистръ вошелъ въ залу. Въ эту минуту бурмистрша, веселая, красивая и свѣжая, дѣлая фигуры *преслѣдованія* въ народномъ танцѣ, мазуркѣ, то рисовалась, какъ пава, то порхала, какъ мотылекъ, ускользая отъ преслѣдовавшихъ ее кавалеровъ, которые ловили ее и *отбивали* одинъ у другаго. Музыка играла, какъ говорится, *од исфа*, т. е. что есть мочи. Приходъ бурмистра, не прерывая танцевъ, привлекъ однакожъ на него общее вниманіе.

—Смѣю спросить вашу милость, сказалъ, подходя къ нему одинъ франтъ, закручивая длинные усы и поправляя отвороты кунтуша:—вѣрно изволите быть близкимъ родственникомъ пава бурмистра, когда на него такъ похожи?

—Имѣю честь быть имъ самимъ, если угодно о томъ знать вашей милости, отвѣчалъ ему бурмистръ, улыбаясь.

—Ваша милость—бурмистръ Сломка?..—сказалъ подходя къ нему другой франтъ: шутить изволите, не во гнѣвъ будь сказано вашей милости. Съ бурмистромъ Сломкой я двадцать лѣтъ сидѣлъ на одной скамье въ ратушѣ,—а у васъ еще, вижу, и молоко на губахъ не обсохло...

—Голосъ-то — нечего сказать — его, а что до фигуры, то ужъ—мое почтеніе! замѣчалъ третій, мѣряя глазами бурмистра съ ногъ до головы.

Вмѣшалась въ толпу любопытныхъ и пана бурмистрша ~~и~~ осматривала пришельца внимательнымъ взоромъ.—Экой красавецъ!—подумала она, и спросила, прищуривая глазки;

—Кого имѣю удовольствіе видѣть у себя гостемъ?

—Супруга своего, моя кошечка, моя рыбка, отвѣчай ей бурмистръ.

—Мужа?..—ха, ха, ха! Желала бы я, чтобъ мужъ мой похожъ былъ на вашу милость. Кунтушъ на вѣсть, какъ мужинъ, но что касается до прочаго,—такъ ужъ позвольте усомниться—говорила, охорашиваясь и кокетничая, бурмистрова.

Изумленные претензіей пришельца, гости перестали танцевать и окружили его. Музыканты перестали играть и шептали между собою, выпучивши на него глаза.

—Ужъ если непремѣнно стоите на томъ, что ваша милость мой мужъ—продолжала съ усиленнымъ кокетствомъ хозяйка:—такъ не угодно ли скажать, какой у меня знакъ на лѣвой руцѣ.

—Это сказали бы и я, замѣтилъ шепотомъ одинъ изъ усатыхъ франтовъ своему сосѣду.

—Знакъ святаго и животворящаго креста, отвѣчай, заскаль, бурмистръ: выжженный на твоей лѣвой руцѣ покойною твоей матерью, пани Катериною, въ память избавленія отъ наѣга татарскаго, когда она оставляла тебя еще ребенкомъ на рукахъ нянки.

—Отгадали!—вскричала бурмистрша, присѣяя и поправляя свою краковскую шапочку: ну, а скажите теперь, какой подарокъ получила я отъ моего мужа на другой день свадьбы!..

—Десять ударовъ плеткою по спинѣ, шепнуль ей бурмистръ на ухо.

Покраснѣла бурмистрша, какъ сѣяла вишня, но тотчасъ же поправилась и сказала:

—Да какой-же чортъ возвратилъ тебѣ твою молодость?

—А вотъ послушай, отвѣчай, садясь на скамью бурмистръ, и когда гости слвинулись вокругъ него въ тѣснѣй кружокъ, то онъ рассказалъ имъ подробнѣ всю исторію своего превращенія, заклявши ихъ напереть именемъ Святой Троицы не говорить никому объ услышанномъ. Сказалъ имъ, какъ онъ уговорился съ Твардовскимъ, какъ заснулъ и какъ проснулся молодымъ, чего стоило ему это превращеніе, и въ заключеніе, превозносилъ подъ небеса великую мудрость Твардовскаго. Не вѣрили ушамъ своимъ гости, и некоторые изъ нихъ видѣли въ немъ самозванца и обманщика, но наконецъ, всѣ убѣдились, что действительно видѣть передъ собою бурмистра, которому Твардовскій силою своихъ чаръ и заклятій возвратилъ молодость.

Зазвѣнѣли тогда бокалы и стаканки — и вино полилось за

здравье помолодѣвшаго бурмистра. Завели снова веселые танцы и танцевали до разсвѣта, празднуя, такимъ образомъ, вторичную свадьбу бурмистра. Торжественно проводили чету въ спальню и разъѣхались, пожелавъ имъ пріятнаго днія. Не мало радовалась и пани, перемѣнивъ такъ кстати стараго мужа на молодого, но долго ли продолжалась эта радость и не помрачали ли ея воспоминанія о добрыхъ пріятеляхъ,—объ этомъ молчать преданіе. Что касается до брата бурмистра, который во ожиданіи кончины бурмистра кончины *improlis et sterilis*, захватилъ очень твердо въ свои руки бразды правленія движимостью и недвижимостью, — то и онъ, хоть и не—хотя, долженъ быть уступить общей радости и съ кислой рожею вручилъ упавшему съ неба такъ нечаянно владѣльцу ключи и отчеты.

На другой же день грянула по городу и окрестностямъ его вѣсть о чудесномъ превращеніи бурмистра Сломки. Можно представить, какой тревоги надѣлала она между стариками. Исторію, какъ, водится, преувеличивали, дополняли и исправляли по произволу, и скоро разнесли далеко по цѣлой странѣ. Старики толпами тащались къ Твардовскому,—но Твардовскій, разсчитывая заранѣе на докучливыхъ просителей, почель за нужное оставить городъ и укрыться отъ старыхъ преслѣдователей.

У дверей его опустѣлаго жилища сидѣлъ одинъ грустный Матюша. Куда уѣхалъ Твардовскій, никто не зналъ.

ГЛАВА XIX.

Какъ Матюша наказанъ былъ за свою алчность къ деньгамъ.

Великое дѣло, совершенное Твардовскимъ, навело безчѣственнаго и равнодушнаго до того Матюшу на глубокія размышенія. Мысли эти не выходили у него изъ головы. Припоминаль онъ себѣ тѣ дивныя средства, которыя употреблялъ Твардовскій, и не разъ приходила ему въ голову мысль попробовать, не удастся ли и ему совершить такое же чудо.

—Помню все, что дѣлалъ Твардовскій, говорилъ онъ самъ себѣ: знаю зелья, время ихъ сбора, ихъ приготовленіе; чѣмъ мѣшаєтъ мнѣ испытать свои силы?.. Тогда бы я могъ сдѣлаться богатымъ, нажилъ бы большія деньги, купилъ бы себѣ деревеньку подъ Краковомъ и зажилъ бы себѣ паномъ... Поѣхалъ бы ко двору королевскому, женился бы на краковской паннѣ, воеводской дочкѣ, которую видѣлъ намедни въ косцѣлѣ Дѣви-Маріи и потомъ, какъ онаѣхала въ своей коляскѣ къ королевскому замку... И отчего же бы не удалось мнѣ, когда удалось моему пану? Все, что онъ дѣлалъ и я легко могу сдѣлать...

И говори такъ, Матюша припоминалъ себѣ таинственные слова, заклятия, чародѣйскіе заговоры Твардовскаго, — припоминалъ и повторялъ ихъ вслухъ.

—О, и мнѣ удастся, непремѣнно удастся! воскликнулъ онъ наконецъ.

Нисколько не удивляло его однажды то обстоятельство, что хотя онъ и хорошо помнилъ всѣ дѣйствія Твардовскаго, но за то не разумѣлъ совершенно, къ чѣму клонились они, зачѣмъ дѣлались такъ, а не иначе: видъ и форму бралъ онъ за сущность предмета, не заботясь объ остальнымъ, какъ всѣ поверхностные люди, которые, жертвуютъ наружной формою внутреннему убѣжденію и сущности. Пріѣздъ гонца, остановившагося у воротъ дома, прервалъ его мечтанія. Гонецъ искалъ Твардовскаго.

Судя по его одеждѣ и наружности, онъ походилъ на дворянинъ (*) изъ свиты какого нибудь знатнаго пана. Тонкаго сукна кунтушъ его былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли. Пара турецкихъ пистолетовъ заткнута была за поясомъ, на боку висѣла сабля. На головѣ его была низкая краковская шапка алого цвѣта, отороченная мерлушкию, къ сафьяннѣмъ сапогамъ прицѣплены огромныя шпоры. Видно было, что онъ пріѣхалъ издалека.

(*) *Дворянинъ, dworzanin*, служащий при дворѣ короля (*dworzanin krolewskoi*) или магната. Не должно смѣшивать этого титла съ названиемъ шляхтица. Хотя каждый шляхтицъ могъ служить при дворѣ короля или магната, но не каждому удавалось получить подобное мѣсто.

—Богъ въ помощь вамъ, сказалъ онъ, соскочивъ съ лошади и привязывая ее къ кольцу воротъ. Не здѣсь ли живеть великий и славный на всю Польшу Твардовскій, урожденецъ краковскій?

—Здѣсь, къ услугамъ вашей милости, вѣльможнаго пана, отвѣчалъ Матюша.

—Много лѣтъ ему здравствовать! сказалъ дворянинъ. А дома его милость?

—Нѣтъ дома.

—Скоро вернется?

—Нѣтъ, не скоро. А что вашей милости угодно, отъ моего пана?

—Везу къ нему важную просьбу отъ пана Старосты; вотъ и эпистолія,—сказалъ дворянинъ, показывая Матюшѣ на кусокъ пергамену, который торчалъ у него изъ за пазухи. Что я стану теперь дѣлать, когда нѣтъ пана Твардовскаго и не кому помочь пану Старостѣ.

—А можетъ быть, и я могу какъ нибудь помочь вашему пану, сказалъ Матюша. Я ученикъ Твардовскаго и въ его отсутствіе могу заступить его мѣсто. Что онъ дѣлаетъ, то и я могу слѣдить, прибавилъ онъ перѣштительно.

—Въ самомъ дѣлѣ? продолжалъ дворянинъ; ну такъ прочитайте, что тутъ написано.

Матюша взялъ пергаменныій свертокъ, раскрылъ его и прочиталъ. Просили помочи Твардовскаго въ одномъ важномъ дѣлѣ, о которомъ долженъ быть уведомить посланный.

Матюша спряталъ письмо за пазуху и смѣло спросилъ дворянина:

—Расскажите мнѣ, въ чемъ дѣло; въ письмѣ значится, что вашей милости все извѣстно и что вы о томъ, что знаете, должны сказать моему пану.

—Мнѣ строго приказано держать это дѣло въ тайнѣ, и не говорить о немъ никому, кромѣ Твардовскаго. Вы ученикъ его?

—Если не вѣрите мнѣ, спросите у каждого изъ здѣшнихъ жителей. Всѣ меня знаютъ; я ученикъ и помощникъ Твардовскаго.

—Вѣрю и передамъ вамъ просьбу пана Старосты. Вотъ, изволите видѣть, въ чемъ дѣло. Нашъ панъ Староста очень боленъ. Ноги у него отнялись, глаза не видятъ; голова и руки трясутся; зубы выпали все до одного. Вотъ видите:

нашъ панъ хоть и стоять одной ногой въ могилѣ, а задумать жениться.

— Жениться! вскричал изумленный Матюша.

— Да, жениться, продолжал лворянинъ: и жениться на молодой дочери своего сосѣда, пана кастеляна, въ надеждѣ оставить потомка, потому что, умирая бездѣтнымъ, ему пришло бы ломать надъ своимъ гробомъ фамильный гербъ, чего крѣпко не хочется. А панна кастелянка плачетъ, бѣдняжка, съ утра до вечера: не хочется ей идти за-мужъ за старика, который старше отца ея; говоритъ, что прогнѣвала бы Бога, еслибъ вышла за него. Да и ксены, видно, со словъ ея, говорять тоже самое. Не знали мы, чѣмъ тутъ помочь горю, какъ вдругъ узнаемъ о бурмистрѣ Сломкѣ, котораго помолодилъ Твардовскій. Сказали объ этомъ и пану Старостѣ. Сначала не вѣрилъ, потомъ послалъ за бурмистромъ, котораго когда-то знавалъ, а увидѣвши его и услышавши отъ него обо всемъ подробнѣ, повѣрилъ невольно. Съ той поры пришла и ему охота помолодѣть. Спать ночью не можетъ, съ утра до вечера только о томъ и думаетъ, какъ бы помолодѣть. — Чего-бы мнѣ ни стоило, — говорить, — хоть бы всей казны моей, а испытала на себѣ это средство. Послалъ за мной и велѣлъ мнѣѣхать къ Твардовскому и предложить ему большую награду, если онъ возмется помолодить его.

— А много-ли, напримѣръ, судить онъ Твардовскому?
перерваль его Матюша.

— Тысячу венгерскихъ дукатовъ, отвѣчалъ дворянинъ. Часть этихъ денегъ везу я съ собой, въ заматокъ.

— Ну такъ, слушайте же: скажите своему пану, что я могу помолодить его и безъ Твардовскаго: бурмистра Сломку помолодилъ не кто другой, какъ я.

— Въ первый разъ въ жизни дозволилъ себѣ клевету и обманъ Матюща: при видѣ денегъ, духъ корыстолюбія овладѣлъ имъ.

— Если хотите, то, не теряя времени, я могу выхать съ вами къ цану Старостѣ. Мази и всѣ снаidобья заберу съ со-бою. Покуда ваша милость поищете для меня въ городѣ ло-шади, я приготовлю, что нужно.

— Но уверены ли вы, говорилъ недовѣрчиво дворянинъ, что исполните то, за что беретесь. Не забудьте, что дѣло идеть о жизни пана Старосты, да и о вашей собственной.

— Увѣренъ, увѣренъ твердо; будьте покойны: это мое дѣло; не въ первый разъ принимаюсь я за такія вещи, говорилъ Матюша, поглядывая на привязанную къ торокамъ кису съ деньгами. — Дѣлывали мы и не такія чудеса, а это дѣло памъ ни почемъ.

— Помните же, что за успѣхъ вы отвѣчаете головою.

— Ступайте въ городъ за лошадью.

Рѣшившись однажды, Матюша уже не хотѣлъ оставить своего намѣренія. Припоминая себѣ всѣ дѣйствія своего господина, Матюша забиралъ стеклянки и узелки съ зельями и снадобьями. Сборы его были не долги. Забравши все нужное, онъ отправился вмѣстѣ съ дворяниномъ въ путь.

Къ вечеру прибыли они въ замокъ Старосты.

Замокъ стоялъ на высокой горѣ. Каменная стѣна и глубокій ровъ окружали его. Четыре круглые башни съ остроконечными кровлями видны были издалека. Изъ-за стѣнъ, въ которыхъ просвѣчивали бойницы и на которыхъ разставлены были пушки, виднѣлись высокія трубы замка. Подъ горою, на берегу небольшой рѣки, расположено было мѣстечко, застроенное крестьянскими и жидовскими избами. Мелкій кустарникъ, да кое гдѣ, прислонившись къ избамъ, одинокія ивы, оживляли дикое, пустынное мѣсто.

Надъ мѣстечкомъ, среди площади, возвышалась ветхая деревянная церковь, а за нею бѣгѣлся парафаіальный косцель. Жидовская синагога торчала изъ-за жидовскихъ дрянныхъ домишекъ.

Такою-то представилась нашимъ путникамъ эта столица старства, когда они подъѣзжали къ ней, утопая въ грязи. Черезъ опущенный мостъ въѣхали они на дворъ замка. Матюша принять было дворянами Старосты съ большими почестями. Наѣвшись и напившись вдоволь, Матюша легъ спать, но, не смотря на усталость, онъ не могъ сомкнуть глазъ. Тяжелая предстоявшая ему работа и неувѣренность въ силахъ и опыта не выходили у него изъ мыслей. Онъ уже раскаявался въ своей смѣлости, — но отказаться было поздно. Одна только мысль о богатой наградѣ подкрѣпляла его и заставляла упорствовать въ дерзкомъ предпріятіи.

На другой день Матюша велѣлъ отвести себѣ особый покой, гдѣ и занялся приготовленіями. Цѣлый день варилъ онъ зелья и растиралъ мази; другой день также прошелъ для

него въ приготовленіяхъ. Мучимый сомнѣніемъ въ успѣхѣ, онъ по прежнему не зналъ сна. Во все это время Староста не показывался ему, но, когда онъ проходилъ мимо его комнаты, Матюша слышалъ удущливый его кашель. На третій день, окончивши всѣ приготовленія, Матюша пошелъ осмотрѣть замокъ. Невольно приходило ему тутъ на мысль, что въ случаѣ неудачи, онъ долженъ приготовить всѣ средства къ побѣгу. На бѣду его, усердно и строго охраняемый замокъ не представлялъ къ тому никакой возможности. Рѣшимость Матюши не поколебали и эти справедливыя опасенія.

Въ назначенный часъ, притащился, опираясь на слугъ, въ комнату Матюши больной Староста. Лихорадочная дрожь проявила Матюшу при взглядѣ на дряхлого старца, который, какъ невинная жертва, предавался въ его руки. Была минута, когда онъ, мучимый совѣстю, хотѣлъ отступиться отъ своего намѣренія; но стыдъ, глупое упорство и алчность къ деньгамъ превозмогли и это послѣднее усилие совѣсти.

Когда служители удалились, Матюша далъ Старостѣ сильный пріемъ снотворнаго зелья, которое и подействовало въ ту же минуту. Онъ уже готовился класть тѣло въ котелъ, какъ вспомнилъ, что прежде надо извлечь изъ него душу. И эта работа шла удачно; но, къ несчастію, въ попыхахъ, Матюша забылъ закупорить хорошенъко сосудъ. Почувствовавъ себя свободною, душа улетѣла.

Дальнѣйшія дѣйствія Матюши надъ трупомъ Старостышли удачно, и только тогда узналъ онъ свою неосторожность, когда пришло время оживить трупъ и вдохнуть въ него душу. Души уже не было. Напрасно пытался отыскать ее Матюша; всѣ усилия его были безуспѣшны. Онъ готовъ былъ замѣнить ее своею, еслибъ нашелъ къ тому средства. Страшный укоръ себѣ читалъ онъ на бездушномъ лицѣ помолодѣвшаго трупа Старосты. Нѣсколько дней провелъ Матюша въ смертельной агоніи, наединѣ съ своею жертвою; наконецъ онъ рѣшился спасаться бѣгствомъ. Изнуренное, убитое печалью и отчаяніемъ лицо его не предвѣщало для слугъ ничего добра и они начали слѣдить за нимъ. Срокъ, назначенный Матюшею, давно уже кончился, и это еще болѣе увеличивало недовѣрчивость слугъ. На всѣ ихъ вопросы Матюша отвѣчалъ неопределенно, нерѣшительно, — откладывая срокъ со дnia на день, представляя неожиданныя препятствія, посыпалъ ихъ за новыми

зельями, — словомъ, выворачивалъ какъ могъ, желая лишь выиграть время и улучить удобную для побѣга минуту.

— Попуталъ меня лукавый взяться не за свое дѣло, говорилъ онъ самъ себѣ, ломая въ отчаяніи руки: сидѣлъ бы я теперь прескокойно дома. Продалъ я свою душу цѣною этого проклятаго золота!

Не видя, наконецъ, никакой надежды къ побѣгу, Матюша предался своей участи и готовился къ неизбѣжной смерти. Въ одинъ вечеръ, когда всѣ слуги, утомленные безсонными ночами, предались сну, Матюша выбрался за вороты замка, и могъ бы скрыться отъ погони, еслибы пошелъ боковыми дорогами. Матюша побѣжалъ большою дорогою и тутъ-то настигли его слуги Старосты. Матюшу заковали и бросили въ сырью темницу.

Извѣстіе обѣ ужасной смерти Старосты подняло тревогу во всей оконицѣ. Дали знать всѣмъ роднымъ покойнаго и мѣстнымъ властямъ. Прискакали наслѣдники Старостства, ждавшіе съ нетерпѣніемъ смерти своего родственника. Фальшивыми вздохами выражали они свое притворное горе. Изъ ближнихъ городовъ и мѣстечекъ съѣхались ксендзы, и въ тоже время, какъ въ одной комнатѣ служили они панихиды за вылетѣвшую изъ склянки душу Старосты, въ другой комнатѣ судьи по пріомѣ импету, опредѣмляя Матюшѣ смертный приговоръ, и осуждали его, какъ чернокнижника, на сожженіе.

Похороны Старосты были великолѣпны. За гробомъ, обремененный цѣпями, съ факелемъ въ рукѣ, въ сѣромъ саванѣ, шелъ Матюша, обращая на себя общее вниманіе. Не менѣе великолѣпнымъ образомъ готовились наслѣдники Старосты сжечь на кострѣ Матюшу, которому обязаны они были настоящимъ счастіемъ.

Такимъ образомъ, алчность Матуши къ деньгамъ вела его на позорный костеръ. Наканунѣ назначенаго для казни дnia мѣщане привезли на городскую площадь дровъ и укладывали ихъ въ костеръ. Изъ ближняго города привезли палача, который долженъ былъ сжечь Матюшу. Это случилось въ субботу, ровно черезъ недѣлю послѣ смерти Старосты. Въ воскресенье должна была совершиться казнь.

Къ чести его, Матюша былъ набоженъ. Ему, какъ урожденцу Кракова, гдѣ съ молокомъ матери всосалъ онъ правила святой католической вѣры, все въ этомъ богохранимомъ городѣ напоминало о милосердіи и благости Божіей. Теперь, въ по-

следнія минуты злополучной своей жизни, онъ думалъ о томъ свѣтѣ, который ожидаетъ его, о вѣчномъ огнѣ, которымъ будетъ сгорать онъ до-поконъ вѣка, какъ святотатецъ, чародѣй и убийца, — и попросилъ священника, которому бы могъ открыть свою душу и просить объ отпущеніи ему тяжкихъ грѣховъ. Помогая Твардовскому въ католическихъ дѣлахъ его, онъ самъ однажды никогда не видѣвалъ дьявола, — по малому своему не оцѣнивалъ всей тяжести грѣховъ, и никогда не отрекался отъ Бога. Раскаяніе его въ послѣднія минуты было искренно.

— Боже милосердый и праведный! помилуй меня! отврати отъ меня чащу, которую я самъ уготовилъ себѣ! воскликнулъ онъ, обливаясь слезами.

Въ то время, когда онъ взывалъ такъ къ Богу, заскрипѣли темничные двери на ржавыхъ петляхъ своихъ и въ комнату вошелъ прѣзжій ксендзъ, потому что мѣстные пропоць (*) и викарій поѣхали провожать тѣло Старосты въ фамильный склепъ, находившійся въ монастырѣ Августинцевъ, въ Брестѣ-Литовскомъ.

Матюша рыдалъ, стоя на колѣнахъ. «Отецъ! спаси меня!» говорилъ онъ, всхлипывая.

Отвѣтомъ ему былъ сардническій смѣхъ.... Вздрогнула Матюша отъ этого знакомаго ему смѣха, — подняла голову, взглянула, — и лучъ свѣта, продравшійся сквозь узкое тюремное окошко, ударившій прямо въ лицо монаха, позволилъ ему разсмотрѣть его. Такъ! нѣтъ сомнѣнія! передъ нимъ стоялъ Твардовскій.

Матюша едва не лишился чувствъ отъ страха. Онъ упалъ на землю и вѣсколько минутъ лежалъ неподвижно. Отъ Твардовскаго онъ вправѣ былъ ожидать справедливаго мщенія. Твардовскому стало жалко вѣрнаго, но безразсуднаго слуги资料.

— Встань, — сказалъ онъ ему: славную заварилъ ты кашу. Видишь ли, куда привела тебя твоя глупость. Теперь ты на одинъ шагъ отъ костра и никакая сила человѣческая не въ состояніи освободить тебя...

— Ахъ, знаю, знаю, добрый, милостивый господинъ мой. Проклятая алчность къ золоту погубила меня. Каюсь тебѣ... прости меня!

(*) Благочинный.

— Не следовало тебе мешаться не въ свое дѣло, братца за то, что выше твоихъ понятій... До сихъ поръ ты былъ мнѣ вѣрнымъ и усерднымъ слугою и я не ждалъ отъ тебя такой черной неблагодарности. Не ужели и тебя успѣши развратить люди?

— Не укоряй меня, благодѣтель мой, отвѣчалъ, рыдалъ, Матюша: спокойно пойду на смерть за вину свою, но не напоминай мнѣ о моей неблагодарности... За тысячу золотыхъ рѣшился я измѣнить тебѣ — убѣжать отъ тебя! О, я несчастный!

И Матюша рыдалъ, ломая въ отчаяніи руки.

— Ну, а чѣмъ бы ты заплатилъ мнѣ: сказалъ Твардовскій, еслибы я спасти тебя теперь!

— Чѣмъ? вскричалъ Матюша: и ты спрашиваешь меня объ этомъ?... Ты хочешь дать мнѣ жизнь и спрашиваешь меня, пожалѣю ли я для тебя этой жизни?... Она вся твоя, эта жизнь вся твоя, какъ была до той минуты, покамѣсть проклятое золото не обольстило меня!...

— Поклянешься ли ты мнѣ въ томъ, что будешь служить вѣрно, что будешь свято исполнять все, что ни прикажу тебѣ?

— Клянусь, — и сдержу клятву; пойду за тобою хоть въ адъ, всюду, всюду, — во всякую минуту жизни; буду весь твой душой и тѣломъ, — буду для тебя больше, чѣмъ слугой, буду невольникомъ, рабомъ, — псомъ смердящимъ!...

— Помни же слова свои. Вставай иди за мной. — Но помни, прибавилъ Твардовскій: что при одной мысли объ измѣнѣ, тебя ждетъ жестокая, мучительная смерть.

— Пусть она поразитъ меня при одной мысли объ измѣнѣ тебѣ, моему благодѣтелю, моему спасителю.

— Ступай за мной!

Съ этими словами Твардовскій взялъ Матюшу за руку и, отворивъ дверь, вышелъ изъ темницы. Дивился Матюша, глядя на стражу, которая пропустила ихъ мимо себя, и не было предѣла его удивленію, когда, по выходѣ изъ темницы, Твардовскій указалъ ему изъ окна замка на кипѣвшій народомъ рынокъ.

— Видишь ли, сказалъ онъ — минута твоей казни ускорена; смотри.

И смотрѣлъ — и не вѣрилъ глазамъ своимъ Матюша. Смотрѣлъ онъ на свою собственную казнь, видѣлъ самого се-

бя, видѣль, какъ ввели его на костеръ, какъ палачъ привязалъ его къ позорному столбу, какъ подложенный подъ дрова огонь взвился широкимъ пламенемъ, какъ лизнулъ его длинный, змѣиный языкъ этого пламени; — видѣль онъ свои предсмертныя мученія и судороги, слышалъ свой собственный голосъ, исторгнутый изъ глубины души невыразимыми словами муками... И вотъ, наконецъ, густое пламя обхватило весь костеръ и закрыло его своей огненной пеленою, заслонило густымъ смолистымъ дымомъ, — и, среди шума, проклятій и рукоплесканій толпы, среди треска дровъ и шипѣнія смолы, замерли его плачевные, раздиравшіе душу стоны....

Другое зрѣлище представляла въ эту минуту кипящая народомъ площадь, для тѣхъ, кого привели туда фанатизмъ или любопытство. Едва вспыхнуло пламя, какъ увидѣли, что вмѣсто преступника привязанъ былъ къ столбу куль со соломою. Устрашенный этимъ чудомъ народъ началъ разбѣгаться, крестьяне и творя молитвы. Вдругъ поднялся страшный вихрь, — разметался пылающій костеръ по всему мѣстечку, зажегъ его со всѣхъ сторонъ... Черезъ минуту въ мѣстечкѣ свирѣпствовалъ адъ. Огонь пожиралъ все, что ни встрѣчалъ. Казалось, и земля и воздухъ горѣли, — и не было ничего, кромѣ огня....

Яркое зарево освѣщало путь освобожденному и освободителю, и долго слышался имъ свистъ и трескъ пламени, да крики погибающихъ жителей....

Конецъ первой части.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

ВОСПОМИНАНИЕ

о

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ШАХОВСКОМЪ.

Статья П. А. Смирнова.

Не смью и думать, чтобъ мои немногія строки могли служить матеріямъ для исторіи русскаго театра: но и не лишаю себя надежды, что историкъ, рисуя характеръ нашего даровитаго драматурга, и мнъ, можетъ быть, скажеть *спасибо* за тѣ немногія мелочныя подробности, которыми я теперь хочу подѣлиться съ читателями «Пантеона». Изъ помѣщенной уже біографіи (№ 4. 1846 года.) всъмъ известно, что князь А. А. Шаховской родился въ 1777 году, 24 апрѣля, въ селѣ своеемъ *Беззаботахъ*, название котораго, переходя отъ отца къ сыну, осталось главною основою всѣхъ мирскихъ его дѣйствій до самаго конца жизни.

Получа самое скучное воспитаніе, ограничившееся, по собственнымъ словамъ Александра Александровича, единственнымъ, посредственнымъ знаніемъ французскаго языка, князь Шаховской въ 1796 году былъ вытребованъ въ Петербургъ, на службу въ Преображенскій полкъ, куда былъ записанъ съ самаго дѣтства, и поселился въ почтенномъ семействѣ Ивана Ивановича Валберха, балетмейстера и инспектора тогдашней балетной труппы.

По разсказамъ очевидцевъ, которые и до сихъ поръ еще живы, Князь А. А. тогда былъ необыкновенно

худъ, слабъ и нерѣшителенъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Горя врожденою страстию къ авторству, онъ въ тихомолку сплеталъ вирши и читалъ ихъ, съ свойственнымъ ему жаромъ, въ весьма ограниченномъ кругу своихъ знакомыхъ, между которыми главою былъ Иванъ Ивановичъ Валберхъ, о памяти которого покойный Шаховской отзывался всегда съ особеннымъ уваженiemъ и искреною признательностю. Валберхъ въ то время въ Петербургѣ былъ для него вторымъ отцемъ. Видя бѣдность Шаховскаго, Валберхъ содержалъ его, какъ роднаго сына, хлопоталъ о выгодахъ его жизни и однажды, слушая какie-то его стихи, посовѣтовалъ князю Шаховскому, по обычаю тогдашняго времени, поднести оду Государю Императору Павлу Петровичу.

Эта мысль была принята Княземъ съ такимъ восторгомъ, что на другой же день составленъ былъ плавъ, — а черезъ недѣлю ода переписывалась уже на-чисто.

Послѣ долгихъ сборовъ и нерѣшительности, наконецъ Князь А. А., одѣтый, причесанный и приглажденный, въ чинъ портэпе-прапорщика, отправился на разводъ: во узы! послѣ продолжительной отлушки, онъ возвратился съ тою же одею, не осмѣявшись рѣшиться на подобный поступокъ. Онъ оправдывался тѣмъ, что не могъ найти удобнаго мѣста, откуда бы можно было подойти къ Императору. На другой день Валберхъ отвелъ его самъ, поставилъ на мѣсто; но и это осталось безъ успѣха. — Восторженная ода осталась у творца и, къ сожалѣнію, какъ первый обдуманный плодъ будущаго замѣчательнаго человѣка, не сохранилась между его бумагами.

Такимъ образомъ, не предугадывая будущаго блестящаго назначенія, князь Шаховской трулился въ тиши скромнаго своего кабинета, и хваталась то за одинъ, то за другой родъ литературныхъ занятій, онъ предался со всѣмъ жаромъ любознательности исторіи народовъ, и въ особенности изучалъ исторію театра Грековъ, Римлянъ и современной французской сцены, богатой, какъ литературными, такъ и артистическими знаменитостями.

Не слѣдя примѣру своихъ разгульныхъ товарищѣй по службѣ, князь Шаховской рѣдко выходилъ изъ дому; но въ одинъ день (1797), именно въ день Пасхи, онъ рано утромъ оставилъ семейство, въ которомъ жилъ какъ родной. Его ожидали къ обѣду, и всѣ терялись въ догадкахъ: куда могъ дѣваться молодой Князь, который забавлялъ всѣхъ своими шутками, колкостями и еисточными забавными разсказами. Наконецъ, часу въ восьмомъ, двери въ большое семейное со-

браніе разпахнулись съ шумомъ, и съ радостными криками: *Иванъ Ивановичъ! вотъ она!* князь Шаховской, къ общему удивлению, вбежалъ въ комнату.

— Гдѣ же она? былъ общій вопросъ.

— Да, вотъ она! вотъ она!... отвѣчалъ онъ, показывая на бокъ. —

— Да тутъ ничего нѣтъ.

— Какъ нѣтъ!... — На боку, въ самомъ дѣлѣ, виднѣлась одна только портэпеля, а шлагу онъ дорогою потерялъ, бѣжавъ съ радостною вѣстью своего производства въ первый офицерскій чинъ. — Это повышеніе, а въ особенности написанная имъ около того времени первая комедія: «Женская шутка», дала ему столько вѣсу въ обществѣ, что онъ не только слѣдался любимцемъ тогдашнихъ русскихъ баръ, но и сталъ пользоваться особыннымъ милости-вымъ расположениемъ общаго покровителя всѣхъ изящныхъ искусствъ, покойнаго Государя Императора Павла Петровича, который въ послѣдствіе зналъ его лично и неоднократно, (что я слышалъ отъ самаго Шаховскаго.) прощалъ ему нѣкоторыя ошибки противъ строгой военной дисциплины, относя ихъ къ его забавной разсвѣянности.

Всѣхъ этихъ подробностей, къ сожалѣнію, я не могъ быть очевидцемъ, потому что родился въ то время, когда князь А. А. Шаховской былъ уже въполномъ развитіи своихъ способностей и своей славы. Я узналъ его лично съ 1832 года. Принадлежа вѣкоторымъ образомъ къ театру, я долго добивался чести узнать поближе нашего драматического литературнаго ветерана — и наконецъ, 31 ноября, я въ первый разъ явился къ нему съ рекомендацией. Князь Шаховской жилъ въ то время у Египетскаго Моста, въ домѣ, тогда принадлежавшемъ Неваховичу.

Былъ полдень. Послѣ кратковременнаго доклада, я былъ введенъ въ обширный кабинетъ. Съ лѣвой стороны его стояли шкафы съ книгами, а на шкафахъ бюсты древнихъ философовъ и нѣкоторыхъ великихъ поэтовъ. По стѣнамъ всего кабинета развѣшены были гравированные портреты великихъ и замѣчательныхъ людей по всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній, съ соблюденіемъ строгаго хронологическаго порядка. Число этихъ гравюръ простиралось до шестисотъ. Они были перемѣшаны, для разнообразія, съ гипсовыми барельефами, бюстами на кронштейнахъ и красивыми растеніями; такъ, что цѣлое представляло поучительный, пріятный и даже изящный видъ. Правую стѣну раздѣлялъ бюстъ Петра Великаго, стоявшій на высокой и красивой подставкѣ. По обвимъ его сторонамъ находи-

лись два небольшие шкафика, и на каждомъ изъ нихъ красовалось по группѣ, изваянной славнымъ нашимъ Мартосомъ. Ближе къ окнамъ помѣщалась конторка. На ней виднѣлись старые часы, въ футляре изъ чернаго дерева, со вдѣланнымъ бронзовымъ крестомъ, на которомъ было изображеніе распятаго Спасителя. Въ двухъ простынкахъ между оконъ поставлены были два огромные письменные стола, со всевозможными принадлежностями къ письменному дѣлу. Остальные уголки были заняты шатыми табуретами, разными диванами и диванчиками и многоразличными креслами, на одномъ изъ которыхъ, при входѣ моемъ, я нашелъ хозяина дома. Это былъ очень тучный мужчина въ изношенномъ шлафрокѣ, огромная лысина его была прикрыта вязанымъ шелковымъ колпакомъ. На большомъ, мясистомъ лицѣ его красовался огромный орлиный носъ; брови были узкія и нависшія, какъ я въ послѣдствіи узналъ, отъ постоянныхъ умственныхъ занятій; глаза каріе, маленькие, но полные огня и блеска; а оконечности губъ и вѣкъ приподняты были ироніею, которая и въ глубоко-задумчивомъ положеніи, никогда не оставляла лица знаменитаго нашего сатирика.

При входѣ моемъ, онъ сидѣлъ въ собственномъ положеніи; въ двухъ первыхъ пальцахъ его правой руки сжатъ былъ табакъ, поднесенный почти къ самому носу; но остановленный вновь родившееся мыслю. Когда я подошелъ ближе, онъ приподнялъ голову, быстро вынесъ табакъ и дружески протянулъ свою руку.

— А! очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ: садитесь и не будьте у меня гостемъ на финты-фантахъ, я этакихъ людей терпѣть не могу.

— Но я, кажется, Князь, не во время къ вамъ явился?

— Почему вы такъ думаете?

— Вы заняты были размышеніемъ?

— Помилуйте, отецъ родной, еслибы мнѣ пришлось щадить всѣ свои мимолетныя мысли, такъ я бы весь вѣкъ и человѣческаго лица не увидѣлъ. Нѣтъ, сударь мой, мое время раннѣе утро: — я занимаюсь исключительно по утрамъ. Тогда только я истинно счастливъ — и это счастье зима даетъ мнѣ въ половину — а лѣто, хоть кратковременно, но за то даритъ мнѣ его вполнѣ. Да и можетъ ли быть иначе при моихъ занятіяхъ? Тотъ изъ авторовъ, кто составляетъ планъ со всѣми его подробностями, предварительно на бумагѣ, можетъ писать свою пьесу или романъ среди шума и даже веселья; а какъ я сажусь писать пьесу, имѣя въ головѣ одну основную идею, то мнѣ необ-

ходимо нужны ташина и спокойствіе. За то я и пишу ча-
сто безъ малъшихъ поправокъ цѣлыми листами. Вотъ, на-
примѣръ, взгляните; я ее только сегодня кончилъ.—

При этомъ онъ снялъ съ конторки толстую тетрадь, на
которой довольно четко было написано: *Транжиринъ*. Я
повернулъ заглавный листъ — и глазамъ моимъ представи-
лось что-то среднее между письменами еврейскими и араб-
скими. Это были не европейскія буквы, а рядъ ковычекъ,
точекъ и іероглифовъ. Я это говорю безъ преувеличенія—
а что князь Шаховской, написавъ около ста піесть, писалъ
такимъ неразборчивымъ почеркомъ, то этому причина была
очень естественная. Не желая терять нити мимолетныхъ
идей, онъ цѣлые слова изображалъ какимъ нибудь однимъ
условнымъ знакомъ, и этимъ единственнымъ способомъ сокра-
щалъ свой механическій трудъ. Потомъ этотъ способъ об-
ратился въ привычку и дошелъ до того, что рукою его
сдѣлалась совершенною тайною для посторонняго лица.

Къ этимъ лицамъ конечно принадлежалъ и я при пер-
вомъ моемъ свиданіи, которое продолжалось въ разныхъ
сужденіяхъ около часа. Прощаюсь со мною, добродушный
князь Александръ Александровичъ сказалъ :

— А видѣли-ли вы когда театральную репетицію?

— Нѣтъ, Князь, никогда не случалось; но желалъ бы
быть когда нибудь свидѣтелемъ.

— А когда желаете, такъ пріѣзжайте безъ церемоніи:—
у меня сегодня въ восемь часовъ репетиція.

Я раскланялся—и въ восемь часовъ вошелъ въ тотъ-
же кабинетъ, съ тою только разницею, что онъ былъ арко
освѣщенъ свѣчами и лампами и наполненъ значительнымъ
числомъ гостей и артистами нашей драматической труппы,
которыхъ я въ первой разъ видѣлъ въ общественномъ кру-
гу. Не стану передавать теперь своихъ подробныхъ впе-
чатлѣній, скажу только, что тутъ въ первый разъ я узналъ
и увѣрился на опыте, что каждому артисту необходимо
быть вполнѣ образованнымъ, чтобы вѣрно передавать
всѣ оттенки многостороннихъ идей, и осуществлять соз-
даннія воображеніемъ лица, которыхъ онъ дѣлается под-
линнымъ осуществленіемъ. По моему, образованіе артиста
совсѣмъ не къ тому служить, чтобы онъ въ обществѣ бли-
сталъ многосторонними знаніями; но чтобы это образова-
ніе дало ему право войти въ общество, сравняться съ нимъ
своими свѣдѣніями и въ то же время позволило ему изучить
его въ самомъ составѣ, изучить подробно, съ тою цѣлью
чтобы артистъ могъ сперва почувствовать свое положе-
ніе, а потомъ уже, явясь передъ зрителями, по этимъ чув-

ствамъ высказывать заученные имъ фразы. Тогда только онъ вѣрно можетъ идти къ назначенній цѣли своего искусства, отстранитъ себѣ постыдное подражаніе и, увлекая за собою дѣйствующихъ лицъ и зрителей, уклонится отъ той обидной журнальной критики, которая впрочемъ, сравнительно съ критикою князя Шаховскаго, есть посредственная похвала. Хотя князь Шаховской своихъ критикъ обѣ артистахъ никогда не писалъ, но за то высказывалъ ихъ прямо въ лицо и безъ всякихъ обиняковъ, чemu я былъ личнымъ и неоднократнымъ свидѣтелемъ. Но я удалился отъ настоящаго разсказа.

Когда всѣ артисты собрались, хозяинъ дома, переваливаясь съ бока на бокъ, сталъ хлопотать, разставливать и разсаживать дѣйствующихъ лицъ своей комедіи, объясня при томъ каждому изъ нихъ, со всевозможною подробностію, главный характеръ его роли. Надо было видѣть, съ какою любовию и съ какимъ усердіемъ старался онъ передать свои понятія и въ какой приходилъ восторгъ, когда видѣлъ, что его совершенно поняли, въ особенности безтолковые исполнители. Въ ожиданіи чтенія, гости всѣ разсыпались по угламъ, Князь А. А. помѣстился на предполагаемой аванъ-сценѣ, и репетиція началась. Тутъ знаменитый авторъ, углубленный въ исполненіе, дѣлался совершенно другимъ человѣкомъ. Въ эти минуты онъ забывалъ всѣхъ окружающихъ, забывалъ всѣ отношенія, и вмѣстѣ съ дѣйствующимъ лицомъ смѣялся, плакалъ или приходилъ въ восторженное состояніе и, со слезами на глазахъ, сжималъ въ своихъ объятіяхъ счастливаго исполнителя. Смотря на неподдѣльность чувствъ его, я полагалъ навѣрное, что авторъ пропуститъ много мелочей; но въ предположеніи своемъ крайне ошибся, и уѣхалъ, что отъ вѣрнаго взгляда его не ускользали не только ошибочная дикція, но и одна мельчайшая мелочь.

Для него было совершенно все-равно: являлся ли на сцену герой, или ничтожное аксессуарное лицо.

«Что ты братецъ, говорилъ онъ первому: какой ты къ черту баронъ, когда не имѣешь никакого уваженія къ дамамъ и обращаешься съ ними, какъ съ горничными! И какой ты посль этого актеръ, когда помнишь, стоя на сценѣ, что тебѣ отлана лучшая роль. Ты будь первымъ, да не забывай, что ты говоришь не съ Василисой Исаевной, которая получаетъ четыреста рублей, а съ графиней, съ которой ты долженъ обращаться съ полнымъ уваженіемъ, какого требуютъ отъ каждого образованнаго человѣка. Да и тѣ ты это видѣлъ? Въ какомъ ты это общество подмѣтишь, что-

бы дѣвицѣ и дамѣ мужчины хватали за руки. Вѣдь этакъ обращаются одни только *ракаліи* (*), которыхъ выгоняютъ вонъ. Ну-ка, начни снова, говорилъ онъ, быстро переходя отъ гнѣва къ ласкѣ, и слѣдя за повтореннымъ чтенiemъ, безмолвно выражалъ лицомъ гнѣвъ, важность, насмѣшику или какое нибудь другое ощущеніе души.—А ты что это, батюшка, говорилъ онъ, обращаясь къ вновь явившемуся лицу, игравшему лакея,—какого ты тутъ *шематона* изволишь мнѣ разыгрывать? Какъ ты еще не сѣлъ подъ ба-рина? Оно быдо бы спокойнѣе, да и не такъ совѣтно. Нѣтъ, ужъ ты мнѣ свое франтовство—то оставь и помни, что ты ничто иное, какъ холовъ. Ну, къ чему ты это руку-то въ карманъ опустилъ; къ чему ты это, вхо-да въ гостиную, кричишь во все горло и расшарки-ваешься? Все это ты можешь позволить себѣ въ сценѣ съ Груней, или съ Дуней, а съ господиномъ никогда!

Подобная замѣчанія были безпрерывны въ продолже-
ніе всей репетиціи и обращались безъ исключенія къ каждому
дѣйствующему лицу, изъ которыхъ большая частія были его
кровные ученики. И что мнѣ было прежде странно и не-
понятно, почему эти рѣзкія и очень часто оскорбительныя за-
мѣчанія спосилясь артистами равнодушно, впослѣдствіи каза-
лось уже очень понятнымъ. На князя Шаховскаго нельзѧ было
сердиться, во-первыхъ, потому что эти слова высказывались
изъ единственного желанія сдѣлать добро тѣмъ людямъ,
которыхъ онъ принималъ къ себѣ, какъ лѣтей, и для кото-
рыхъ лишали себя драгоцѣннаго времени. А главное, что
всѣ эти, для непосвященныхъ въ откровенность его характе-
ра, оскорбления, высказывались не языкомъ злобнаго сердца,
а заботливымъ и добрымъ отцомъ. Да,, ворочемъ, кто и
могъ оскорбляться замѣчаніями, которыхъ, исправляя отъ
пороковъ, вели каждого изъ артистовъ къ совершенству и
къ занятію первыхъ мѣстъ, какъ на драматической, такъ и на
оперной сценѣ. Подобная дѣйствія замѣчанія составляли ис-
точную школу—и мудрено ли послѣ того, что пьесы, имѣ-
поставленныя, всѣ до одной болѣе или менѣе имѣли успѣхъ.

Видя однажды его усталость, послѣ репетиціи драмы
Двумужница, я спросилъ его: почему же вы, Князь, не по-
ручите половину своихъ хлопотъ режиссеру?

—Отъ того, мой другъ, отвѣчалъ онъ простодушно, что

(*) Слово *ракалія*, происходя отъ французскаго: *расайлé*, *черни*,
было любимымъ изрѣченіемъ Князя Шаховскаго, когда онъ хотѣлъ
выразить крайнее свое неудовольствіе театральному режиссеру.

у насть до сихъ поръ режиссера не было и нетъ. И вотъ какъ мнѣнія объ режиссѣрѣ: режиссѣръ, по моею, долженъ быть человѣкъ вполнѣ образованный, съ полными сценическими свѣдѣніями и глубоко изучившій вкусъ зрителей и тѣ тайные пути, которыми онъ, посредствомъ театральныхъ представлений, какъ необходимою потребностью народа, долженъ вести его къ изощренію вкуса и распознаванію высокаго отъ гаерства. Всего этого онъ долженъ достигать сортировкою и распределеніемъ пьесъ. Такъ какъ каждый драматический авторъ всегда въ половинѣ съ артистомъ, то режиссѣръ долженъ наблюдать и доводить исполнителей до того, чтобы они во первыхъ, всѣ читали безъ суфлера, во вторыхъ, чтобы они всѣ знали свои мѣста и отыскивали тонкости и такъ называемыя эффекти на самыхъ пробахъ, а не надѣялись, въ минуту самаго представлениа, на тѣ вдохновенія, которыя даются въ удѣль немногимъ избраннымъ и притомъ только геніальнымъ людямъ.—Этого еще слишкомъ мало для режиссера, если онъ всѣхъ актеровъ знаетъ по фамиліямъ и въ силахъ лишать ихъ предоставленныхъ имъ выгодъ. Нѣтъ, онъ долженъ знать ихъ душу, онъ долженъ знать ихъ наклонности и, наконецъ, посильныя средства, чтобы потомъ безошибочно раздавать роли и справедливо требовать отъ нихъ правильной ликціи и правильнаго положенія. Режиссѣръ, какъ распорядитель и наставникъ, долженъ быть лицомъ, всѣми уважаемымъ, котораго бы слушали не изъ страха, а по внутреннему убѣжденію. Наконецъ, режиссѣръ долженъ быть совершенно одѣльнымъ лицомъ отъ труппы, и весь его интересъ, долженъ заключаться въ одномъ только душевномъ усердіи и въ пламенной любви къ искусству — а не въ мелочныхъ разсчетахъ службы. Вотъ тебѣ типъ режесера, говорилъ онъ мнѣ, какъ я его себѣ создалъ; но другіе думаютъ объ режиссѣрѣ, какъ о безграмотномъ библіотекарѣ, которому поручены умныя книги съ тѣмъ, чтобы онъ, не извлекая изъ нихъ ни доброго, ни злаго, всегда заботился только о томъ, чтобы онъ стояли на своихъ полкахъ по цвѣту переплетовъ.

— Но скажите, Князь, можно ли найти такого режиссера?

— Хотя очень трудно, но можно. Подобнаго режиссера исключительно надо искать между любителями и людьми, посвятившими всю жизнь свою на изученіе лицедѣйства. Жертвуя нѣкоторыми выгодами, можно поощрять таланты не бенефисами, которые нерѣдко служатъ къ разоренію артиста, но болѣе вѣрными и положительными средствами. Частые бенефисы, по моему, убиваютъ и актеровъ и драматическихъ писателей.

Первые, обремененные ролями и большею частію пустыми, по краткости времени, не только не имѣютъ возможности, какъ слѣдуетъ, обдуматъ и изучить ихъ и не могутъ и выучить наизусть, и отъ того, по необходимости, дружатся съ суплеромъ и мало по малу привыкаютъ къ лѣнности и къ упущенію своихъ обязанностей. Вторые являются только вслѣдствіе заманчивости громкихъ рукоплесканій, которыя раздаются въ театральной залѣ въ честь торжествующаго автора. Но увидѣвъ, что долговременный трудъ его, послѣ разныхъ беспокойствъ и неблагодарности, дѣлается посмертнымъ достояніемъ ничемъ невознаграждающаго его театра, онъ ищетъ выгоднѣйшихъ для себя литературныхъ занятій и навсегда гибнетъ для сцены, которую онъ, можетъ быть, обогатилъ бы, украсилъ и прославилъ своимъ именемъ. — Скажу тебѣ откровенно, ты меня задѣлъ за такую струну, о которой я съ тобой могу протолковать до самого утра; но знатоки жизни дѣло велятъ мѣшать съ бездѣлемъ.

При этомъ князь Шаховской всталъ и отправился играть въ вистъ, который составлялся у него почти каждый вечеръ.

Князь Шаховской, исключительно созданный для однихъ умственныхъ занятій, никогда не заботился ни о своемъ маленькомъ помѣстіи, ни о своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Всѣмъ его домомъ распоряжалась, слишкомъ тридцать лѣтъ, незамѣненная до сихъ поръ еще никѣмъ актриса петербургскаго театра Катерина Ивановна Ежова, которая поселилась въ его домѣ тотчасъ же по выходѣ изъ театрального училища. Выпущенная на роли субретокъ, она, по волѣ князя Шаховскаго, вскорѣ перемѣнила свое амплуа на роли старухъ, въ которыхъ была неподражаема до самой смерти своей — и въ благодарность за всѣ попеченія и заботы, она любила князя Шаховскаго, какъ только можетъ любить благородная душою женщина, заботясь совершенно безкорыстно о всѣхъ выгодахъ и спокойствіи его домашней жизни. Первою ея заботою было, отстранять отъ него все невѣрітное и окружать его всѣми удовольствіями, которыя могли позволить ихъ средства. Впрочемъ, не смотря на то, что Ежова была женщина совершенно необразованная, князь Шаховской цѣнилъ ее такъ wysoko, что два раза предлагалъ ей свою руку, но одаренная природнымъ умомъ, Ежова два раза ему отказывала, отзываясь: «что любимую Ежову она никогда не промынаетъ на смѣшную и плодовитую княгиню».

Почти никогда не посещая своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, Кн. Шаховской былъ рѣкій домосѣдъ. И потому каждой вечеръ къ нему собиралось довольно многочисленное общество, состоявшее изъ литераторовъ и артистовъ обѣихъ столицъ.

Не стѣсняя своихъ гостей, онъ предоставлялъ каждому изъ посѣщающихъ полную свободу дѣлать, что они хотятъ — и потому вечеръ обыкновенно начинался слѣдующимъ образомъ. Часу въ восьмомъ, послѣ получасового сна, Кніязь Алек. Алек., не снимая шлафрока, садился въ покойное кресло и, углубленный въ какую нибудь идею, дожидался своихъ гостей, изъ которыхъ многіе были каждодневными его посѣтителями.

Когда являлись между ними люди, не коротко ему знакомые, онъ при нихъ же надѣвалъ сюртукъ и отправлялся за чайный круглый столъ, за которымъ обыкновенно разливала чай К. И. Ежова.

Это время, большею частію, было самое пріятное изъ цѣлаго вечера. Здѣсь Кніязь А. А. предавался всей неистощимости своего многосторонняго разсказа, — и переходя отъ предмета къ предмету, выказывалъ вполнѣ свои энциклопедическія свѣдѣнія, всю свою глубокомысленность и весь свой опытъ жизни.

Къ особенному пріятнѣмъ его воспоминаніямъ принадлежала его заграничная жизнь, проведенная имъ въ кругу всей умственной знаменитости тогдашняго времени; но, къ сожалѣнію, изъ всего мною слышанаго, я могу припомнить только одинъ слѣдующій замѣчательный съ нимъ случай.

Проехавъ Мюнхенъ (въ 1802 г.), кніязь А. А. Шаховской остановился въ гостиницѣ и, по обыкновенію, отправился за общиій столъ. Не понимая господствующаго тутъ пѣмѣцкаго языка, онъ преисправно занимался угощениемъ своего желудка, а въ антрактахъ разсмотривалъ съ любопытствомъ наблюдателя разнохарактерныя лица всѣхъ вновь являвшихся посѣтителей. Хотя онъ и не вмѣшивался въ общиій разговоръ, но когда всѣ пѣмѣцкіе гости стали часто упоминать имя знаменитаго Гёте, кніязь Шаховской усугубилъ свое вниманіе, и изъ большаго разговора только и могъ понять, что безсмертный германскій поэтъ находился въ той же отели. Послѣ обѣда, Кніязь тотчасъ же отправился въ свой нумеръ и спросилъ прѣ-французски прислужника: здѣсь ли находится Гёте?

— Какъ же, сударь, отвѣчалъ лакей: отъ того-то у

насъ сегодня такое большое собрание; всѣ ожидали встрѣтить его въ общей залѣ.

— Но вѣль онъ не показывался?

— Къ несчастію, онъ чувствуетъ себя не такъ здоровымъ.

— Однако онъ еще здѣсь?

— Къ величайшей чести нашего хозяина, онъ обыкновенно останавливается у насъ — и уѣдетъ не раньше, какъ завтра вечеромъ.

— Такъ поди же, отнеси ему мою визитную карточку.

Черезъ нѣсколько минутъ посланный возвратился и отъ имени Гёге просилъ Кн. А. А. вечеромъ прийти къ нему на чай.

Насталъ вечеръ, и послѣ размѣна разныхъ учтивостей, относящихся къ обоимъ лицамъ, они вскорѣ познакомились и занялись толкованіемъ о литературѣ германской, а въ особенности русской. Среди разговора, имъ поданъ былъ въ самомъ дѣлѣ чай, но безъ обычныхъ нашихъ кренделей и булокъ. Князь, имѣя обыкновеніе пить чай съ чѣмъ-нибудь сдобнымъ, безъ церемоніи позвалъ человѣка и велѣлъ ему принести нѣсколько бутербротовъ или чегонибудь въ родѣ этого. Приказъ былъ исполненъ; вечеръ пролетѣлъ и кончился очень пріятно; но каково было удивленіе князя Шаховскаго, когда утромъ ему подали счетъ, въ которомъ было исчислено, съ показаніемъ цѣнъ, все съѣденное имъ въ гостинице; ибо Гёге отказался отъ платежа, отзываясь, что онъ Князя звалъ *на чай, а не на требованные бутерброты*.

«Вотъ это, братъ, говоривъ онъ, называется немецкая акуратность! За то вѣдь они одни только на обухѣ рожъ и молотятъ.»

Подобные выходки часто являлись у нашего драматурга противъ вѣмцевъ, которыхъ онъ въ самомъ дѣлѣ не очень жаловалъ. Правъ ли онъ или виноватъ, разбирать не мое дѣло; но это миѳніе родилось у него, вѣроятно, отъ незнанія подлиннаго народа, его цивилизаций и глубокой образованности ученаго сословія. Судя обѣ германскихъ литераторахъ по французскимъ переводамъ, онъ невольно часто впадалъ въ большиѣ промахи, и потому самъ уклонялся отъ подобныхъ споровъ, что составляло его крайній недостатокъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ онъ и самъ хорошо чувствовалъ и не скрывалъ этого въ откровенномъ и дружескомъ разговорѣ.

Онъ всегда очень жалѣлъ, что не могъ читать Шилле-

ра въ подлиннику, отзываюсь объ немъ съ величайшою похвалою и неподдельнымъ восторгомъ, — потому что въ Шиллеръ онъ находилъ одно только немецкое — именно, его фамилию. Обладая прекрасною памятью, кн. Шаховской зналъ множество тирадъ изъ «Разбойниковъ», «Валенштейнова лагеря», изъ «Фіаско», и читая наизусть, всегда ставилъ ихъ въ примѣръ, какъ образцы высокаго знанія человѣческаго сердца, и истиннаго мастерства сценическаго искусства. Подобные отзывы у Князя А. А. были очень рѣдки, потому что, при всѣхъ своихъ способностяхъ и достоинствахъ, онъ не всегда отдавалъ должную справедливость дарованію. Проникнутый гордостю и внутреннимъ самолюбіемъ, онъ неоднократно, увлеченный какимъ-нибудь личнымъ оскорблениемъ, произносилъ свой рѣзкій судъ надъ бездарностю тѣхъ молодыхъ людей, которые въ скромъ времени выплывали надъ посредственностью и дѣлались почетными членами нашей литературы, столь бѣдной истинными дарованіями.

Косвенныхъ обидъ онъ почти никогда не помнилъ, — за то личныхъ оскорбителей онъ нерѣдко каралъ, чему можетъ служить слѣдующій примѣръ:

Въ день представлениія *Рославлева*, драмы составленной имъ изъ извѣстнаго романа того же имени, князь Шаховской сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, и, въ антрактѣ между первымъ и вторымъ дѣйствіемъ, разсуждалъ съ цѣлою толпою, собравшися около него, знакомыхъ и пріятелей. Между почитателями таланта А. А. стоялъ и одинъ изъ журналистовъ тогдашнаго времени, который прежде посѣщалъ домъ его, а потомъ, какъ бы въ благодарность за радушный пріемъ, сильно и, большею частію, несправедливо нападалъ на него въ своеі журиалѣ.

Увлеченный общимъ участіемъ, забывъ прошлое, журналистъ рѣшился заговорить съ авторомъ, воспользовавшися минутою молчанія.

— Вы, ваше сіятельство, сегодня торжествуете!

— То есть, вы хотите сказать, отвѣчаетъ Князь, показывая видъ, что онъ не узнаетъ вопросителя: что торжествуетъ М. Н. Загоскинъ, котораго романъ я только пріспособилъ къ сценѣ.

— Но вѣдь и на это надо имѣть необыкновенцій умъ и завидную способность Князя А. А., который, вѣроятно, не узналъ старого своего знакомаго. Я — покорный слуга вашего сіятельства, такой-то

— Съ послѣдняго нашего свиданія, отвѣчалъ Князь,

довольно сухо: вы такъ измѣнились, что я васъ дѣйствительно не узналъ.

— Но вѣроятно, ваше сіятельство, не откажите включить меня въ число вашихъ усердныхъ почитателей и посвѣтителей?

— Вотъ видите ли, отвѣчалъ кн. Шаховской, показывая на многочисленное около него собрание: здѣсь все мои искренніе друзья. При всѣхъ нихъ я вамъ скажу откровенно. Для каждого доброго человѣка въ домѣ моемъ во всякоѣ время открыта дверь, а для двуличныхъ и неблагонамѣренныхъ людей, у меня въ предней, въ углу, всегда стоитъ камышевая палка. Понимайте, какъ знаете.»

Журналистъ съ поклономъ скрылся, а Шаховской, не смотря на успѣхъ піесы, былъ уже на цѣлый вечеръ разстроенъ, потому, что онъ былъ человѣкъ нервный, спыльчивый, и, послѣ всякаго, огорченія не скоро успокаивался.

Впрочемъ справедливыми замѣчаніями онъ никогда не оскорблялся, ибо не былъ эгоистомъ въ своихъ созданіяхъ. Онъ ихъ сокращалъ и измѣнялъ безжалостно. Онъ выслушивалъ охотно дѣльные совѣты каждого слушателя, и, если этотъ совѣтъ не былъ сопряженъ съ большими затрудненіями, то онъ надѣвалъ очки и тотчасъ же исправлялъ ошибки.

Сколько я отъ него слышалъ, то лучшимъ своимъ сочиненіемъ онъ признавалъ *Аристофана*, работая за нимъ разновременно около шести лѣтъ; а день представлениія этой, по всей справедливости, достойной его комедіи, онъ считалъ лучшимъ днемъ своей жизни.

— Съ первой мицуты, говорилъ онъ мнѣ: какъ я затѣялъ «Аристофана,» у меня въ головѣ были безпрерывно дѣль идеи: выполнить со всею силою заданную тому и приготовить публику къ выслушанію высокой комедіи. Не знаю, достигъ ли я первого, потому что обѣ этомъ будеть судить потомство, но зрителями я былъ вполнѣ вознагражденъ за всѣ прошедшіе, настоящіе и будущіе мои труды — и подобного дня уже въ жизни моей никогда болѣе не повторится.

Счастливъ авторъ, который такъ искренно и такъ благодарно можетъ отозваться о своихъ цѣнителяхъ!

Отъ неудачныхъ своихъ сочиненій онъ всегда отрѣкался, говоря: Всѣ думаютъ, что это я писалъ, — и всѣ ошибаются, потому что это писалъ Макаръ! — Макаръ былъ его каммердинеръ, человѣкъ и въ своемъ дѣлѣ весьма недальновидный.

Какъ я уже сказалъ выше, князь А. А. Шаховской изъ всѣхъ временъ года исключительно любилъ одно только лѣто. Познакомясь съ нимъ короче и гостя у него на дачахъ, я всегда удивлялся въ это время неутомимому его труду. Во все продолженіе загородной жизни, онъ постоянно садился за письменный столъ съ семи часовъ утра, и, ограничившись одною чашкою кофе, не рѣдко пролиживалъ до семи часовъ вечера. Углубленный въ свои занятія, онъ решительно не видѣлъ и не слышалъ, что около него дѣлялось. Тутъ онъ совершенно принадлежалъ идеальной жизни, и, подавая дружески руку явившемуся гостю, посль не помнилъ, кто былъ его посѣтитель. Во время письма, онъ разсыпалъ около себя, навѣрное, полтабакерки не выношенаго табаку, и съ первой строки до послѣдней, въ продолженіе дня, писалъ однимъ перомъ, какъ бы оно худо ни было.

Какъ онъ садился за столъ очень поздно, то часто обѣдалъ при гостяхъ, завѣшивалъ салфеткою до самаго горла, потому-что, въ пылу своихъ разсказовъ, онъ не рѣдко портилъ платье, обливая себя соусами и супомъ. Въ продолженіе всего стола, онъ выпивалъ не болѣе двухъ рюмокъ бѣлаго вина, къ которому вообще никогда не имѣлъ пристрастія — и потому, по собственнымъ его словамъ, въ продолженіе всей своей жизни никогда не былъ пьянъ. Посль обѣда онъ или съ полчаса отдыхалъ, или прослушивалъ роли своихъ учениковъ, или выходилъ съ гостями въ садъ и предавался бесѣдѣ.

Въ одинъ изъ подобныхъ вечеровъ, князь Шаховской сидѣлъ на террасѣ съ своими гостями, между которыми находился и дальний его родственникъ, М. М. А. — Какъ привѣзжай въ первый разъ въ столицу, желая взглянуть на артистовъ нашей труппы поближе, онъ просилъ Кн. А. А. ввести его какими-нибудь средствами въ семейный ихъ кругъ. — Обязательный хозяинъ, само собою разумѣется, общалъ исполнить его просьбу съ удовольствіемъ, и занялся постороннимъ разговоромъ, среди котораго только отдалъ нѣкоторая приказанія.

Спустя около часа, камердинеръ Кн. доложилъ, что къ нему пришелъ столярный мастеръ, Карлъ Ивановичъ Шмитъ.

— Какъ прикажите, Ваше Сіятельство, подождать ему или прийти въ другое время?

— Да что, онъ работу принесъ или пришелъ за деньгами?

— Не могу знать-сь, Ваше Сіятельство.

— А что, господа, спросилъ хозяинъ, обращаясь къ гостямъ: не потѣшить ли васъ? Проси его сюда.

Камердинеръ ушелъ.

— Но только я долженъ васъ предупредить, продолжалъ кн. Шаховской: что этотъ честный немецъ преуморительный человѣкъ. И съ этимъ вмѣстѣ прошу васъ вести себя новоздержанѣ, — а ты, М. М., пожалуйста ужъ не хохочи, когда этотъ чудакъ, худо говоря по русски, будетъ потѣшать насъ на немецкій ладъ.

Съ этимъ словомъ дверь на террасу отворилась, и низенькая, тощая фигура, съ довольно глупымъ выраженіемъ въ лицѣ, предстала собранію. Это былъ въ полной формѣ немецъ, въ изношенномъ синемъ фракѣ со свѣтлыми пуговицами, въ желтомъ, засаленномъ жилетѣ и съ изношенною шляпою въ рукахъ.

— А! Карлъ Иванычъ, здорово, братъ, только тебя и недоставало.

— Ew. Durchlaucht ergebenster Diener.

— Садись-ка, братъ, съ нами.

— Verzeihen Erellenz, das ist nicht mogglich! отвѣчалъ тотъ почтительно.

— Да ты свой *мегиухъ*-та спрячь въ карманъ, а самъ садись къ столу.

Смущенный столяръ долгое время отказывался отъ этой высокой чести; но, уступая просьбамъ всѣхъ гостей, онъ, напослѣдокъ, съ разными церемоніями сѣлъ на край стула и, мѣшая русскія слова съ немецкими, повелъ разговоръ, до того смѣшной, что съ однѣмъ изъ присутствующихъ, именно съ пріѣзжимъ М. М., сдѣлались колики.

— Ну, вотъ видишь ли, Карлъ Ивановичъ, сказалъ Князь: какое ты намъ доставилъ удовольствіе, а ты еще тутъ *абердохи* подпускалъ.

— Natürlieh, weil ich hier dümmer bin als alle — и слово черезъ слово переломался свой языкъ; aber....

— Ну, хочешь ли ты мнѣ доставить истинное удовольствіе?

— Смѣять ли я отказаться?

— Такъ если ты хочешь, сдѣлай одолженіе, спой ты намъ что-нибудь по-русски.

— Aber помилуйте, я совсѣмъ не знайтъ *feine russischen Lieder*.

— Какъ ни одной! а *спѣжики* забѣльтися? Нѣть, братъ, немецъ, мнѣ твой Фрицъ расказывалъ, что ты лихо поешь?

— Но это можно только быть *für Freunde*.

— Такъ ты вообрази, что въ здѣсь твои друзья — и пой безъ отговорокъ.

— Ахъ! mein Gott! Ну, помилуйте-съ *das ist eine schwere Sache*.

— Послушайте, Карлъ Ивановичъ, прибавилъ М. М.: да кого же вамъ здѣсь стыдиться. Вѣдь мы всѣ знаемъ, что вы не записной пѣвѣцъ, и не театральный артистъ.

— *Seien sie so gut, по-крайне-мѣрѣ, haben sie eine Violine?*

— Ну, вотъ тебѣ чортъ, еще скрипку ему подавай. Все равно пой съ фортепіанами — и, вслѣдъ за Княземъ А. А., всѣ гости перешли въ гостиную, гдѣ, размѣстившись около инструмента, стали съ нетерпѣніемъ ожидать пѣменецкаго соловья.

Пріѣзжій М. М. въ особенности приготовился къ смѣшной потѣхѣ; но, всякой легко себѣ представить, каково было его изумленіе, когда смѣшной ремесленникъ, едва понимавшій пойрусски, съ первымъ аккордомъ фортепіанъ, засиялъ чистымъ русскимъ соловьемъ, съ совершенно правильнымъ произношеніемъ. Слыша мастерское выполненіе всѣхъ переливовъ и переходовъ этой трудной и прекрасной нашей народной пѣсни, М. М. съ смущеніемъ смотрѣлъ на всѣхъ присутствующихъ и не могъ придумать, за что принять подобную мистификацію.

— Скажите, пожалуйста, Князь, спросилъ пріѣзжій, когда окончилось пѣніе: что же это такое?

— А то, что я исполняю твою просьбу, отвѣчалъ А. А.: вѣдь ты же просилъ меня познакомить тебя съ нашими артистами.

— Такъ стало быть это?...

— Талантливый нашъ Александръ Васильевичъ Воротниковъ, съ которымъ имѣю честь тебя познакомить.

Но Воротникова уже не было въ гостиной, ибо, предупрежденный, онъ явился къ Князю въ лакейскомъ платьѣ. Черезъ нѣсколько минутъ, Александръ Васильевичъ вошелъ ловкимъ франтомъ — и, въ продолженіе всего вечера, служилъ предметомъ истиннаго уливленія провинціала.

Покойный талантливый Воротниковъ, по разнымъ обстоятельствамъ жизни, очень рано пережившій свою извѣстность, принадлежалъ также къ школѣ князя А. А. Шаховскаго, который для своихъ учениковъ употреблялъ всѣ свои силы; но вообще не могъ похвастаться особеною ихъ признательностью, потому что, большая часть изъ нихъ, послѣ своего оперенія, являлись къ нему въ домъ исключительно передъ своими бенефисами, съ покорною просьбою написать какую нибудь пьесу.

Подобная непростительная забывчивость, по рѣзкости

своего характера, вошла даже въ пословицу. Однажды, я былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ къ нему явилась очень умная дама Х., съ просьбою заняться съ ней ролями, начавъ ее слѣдующимъ выражениемъ: «Ваше Сіятельство! скальтесь надо мною и не откажите принять меня въ число не-благодарныхъ вашихъ ученицъ.»

Будучи страстнымъ любителемъ сценическаго искусства, въ послѣдніе годы своей жизни кн. А. А. Шаховской очень рѣдко посѣщалъ театръ — и можно сказать навѣрное, что не видаль ни одной піесы нашихъ новѣйшихъ драматическихъ писателей. И потому обо всѣхъ явившихся драмахъ и комедіяхъ онъ зналъ только по слуху и очень естественно, не произносилъ объ нихъ никогда суда своего. Появленіе несмѣтнаго числа водевилей онъ считалъ за скучность и даже за упадокъ вкуса, и называлъ *«герстомъ»* тѣ спектакли, которые были составлены исключительно изъ однихъ пустыхъ водевилей.

«Подобныя піески, говорилъ онъ, должны выходить изъ подъ пера писателя въ часы отдохновенія, среди серьезныхъ его трудовъ, и смотря на нихъ съ этой стороны, должно и давать водевили какъ бы для развлеченія или отдохновенія зрителей, а совсѣмъ не съ тою цѣлью, чтобы они могли приносить когда нибудь существенную пользу. Цѣль каждого народнаго театра должна стремиться къ изощренію вкуса, къ смягченію нравовъ, къ искорененію пороковъ и къ возвышенію духа и патріотизма. Священная обязанность театра поддерживать каждое благое стремленіе народа, — а не вести его къ нравственной лѣнности.»

Что онъ говорилъ дѣло, конечно съ этимъ не станетъ спорить, кто хотя немножко знакомъ съ главною цѣлью основанія, какъ древнихъ, такъ и новѣйшихъ театровъ. Да сверхъ того, какъ истинный патріотъ, князь Шаховской обо всемъ родномъ, равно объ выгодѣ или не-выгодѣ его, никогда не могъ говорить безъ особенаго душевнаго потрясенія. Настроенный казнить сатирою порокъ, онъ осуждалъ открыто и сильно все дурное. Въ жаркихъ спорахъ съ недоучками, которые безотчетно, по одному слѣпому предубѣжденію, охуждали все родное, и въ противоположность хвалили даже самые пороки иноземцевъ, онъ доходилъ до изступленія, и не рѣдко эти диспуты кончались тѣмъ, что князь Шаховской прекращалъ ихъ какою нибудь грубою выходкою, высказанною, въ порывѣ гнѣза, спорящему лицу.

Одинъ разъ, разсуждая о дѣлахъ Петра Великаго, предъ памятью котораго онъ благоговѣлъ, какъ передъ величай-

шею святынею нашої отечественnoї історії, і поднявъ на ноги все прошлое, онъ до того увлекся силою воображенія, что заплакаль, какъ ребенокъ, и просилъ перемънить разговоръ. — Въ другой разъ, передъ нимъ стали сравнивать нынѣ принятое платье съ чисто-руssкимъ, и, расхваливая бархатные однорядки, шубы, охобни и вообше согласную съ клаватомъ одежду, нечаянно спросили: что, если бы ее ввести теперь? При этомъ вопросѣ, онъ молча, закрылъ лицо руками, быстро вскочилъ съ своего мѣста, и съ словами: Зачѣмъ осуществлять то прекрасное старое, чего возвратить нельзя! — отъ внутренняго волненія, большими шагами стала ходить по огромному своему кабинету.

Какъ истинный патріотъ, отдавъ долгъ отечеству въ тягостный и славный двѣнадцатый годъ, своею безкорыстною службою, князь Шаховской объ этихъ событияхъ рассказывалъ всегда съ особеною гордостю, и никакъ не могъ удержаться отъ искреннихъ слезъ, когда доходилъ до описанія того зрѣлища, которое представила ему сожженная и разоренная Москва. По изгнаніи непріятелей, князь Шаховской вступилъ въ нее первый, въ качествѣ уполномоченнаго распорядителя, счель священою и первою обязанностю отслужить среди развалинъ и пепелищъ благодарственный молебенъ Подателю всѣхъ благъ, же-ляя тѣмъ ободрить изнуренныхъ и морально убитыхъ оставшихся жителей. Очистивъ, сколько позволяли средства, часть города, онъ отыскалъ въ окрестностяхъ столицы священника, составилъ хоръ пѣвчихъ, драгоценные церковные сосуды, расхищенные врагами, замѣнилъ стеклянны-ми — и такимъ-образомъ, устроивъ все на скорую руку, приступилъ къ совершенію литургіи. Съ первымъ раздавшимся колоколомъ, жители какъ бы проснулись отъ тягостнаго сна, и едва вѣра дѣйствительности своего освобожденія, радостно, но робко стали стекаться въ давноопустѣлый храмъ Господень, въ который именно — теперь я на-вѣрное не припомню. Въ продолженіе всей службы народъ, стоя въ церкви, на паперти и въ оградѣ, молился на колѣнахъ, со всѣмъ усердіемъ, какъ только можетъ молиться народъ, освобожденный отъ тягостнаго рабства; но когда, въ благодарственномъ молебнѣ, дошло до хвалебной пѣсни: Тебѣ Бога хвалимъ, съ первымъ гласомъ которой, по предварительному распоряженію Шаховскаго, раздался по всей Москвѣ колокольный звонъ, смѣшанный съ пушечными выстрелами, умилительныя слезы перешли въ такое общее рыданіе, что многіе молящіеся, отъ истощенія

физическихъ силъ, не въ состояніи были подходить даже къ нѣланію креста. «Въ эти минуты», говорилъ князь Шаховской, «Москва какъ бы воекресла и встала изъ подъ своихъ развалинъ. И я никогда не забулу двухъ случаевъ въ моей жизни», продолжалъ онъ, «московскаго молебна и открытия церквей во Франціи, послѣ неистовой ея революціи.

Проводя каждодневно утренній и вечерній часъ за усердною молитвою передъ древними образами, переходившими изъ рода въ родъ и помѣщеннымъ имъ въ маленькомъ шкафикѣ, онъ между многими и даже своими знакомыми, которые худо его знали, слылъ за лицемѣра. Но это мнѣніе, конечно, могло родится только въ холодныхъ умахъ тѣхъ людей, которые не вѣрятъ, что можно молиться искренно — и въ чистомъ моленіи забывать все, насть окружающее. Наложа на себя какъ бы обѣтъ прочитывать каждодневно извѣстное число молитвъ и слѣдующее Евангеліе, онъ молился всегда, стоя на колѣнахъ, кладя часто земные поклоны, но иногда часть положенного къ прочтевшему онъ выполнялъ, ходя по комнатѣ или по саду. Что онъ былъ человѣкъ истинно вѣрующій и помнящий христіанскіе законы, то лучшимъ доказательствомъ этому могутъ служить его собственные добрыя дѣла. Выключая нѣкоторыя слабости, которымъ подвержены всѣ, даже люди пріемѣрные, не найдется ни одного человѣка, которому бы князь Шаховской сдѣлалъ какое нибудь умышленное зло. Напротивъ того, не отказывая никому въ своей посильной помощи, онъ очень часто мирился съ своими недругами, обезпечивалъ снова ихъ горькую участь выголдными мѣстами — и снова терпѣлъ отъ нихъ гоненіе. Конечно, этихъ людей впослѣдствіи преслѣдовала сама судьба, лишая ихъ внезапно всѣхъ своихъ милостей, но отъ этого не легче было тому, кто не искалъ ихъ постыднаго паденія. Напротивъ того, Кн. А. А. скорбѣлъ душою и нерѣдко говорилъ: «Не то обидно, что онъ со мною поступилъ неблагородно; но очень больно, что изъ за одного мерзавца, я могу теперь усомнится въ десяти истинно честныхъ людяхъ.»

Восхищаясь пѣснопѣніями Ветхаго Завета, онъ часто читалъ Псалтирь, и потому превосходно изучилъ славянскій языкъ со всѣмъ его богатствомъ и красотами. Это подало ему случай сдѣлаться невольно замѣчательнымъ корнесловомъ своего отечественаго языка и участвовать въ составленіи русскаго «Академическаго Словаря», который

до сихъ поръ еще не доведенъ до окончанія (*). Въ послѣднее время пребыванія своего въ Петербургѣ, кн. Шаховской почти совершенно не занимался литературою, отъ которой его отвлекалъ процессъ, вслѣдствіе незаконно отходящей отъ него части имѣнія послѣ смерти князя Кантемира. Въ это время онъ безпрестанно уже занятъ былъ судебными записками, разѣздами по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ и частными совѣщеніями съ нашими законовѣдцами.

Хотя дѣло было чистое и правое, однако, за разными справками и другими свѣдѣніями, оно тянулось очень долго; но, напослѣдокъ, кончилось совершенно въ его пользу — и въ скоромъ времени, къ общей радости всего семейства, кн. Шаховской былъ введенъ законнымъ порядкомъ во владѣніе.

Не смотря на хлопоты и разныя непріятности, онъ все таки удѣлять вѣкоторые часы любимому своему занятію, которое въ это время уже сдѣлалось для него какъ бы необходимой стихіею. Къ послѣднимъ его трудамъ принадлежитъ во первыхъ:

а) *Малороссійская Сафо*, сочиненіе, помѣщенное во второмъ томѣ «Ста Русскихъ Литераторовъ». Эта огромная поэма, вполовину урѣзанная въ печати, вся почти имъ составлена изъ малороссійскихъ пѣсень. Хотя Шаховской самъ ее цѣнилъ очень высоко, но она далеко вышла изъ ряда достойныхъ произведеній его цграваго и колкаго пера. Повѣсть эта вообще была необыкновенно растянута описаніемъ мѣстностей, которыхъ авторъ никогда не видалъ, и утомительными разговорами, единственно для того вставленными, чтобы соединить пѣсни, взятые за основаніе цѣлому сочиненію. Конечно, она не лишена была и вѣкоторыхъ вѣрныхъ положеній дѣйствующихъ лицъ и чистой поэзіи; но все достойное похвалы погибло во множествѣ малороссійскихъ изрѣченій, которыя авторъ, по отзывамъ знатоковъ языка, передалъ — или съ непростительными ошибками, или въ совершенно искаженномъ видѣ.

б) *Хризоматія* — драма въ пяти актахъ. Князь Шаховской эту пьесу написалъ для бенефиса К. И. Ежовой, и взялъ сюжетъ для этого произведенія изъ известной и прекрасной повѣсти А. С. Пушкина «Пиковая дама». Принявшись за постановку на сцену, авторъ до такой степени былъ неувѣренъ въ успѣхѣ новаго своего дѣтища, что хотѣлъ пустить драму на сцену подъ чужою фамиліею. Однако,

(*) Сверхъ того и членомъ Россійской Академіи.

доведя ее до конца, онъ перемѣнилъ свое мнѣніе — и представилъ ее на судъ зрителей, выставивъ собственное свое имя. На этотъ разъ внутренній голосъ автора говорилъ истину, потому что драма имѣла самый слабый успѣхъ, или, вѣрнѣе можно сказать, упала съ первого раза — и, если я не ошибаюсь, только два раза была играна.

Первые роли этой пьесы принадлежали: Г-жѣ Валберховой и Г-ну Каратыгину I-му.

с) *Сонъ на яву*. Эту пьесу онъ написалъ уже въ Москвѣ — и потому я обѣ ней не имѣю никакаго понятія; но, вѣдь отзыву московскихъ критиковъ, это неудачное либретто, написанное для композитора Верстовскаго, вышло изъ подъ пера его ниже всякой посредственности. Критикъ очень ясно говорилъ, что въ ней не было: ни толку, ни смыслу.

д) *Щепкинъ, Стѣшка и Боско или долгъ платежемъ кра-сень*. Шутка-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, съ пѣснями, танцами и плясками. Эту пьесу давали на московской сценѣ; но на петербургской она не показывалась. Обѣ ней я ничего не могу сказать, потому что у меня находится только первый ея актъ, писанный рукою самого автора — и изъ большаго числа куплетовъ я могъ только разобрать слѣдующіе три:

1.

Х Р И С Т О.

Въ бѣдѣ ростовщиковъ совѣтъ

Страшнѣй подводныхъ камней въ бурѣ.

Г Р А Фъ.

Пусть такъ, да выиче развѣ нѣть

Ростовщиковъ въ литературѣ.

Минулъ писачкамъ вѣчный постъ,

Они за брань берутъ проценты,

И похвалы пускаютъ въ ростъ,

И продаютъ на умъ патенты.

2.

Я отъ нелѣпицы отвыкъ,
Да что за вздоръ меня тревожить.
На что же Богъ мнѣ далъ языкъ,
Когда онъ дичь пороть не можетъ.
Чтобы безсмыслицу прочесть

Я не пущусь въ головоломю —
И честной гили мало-ль есть,
Такъ изъ нея кой-что припомю.

3.

Оно не то что сочиненье,
Нельзя сказать, что переводъ,
А разныхъ авторовъ сплетенье,
Чтобъ глупостью смѣшить народъ.
Сюжетъ ея для всѣхъ загадка,
Въ ней много слезъ, убийствъ и сновъ —
И нѣтъ другаго недостатка,
Окромѣ мыслей и стиховъ.

е) *Послѣдний день Помпеи*. Либретто для большой оперы. Въ ней дѣйствующія лица тѣ же самыя, что и въ картинѣ К. П. Брюлова, потому что мысль создать пьесу, у князя Шаховскаго родилась при взглядѣ на это превосходное произведеніе. Написавъ первый актъ, почтенный А. А. подарилъ мнѣ его на память, потому что исполнить все, имѣ предполагаемое, онъ нашелъ невозможнымъ — и потому отказался отъ намѣренія окончить начатое. Объ этомъ трудахъ я могу сказать, что въ немъ много очень удачныхъ сценъ.

f) *Исторія Русскаго театра*, помѣщенная въ «Пантеонѣ». Это не исторія, а скорѣе можетъ называться обзоромъ или подробнымъ планомъ того, что онъ предполагалъ написать. И всѣмъ любителямъ русскаго слова крайне надо сожалѣть, что эта счастливая идея не осуществилась, ибо исторія нашего театра, по всѣмъ правамъ принадлежала опытному и достойному перу князя А. А. Шаховскаго, котораго труды, если не были оцѣнены при жизни какъ почетнаго русскаго драматурга, то, вѣрно, достойно оцѣнятся признателынмъ и беспристрастнымъ потомствомъ.

РАЗДЕЛ ВЪТВАДЕ

ІСТОРІЯ РУССКАГО ИСКУССТВА.

СО ВРЕМЕНЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО. онт. письмъ

Дѣла давно минувшихъ лѣтъ,
Преданья старины глубокой!

А. Пушкин.

Предложивъ сеѣѣ задачею изслѣдоватъ начало, ходъ и разви-
тие всѣхъ творческихъ искусствъ въ Россіи, я въ теченіе
десети лѣтъ открылъ много достовѣрныхъ источниковъ и со-
бралъ значительный запасъ матеріаловъ по этой части, кото-
рыми намѣренъ въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ статьяхъ
подѣлиться съ русскими читателями. Полагаю, что изслѣдованіе
развитія искусства можетъ быть не безполезно для его будущ-
ности въ Россіи, представя нѣкогда непреложный данныя для
историка русскаго искусства и рѣзко обозначивъ переходные
его періоды.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Россія не имѣла, подобно западнымъ государствамъ Европы, своего драматического развитія изъ собственныхъ народныхъ началъ: и драма и сценическія представленія занесены къ намъ съ Запада, совершенно готовыя, во времена, когда литература наша была еще въ зародыши; онъ занесены какъ и вся остальная цивилизациѣ, начало которой въ Россіи положили Годуновъ и Алексій Михайловичъ, и которую развилъ и позыблемо упрочилъ Петръ Великій.

По этому сценическое и драматическое искусства въ Россіи не имѣли младенчества; онъ явился у насть варугъ и притомъ въ томъ самомъ совершенствѣ, въ какомъ были въ то время повсюду и въ особенности въ Италии, колыбели европейской роскоши, творческихъ искусствъ и всякаго рода зрелиць. Родившись не изъ народнаго духа, не изъ народной потребности олицетворенія нѣкоторыхъ нравственныхъ плей, и ве посреди низшихъ слоевъ русскаго общества, но среди роскоши царскихъ палатъ, по прихоти утонченѣйшаго сословія, образованнаго на европейскій ладъ, русская драма не могла имѣть своихъ національныхъ типовъ, служащихъ выраженіемъ направленія характера и понятій цѣлаго народа, типовъ, подобныхъ тѣмъ, на которыхъ основана и изъ которыхъ развилась драма остальныхъ европейскихъ націй.

Италия имѣла своего Пулчинелло, Стентарелло, Панталона, Арлекина, Бригеллу; Франція — Скaramуша, Криспина и Скапина; Испанія — Дона Хуана; (*) Германія — Гансвурста и Фауста. типы, въ которыхъ олицетворились и характеръ, и нравственныя убѣжденія этихъ народовъ, и которые подали поводъ прлагать главныя изъ идеи къ подробностямъ гражданской въ частной жизни, представляемой въ драмахъ и комедіяхъ.

(*) Намъ извѣстенъ только *Донъ-Жуанъ* Мольера, но французскій драматургъ въ этомъ твореніи поступилъ по обычному своему правилу: *je prend mon bien ou je le trouve!* Онъ заимствовалъ содеріаніе своей комедіи изъ старинной испанской народной пьесы, того-же имени, извѣстной уже въ половинѣ XVI вѣка, до Сервантеса и Лопеса де-Веги.

У насъ ничего подобнаго не было, если не считать святочныхъ харь: *Шамана*, козы въ сарафанѣ и *Михайлы Иванова* (медвѣда), которыя ввелись въ обычай царола еще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII столѣтій и изъ которыхъ первая явно занесена къ намъ изъ Сибири, во времена Годунова. Но въ этихъ харяхъ не было ничего типического, хотя онъ иногда и сопровождались народными прибаутками. Мужикъ выворачивалъ на изнанку свой ежедневный тулуупъ, и, позволяя водить себя на цѣпи, тѣжко плясалъ изъ подъ палки вожатаго, мыча въ рыча на свою подругу—козу, которая прыгала и кружилась, безпрестанно трепа деревянымъ своимъ ртомъ; вожатый билъ въ барабанъ, припѣвалъ и прибиралъ красный словца къ палочнымъ ударамъ, которыми понуждалъ свой звѣринецъ къ пляску. Можетъ быть, въ этихъ переряжавшихъ и тавился какойнибудь сокровенный смыслъ, ибо мы находимъ много запретныхъ грамотъ и патріаршихъ указовъ противъ этого обыкновенія, но смыслъ этотъ не послужилъ и не могъ служить основаниемъ для развитія русской драмы.

Во всѣхъ странахъ драматическое искусство началось съ олицетворенія главныхъ чертъ, обрисовывающихъ характеръ народа и, стало быть, имѣющихъ влияніе на его быть общественный и семейный, то есть, на его нравы. Итальянецъ безопаснѣ, хитръ, пронырливъ, сластолюбивъ и жаденъ — въ Италии родились язвительныя и смѣшныя арлекиналы, интермедіи съ пляской и пѣніемъ, грубая комедія, въ которыхъ передавалъ безопаснѣсть въ вѣчной ссорѣ съ смѣливой хитростью, гдѣ въ равной мѣрѣ расточаются пошлыя остроты и палочивые удары, гдѣ любовь служить главнымъ рычагомъ и цѣлию, и гдѣ влюбленный хитрецъ Арлекинъ всегда торжествуетъ надъ эгоистическимъ лѣнивцемъ Панталономъ, если не дѣйствительной силой своего ума, такъ средствами сверхъ-естественнymi. Французъ весель, уменъ, тонокъ, оборотливъ, ставитъ выше всего женшину; — во Франціи образовалась высокая комедія, съ этими тонкими оттѣнками ума и любезности, которыхъ ни одинъ другой народъ ни создать, ни перенять не въ состояніи; тамъ родился водевиль — съ его живой и язвительной игривостю, съ неподѣльной веселостью, которую нельзя создать, если она не живеть въ самомъ народѣ; мадrigаль и эпиграмма поперемѣнно — онъ слѣдилъ за развитіемъ французского общества, воспѣвалъ славу своего народа и язвилъ его пороки и заблужденія. Онъ привился ко всѣмъ событиямъ его исторіи, касался всѣхъ

его политическихъ и нравственныхъ вопросовъ и часто сарказмомъ побѣждалъ то, чего проповѣдники не могли побѣдить всею силою своего нравственного краснорѣчія.

Нѣмецъ не похожъ на своихъ южныхъ соѣдей, вещественная жизнь для него составляетъ одно простое отображеніе закона природы, настоящаа-же жизнь для него заключается въ мечтѣ, въ возвышеніи всего земнаго до идеала совершенства и красоты. Этотъ міръ фантазіи, въ который онъ уносится изъ своего протортаго халата, изъ своихъ изношенныхъ туфлей, среди облаковъ канастера, составляетъ стихію его души, а порывъ къ совершенству мечтаемому — всю цѣль его бытія. Оттого и самыя искусства въ Германіи, съ самаго начала своего, привели мистическое направлѣніе, еще болѣе подкрѣпляемое разыавающеюся философіею.

Это свойство народнаго характера дало и драмѣ ихъ религіозное, мистическое, идеальное направлѣніе. У нихъ создался Фаустъ, олицетвореніе начала добра и зла, противоборства ада опредѣленіемъ неба, стремленія человѣческаго ума къ высшимъ силамъ и его немощь, и, наконецъ, ограниченія всѣхъ человѣческихъ силъ однимъ возможнымъ на землѣ благомъ — вѣрою. Этотъ высокій философскій идеалъ, между тѣмъ, создался въ самомъ народѣ, сперва на кукольныхъ театрахъ, потомъ въ странствующихъ комедіяхъ и, наконецъ, уже перешелъ на сцену. Домашній бытъ Германіи имѣлъ также свои типы, и Гансвурстъ, веселый пересмѣшникъ общества, рожденный между мастеровыми, облагороженный вѣсколько башмачникомъ Гансомъ Саксомъ, мало-по-малу принималъ всѣ измѣненія и формы, неизбѣжныя при усовершенствованіи самаго общества и успѣхахъ искусства.

Испанія представляла совсѣмъ другіе элементы: вѣковая религіозная борьба грубыхъ романскихъ (германо-римскихъ) народовъ съ просвѣщеннымъ и роскошнымъ Востокомъ, который протѣснился въ Европу чрезъ Пиринейскій полуостровъ, сроднивъ нравы христіанъ и поклонниковъ Пророка, оставила яркій отпечатокъ и на всѣхъ произведеніяхъ искусствъ въ Испаніи. Германцы переняли у аравитянъ ихъ рыцарскую любовь къ женщинамъ, ихъ великодушіе и роскошь ихъ цвѣтистаго воображенія; арабы заимствовали у германцевъ ихъ геройскій духъ и возвышенныя идеи христіанизма. Отсюда произошли главныя четыре стихіи: рыцарская любовь, воинская доблѣсть, непреклонная честь и фанатизмъ, которыя служатъ рычагомъ

во всѣхъ произведеніяхъ испанской сцены. Драма началась тамъ съ того же, съ чего она началась и у остальныхъ католическихъ народовъ: съ олицетворенія событий библейскихъ, подвиговъ и понятій народныхъ. Подобно *Фаусту* иѣмцевъ, у испанцевъ родился свой типъ—*Донъ-Хуанъ*, который приводить къ тому-же результату, но инымъ путемъ, путемъ, болѣе сообразнымъ съ развитіемъ характера и понятій испанского народа. Какъ *Фаустъ* есть олицетвореніе стремленія къ высшимъ идеямъ, къ преобладанію мысли надъ вѣнчаниемъ міромъ, такъ *Донъ-Хуанъ*—олицетвореніе материализма, отвергающаго всякую мысль о мірѣ невещественномъ; это чувственность, доведенная до крайности, и попирающая ногами все, что во внутреннемъ человѣкѣ пробудилось необходимаго для связи его съ міромъ влѣальнѣмъ и обществомъ: законы природы, чувство, вѣру и уставы гражданскіе. *Фаустъ*—любить какъ идеалистъ, *Донъ-Хуанъ*—можетъ только наслаждаться любовью, какъ сластолюбецъ; *Фаустъ*—жертва заблужденій своего ума, *Донъ-Хуанъ*—заблужденій своего народа; преступленія *Фауста*—слѣдствіе его нравственныхъ стремлений, преступленія *Дона-Хуана*—слѣдствіе жадности къ удовлетворенію животной природы. Въ самомъ безвѣріи *Фауста* затаена глубокая идея божественнаго начала;—безвѣріе *Дона-Хуана*—простое и грубое отрицаніе всего, что недоступно вѣнчайшей природѣ человѣка. *Фаустъ* не могъ создаться иначе, потому что онъ создался среди народа, по преимуществу мечтательного и мыслящаго; *Донъ-Хуанъ*—былъ порожденіемъ фанатизма и материализма, потому что онъ родился отъ смѣси двухъ народовъ—одного, по преимуществу чувственного, другаго—по преимуществу, католического. Послушайся *Донъ-Хуанъ* робкаго и усерднаго своего слуги и покайся въ грѣхахъ своихъ снисходительному монаху, передъ появлениемъ каменнаго гостя, не было бы страшной развязки, и онъ могъ бы еще казаться праведникомъ въ глазахъ испанцевъ, потому что преступленія его были слѣдствіемъ общаго народнаго характера, но отъ нихъ непремѣнно надо было очиститься церковнымъ покаяніемъ, этого требовалъ другой народный элементъ—фанатизмъ религіозный. Тотъ же фанатизмъ продиктовалъ послѣднюю катастрофу жизни *Дона-Хуана*; онъ не далъ ему опомниться на землѣ, испытать всѣ муки сомнѣнія, неувѣренность въ вѣчной жизни духа, этотъ адъ моральный внутри мыслящей души; но представить ему жизнь за гробомъ въ материальной формѣ

мертвеца, вышедшаго изъ могилы, чтобы предать жертву свою въ руки діавола.

Въ Англії театръ также родился среди народа и на основѣ народныхъ нравовъ и понятій. Еще въ началѣ XI столѣтія Эдуардъ III издалъ указъ, которымъ повелѣвалъ выгнать изъ Лондона шайку лицедѣевъ, которые ходили наряженные по городу и въ кабакахъ и тавернахъ разыгрывали передъ народомъ небылицы — въ — лицахъ, скорбительныя для правительства, аристократовъ и соблазнительныя для вѣры. Въ концѣ XIV—го столѣтія, кромѣ пьесъ народныхъ, явились и драмы духовнаго содержавія. Духовенство сильно возставало противъ религіозныхъ представлений, но обычай до того срднися съ народомъ, что уничтожить ихъ, значило лишить народъ одного изъ самыхъ драгоцѣнныхъ для него правъ. Духовное управление придумало особенное средство, чтобы отъ нихъ избавиться: оно подало адресъ королю Ричарду II, въ которомъ, просило запретить людямъ *несвѣдущимъ и непривѣаннымъ* разыгрывать біблейскія события и страсти Христовы, и предоставить это право исключительно духовнымъ лицамъ и питомцамъ школы Св. Павла, которые, какъ люди, въ дѣло посвященные, будуть утѣшать народъ подобными зреющими въ недѣлю Рождества Христова. Подъ политическимъ покровомъ, въ этомъ требованіи таялась мысль корыстная: умиленные и набожные зрители щедро платили лицедѣямъ, почитая это дѣломъ богоугоднымъ. Такимъ образомъ, духовенство овладѣло рождающимся театромъ, сочиняло, сообразно съ своими видами, духовные мистеріи и сильно преслѣдовало всѣ свѣтскія зреющія. Но чѣмъ сильнѣе было преслѣдованіе, тѣмъ охотнѣе народъ лакомился запретнымъ плодомъ, и народные представлія принимали характеръ болѣе Ѣдкій, язвительный, касались всѣхъ струнъ общественной и административной жизни, и зародили въ народѣ первое противоборство противъ власти духовенства. Правильная сцена образовалась въ Англії гораздо поздаче. Изъ лондонскихъ, хроникъ видно, что только 7—го мая, 1520 года, Генрихъ VIII, реформаторъ католицизма въ Авглії, дозволилъ построить въ своемъ Гринічскомъ дворцѣ сцену и присутствовалъ со всѣмъ дворомъ на представлії Плавтовой комедії.

Въ рускомъ народѣ временъ до-Петровыхъ не могло быть никакого художественнаго развитія, ибо оно есть слѣдствіе цивилизаціи. Наше отечество не принимало никакого участія въ движеніяхъ и событияхъ остальной Европы. Нравы наши не измѣня-

лись въ родовой борьбѣ удѣльныхъ князей, не приходили въ соприкосновеніе съ собственными западными народами, не терпѣли отъ долговременного ига монгольского, ибо иго это было болѣе контрибуціонное, чѣмъ политическое. Но отъ вѣковаго сближенія съ азіатскими ордами, народъ усвоилъ себѣ нѣкоторыя ихъ черты: онъ исключилъ изъ общественной жизни женщинъ и построилъ для нихъ терема и вышки. Этимъ исключеніемъ онъ лишилъ себя главнаго побудительнаго средства къ самосовершенствованію и осудилъ жизнь свою на пластическую неподвижность; ибо во всѣхъ странахъ женщины служили главнымъ рычагомъ цивилизаціи и основаніемъ развитія народнаго вкуса, его нравовъ, искусствъ и художествъ. Единственная страна, которая могла имѣть сильное влияніе на нашу образованность и гражданственность, у которой мы заняли два главные элемента политического тѣла — вѣру и грамотность, къ несчастію, пала въ самое то время, какъ Русь готовилась къ развитію.

И такъ, жизнь нашихъ предковъ текла однообразною чередою, не возмущаемая никакимъ нравственнымъ потрясеніемъ. Однажды только, и то на одну минуту взволновалась она неожиданнымъ порывомъ, энергическимъ сознаніемъ, — это было именно въ эпоху, которую такъ жадно, на перерывъ пользовались наши драматурги, въ эпоху Межлуцарствія. Но за этой кратковременною эпохой послѣдовало опять однообразное одно-и-тоже, во время которого совершилось механическое построеніе государственного тѣла, и уже Великий Петръ вливъ въ него душу.

Стало быть, русская драма не могла почерпнуть своихъ стихій въ народной жизни, потому что въ ней не было ничего драматического, она была одинакова во всѣхъ сословіяхъ и не представляла никакой борьбы со стороны условій общества. Типы народные также не могли образоваться, потому что одинъ стереотипный характеръ лежалъ на всемъ народѣ; не было рѣзко отдѣленныхъ другъ отъ друга кастъ, враждебныхъ другъ другу по идеи и по своему влиянію; у насъ не было ни городскихъ общинъ, ни феодальныхъ властей, ни рыцарства; у насъ были только крестьяне и господа, низший классъ народа и князья и бояре, которыхъ преимущества и званіе были опредѣлены вѣками и рожденіемъ, и которые, въ сущности, по нравамъ, образованію, образу жизни, вѣрованію и даже по наряду, ничѣмъ не отличались отъ высшихъ сословій.

Петръ Великій, посыпавъ сѣмена европеизма въ Россіи, полу-

жиль и начало правильному развитию искусствъ и художествъ. Сблизивъ оба пола въ общественной жизни, овъ породилъ любовь къ удовольствіямъ и зрѣлищамъ, давъ понять всю прелесть моральныхъ наслажденій, замѣняемыхъ до-толь однами грубыми, чувственными удовольствіями, избыткомъ вина и крѣпкихъ медовъ. По этому первый правильный театръ въ Россіи не могъ быть русскій и народный: онъ былъ иноземный, какъ и все остальное, послужившее образцомъ для нашей образованности, оторвавшее часть отъ Азіи и поставившее въ уровень съ Европою.

Правда, попытки театральныхъ зрѣлищъ бывали и прежде Петра, при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, который охотно принималъ въ Россію иностранцевъ и позволялъ перенимать у нихъ все, что могло служить къ устройству и удовольствію гражданского общества. Но это были попытки слабыя, оставшіяся безъ послѣдствій.

Въ статьѣ моей: «*Исторія баловъ и маскарадовъ* (*)», я уже ознакомилъ разсказомъ подробности первого театрального представлѣнія, бывшаго при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, въ 1676-мъ году, заимствованныя мною изъ любопытныхъ сказаний Рейтенфельса: — *De rebus Moscoviticis ad serenissimum, magnum Heterrigiae Ducem Cosmum Tertium.*

Миллеръ, въ статьѣ своей «*О началѣ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ*», помѣщенной въ четвертой части «*Опытъ трудовъ вольнаго россійскаго собранія*», говоря о поѣзданіи дворъ въ селъ Преображенскомъ, относитъ основаніе его ко временамъ Алексія Михайловича и упоминаетъ о представлѣніяхъ, описанныхъ Рейтенфельсомъ.

Въ разрядныхъ записяхъ посольского приказа 1676-го года, занесены о томъ слѣдующія обстоятельства: «была комедія въ «Преображенскомъ, тѣшили Великаго Государя иноzemцы какъ «Алаферна царица царю голову отскѣла, и на органахъ играли наѣщицы, да люди дворовые боярина Артамона Сергеевича «Матвѣева. Того-жъ году другая комедія тамъ-же, какъ «Артаксеркѣс вѣльль повѣстить Амана», и въ органы играли и на фіолахъ, и въ штрументы и танцовали. Въ третіе, тамъ-же тѣшили Великаго Государя на заговѣніе наѣщицы и люди Ар-

(*) Смотри № 1, «*Пантеона русскаго и всѣхъ европейскихъ театровъ*» за 1840 годъ.

«тамона Сергеевича, на органахъ и на фюлахъ и на штрумен-
тахъ разныхъ, и танцовали и всячими потехами разными.»

Вѣроятно, вслѣдствіе этихъ потехъ, и получилъ Преображенскій дворецъ название *потешного*, какъ и другой дворецъ, извѣстный подъ такимъ-же названіемъ въ Кремльѣ московскомъ. Надо полагать, что царь предварительно приказывалъ себѣ представлять эти комедіи въ Москвѣ, келейнымъ образомъ, а потомъ уже, увѣрившись, что въ нихъ нѣтъ ничего против-
наго вѣрѣ и вреднаго для правовѣтъ, разрѣшалъ публичное ихъ представлѣніе, предъ всѣмъ дворомъ и своимъ семействомъ, въ селѣ Преображенскомъ.

Эти-то представлѣнія, вѣроятно, и зародили въ царевнѣ Софії Алексѣевнѣ мысль сочинять русскія пьесы для театра, которыя и были представлены во дворцѣ во времена ея правительствованія; но, къ несчастію, не сохранились для потомства. Современные свѣдѣнія сберегли намъ только название одной пьесы, переведенной ею съ французскаго и разыгранной самой царственной переводчицею вмѣстѣ съ другими благородными дѣвицами, принадлежавшими ко двору: — это была комедія Мольера — *Vraigt противъ воли* (*Le medecin malgre lui*).

Но въ тоже время, какъ Софія зарождала въ Россіи *свѣтскій* театръ, на который современники ея смотрѣли съ неудовольствіемъ и приговаривали: *съ нами сила крестная!* — ибо почитали это дѣломъ богоопротивнымъ и дьявольскимъ навожденіемъ, духовенство, составлявшее въ то время самый образованный классъ, наиболѣе знакомый съ событиями и литературою Запада, основало первый *духовный* театръ, по образцу французскихъ *confrères de la passion*.

Семинаристы и студенты духовныхъ училищъ, учрежденныхъ при кіевскомъ Печерскомъ и московскомъ Занконоспаскомъ монастыряхъ, переводили на славянскій языкъ французскія и немецкія мистеріи, заимствованныя изъ бблейской исторіи, и разыгрывали ихъ въ праздничные дни, въ трапезахъ и рекреаціонныхъ залахъ.

Св. Димитрій, митрополитъ Ростовскій, усовершенствовалъ этотъ родъ духовныхъ комедій и примѣнилъ его болѣе къ русскому быту и понятію. Онъ сочинялъ священные драмы въ стихахъ, языккомъ, въ то время увлекательнымъ, и приказывалъ ихъ представлять въ *крестовой залѣ* своего архіерейскаго дворца въ Ростовѣ.

Знаменитѣйшія изъ этихъ аллегорическихъ пьесъ были:

Есфирь и Агасферъ; — Рождество Христово; — Кающійся пръшникъ и — Христово Воскресеніе, съ вѣсмъ аллегорическими посторонними дѣйствіями.

Первая изъ этихъ пьесъ, внослѣдствіи, по повелѣнію Елизаветы Петровны, игралась Великимъ постомъ на придворномъ театрѣ; а о второй хроника присовокупляетъ, что — *Маріи на театръ между дѣйствующими лицами не было, а былъ только образъ ея.*

Во время Петра Великаго въ Россіи появилось все, что только интересовало современную жизнь въ остальной Европѣ, и Русскіе начали понемногу отыскать отъ своихъ вѣковыхъ предразсудковъ и предубѣжденій: они охотно наслаждались плодами западнаго просвѣщенія, тѣмъ больше, что просвѣщеніе это было для нихъ ново, заманчиво, и что они во всемъ видали впереди своего великаго государя.

Государь приказалъ построить на Красной площади Китай-города въ Москвѣ деревянный театръ, по образцу европейскому, и выписалъ изъ Гданскa (Данцига) труппу нѣмецкихъ актеровъ, подъ дирекцію Іогана Кунста. Труппа эта была небольшая и незавидная, но она, однако жъ, давала правильныя представлениа, съ пѣніемъ и танцами, и незамѣтно развивала въ народѣ любовь къ такого рода зрѣлищамъ. Цѣль Петра была дѣйствовать не однимъ только примѣромъ, но и возбудить охоту къ подражанію и пересадить чужеземное растеніе съ корнемъ въ русскую почву. Кунсту или *Куншту*, какъ его называли по-русски, были отданы нѣсколько молодыхъ людей, дѣтей подъячихъ и посадскихъ, для выучки комедіальному художеству.

Черезъ четыре года, (въ 1705 году), эти питомцы Таліи и Мельпомены не только участвовали въ нѣмецкихъ представленияхъ преемника Кунста, антрепренера Отто Фюрста, но и сами переводили и сочиняли русскія пьесы и разыгрывали ихъ къ общему восторгу публики. Пьесы эти, разумѣется, были плохи и по созданію, и по исполненію, потому что нельзя было ожидать отъ страны, не имѣющей еще литературы и не сознавшей своего назначенія, твореній великихъ; но не смотря на дикій свой языкъ, какое-то смышеніе славянскаго съпольскаго и нѣмецкаго, и на грубые, простонародные фарсы, которыми они украшались, пьесы эти послужили, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ для дальнѣйшаго развитія драматическаго искусства въ Россіи.

По оснований Петербурга и перенесеніи туда резиденціи, и театръ получилъ болѣе правильное устройство и лучшее развитіе, ибо все, что въ то время отличалось малѣйшою образованностью, сосредоточилось около вѣнценоснаго преобразователя отечества. Сестра Государя, Великая Княгиня Наталия Алексѣвна, которая, какъ известно, сама отличалась многими талантами и въ особенности любила искусства, взяла на себя попеченія о театрѣ. При такой покровительницѣ и при посвѣщеніи зрѣлицъ избраннѣйшихъ обществомъ Россіи, вкусъ необходимо долженъ быть очищаться, а старанія актеровъ удавливаться.

Первый антрепренеръ петербургскаго театра былъ немецъ Маннъ. Для него былъ устроенъ особенный театръ въ одномъ изъ домовъ на Мойкѣ, въ томъ мѣстѣ, где нынѣ находится Корпусъ придворныхъ Пѣвчихъ. Этотъ директоръ позволялъ себѣ иногда довольно забавныя шутки надъ публикою. Профессоръ Яковъ Штелинъ, въ своей немецкой хроникѣ театра въ Россіи, разсказываетъ, между прочимъ, анекдотъ, который елва-ли могъ бы повториться въ наше время. Маннъ великолѣпной афишѣй известилъ публику о необыкновенномъ, новомъ представлѣніи, назначенномъ на первый день апреля. Стеченіе народа было страшнѣе, за билеты почти дрались и платили втрое, потому что театръ не могъ вмѣстить всѣхъ желавшихъ видѣть представлѣніе. Наконецъ, пріѣхалъ и Государь. Музыка загремѣла, занавѣсь взвысилась, и вмѣсто спектакля, передъ изумленными зрителями явилось бѣлое полотно, съ гигантскими словами:

«Нынче первое апрѣля!»

«Нечего дѣлать! Ступайте по домамъ!» сказалъ Государь, улыбнувшись:—«это вольность комедиантовъ.»

Но Петербургъ, во все время царствованія императора Петра Великаго, Екатерины I-й и Петра II-го, пользовался только однимъ немецкимъ театромъ, хотя уже въ народѣ и пробуждался духъ подражанія, и многіе придворные служители и воспитанники казенныхъ школъ начали составлять у себя домашнія представлѣнія, въ родѣ Маниловыхъ. За то въ Москвѣ примѣръ немцевъ и въ особенности русскихъ комедиантовъ пустынь гораздо глубже корни. Тамъ, лекарские ученики, въ Главномъ Госпиталѣ, завели у себя постоянный театръ, настилали доски на порожнія кровати, разгораживали сцену пестрыми ширмами, и вымечивали своихъ больныхъ веселой за-

бовою, а здоровыхъ морили со смѣху—комедіями своего собственного изысканія, въ которыхъ, понемногу начинали появляться и настоящія русскія, народныя лица. Съ ними вступили скоро въ состязаніе питомцы Корабельнаго Училища Сухаревой башни,—а наконецъ, и въ самомъ народѣ образовались шайки досужихъ людей, которые ходили по городу и по деревнямъ съ вертепами и разыгрывали разныя сцены, составленныя изъ народныхъ прибаутокъ и пословицъ.

Со вступленіемъ на престолъ Анны Ioанновны все принялъ новый видъ. Простота временъ Петровыхъ замѣнилась великолѣпіемъ и пышнотою, какими рѣлкій дворъ могъ похвалиться. Россія получила значеніе въ быту европейскихъ государствъ. Со всѣхъ сторонъ спѣшили въ Петербургъ иностранные посланники, всѣ государи нацерерьивъ желали оказать новой Императрицѣ свою дружбу и сдѣлать ей что нибудь угодное. Придворнымъ праздникамъ и торжествамъ не было конца. Никогда еще коронованіе русскихъ государей не совершилось съ такимъ блескомъ, какъ коронація Анны Ioанновны.

Къ этому-то торжественному времени польскій король Августъ II спѣшилъ отправить въ Россію отборнѣйшіе таланты своей дрезденской оперы. Это были итальянцы, между которыми находились люди съ европейскою славою, превосходныя пѣвицы, пѣвцы, танцовщики и музыканты. Изъ числа ихъ особенно отличались актриса Казанова (*) и комикъ-пѣвецъ Педрилло. Ими-то была представлена первая итальянская интермедія, съ великою роскошью въ костюмахъ и декораціяхъ.

По возвращеніи Императрицы въ Петербургъ, послѣ коронаціи, итальянская интермедія продолжались при дворѣ и породили особенную любовь къ музыке и танцамъ. Это побудило Государыню приказать выписать полную итальянскую оперу и ангажировать ее къ императорскому русскому двору. Для представлений ея былъ выстроенъ въ саду Лѣтняго Дворца (у Полицейского моста) особенный придворный театръ, а для зимы его устроили въ одномъ изъ флигелей Зимнаго Дворца. Труппа эта съѣхалась въ 1735-мъ году. Она еженедѣльно представляла небольшія оперы — буффа. Главные члены этой труппы были:

(*) Мать знаменитаго туриста Казановы.

певцы—Германо, Константини, Вулкано и Пива; лучшая певица—Изабелла и Розина.

Но въ труппѣ этихъ артистовъ не было танцовщиковъ, между тѣмъ, страсть къ танцамъ вѣлико возрастила. Императрица, желая, по возможности, разнообразить придворные спектакли, поручила танцмейстеру Ланде, служившему при Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ (нынѣ Первомъ Кадетскомъ) танцовальными учительемъ, составлять изъ кадетъ балеты. Наставникъ и ученики привыкли за дѣло съ особеннымъ рвениемъ, потому что успѣхъ открывалъ имъ двери дворца и могъ на нихъ обратить милостивое вниманіе Императрицы. Такимъ образомъ, итальянскія оперы стали перемѣжаться интермедіями съ танцами и маленькими балетами. Въ этихъ балетахъ принимали участіе и некоторые изъ придворныхъ дамъ, вмѣстѣ съ дочерьми итальянскихъ артистовъ. Изъ кадетъ первымъ танцовщикомъ почитался Чеглоковъ, бывшій внословѣдствіи каммергеромъ.

Успѣхъ итальянцевъ и щедрость русскихъ бояръ, которые изъявляли артистамъ свое одобрение, бросая на сцену не букиеты цветовъ, а полновѣсные кошельки съ имперіалами, вскорѣ приманили въ Петербургъ множество артистовъ во всѣхъ родахъ: поэтовъ, композиторовъ, музыкантовъ, живописцевъ и пѣвцовъ. Между ними находился и знаменитый неаполитанскій композиторъ Франческо Арай, котораго имя гремѣло уже въ Европѣ, и который тотчасъ-же былъ принятъ въ русскую службу, придворнымъ капельмейстеромъ. Жероламо Боно, одинъ изъ отличнейшихъ живописцевъ того времени, былъ также принятъ къ придворному театру, въ званіи декоратора.

Стараниемъ этихъ двухъ артистовъ была въ 1737 году поставлена на придворномъ театрѣ первая большая опера—*seria*, или лирическая драма, съ неизвѣстными дотолѣ совершенствомъ и роскошью; она называлась *Abiasare*. Она произвѣла фуроре и побудила трудолюбиваго и неистощимаго Арай вскорѣ поставить на сцену вторую свою оперу: *Semiramide ol finto Nino*. Успѣхъ второй былъ еще значительнѣе первой: въ теченіе двухъ лѣтъ, ее играли почти каждую недѣлю.

Междудѣмъ и танцевальное искусство дѣяло большиe ухи. Ланде набралъ дѣвочекъ и мальчиковъ, дѣтей бѣдныхъ родителей, по большей части изъ низкаго сословія, и образовалъ изъ нихъ правильную школу, которую должно почитать началомъ

театральныхъ училищъ въ Россіи. Чрезъ несколько лѣтъ постостоянного труда, онъ поставилъ на сцену замѣчательныхъ танцовщицъ и прекрасный кордебалетъ. Еще въ 1736 году, при заведеніи итальянской комѣческой оперы, для устройства балета былъ выписанъ отличный танцовщикъ и балетмейстеръ Фузано. Онъ ангажировалъ танцовщиковъ Теси и Джузеппе; а изъ женщинъ солистками были жена его Джулія и Тонина или Антонина Константины, дочь буффа, о которомъ мы упомянули выше. Кордебалетъ пока составлялся изъ воспитанниковъ Шляхетнаго Корпуса и немногихъ постороннихъ танцовщицъ, обученныхъ Ланде въ его школѣ.

Въ 1738 году Фузано, не угодивъ Бирону, принужденъ былъ выйти въ отставку, вмѣстѣ съ женою, и уѣхалъ изъ Россіи. Въ отмѣніе онъ сманилъ и остальныхъ итальянскихъ танцовщиковъ и танцовщицъ и отправился съ ними сперва въ Парижъ, а потомъ въ Лондонъ, где имѣлъ огромный успѣхъ. Отсутствіе Фузано и остальныхъ танцовщиковъ, открыло широкое поле для Ланде. Догадливый танцмейстеръ умѣлъ ловко подвернуться къ Герцогу Курляндскому, былъ принятъ къ императорскому театру, съ двумя тысячами рублей жалованья въ годъ, и вслѣдъ за тѣмъ возвышенъ въ званіе придворнаго балетмейстера.

Бирону надо было тотчасъ-же замѣнить балетную труппу, которую онъ разогналъ въ порывѣ горделивой вспышки, и показать, что по одному его властительному слову въ Россіи должно являться все, даже таланты; притомъ онъ не могъ совершенно отмѣнить удовольствія, обратившагося для болѣзненной Императрицы въ привычку. Оборотливый Ланде и тутъ явился съ своими услугами. Онъ предложилъ составить балетъ изъ ученицъ и учениковъ своей школы. Былъ сдѣланъ опытъ и удался сверхъ ожиданія. Русскій балетъ, повѣрять ли, понравился лучше итальянскаго; громы рукоплесканій встрѣчали и провожали каждого солиста, каждую танцовщицу. Впрочемъ, успѣхъ этотъ очень понятенъ; во первыхъ, громче всѣхъ и прежде всѣхъ хлопали грозный временщикъ, на котораго всѣ глаза были обращены или съ рабскимъ трепетомъ или съ низкою лестію; во-вторыхъ, магическое слово — *русскіе, свои*, — производило и здѣсь волшебное дѣйствіе, какое всякое патріотическое явленіе производить досюду и всегда; въ-третьихъ, наконецъ, надо сказать, что между птицами Ланде дѣйствительно были замѣчательные таланты, какъ мимы, такъ и танцовщики. Молодой французъ Ле-Брѣнъ

быть превосходный танцовщикъ, какого дотолѣ еще никогда не видывали; наравнѣ съ нимъ стоялъ Тимошка Бубликовъ; танцовщицы Аксинья Сергеева, Елизавета Зорина, Авдотья Тимофеева ловко подражали итальянкамъ и показывали много самобытной способности. Остальные воспитанники и воспитанницы Ланде прекрасно исполняли роли кориоесъ и коръ-лебалетъ, потому что все было напередъ призажено и придумано въ теченіе многихъ мѣсяцевъ.

Послѣдствія этого представлѣнія были очень важны для русского искусства. Ланде, осыпанный богатыми подарками Императрицы и вельможъ, попалъ въ особенную милость Бириона. Школа его была увеличена двѣнадцатью хорошенъкими дѣвочками, которыхъ сама Государыня выбрала изъ дочерей дворцовой прислуги, и двѣнадцатью мальчиками, и взята на казенное содержаніе. За обученіе танцамъ въ этомъ первоначальномъ театральномъ училищѣ Ланде было положено особенное жалованье; и надо отдать полную справедливость этому артисту, онъ пополнилъ дѣло свое совсѣмъ и съ удивительнымъ, неусыпнымъ усердіемъ. Кромѣ танцевъ, онъ обучилъ правиламъ хореографическаго искусства и обстановки балетовъ двухъ прекрасныхъ танцовщиковъ Аѳанасія Топоркова и Андрея Нестерова. Такимъ образомъ, было положено начало русскаго балета и судьба его обезпечена на будущее время. Другое важное послѣдствіе состояло въ томъ, что высшій кругъ русскаго общества убѣдился въ существованіи талантовъ и на Руси въ возможности обойтись безъ корыстныхъ, самолюбивыхъ и капризныхъ иностранцевъ, и началъ поощрять каждое русское усиленіе на поприщѣ драматическаго искусства и всѣхъ художествъ вообще. Въ этомъ состояла главная заслуга Ланде, котораго имя достойно оставаться на-всегда въ летописяхъ русскаго театра, почерпнувшаго впослѣдствіи лучшіе свои таланты изъ основанной имъ первоначально школы.

Императрица Анна, прожившая двадцать лѣтъ въ Курляндіи, между коренными нѣмцами, окруженнаго и въ Петербургѣ еще своимъ остзейскимъ штатомъ, особенно любила немецкій языкъ. Опера, на языкѣ ей незнакомомъ, и балетъ не представляли ей достаточнаго развлеченія. Притомъ шумная музыка имѣла сильное влияніе на ея раздражительные нервы; отъ заботъ и болѣзни-наго состоянія она часто впадала въ грустное расположеніе духа и нуждалась въ забавѣ, которая вырывала бы ее изъ этого

непріятного состоянія. Не зная языковъ, французскаго и итальянскаго, она болѣе всего желала имѣть немецкую комедію, веселую, шутливую, безъ шума, и вполнѣ ей понятную. Графъ Линаръ, саксонскій посланникъ при русскомъ дворѣ, пользуясь особеною благосклонностью Императрицы, поспѣшилъ исполнить ея желаніе, выраженное въ частной бесѣдѣ, и немедленно выписалъ изъ Лейпцига труппу немецкихъ актеровъ.

Они прибыли въ 1739 году, подъ предводительствомъ своего директора Нейбера. Лучшіе актеры и актрисы этой труппы были: Нейберъ, Кохъ, Фабриціусъ, Г-жа Нейберъ и Бухнеръ. Государына была обрадована этимъ сюрпризомъ и тотчасъ же приказала зачислить немецкую труппу въ службу при императорскомъ дворѣ, съ хорошимъ жалованьемъ.

Представленія ихъ стали перемѣжаться съ итальянскими операми и интермедіями. Ови давали преимущественно комедіи и фарсы, которые разыгрывали очень хорошо. Спектакли ихъ сдѣлались любимымъ препровожденіемъ времени государыни, которая видимо охлаждала къ итальянцамъ. Примѣръ ея, разумѣется, имѣлъ вліяніе и на знать. Это зодало поводъ къ разнымъ придворнымъ интригамъ. Тогдашній Оберъ-Гофмаршалъ, графъ Левенвольдъ, который, кромѣ страсти къ итальянской музикѣ, былъ еще увлекаемъ особенной любовью къ некоторымъ изъ итальянскихъ пѣвицъ, съ негодованіемъ видѣлъ успѣхъ немцовъ, и сталъ употреблять всѣ, отъ него зависѣвшія, мѣры къ ихъ притѣсненію. Имъ не давали хорошаго гардероба, отказывали иногда даже въ самыхъ необходимыхъ бутафорскихъ вещахъ, не очищали сцены для репетицій и, наконецъ, что всего хуже и ощущительнѣе для нихъ было,—задерживали уплату жалованья и чрезъ то обрекали часто бѣдныхъ актеровъ на печальную участъ играть и смѣщить съ головнымъ желудкомъ. Жалобы бѣдныхъ комедіантовъ, которые не смѣли слишкомъ громко возвысить голосъ противъ своего начальника, доходили однажды до вліятельныхъ придворныхъ и породили въ пользу немецкаго театра особенную партію, состоявшую изъ особъ курляндскаго герцогскаго двора, въ главѣ которыхъ находился графъ Линаръ. Какъ министръ саксонскій, онъ обязанъ былъ защищать подданныхъ своего государя; но, сдѣлавшись, угодливостью своею, виновникомъ этого театра, — онъ и по самолюбію не могъ отказать въ своемъ покровительствѣ бѣднымъ немецкимъ артистамъ. Изъ этого столкновенія различныхъ интересовъ двухъ сильныхъ сановниковъ, между Линаромъ и Левенвольдомъ произошелъ разрывъ,

который имѣлъ вліяніе и на другія дѣла, гораздо важнѣйшія театра, потому что къ каждому изъ нихъ пристала своя партія. Ex minima scintilla, fit maximum incendium: такъ уже водится. Честолюбивый и корыстный Биронъ уважалъ и ласкалъ Линара; онъ надѣлся чрезъ него посредство пріобрѣсти особенные милости нового польского короля Августа III; кромѣ того, какъ герцогъ Курляндскій, онъ поддерживалъ своихъ придворныхъ и охотно исполнялъ прихоти своихъ клеркетовъ. Это обстоятельство спасло пѣмцевъ и Нейберскій театръ уцѣлѣлъ до самой кончины Анны Иоанновны.

Но едва только, въ 1740 году, Анна Леопольдовна приняла бразды правленія, любимецъ ея Левенвольдъ одержалъ верхъ наль своимъ соперникамъ, и нѣмецкая труппа была выгнана изъ дворца, въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Не только что, при отпускѣ, актерамъ невыдавали изъ придворный конторы заслуженного ими жалованья, но нѣкоторые изъ нихъ подвергались даже опасности лишиться свободы и быть жестоко наказаны. Только ловкий, красивый и оборотливый Линарь, по своему личному вліянію на правительницу и престолѣтству, успѣлъ спасти ихъ отъ неминуемой бѣды и подобру—по—здорову выпроводить изъ Россіи.

Но драматическій театръ вошелъ уже въ обычай при дворѣ. Одна опера и балетъ не могли удовлетворять безчисленныхъ и притомъ страстныхъ любителей сцены. Надлежало неизрѣмѣнно замѣнить нѣмецкій театръ другою драматическою труппою. Левенвольдъ, способствовавшій вмѣстѣ съ Минихомъ къ паденію и ссылкѣ въ Пелымъ — Бирона, презрительно смотрѣлъ на всѣхъ его приверженцевъ и не хотѣлъ имъ доставить даже самаго невиннаго уловольствія; онъ уговорилъ правительницу, вмѣсто нѣмецкихъ актеровъ, выписать французскихъ. Вследствіе того, капельмейстеръ Арай былъ посланъ въ Италию для укомплектованія и улучшенія итальянской оперы новыми артистами, а балетмейстеръ Ланде отправленъ за границу, для ангажированія хорошей французской труппы. Ланде нашелъ довольно изрядный театръ въ Кассель и началъ переговоры съ его директоромъ и членами. Но французы народъ своеенравный и требовательный: условия артистовъ были такого рода, что ихъ никакъ нельзя было согласить съ порядкомъ вещей, существовавшимъ при петербургскомъ придворномъ театрѣ. Ланде вѣль свои переговоры слишкомъ годъ. Въ это время правительница была отрѣшена, а Левенвольдъ падъ, не дождавшись французской труппы.

Съ восшествіемъ на престолъ императрицы Елизаветы Петровны (1741) начался новый, блестательный періодъ театровъ въ Россіи вообще и вашего отечественаго въ особенности.

Коронація Елизаветы Петровны сопровождалась въ Москвѣ ежедневными праздниками, маскарадами и спектаклями. Стеченіе иностранцевъ ко двору было чрезвычайно значительное; русскіе вельможи хотѣли ослѣпить ихъ своимъ богатствомъ, роскошью, и показать, что въ дѣлѣ вкуса и общежитія они никакъ не уступаютъ восхваляемой Европѣ. И действительно, всѣ праздники и зрѣлища приняли характеръ правильный, торжественный, и получили даже нѣкоторое политическое значеніе, ибо представляли въ аллегорическихъ образахъ прошедшее и настоящее состояніе Россіи. Этого дотолѣ никогда еще не бывало, на театральныя зрѣлища смотрѣли прежде, какъ на простую забаву, немогущую служить государственнымъ или правительственнымъ органомъ.

Ко дню коронованія Императрицы, былъ въ Москвѣ нарочно построенъ театръ, на берегу Яузы; онъ былъ обширенъ и прекрасно убранъ. Въ день коронаціи данъ былъ великолѣпный спектакль, на итальянскомъ языке; онъ состоялъ изъ оперы: «Clemenza di Tito» Титово милосердіе и «La Russia afflitta e riconsolata» Опечаленная и вновь утѣшеннная Россія, большая аллегорическая интермедія, которой смысла не нужно пояснять, потому что она видѣнъ изъ самаго заглавія пьесы. За тѣмъ следовалъ балетъ «Радость народа о явленіи Астреи на российскомъ горизонте и о возстановленіи златаго вѣка». Не смотря на нѣсколько длинноватое заглавіе, балетъ былъ превосходный и производилъ неимовѣрный восторгъ въ публикѣ.

Въ слѣдующіе дни торжества былъ представленъ еще другой балетъ: «Золотое яблоко на пирѣ боговъ, или судъ Париса». Оба балета были сочинены и поставлены на сцену Антоніемъ, Ринальдо Фузано, бывшимъ прежде танцовщикомъ на придворномъ театрѣ. Фузано, при Аннѣ Ioannovнѣ, имѣлъ счастіе обучать танцованию Великую Княгиню Елизавету Петровну и пользовался ея благоволеніемъ. При первомъ извѣстіи о восшествіи ея на русскій престолъ, Фузано, бывшій тогда въ Парижѣ, поспѣшилъ въ Петербургъ, чтобы представиться вѣнценосной своей ученицѣ и извѣстить свое желаніе служить подъ августейшимъ ея покровительствомъ. Императрица тотчасъ же назначила его вторымъ придворнымъ балетмейстеромъ, для комиче-

скихъ балетовъ; хореографомъ трагическихъ, по прежнему, оставался Ланде, котораго заслуги Елизавета вполнѣ оцвяла.

Но какъ Ланде находился за границею, то сочиненіе балетовъ для коронаціи было поручено Фузано и онъ со славою оправдалъ лестную къ нему довѣренность. Замѣчательно то, что въ этихъ балетахъ танцевали одни русскіе артисты, питомцы Ланде.

Съ этихъ поръ придворный балетъ имѣлъ двухъ балетмейстеровъ, и каждый изъ нихъ былъ отличенъ въ своемъ роѣ. Жена Фузано притомъ почиталась европейской знаменитостью: это была танцовщица, которою въ то время повсюду восхищались, какъ нынѣ Фанні Эльслеръ. Такой талантъ долженъ быть имѣть вліяніе на русскій балетъ; примѣръ ея возбудилъ соревнованіе нашихъ танцовщицъ и, въ скоромъ времени, въ параллель къ ней начали ставить Аксинью Сергееву, которая дѣйствительно отличалась замѣчательнымъ искусствомъ, по тогдашнему обѣ немъ понятію. Новый міръ балета въ то время не зналъ еще своего Коломба — Маріи Тальони, и та волшебная грація, та античная скульптура танца, которая поставили его теперь на высокую чреду въ области искусствъ, тогда еще не грезились поклонникамъ балета. Даже легкіе Зефіры и Флоры начала нынѣшняго столѣтія еще очень далеки были отъ идеала и сильно отзывались земнымъ.

По возвращеніи двора изъ Москвы въ Петербургъ, послѣ коронаціи, возвратился и Ланде съ авгажированною имъ труппою французскихъ артистовъ, состоявшихъ подъ дирекціею Серини.

Елизавета Петровна любила французскій языкъ и говорила на немъ съ рѣдкимъ совершенствомъ. Присутствіе значительного дипломатического корпуса при русскомъ дворѣ заставило и у насъ ввести этотъ языкъ въ общее употребленіе, тѣмъ болѣе, что онъ и во всей остальной Европѣ сдѣлался языкомъ дипломатіи. Притомъ, Франція, по произведеніямъ своей литературы, стояла выше всѣхъ остальныхъ просвѣщенныхъ государствъ. Всеобщій вкусъ невольно долженъ былъ обратиться къ французской драмѣ, которой въ то время подражали повсюду и которая имѣла представителями Мольера, Корнелья, Расина и Вольтера.

При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ французскій театръ явился у насъ очень кстати. Съ Серини былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ долженъ былъ получать

25,000 рублій єжегодно на содеряніе своєї трупі, іграти два рази въ неділю на придворномъ театрѣ. Ему давались казенныя декорації, освѣщеніе і оркестръ; но гардеробъ онъ долженъ бытъ имѣть свой. Въ трупѣ его бывали нѣкоторые замъчательные таланты, какъ напримѣръ, трагикъ Префлѣри, комікъ Розамондъ і славная коміческая і трагіческая актруса г-жа Префлѣри. Они еженедѣльно давали при дворѣ трагедіи Расина і Корнелья і комедіи Мольера. Этотъ новыи, болѣе облагороженный родъ представлений, чрезвычайно нравилъ публикѣ і заставилъ ее скоро совершенно позабыть о пѣмцахъ і ихъ грубыхъ фарсахъ. Французскія трагедіи имѣли огромный успѣхъ: придворные выучивали ихъ наизусть, декламировали изъ нихъ цѣлые тирады въ обществѣ і приводили стихи Расина і Вольтера даже въ простомъ разговорѣ, кстати і не-кстати.

Сперва для французовъ бытъ отведенъ придворный театръ Зимнаго Дворца; но какъ страсть къ нему возрастала не по днамъ, а по часамъ, онъ сталъ тѣснѣ для охотниковъ до этого новаго удовольствія. Для представлений французскихъ бытъ передѣланъ манежъ герцога Курляндскаго, который находился въ одномъ изъ флигелей Зимнаго Дворца. Всякій образованный і хорошо олѣгый человѣкъ имѣлъ доступъ въ этотъ театръ, безденежно, но мѣста бывали распредѣляемы по чивамъ. Но скоро и эта зала оказалась недовольно вмѣстительною; очистили другой большой манежъ, находившійся близъ Казанской церкви, і обратили его въ храмъ Таліи і Мельпомены. Но музы комедіи і трагедіи на этотъ разъ должны были подѣлиться квартирой съ своими сестрицами Эвтерпою і Терпсихорою. На сценѣ этого театра стали давать, кромѣ французскихъ спектаклей, большія італіянскія оперы і балеты. Такимъ образомъ, театръ этотъ сдѣлался первымъ казеннымъ общенароднымъ театромъ, ібо на придворные спектакли дотолѣ имѣли доступъ одни только избранные і близкіе ко двору особы.

Обстоятельство это очель важно, потому что оно спало театръ общимъ достояніемъ і послужило къ образованію вкуса въ зрителяхъ і пробужденію національного искусства, какъ мы вскорѣ увидимъ.

Театръ этотъ существовалъ недолго. 6-го декабря, 1749 года, онъ сгорѣлъ, послѣ представлія любимой тогда оперы «Селевкъ». Опера эта была нарочно сочинена въ 1743 году, для торжествованія мира между Россіею і Швеціею, і представлена въ пер-

вый разъ въ годовщину коронаціи Ея Величества. Авторъ лябретто былъ флорентинецъ Джузеппе Бонекки, служившій тогда въ званіи придворнаго поэта, а музыку сочинялъ Франческо Арай. Это была первая опера, которую маэстро написалъ по возвращеніи своемъ изъ Италии и которая была спѣта вновь привезенными имъ артистами. Она была обставлена съ удивительнымъ великолѣпіемъ, и не столько привлекала публику музыкой, какъ роскошными декораціями и балетомъ, сочиненнымъ Фузано. Замѣчательно, что въ этой оперѣ въ первый разъ участвуютъ въ хорахъ *руsskіе* придворные пѣвчіе.

Пожаръ театра приостановилъ на некоторое время публичныя представлениа. Впрочемъ, на съдующій-же годъ былъ вскорѣ выстроенъ деревянный театръ у Лѣтняго Дворца, на каналѣ, а вслѣдъ за тѣмъ Императрица поручила архитектору Валерьянину начертить планъ каменнаго театра. Планъ былъ составленъ, одобренъ Императрицею, но исполненіе его, по разнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, отложено до дальнѣйшаго времени.

Вмѣсто того, занялись расширеніемъ и украшеніемъ театра Петергофскаго, который былъ построенъ еще при Анне Ioannovѣ. Театръ этотъ назначался для французскихъ спектаклей и итальянскихъ интермедій, во время пребыванія двора въ Петергофѣ, лѣтомъ.

За годъ до пожара публичнаго театра, въ 1748 г. пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый въ то время, въ Гамбургѣ и въ Берлинѣ, актеръ Акерманъ, съ нѣсколькими изъ своихъ товарищій. Онъ дополнилъ свою труппу остатками прежнихъ театровъ и нѣсколькими безмѣстными и бездомными ремесленниками, которые предпочитали разгульную и беззаботную жизнь комедіанта — труду и умѣренности, и, такимъ образомъ, основалъ весьма хороший нѣмецкій театръ. Но спектакли его не могли имѣть успѣха. Итальянская опера, великолѣпный балетъ и въ особенности французская трагедія овладѣли вполнѣ любовью и исключительнымъ вниманіемъ публики, которая не хотѣла болѣе и слышать о нѣмцахъ. Одни иностранные ремесленники и простолюдины заглядывали еще въ театръ Акермана; но изъ знатныхъ никто къ нему не Ѣздилъ; а этого было довольно, чтобы разрушить его труппу, потому что тогда, какъ и нынѣ, всѣ классы брали примѣръ съ высшаго сословія и почитали неприличнымъ и предосудительнымъ позволить себѣ удовольствіе, котораго не раздѣлла или не одобрила знать. Жалкій предразсудокъ! который, къ несчастію,

слишкомъ укоренился въ народѣ и вовлекъ средніе классы Россіи въ пагубную для нихъ роскошь и расточительность, а въ то же время удалилъ надолго отъ самобытнаго развитія. Высшій классъ того времена исполнялъ свое назначение: Россія начинала занимать важное мѣсто въ составѣ европейскихъ государствъ, глаза двора были преимущественно обращены на виѣшнюю политику; знать должна была стать въ уровень съ остальною Европою своею образованностію, своими нравами и вкусомъ. Этого требовали обстоятельства времени; но, увлекаясь духомъ времени, порожденнымъ на Западѣ, она не могла служить образцомъ для народа, у котораго были совсѣмъ другія наклонности, обычаи, привычки — и передъ которымъ лежала широкая, самобытная будущность. Хотя въ царствование Елизаветы дворъ нашъ избавился отъ вліянія нѣмцевъ, дотолѣ занимавшихъ первыя ступени у трона; но, освободясь отъ ига, такъ сказать — *фізическаго* Германіи, онъ не спасся отъ другаго иноземнаго ига, ига *моральнаго*, тѣмъ болѣе увлекательнаго, что оно было нечувствительно и ново. Франція замѣнила для насъ Германію; господствуя надъ духомъ всей Европы своимъ мощнымъ умственнымъ развитіемъ, своей блестательной литературою, своимъ первенствомъ на политической аренѣ и въ области искусствъ, мудрено-ли, что она стала законодательницей и для нашей младенчествующей образованности? Языкъ ея сдѣлался господствующимъ въ обществѣ, а вмѣстѣ съ языкомъ, незамѣтно прививались и понятія и обычаи чуждаго намъ общежитія. Но, къ чести Елизаветинскаго вѣка, надо сказать, что если онъ породилъ въ Россіи обезьянство французамъ, за то онъ развилъ и участіе ко всему русскому, сколько нибудь сообразному съ требованіями современности.

Въ вѣкъ Елизаветы родился корений *русскій* театръ, котораго первыя, слабыя попытки тотчасъ-же нашли поощреніе при дворѣ и, подъ благотворнымъ покровительствомъ самой Императрицы, получили съ первого своего шага прочное основаніе — для будущаго развитія.

Въ то самое время, какъ нѣмецкій театръ рушился за недостаткомъ зрителей, а оперный становился тѣсень — для удовлетворенія любителей французской трагедіи, Москва и Петербургъ одинаково содѣйствовали къ основанію въ Россіи народнаго театра. Москва, примѣромъ своихъ училищныхъ и больничныхъ представленій, носившихъ болѣе или менѣе от-

печатокъ русской национальности, возбудила въ провинціяхъ страсть къ лицедѣйству. Петербургъ, увлекаемый красотами французскихъ драматическихъ твореній, стремясь къ подражанію, сдѣлался посредникомъ русской драмы передъ русскимъ дворомъ, источникомъ всякаго усиѣха и усовершенствованія въ нашемъ отечествѣ.

Кадеты Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса, Бекетовъ, Остервальдъ, Мелиссино и Свистуновъ, зная прекрасно французскій языкъ, были увлечены представлѣніями Расиновыхъ трагедій на сценѣ. Они выучивали изъ нихъ монологи и сцены и декламировали ихъ въ кругу товарищѣй. Наконецъ, имъ пришла мысль выучить цѣлую трагедію Корнеля, которую они и разыграли во время святокъ въ одномъ изъ дортуаровъ Корпуса, преобразивъ его, по возможности, въ подобіе театра. При этомъ представлѣніи присутствовали корпусные офицеры съ своими семействами и нѣсколько постороннихъ лицъ изъ родственниковъ актеровъ. Одобренія зрителей живо подействовали на самолюбіе молодыхъ людей, и они рѣшились не останавливаться на этомъ первомъ опытѣ. Корпусные спектакли слѣдовали одинъ за другимъ, молва обѣихъ стала ходить по городу, долетала до двора, и многіе изъ влиятельныхъ придворныхъ стали ихъ поощрять и поощрять кадетовъ къ совершенствованію. Въ то время Ломоносовъ и Сумароковъ, который воспитанъ былъ въ томъ же Корпусѣ, сочинили уже трагедіи и оперы русскими стихами, по образцу французскому, по произведенія ихъ, частью напечатанныя, частью въ рукописяхъ, ходили только по рукамъ и производили дѣйствіе на однихъ читателей.

Въ 1750 году Свистуновъ и Мелиссино, прочитавъ трагедію Сумарокова «Семири», рѣшились ее разучить и сыграть. Предприятіе было ново; съ русскимъ стихомъ они не умѣли еще такъ хорошо совладать, какъ съ французскимъ, и потому, чувствуя необходимость въ руководителѣ, они пригласили на пробу самого автора. Александръ Петровичъ былъ восхищенъ счастливою мыслью молодыхъ людей, охотно помогъ имъ своими советами и проводилъ цѣлые дни въ Корпусѣ, обучая ихъ декламаціи. Наконецъ, трагедія была поставлена на сцену и сыграна. И авторъ и актеры были осъпаны похвалами. На повтореніе этого представлѣнія Сумароковъ осмѣшился пригласить Графа Разумовскаго, своего милостивца, который всегда поощрялъ его своимъ покровительствомъ.

Графу русский спектакль до того понравился, что онъ до- несъ о немъ Императрицѣ. Государыня приказала представить кадетъ во дворецъ. Тамъ, на малой сценѣ, они продекламиро- вали передъ нею *Семири* и заслужили особенное ея благоволе- ніе. Такимъ же образомъ были ими разучены и прочитаны передъ Императрицею, на малой половинѣ Зимняго Дворца, тра- гедіи «Артистона» и «Синавт и Труворъ» Сумарокова. Вскорѣ потомъ кадеты-артисты были произведены въ офицеры и остал- лись на службѣ при Корпусѣ, гдѣ, кромѣ того, обучали сво- ихъ товарищѣй декламації. Въ тогдашній вѣкъ виѣшности и поверхностнаго взгляда на предметы психологические, почитали возможнымъ—мышленію, творчеству и чувству, словомъ, всѣмъ проявленіямъ внутренней жизни человѣка,—дать извѣстную, общую форму и опредѣлить границы. Для изложенія идей на бумагѣ — сочинили правила *риторической*, для выраженія всѣхъ неуловимыхъ и неизъяснимыхъ чувствъ души — при- лумали особенную науку, *декламацію*. Кто писалъ книгу, преисполненную глубокихъ воззрѣній на природу и на свѣтъ, но писалъ ее не по правиламъ риторики, безъ троповъ и фи- гуръ, безъ хрій и форменной оболочки, — почитался плохимъ авторомъ. Актеръ, который вздумалъ бы передавать свое глубокое чувство просто, человѣчно, разговорно, безъ дикихъ за- вышаній, безъ эффектныхъ возгласовъ, безъ припятой музы- кальной скалы въ голосѣ, безъ рѣзкихъ жестовъ и размахи- ваній — былъ бы освистанъ. Въ этой-то инструментациіи го- голоса и въ правилахъ жестикулациіи заключались величія тай- ны — науки *декламированія*. Наука шла за вѣкомъ и прилу- мывала разныя усовершенствованія: ею созданы *драматичес- кая икота*, *трагическая походка* съ подволночкою ногъ, *сце-ническая растяжка*, состоящая въ растягиваніи и вымачи- ваніи чувствительныхъ мѣстъ роли, и, наконецъ, *финальный взрывъ*, то есть, неистовый крикъ и всплескиваніе руками при концѣ тирады, для возбужденія аплодисмана. Всѣ эти рѣдкія достоинства старой драматической школы дошли и до нась по сценическимъ преданіямъ, и, къ несчастію, мы донинѣ еще видимъ образцы этой теоріи въ одряхлѣвшихъ обломкахъ старого театра и даже въ артистахъ, пользующихся современ- ной извѣстностію, но не имѣющихъ достаточной силы воли, чтобы отстать отъ дурныхъ привычекъ своего дѣтства, или довольно таланта, чтобы замѣнить эти привычки болѣе эсте- тическими средствами. *A force de forger, on devient forgeron!*

говорятъ французы, и поговорку ихъ можно примѣнить не къ одному усовершенствованію, но и къ развитію дурныхъ на-
клонностей. *Фарсеръ* — никогда не будетъ великимъ комикомъ,
декламаторъ — никогда не сдѣлается художникомъ.

Но обратимся къ театру пятидесятыхъ годовъ. И такъ, кадеты пріучили нѣсколько дворъ къ мысли о возможности су-
ществованія русского театра, и государыня стала серьозно ду-
мать о средствахъ основать его. Сама судьба хотѣла, чтобы
благая мысль монархии осуществилась какъ можно скорѣе.

Въ Москвѣ, какъ мы уже сказали, любовь къ театраль-
нымъ представлѣніямъ развилаась раньше и самобытнѣе. При-
мѣръ учениковъ Сухаревой башни и Главнаго Госпиталя, за-
ставилъ и студентовъ Московскаго Университета устроить у
себя театръ, въ которомъ они разыгрывали нѣкоторыя рус-
скія пьесы и комедіи, переведенные съ нѣмецкаго. Въ театръ
этотъ пускали они всѣхъ, бесплатно. Сынъ ярославскаго куп-
ца, Федоръ Волковъ, бывалъ часто, по торговымъ порученіямъ
отца, то въ Москвѣ, то въ Петербургѣ, видѣлъ представлѣнія
студентовъ и болѣе устроенный театръ Акермана, съ кото-
рымъ успѣль лично познакомиться. Увлекаемый страстью къ
сценическимъ представлѣніямъ, онъ затѣялъ образовать изъ
своихъ братьевъ и нѣсколькихъ семинаристовъ русскую труп-
пу въ Ярославль. Презирая всѣ гоненія и препятствія, поста-
вляемыя ему со стороны ролныхъ и сословія, къ которому онъ
принадлежалъ и которое, по невѣжеству своему, почитало его за-
мыселъ богопротивнымъ, онъ, наконецъ, достигъ до цѣли. Уси-
лия его былиувѣнчаны восторгомъ зрителей и покровительст-
вомъ первыхъ сановниковъ провинціи, воеводы Мусина-Пушкина
и боярина Майкова, который даже отдалъ ему свой домъ, для ус-
транства правильной сцены. Русскій театръ родился въ Ярослав-
ль, въ 1751 году. Я не стану исчислять всѣхъ подробностей, со-
провождавшихъ это важное событие въ области русского искус-
ства, потому что имѣль ужъ разъ случай говорить о нихъ въ
довольно полной статьѣ: «*Иванъ Афанасьевичъ Дмитревскій, глав-
нѣйший Русскій актеръ*», [*] но скажу только, что успѣхъ при-
дворъ ярославскихъ актеровъ, двухъ приказныхъ Поповыхъ,
семинариста Нарыкова [Дмитревскаго], регистратора Иконникова,

(*) Смотри: «*Пантеонъ Русского и всѣхъ европейскихъ театровъ*» —
книга II, за 1840 годъ.

Федора и Григорія Волковихъ, цирюльника Шумского и купеческихъ дѣтей Бухарина, Дьяконова и Скочкова, побудилъ Императрицу составить изъ нихъ русскую труппу, которая, обучаясь, по повелѣнію государыни, въ Шляхетномъ Корпусѣ, въ тоже время, подъ руководствомъ Остервальда, Мелиссино и Свистунова, начала рядъ публичныхъ спектаклей, въ нарочно устроенному для нихъ театрѣ, въ домѣ Головкина, на Васильевскомъ островѣ. Труппа эта, увеличенная еще нѣсколькими придворными пѣвчими, была поручена попеченіемъ оберъ-шталмейстера Петра Спиридоновича Сумарокова.

Подъ попечительствомъ просвѣщенаго и ревностнаго вельможи, истиннаго русскаго барина, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ привыкли видѣть и понимать до начала вынѣшняго столѣтія, русскій театръ созрѣвалъ не по днямъ, а по часамъ. Черезъ два года, въ 1754, во время празднествъ, по случаю рожденія Великаго Князя Павла Петровича, маленькой этой труппою были представлены три трагедіи при дворѣ и въ томъ числѣ «Гамлетъ» Шекспира, въ переводѣ Сумарокова, назвавшаго эту трагедію *собственнымъ своимъ сочиненiemъ*. Что дѣлать! тогда авторы драматические не знали еще хитрой уловки, изобрѣтенной нашими современниками, — перелагать французскія и нѣмецкія драмы — *въ русскіе правы*, и давать ихъ героямъ названія русскихъ историческихъ лицъ.

Эти представенія рѣшили окончательно участіе русскаго театра. Къ нему были приняты и женскія лица: дѣвица Пушкина, дочь музыканта Елизавѣта Бѣлогоралская, таиновщицы Зорина и знаменитая Авдотья Тимофеева, и дѣвъ офицерскія дочери, Марья и Ольга Ананьины, изъ которыхъ первая вышла замужъ за Григорія Волкова, а вторая — за Шумского. Пушкина вскорѣ послѣдовала имъ примѣру и сдѣлалась женою — Дмитревскаго. Изъ мужчинъ, для пополненія труппы, поступили на русскую сцену: придворный пѣвчій Сѣчкаревъ и пѣвчіе графа Разумовскаго — Гаврилушка (Марценковичъ), прекрасный теноръ, Степанъ Рожеускій, Николай Клутаревъ и Степанъ Евстафьевъ.

При такомъ комплектѣ русская труппа была въ состояніи, въ 1755 году, дать на русскомъ языкѣ первую оперу «Цефалъ и Прокризъ» Сумарокова, для которой музыку сочинилъ Арап, а декорации и машины создалъ Валерьяні, получившій пышный титулъ *перваго историческаго живописца, перспективы профессора и театральной архитектуры инженера при Имп-*

раторскомъ Российской Дворѣ. Опера эта, въ которой въ главныхъ партияхъ особенно отличались Марценковичъ и дѣвица Бѣлоградская, произвела такой фуроръ, что авторъ и композиторъ получили по богатой собольей шубѣ, а всѣ актеры по парѣ новаго платья. Изъ этого видно, какъ тепло принимали въ то время каждое национальное явленіе; но важнѣе всего то, что вслѣдъ за тѣмъ состоялся импѣрійский указъ объ учрежденіи въ Петербургѣ *русского оперного и драматического театра* (30-го августа, 1756 года.)

Вслѣдъ за обнародованіемъ указа, былъ открытъ и самый театръ для публики, ибо все уже заранѣе было приготовлено и устроено. Представленія начались въ недавно-отстроенному, деревянномъ театрѣ на Царицыномъ Лугу, близъ Лѣтняго Сада, на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіе стояла памятникъ Суворова. Директоромъ театра былъ наименованъ Александръ Петровичъ Сумароковъ. На жалованье русскимъ актерамъ и актрисамъ отпускалось 5000 рублей, а директору, сверхъ жалованья по чину, ежегодно выдавали 1000 рублей. Сумма эта была слишкомъ ничтожна, а потому Сумароковъ выпросилъ у Императрицы разрѣшеніе давать представленія за деньги и сборъ отъ спектаклей раздѣлять между артистами поровну.

Это была хитро-придуманная и превосходная мѣра. Кромѣ того, что она обезпечивала бѣдныхъ актеровъ, она побуждала ихъ къ совершенствованію и заставляла разыгрывать каждую пьесу съ особеннымъ стараніемъ и совокупностю, а не ограничиваться личнымъ самолюбіемъ, потому что отъ успѣха цѣлой пьесы зависѣлъ ихъ общий доходъ. Только авторъ драматической и директоръ съ знаніемъ дѣла и любовью къ нему, могъ придумать такую мѣру. Человѣкъ, котораго личная слава не была бы такъ тѣсно связана съ успѣхомъ спектакля, навѣрное, предоставилъ бы дѣло на произволъ судьбы и стальбы только думать объ удовлетвореніи своихъ корыстныхъ и сластолюбивыхъ видовъ. И кто знаетъ, тогда, можетъ быть, театръ русскій, при сильномъ соперничествѣ двухъ иностраннѣхъ, не устоялъ бы съ самаго начала, пришелъ въ упадокъ и бытъ бы отданъ на жертву, какъ пѣмѣцкій, низкому классу ремесленниковъ, лавочныхъ спѣльцевъ и невѣжественной толпѣ разночинцевъ, которая въ состояніи, не образовать вкусъ актеровъ и авторовъ, а только погубить всякое разумное и эстетическое направленіе.

Сумароковъ умѣлъ заинтересовать въ пользу своего театра дворъ, высшее сословіе, Императорскую фамилію, словомъ все, что могло благодѣтельно дѣйствовать на его судьбу. Самъ онъ трудился неусыпно, ставилъ пьесы съ рачительностю и знаніемъ, приводившими въ изумленіе самихъ иностранцевъ; вездѣ и во всемъ онъ дѣйствовалъ лично, какъ душа пѣлаго, и ни одной, даже самомалѣйшей отрасли своего управлѣнія не предоставлялъ на произволъ людей непривѣтныхъ, необразованныхъ и корыстныхъ. Ни одинъ изъ его подчиненныхъ не смѣлъ нагло похвалиться передъ авторомъ или артистомъ: «что я захочу, то и сдѣлаетъ директоръ!» Нѣтъ, что хотѣлъ директоръ, то дѣжалось и дѣжалось охотно, ибо каждый видѣлъ, что директоръ требуетъ разумнаго, справедливаго и полезнаго для искусства. Сумароковъ былъ человѣкъ, который вышелъ въ люди умомъ своимъ, а не низкими интригами, какъ хотѣли его представить нѣкоторые изъ нашихъ писателей. Онъ удержался на своемъ мѣстѣ тѣмъ-же умомъ и высокимъ уваженіемъ, которое умѣлъ внушить и подчиненному и современникамъ своей жизнью, трудами и всѣми своими дѣйствіями. Заслуги этого дѣятельнаго человѣка весьма велики, не только относительно русскаго театра, но и русскаго просвѣщенія вообще. Чтобы показать, до какой степени онъ былъ возвышенъ умомъ надъ современниками, мы когда нибудь, позднѣе, приведемъ его предисловіе къ «Гамлету», изъ котораго всякий увидить, что Сумароковъ постигаль Шекспира такъ глубоко, какъ никто еще въ Европѣ при немъ и долго послѣ него не понималъ и не умѣлъ оцѣнить великаго англійскаго писателя.

Императрица принимала живѣйшее участіе въ заботахъ и стараніяхъ Сумарокова. Чтобы чаще присутствовать въ представленіяхъ русской труппы и въ то же время не лишать ее дохода, а публику возможности наслаждаться игрою русскихъ артистовъ, она въ 1757 году повелѣла перевѣстъ театръ въ зданіе, назначенное вѣкогда для итальянцевъ въ саду Лѣтняго Дворца, у Полицейскаго моста, гдѣ пынѣ построенъ домъ Консюковскаго. Театръ этотъ былъ связанъ коридоромъ съ внутренними покоями Лѣтняго Дворца, и Государыня почти каждый вечеръ проходила прямо въ свою ложу и личнымъ своимъ присутствіемъ поощряла усиленія и успѣхи русской сцены.

Кромѣ трагедій и оперъ Сумарокова и Ломоносова, на этой сценѣ давались комедіи и драмы, переведенные съ нѣмецкаго

и французского языковъ. Въ особенности господствовалъ на ней Мольеръ, и это не мало послужило къ развитию и образованію истинныхъ сценическихъ талантовъ. Произведенія этого автора требовали глубокой обдуманности и проникновенія, игры тонкой и естественной, выраженія для страстей—правдиваго и спѣшнаго, однимъ словомъ, возможнаго сценическаго совершенства. Къ чести тогдашнихъ актеровъ надо сказать, что публика въ комедіяхъ Мольера ставила ихъ гораздо выше французовъ, а французская труппа Серинъ, какъ мы уже знаемъ, была тогда очень хороша. Изъ комедій Мольера игралась и имѣли наибольшій успѣхъ: *Амфитріонъ*; въ ней роль Созія игралъ Шумскій и былъ неподражаемъ; *Дворянюща купецъ* (т. е. *Мышанинъ во дворянствѣ*); (*) *Жоржъ Данденъ или въ смятѣніе приведенный мужъ* (переводъ Ивана Чадаева); *Мизантропъ или Нелюдимъ*, (переводъ И. Е.) Главную роль игралъ Дмитревскій и приводилъ зрителей въ восторгъ; *Принужденная женихъба*; *Рогоносецъ по воображенію*; *Скапиновы обманы* (переводъ Василія Теплова). Шумскій, и впослѣдствіе Ожогинъ, въ роли Скапини, пожинали обильныя рукоплесканія. *Скупой* (переводъ Ивана Кропотова); въ ролѣ Гарпагона отличался Волковъ. *Школа женъ* (переводъ Кропотова); *Школа мужей* (переводъ его же). *Тартюфъ или лицемѣръ* (переводъ его же). Эта пьеса имѣла неимовѣрный успѣхъ и была разыграна съ рѣдкимъ совершенствомъ. Сумароковъ написалъ объ ней слѣдующее двустишіе, которое тогда ходило по рукамъ и почтталось вершиной остроумія:

«Мольеровъ лицемѣръ до тѣхъ поръ не падетъ
«Въ третій первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пробудетъ съѣтъ».

(*) Вотъ что гласитъ по слухамъ драматическая хроника: «Во время представлѣнія селъ комедіи, сочиненной господиномъ Мольеромъ, главнымъ французскаго театра комикомъ, въ разсужденіи большаго спектакля, великаго числа людей, какъ-то, пѣвцовъ, пѣвицъ, музыкантовъ, танцовщиковъ и танцовщицъ, поваровъ, портныхъ, подмастерьевъ и другихъ, дѣйствующихъ въ интермѣдіяхъ, лицедѣевъ, балетовъ и богатыхъ декорацій, на театрахъ за входъ была двойная, противъ обычнаго, цына.»

Изъ этого должно заключить, что аксессуары лица и фигуранты, во время большихъ представлений на русскомъ театрѣ, занимались со стороны и что въ значительныхъ издержкахъ обстановки участвовали сами артисты.

Этотъ репертуаръ дополнялся пятью пьесами Шекспира: «Гамлетъ», «Юлій Цезарь», «Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье», «Жизнь и смерть Ричарда III, короля англійскаго»; «Тимонъ пелюдимъ»; въсколькими трагедіями Публія Теренція; трагедіями Расина, Корнеля и Вольтера; в драмами и комедіями сочиненія и перевода Дмитревскаго.

Открытие публичнаго русскаго театра въ Петербургѣ, зачи-
сленіе его ко Двору, развязало руки тѣмъ, которые давно уже
думали о подобномъ учрежденіи, но не смѣли приступить къ
нему; оно открыло широкое поле русскимъ талантамъ, во
всѣхъ родахъ; быстро явились писатели, переводчики, актеры,
пѣвцы, музыканты и живописцы. Званіе артиста не почита-
лось болѣе зазорнымъ и ничтожнымъ; сама Императрица жало-
вала артистовъ, знать осыпала ихъ похвалами и наградами,
высший кругъ наперерывъ искалъ вхъ знакомства; талантъ
вступилъ въ свои права, актеръ — почитался и былъ — ху-
дожникомъ.

Въ 1759 году Намѣстникъ Московскій получилъ высочайшее
соизволеніе на открытие въ Москвѣ публичнаго русскаго теа-
тра. Зданіе для него было возвигнуто на Красномъ Прудѣ.
Труппа состояла изъ Троепольскаго съ женою, г-жи Пушкиной
и студентовъ московскаго Университета. Первая пьеса, пред-
ставленная на этомъ театрѣ, называлась: «Сердечный магнитъ»,
драмма увеселительная съ музыкою, въ трехъ дѣйствіяхъ, пе-
реводъ съ Италійскаго студента Егора Булашиницкаго, бѣль-
ми стихами. За нею послѣдовала другая пьеса съ великоклѣп-
нымъ спектаклемъ, подъ названіемъ: «Обращенный миръ» (т.
е. «свѣть на выворотъ») драмма увеселительная, съ музыкою,
въ трехъ дѣйствіяхъ, изобрѣтенная живописью, театраль-
нымъ украшеніемъ Ангіоломъ Карбономъ (Анджело Карбоно) ин-
женеромъ Болонескимъ. Танцы Гаспера Сантини.

Въ отношеніи великоклѣпія обстановки, пѣнія и танцевъ,
Москва естественно должна была уступить пальму первенства
Петербургу, который имѣть къ тому всѣ возможныя средства,
купленныя на вѣсъ золота и подготовленныя временемъ. Моск-
ва не могла давать такихъ блестательныхъ оперъ и балетовъ,
какія были даны въ томъ же 1759 году на петербургской рус-
ской сценѣ, какъ, напримѣръ, опера Сумарокова «Альцеста»,
съ музыкою Раупаха; прологъ «Новые лавры», написанный Су-
мароковымъ въ стихахъ, для торжествованія цѣбѣды, одер-

жанной русскими войсками 1-го августа при Франкфуртѣ. Для украшения этого пролога соединились все первые иностранные художники, служившие тогда при дворѣ или находившіеся въ Петербургѣ. Музыку къ нему писали Раупахъ и знаменитый придворный концертмейстеръ Старцеръ; балетъ сочинялъ и обставлялъ Гельфердингъ; декорации писали Валерьяни и Пере-зинотти; машины устраивалъ Бригонци. Это былъ первый примѣръ торжествованія политического события на русской, народной сценѣ.

Но за то Москва впервые вывела на сцену нового драматического писателя Хераскова, съ необыкновеннымъ успѣхомъ представившаго свою *героическую комедію въ стихахъ* — «Безбожникъ.» Но театръ московскій не могъ долго держаться, именно потому, что не имѣлъ постоянной труппы. Актеры — студенты, оканчивавшіе курсъ наукъ въ Университетѣ, поступали на государственную службу или уѣзжали въ Петербургъ и провинціи. Новое ихъ званіе и занятія не позволяли имъ продолжать сценическаго поприща — и театръ видимо скучѣлъ и спротѣлъ.

Въ 1761 году онъ рушился совершенно, и лучшіе его артисты, Троепольскій съ женою, Пушкина и Михайлова, перешли на придворную сцену, въ Петербургѣ. Но и съ петербургской сценой произошелъ переворотъ. Въ 1762 году, Сумароковъ былъ съ пансіономъ уволенъ отъ званія директора. Театръ поступилъ въ вѣденіе оберъ-гофмаршала; штатъ театральный былъ увеличенъ еще тремя тысячами рублей въ годъ; впускъ за деньги прекратился и мѣста стали раздавать по чинамъ.

Между тѣмъ, былъ отстроенъ театръ въ Ораніенбаумѣ, и открытъ, въ 1759 году, новою опорою Мегастазія и Арая, переведеною на русскій языкъ подъ названіемъ: «Александръ въ Индіи.»

Театръ этотъ, впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, имѣлъ свою самобытную жизнь, своихъ авторовъ, композиторовъ, артистовъ и свой исключительный репертуаръ.

Показавъ первоначальное основаніе и первые успѣхи русского театра, мы на этомъ остановимся и обратимъ опять вниманіе на иностранные театры въ Россіи, которые и возмѣтъ русскаго не переставали играть значительную роль въ общественномъ мнѣніи и необходимо должны были имѣть сильное влияніе на развитіе нашего національнаго искусства. На русскую сцену мы опять взглянемъ въ ту минуту, когда новое солнце,

взойда надъ Россіею, въ лицѣ Великой Екатерины, и озаривъ
наше отечество неувидаемою славою, и на спесническій
міръ бросило свои благотворные лучи, взлѣтавшіе и пышно
распустившіе изящныя художества на русской почвѣ!

и синтаксис языка, который включает грамматику, лексику и орфографию языка. Грамматика определяет правила построения предложений и словосочетаний, а лексика включает в себя слова и выражения, используемые в языке. Орфография определяет правильное написание слов и правильное произношение языка.

и тем самым внести в практику оценки и оценки в сфере земельных ресурсов. Важно, чтобы в дальнейшем в земельной оценке не было места для субъективных оценок, а оценка земельных ресурсов стала бы объективной, основанной на объективных критериях и методах. Для этого необходимо, чтобы земельные ресурсы были оценены в соответствии с общепринятыми методами и методиками, что позволит избежать ошибок и субъективных оценок. Для этого необходимо, чтобы земельные ресурсы были оценены в соответствии с общепринятыми методами и методиками, что позволит избежать ошибок и субъективных оценок.

Стихотворение
Ильинское
Стихи
Ильинские

СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЗАВѢЩАНИЕ.

Из Платена

Когда придетъ мой часъ и мракъ могильной ночи,
Ложась мнѣ на чело, сомкнетъ уста и очи,
И буду истлѣвать въ могильной тишинѣ :
О, не грусти тогда, мой ангель ! Не хочу я,
Чтобы душа твоя, здѣсь каждый мигъ тоскуя,
Воспоминаньями страдала обо мнѣ.
Я не хочу, чтобы вздохъ изъ этой бѣлой груди
Подслушалъ кто нибудь ! О, ты не знаешь, люди
Любовь дѣвичію всегда kleymiatъ стыдомъ.
Нѣтъ, страсть моя сильный ихъ злобы ненавистной.
Мой ангель ! Я люблю такъ свято, безкорыстно,
Что смерти я хотѣлъ и въ сердцѣ бы твоемъ.
Клянись же все забыть ! все, все : и эту руку,
Чертившую въ тоскѣ на вѣчную разлуку
Послѣднее прости, послѣднюю мольбу,
И имя милое душъ твоей когда-то ;
И, пусть забвеніе твоему будетъ платой
За безвозвездную любовь мою въ гробу !

И. ГРЕКОВЪ.

Т. I. Отд. I. Ка. I.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗЪ В. ГЮГО.

1.

Приди, когда я сплю, въ тотъ часъ, какъ на свиданье
Къ Петраркѣ страстному являлась красота !

И къ ложу подойдя, коснись меня дыханьемъ !

И въ этотъ мигъ, полны внезапнымъ обаяньемъ,

Мои откроются уста.

Пусть надъ челомъ моимъ печальнымъ, гдѣ кончаетъ,
Быть можетъ, страшное видѣнье долгій сонъ —
Пусть взоръ твой, какъ звѣзда въ мгновенія тв сіаетъ,
И сонъ, который такъ мнѣ душу омрачаетъ,

Внезапно будетъ просвѣтленъ.

Потомъ въ уста мои, гдѣ съ жаждой упоенъя
Разлитъ огонь любви, что Богъ вдохнуль въ меня,
Влей жгучій поцѣлуй и, ангель въ воплощеніи,
Стань страстной женщиной ! Внезапно въ то мгновеніе

Душа пробудится моя.

2.

Другъ ! прерви младыя грезы,

Пробудись и посмотри :

Подъ росой ужъ блещутъ розы,

Ужъ горятъ лучи зари.

Милый другъ ! я съ полуночи

Подъ окномъ твоимъ стою.

Посмотри, какъ плачутъ очи,

И послушай пѣснь мою !

Все къ тебѣ на поклоненіе

Здѣсь спышитъ, о ангель мой :

День съ лучами, птички съ пѣньемъ,

Сердце съ страстью роковой.

Милый другъ ! я съ полуночи

Подъ окномъ твоимъ стою.

Посмотрижъ, какъ плачутъ очи,

И послушай пѣснь мою !

Богъ мнъ душу далъ, чтобы я ѿ

Могъ дѣлиться я съ тобой, и

Далъ глаза мнъ, чтобы твою

Любоваться красотой.

Милый другъ! я съ полуночи

Подъ окномъ твоимъ стою,

Посмотри жъ, какъ плачутъ очи,

И послушай пѣснь мою.

И. ГРЕКОВЪ.

РАЗЛУКА СЪ ЖИЗНЮ.

(Изъ Гервига.)

Отрадно умереть подобно блеску дня

Въ багряномъ зеркалѣ залива :

Какъ блѣдная звѣзда, къ землѣ лучи склоня,

Угаснуть тихо, молчаливо.

Отрадно умереть, какъ свѣтлая роса

Отъ жара сохнетъ надъ листами ;

Исчезнуть, какъ пѣвицъ крылатыхъ голоса,

Какъ звуки арфы подъ перстами.

Отрадно умереть, какъ въ воздухѣ полей,

Цвѣтовъ уносится куренье,

Когда летитъ оно изъ вѣнчиковъ лилей ,

Какъ симіамъ благодаренъ.

Но нетъ! Не будетъ смерть избранниковъ легка,

Тиха, какъ запада мерцанье ;

Нетъ! не исчезнешь ты, какъ ароматъ цвѣтка

И струнъ миутоное бряцанье...

Нѣтъ! ты пройдешь надъ міромъ безъ сльза,
Но прежле скорбь твою разрушить силу,
И сердце разобьетъ на части, и тогда
Сойдешь ты, мученикъ, въ могилу.

И. КРЕШЕВЪ.

(Из Рюкерт.)

Пѣвецъ, когда на голосъ свой
Въ сердцахъ людей ты ждешь созвучья, —
Пой не весну любви живой,
Но темной жизни злополучья....

За тъмъ, что многимъ не дано
Извѣдать въ міръ наслажденья,
Но въ каждой груди есть зерно
Тяжелой скорби и сомнѣнья.

И. КРЕПЕВЪ.

жизни. И

жизни

жизни. И

ЮМОРИСТИКА.

ОТРЫВКИ ИЗЬ НАРОДНАГО ДРАМАТИЧЕСКАГО
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ:

МАРФА ЕГОРОВНА ВОРЕЦКАЯ,

ПОСАДНИЦА НОВОГОРОДСКАЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ—ПІСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

Прошу васть, милостивый государь Федоръ Алексѣевичъ, помѣстить въ «Пантеонъ театровъ» прилагаемые при письмѣ моемъ отрывки изъ сочиненаго или, лучше сказать, составленаго мною драматического представлѣнія: «Марфа Егоровна, посадница новгородская,» въ пяти дѣйствіяхъ и девяти картинахъ, имѣющихъ слѣдующія отдельныя названія.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣмецъ въ Новгородѣ.

Картина первая.

Марфа Егоровна, красное солнышко.

Картина вторая.

Русский кулакъ или Нѣмецъ въ тискахъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Юродивый.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Послы.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Слезы женщины и сердце матери.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Господинъ Великий Новгородъ, побѣдная головушка.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

МОСКВА И ВОЛХОВЪ.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Послѣднее вѣче.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

Нѣмецъ хитеръ на выдумки,

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

УЗЫ — И КОРОНА.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Лучь светла въ темнице.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Страшная смерть.

Надѣюсь, что вы найдете произведеніе мое достойнымъ напечатанія, не смотря на то, что оно, безъ сомнѣнія, не можетъ стать на ряду съ великими созданіями знаменитыхъ драматурговъ нашихъ, которыми, какъ обновителями русской сцены, я тщился подражать по мѣрѣ силъ своихъ. Вмѣстѣ же съ ихъ произведеніями принялъ я за образецъ и драматическія сочиненія гг. Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго и Александра Дюма. Но не желаю подражать людямъ, которые скрываютъ, изъ какого колодца черпаютъ, и, при всякомъ заимствованіи, ссылаясь на образецъ, потому что не считаю постыд-

нымъ поступать подобно величайшимъ нашимъ драматургамъ и братъ мое добро, гдѣ его найду.

За симъ, съ истиннымъ почтенiemъ и совершенною преданностью, честь имъю быть и проч.

УСТЬСКОВЪСТЬ.

Ф. У. ЖГУТИКОВЪ.

ОТРЫВОКЪ ПЕРВЫЙ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣмецъ въ Новгородъ.

ГАРДІОНІЯ

Картинъ ПЕРВАЯ.

Марія Егоровна, красное волнишко,

Театръ представляетъ бѣдную избу. На полкахъ и на полатяхъ лежатъ разныя бутылки, штофы, крынки, реторты и банки. Дверь въ глубинѣ сцены, возле русской печки, и драпал на-право отъ зрителей.

Гансъ Шварценгерцъ (*) и Пахомъ Долбило (**).

Долбило.

Ну, что жъ, Нѣмецъ, согласенъ? Кажись, не мало я тебѣ посулилъ за пустую проказу.

Гансъ.

Да, не мало! А знаешь ли ты, чего мнѣ стоитъ каждый шагъ, который дѣлаю въ сообществѣ съ тобою? Знаешь ли, что если только узнаютъ, кто ты, — то и меня и тебя народъ забросаетъ камнями? Знаешь ли, что еслиъ не пенависть моя

(*) Гансъ Шварценгерцъ — жидъ, колдунъ.

(**) Пахомъ Долбило — шпіонъ, посланный Иоанномъ III и находящійся въ тайныхъ сношеніяхъ съ Гансомъ.

къ Мареъ, то я бы и не подумалъ о твоемъ предложениѣ? И ты хочешь соблазнить меня какой-нибудь сотней червонцевъ? *Долбило.*

А, такъ ты ломаешься, поганый Нѣмецъ! Тебѣ мало сотни червонцевъ? Ты не хочешь вывѣдать за нихъ, что на душѣ у этой окаянной Мареы? Такъ не хочешь ли сотни русскихъ кулаковъ?.. Да ты, пожалуй, и не знаешь, нехристъ этакой, что такое русской кулакъ? О, русской кулакъ—это добрая русская пятерня, сжатая въ комъ и подъята на врага! Онъ разитъ, какъ молотъ, убиваетъ, какъ камень изъ пращи! Какъ молниѧ летаетъ онъ, и вездѣ оставляетъ ужасные слѣды: разбитые носы, фонари подъ глазами и шашки на лбу!

Гансъ (съ ужасомъ).

Вотъ люди!—Чего не сдѣлаетъ такой народъ! (Онъ съ испугомъ отскакиваетъ отъ Долбили, который наступаетъ на него съ угрожающими видомъ и поднятыми кулаками. Нѣмая сцена. Оркестръ играетъ торжественный маршъ. При послѣднихъ звукахъ музыки, переходящей въ адашю, Гансъ знаками покорности изъявляетъ свое согласіе).

Долбило.

То-то же, согласился, не-бось струсилъ русского кулака! Отъ него, братъ, ни пестомъ, ни дьявольскимъ наважденiemъ не отѣлаешься! Тутъ самъ бѣсь не помога! Такъ слушай же! Черезъ часъ придетъ къ тебѣ здѣшняя посадница поворожить, такъ ты, знаешь, похитрѣе и вывѣдай, что она задумываетъ, да потомъ мнѣ и расскажи всю подноготную, да чурь не врать, не утай зерна гречичнаго! Слышишь? Не то, я тебя...

Гансъ (со страхомъ).

Будеть, будеть по вашему!

Долбило.

То-то же! Ну, ладно; такъ прощай, колдунъ окаянный! Да помни мое слово: уговоръ лучше денегъ. (Уходитъ)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Гансъ (ходитъ, задумавшись, по комнатѣ).

Наконецъ, я держу въ рукахъ свою судьбу твою, гордая Новогородка! Наконецъ, могу я отомстить тебѣ за... Но

тише! мнѣ кажется, что и у стѣнъ есть уши, когда я вспоминаю объ этой ужасной тайнѣ. (Послѣ краткаго молчанія). Пора къ дѣлу. (Обводитъ около себя математические круги; вѣ изѣль становится темно; свѣтъ, подобный молниѣ, изрѣдка освѣщаетъ ее).

Гансъ (поетъ).

Звѣри, гады
Собирайтесь!
Ада чады,
Всѣ слетайтесь!
Тма сгустись!
Къ намъ спустись
Демонъ ночи!
Мракъ сгусти,
Обольсти
Дерзкихъ очи!
Слетайтесь, сплетайтесь созданія ада!
Людей обольщайте! Зло — ваша награда!
Сплетайтесь, свивайтесь въ волшебныхъ кругахъ,
Вездѣ разливайте и трепетъ и страхъ!
Адъ лети!
Вѣчной тмой
Омуты
Умъ людской!
Обольсти
И прельсти
Гордый умъ;
Задуши,
Заглуши
Радость думъ!
Слетайтесь, сплетайтесь, созданія ада!
Людей обольщайте! Зло — ваша награда!
Сплетайтесь, свивайтесь въ волшебныхъ кругахъ,
Вездѣ разливайте и трепетъ и страхъ!

Хоръ кошекъ.

Мяу, мяу! Мы сбѣжались,
Собралися на твой зовъ!
Для тебя мы всѣ разстались
Съ мирнымъ кровомъ чердаковъ!
Мяу, мяу! Что желаешь,
Поскорѣе возвѣщай!
Нашу хитрость, когти знаешь:
Поручены намъ давай!
Мы съ тобою непрѣвѣрны,
Одному тебѣ покорны:
Нами ты повелѣвай!

—именем в зале, ищут архивы, потожки архивы, —
 Хоръ филиновъ.
 Изъ среды звёсовъ дремучихъ,
 Где хранили цѣлый день,
 Мы отъ словъ твоихъ могучихъ
 Собрались въ волшебную сѣнь.
 Мы средь тьмы прекрасно видимъ,
 Зримъ лишь ночью Божій свѣтъ,
 Солнца блескъ мы испавидимъ...,
 Что намъ дѣлать? дай отвѣтъ.
 Вѣрины мы, хоть не проворны,
 И тебѣ всегда покорны
 И у насъ обмана неѣтъ!

Хоръ ворянъ.

Каръ, каръ, каръ! Съ высокихъ сосенъ
 Мы на зовъ слетѣлись твой!
 Намъ противенъ, намъ неспосенъ
 Весь презрѣній роль людской!
 Каръ, каръ, каръ! Мы ожидаемъ,
 Что прикажешь дѣлать намъ?
 Мы съ покорностью внимаемъ
 Повелительнымъ словамъ!
 Мы съ тобою не притворны,
 Мы тебѣ во всемъ покорны:
 Въ дѣлѣ ты увидишь самъ!
 Каръ, каръ, каръ! скажи скорѣй:
 Нѣть ли труповъ да костей (*)?

Гансъ.

Внимайте же моимъ повѣдѣніямъ, и (**)
 Знайте, что воля моя должна свершиться!
 Нѣть мрачной лжи искусно и хитро обольстите
 Гордый женскій разумъ!
 И пусть хитрость ада вѣѣ слова вашихъ усть наполняетъ
 И соблазнить духъ гордости и властолюбія!

(*) Все это явленіе и съѣдующее написаны въ подражаніе извѣстнымъ сценамъ *Макбета* г. Шекспира и нѣкоторымъ чудобнымъ же, русскихъ писателей.

(**) Нѣть надобности напоминать читателю, что это явленіе есть подражаніе г. Шекспиру и что оно написано стихами употребленного уже нами размѣра, изобрѣтеннаго въ Россіи, который нѣкоторые хулители называютъ *рубленою прозою*, но который, какъ всякий безпристрастный цѣнитель изящнаго самъ усмотрѣть, очень хорошъ и удобенъ для писанія.

Пусть совершилъ дѣла, которыхъ
Ее погубить и на жертву
Миѣ отдастъ ненавистную! Пусть
Исполнится воля моя, какъ воля судьбы!

Кошки, филины и вороны (вильство).

Да будеть, да будеть!
По волѣ твоей!
Нашъ голосъ пробудить
Немедленно въ ней
Стремлѣніе къ власти!

Гордыни полна,
Въ бѣдахъ и напасти
Погибнегъ она!

Хоръ кошечк.
Ее мы обманемъ...

Хоръ воронъ.
Свершимъ мы свое...

Хоръ филиновъ.
Ее отуманимъ...

Всѣ вмѣстѣ.
Погубимъ ее!

(Всѣ умолкаютъ; громъ и молнія. *Марѣа посадница* выходитъ на сцену. Всѣ изба вспыхиваетъ. Ударъ грома).

Хоръ воронъ, (махая крыльями).
Привѣтствуемъ тебя, Посадница Новгородская!

(Ударъ грома).

Хоръ филиновъ, (моргая).
Привѣтствуемъ Княгиню Новгорода и Пскова.

(Другой ударъ грома).

Хоръ кошечк., (шипя хвостами).

Привѣтствуемъ тебя!

(Третій ударъ грома. Хижина разваливается съ трескомъ. Таинственная музыка, — звуки арфы. Театръ превращается въ цвѣтущее мѣсто среди лѣса. На возвышеніи Посадница видитъ себя въ двойникѣ, ей подносятъ ключи Искова; бояре на колѣнахъ лобзаютъ ея руку).

Отрывокъ второй.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

(Площадь Новгородская. Направо башня Ярослава съ вечевымъ колоколомъ; на лѣво лобное мѣсто и статуя Вадима).

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Пахомъ Долбило, Карлъ Гельдлибъ (1), Адольфъ Фростъ (2), Якобъ Швермеръ (3), Никола Дергунъ (4) и Федулка (5) (послѣдніе двое въ глубинѣ сцены говорятъ между собою).

Долбило (Гельдлибу, Фросту и Швермеру). Ужъ наглуши же вы, нѣмцы! Чѣмъ-бы по добру, да по здорову убираться во свояси, а вы затѣли биться за Новгородъ! Нече сказать, умныя головы, а живете по нашему, заднимъ умкомъ.

Гельдлибъ. А шутъ ли овъ не прафта кавориль! Вдругъ фюрстъ Іоганъ взялъ городъ и взялъ съ насъ контрибуціонъ! Нофортъ не лекче, а намъ слишкомъ лѣгкѣ будуть.

Швермеръ. Васъ шприхѣстъ ду да, Гельдлибъ! Нашъ шесть требовалъ эта жертва!

Долбило. То-то шесть, а цѣла-ли будеть шерсть!

Фростъ. Что ты кавариль пра шерсть? Зачѣмъ она не будеть цѣла? Она лежитъ нахъ амбаръ и запертъ на клюшь.

Долбило. Не про ту шерсть я говорю, а про кожу вашу.

Швермеръ. Поц-таузенд-доннер-веттеръ! У насъ есть руки, чтобы коша зашишать! Ми дралисъ и съ Гамбургъ, и съ Берлинъ; я булъ начальникъ отъ авангардъ и самъ сражаль: ми побѣдили и заключили миръ на наша авантажъ.

Долбило. Да вы бились-то не съ Русскими! Эко, вздумалъ сравнять нѣмецкихъ бараповъ съ московскими волками; да они съ васъ кожу снимутъ, да живемъ съѣдять. Ужъ просили бы скорѣе пощады, да положили бы оружіе, такъ другое лѣло! А то вздумали съ Русскими тягаться! Да Русскій гдѣ ногой ступить, тамъ улица; гдѣ рукой махнуть, тамъ площадь цѣлая. Вотъ и новгородцы: дралисъ и со шведами, дралисъ и съ ливовцами, а не устоять противъ Великаго Князя Московскаго.

Дергунъ, (подкравшись сзади и подслушавъ послѣднія слова). Тишина тебѣ на языкъ, сорока этакая! Стояли новгородцы за вольность прежде, постоять и теперь!

Долбило. Прямой новгородецъ! безмозглый затылокъ! Какъ заладилъ вольность, да вольность, такъ изъ него другаго слова и не выдолбишь! Да, что ваша вольность? Спорите, да кри-

(1) Карлъ Гельдлибъ, купецъ ганзейскій, вооружившійся на защиту Новгорода. (2) Тоже. (3) Тоже. (4) Старый Новгородецъ. (5) Юродивый.

чите на вечѣ, а проку мало. Да вотъ гонецъ и съ войска, узнаемъ, много ли вы взяли... Чай, князь Холмскій задалъ зашивъ порядочную потасовку!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Тъ же и гонецъ.

Федулка, (бросаясь къ вечевому колоколу, звонитъ). Сюда, сюда, люди добрые! Что дадите за хорошую вѣсть? Красную шапку или красный каftанъ? Дайте и то другое, не будетъ изъянъ!

Долбило. Что ты дѣлаешь, дуракъ?

Федулка. Самъ ты не умный! Развѣ не видишь, что звоню? (Начинаетъ сильные звонить и, бѣгая съ веревкою въ рукахъ изъ стороны въ сторону, сшибаетъ Долбилу съ ногъ). Вишь, какъ растянулся! Словно бояринъ на пуховикахъ! (*)

Гонецъ (входитъ на лобное място; народъ собирается). — Добрыя вѣсти, граждане новгородскіе!

Голоса изъ народа. — Что? Что такое? Говори скорѣе!

Гонецъ. — Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти, говорю я вамъ! Радуйтесь и веселитесь! Да ставьте свѣчу Св. Софіи!

Голоса изъ народа. — Да что такое? Полно ломаться то, выговори проворнѣе! Отпусти душенику.

Гонецъ. — Едва вышло войско наше изъ города, какъ встрѣтило сильный отрядъ подъ предводительствомъ самаго кназа Холмскаго; храбро бросились мы на воиновъ московскихъ, храбро сражались мы съ ними, но многолюдство одолѣвало мужество; мы начинали отступать, и помышляли уже только о защите собственной, какъ вдругъ, подобно молнѣ, является Марея Посадница, наше красное солнышко, верхомъ на ворономъ конѣ. Шлемъ пернатый на главѣ ея, мечъ стальной въ леснице, а лѣвая рука на лукѣ сѣда. «За мною, храбрые воины, люди вольные, стратиги Новгорода!» вскричала она, и какъ громъ небесный, упала мечъ ея на главу Холмскаго. Смутился вождь молодой, пораженный женщиной, но скоро воспрянулъ и

(*) Это падение напоминаетъ многіе подобные эффектные случаи, которые всегда возбуждали живѣйшее участіе и рукоплесканія публики Александрийскаго театра.

какъ левъ бросился на нашу дружину. Тогда, воскликнувъ: кто противъ Бога и господина Великаго-Новгорода! мужественная Мареа ринулась на воиновъ московскихъ, и побѣдоносною десницей обратила ихъ въ бѣгство. Кто представить себѣ смущеніе холода московскаго Холмскаго, побѣжденаго женщиной? Кто изобразить восторгъ храброй дружины нашей? Кто опишетъ мужественный видъ Мареи Борецкой на конѣ, съ мечомъ, омытымъ кровью враговъ нашей вольности? Кто выразить восхищеніе героянки при видѣ полной побѣды? Все войско наше съ восторгомъ кричало: да здравствуетъ Мареа Борецкая! Ай гуляй! Разгули малина!

Народъ. — Да здравствуетъ Мареа Егоровна! Да здравствуетъ спасительница Новгорода, отъ нынѣ и до вѣка. Да здравствуетъ наше красное солнышко! На колѣна, братія! Богу милосердому поклонъ земной; русское спасибо отъ души нашей спасительницѣ!

Юродивый, (пригая). — Кричите, кричите, дѣтки! Вотъ и матка идетъ!

Вдаль показываются Мареа Посадница и вся дружина. Народъ, бросаясь къ нимъ на встрѣчу, кричитъ: ура! Юродивый звонитъ въ вечевой колоколъ, Несутъ хоругви и играютъ въ трубы.

Отрывокъ третій.

Монологъ Мареи Посадницы изъ пятаго дѣйствія, 9-й картины

СТРАШНАЯ СМЕРТЬ.

Что миѣ дѣлать? Вотъ вопросъ! Что лучше (*),
Жить въ оковахъ или безвременна могила?
Что не такъ страшно? Жить одной въ темницѣ,
Иль умрѣть, платкомъ стянувшися щею?
Въ темницѣ страшно, но и смерть не легче!
Смерть... морозъ по кожѣ подираетъ,

(*) Этотъ монологъ написанъ любимымъ размѣромъ русскихъ драматурговъ. Содержаніе взято изъ извѣстнаго монолога г. Шекспира — *Быть или не бытъ!*

Какъ вспомню я объ адѣ и чертяхъ!
Быть можетъ, будуть жечь меня
На раскаленныхъ угольяхъ, и мучиться.
Я буду огъ боли!... Стынеть кровь! А тамъ
Въ тюрьмѣ сырой... одна, и призраки
Появятся ко мнѣ во мракѣ ночи...
Измучать жалобой, упрекомъ и слезами,
И язвы обнажать полускрививши лица!
Сама не знаю я, на что рѣшилась!
Жизнь, — что ты? Переходъ отъ почестей
Къ тюрьмѣ, отъ славы — къ уничтожению!
А умереть — о тяжко, тяжко!... Что дѣлать?...
Ужасное недоумѣніе!...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛІТОШІСЬ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ – ВМѢСТО ПРЕДІСЛОВІЯ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обозрѣнію нашихъ драматическихъ и сценическихъ явлений, мы почитаемъ за нужное однажды навсегда условиться съ читателемъ въ точкѣ зрѣнія, съ которой мы будемъ смотрѣть на нихъ, и въ способѣ ихъ обсуживанія.

Театръ, по нашему мнѣнію, есть одно изъ тѣхъ важныхъ народныхъ учрежденій, которое можетъ имѣть наибольшее вліяніе на умственное, нравственное и политическое развитіе народа, потому именно, что оно доступно для всѣхъ классовъ, и выражается языкомъ не письменнымъ, а такъ сказать, *нагляднымъ*. Олицетвореніе, въ рукахъ умнаго и хорошаго художника, всегда произведетъ гораздо живѣйшее впечатлѣніе на зрителя, чѣмъ мертвая буква, которой дѣйствіе предоставлено на произволъ воображенія читателя, иногда не довольно развитаго, или вовсе ограниченаго.

Весьма ошибочно мыслять тѣ, которые думаютъ, что въ этомъ отношеніи сцену надо дѣлать, по возможности, *простонародною*, для того, чтобы поставить ее въ уровень съ понятіями и потребностями низшихъ слоевъ народа, черни, еще не озаренной грамотностю до той степени, чтобы понимать высшія произведенія литературы. Конечно, въ такомъ случаѣ, театръ будетъ достигать одной изъ своихъ цѣлей, но за то онъ будетъ одностороннимъ, неудовлетворительнымъ для большинства публики и, обнажая изящныя искусства отъ всякой

эстетической красоты и художественности, непонятныхъ для грубаго чувства, онъ поведеть ихъ прямо къ погибели.

Но пусть театръ касается всѣхъ соціальныхъ и нравственныхъ вопросовъ, пусть онъ перемѣшиваетъ высшія проявленія жизни со вседневнымъ, скучнымъ, житейскимъ обиходомъ, пусть рисуетъ идеалы и карикатуры, философию высокихъ убѣжденій и всѣ паутинныя сѣти дурныхъ наклонностей и предразсудковъ, связующихъ и раздѣляющихъ общество, составляющихъ его нравы и въ противоположность къ нимъ — стремленіе къ ихъ облагороженію, къ сознанію высшихъ назначений, борьбу новыхъ идей съ закоснѣлыми привычками, — однимъ словомъ, пусть онъ береть изъ школы — *натуральной* и *идеальной* все, что въ нихъ есть лучшаго, и тогда онъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ, будетъ доступенъ для всѣхъ сословій, будетъ имѣть влияніе на жизнь и на нравы, и достигнетъ своего великаго назначенія.

Въ иѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ театръ поставленъ уже на эту высокую точку. Но тамъ онъ шель наравнѣ съ политическимъ и гражданскимъ развитіемъ и всегда былъ зеркаломъ общества, органомъ его страстей, понятій, заблужденій и возвышенныхъ стремленій. Тамъ онъ родился въ самомъ народѣ, который придумалъ въ лицахъ передавать заблужденія и дурныя наклонности высшаго общества, поражавшія простой и здравый умъ простолюдиновъ, неуваженный духомъ времени. Постепенно роли измѣнились; изъ рукъ простаго народа онъ, вмѣстѣ съ образованістю, перешелъ въ руки высшаго класса, который тѣмъ же оружіемъ сталъ дѣйствовать на массу, чтобы истогнуть ее изъ лабиринта пороковъ и предразсудковъ и дать ей направлѣніе, сообразное съ ея политическимъ или нравственнымъ назначеніемъ. Такимъ образомъ, театръ, сѣдя за ходомъ просвѣщенія и за событиями вѣка, наконецъ дошелъ до апогея, какъ въ отношеніи искусства, такъ и въ отношеніи своего народнаго значенія. Такъ, на-примѣръ, во Франціи, театръ начался съ представлений *Собратій страсти Христовыя* (*confrères de la passion*) и съ простонароднаго водевиля, а кончился комедіями Скриба, разбирающими вышеупомянутые соціальные вопросы, и исторической драмою Гюго и Дюма, разлагающею предметы государственной политики.

У насъ обо всѣмъ позаботилось мудрое правительство. Оно сразу дало намъ и просвѣщеніе и всѣ плоды его, взятые

зрѣмыми отъ другихъ народовъ. Мы не можемъ и не должны требовать отъ нашего младенчествующаго театра того-же, че-го требуютъ отъ своей сцены на Западѣ. Для него эпоха пол-наго развитія пока еще—центральное солнце, не открытое Лаверье. Но можно и должно желать для него большаго худо-жественнаго развитія, большаго расширенія круга его дѣйствій, направленія болѣе эстетическаго, разумнаго и нравственнаго! Надо желать, чтобы онъ дѣйствовалъ благодѣтельно на просвѣ-щеніе, образовывалъ вкусъ народа, облагороживалъ его чув-ство, очищалъ его понятія, словомъ, чтобы онъ сознательно совершалъ великий подвигъ, который лежитъ на немъ, какъ на одномъ изъ самыхъ мощныхъ органовъ народнаго образованія.

Этой цѣли можетъ онъ достигнуть, пріучая зрителей своихъ къ мышленію, къ явленіямъ возвышеннымъ и изящнымъ, къ исполненію истинному и художественному, но отнюдь не пот-ворствомъ грубымъ требованіямъ толпы, баловствомъ ея минут-ной, часто необдуманной, и даже вредной прихоти; явленіями потѣшными, но лишенными вкуса и внутренняго достоинства. Народъ жаденъ къ зрѣлицамъ: но онъ не разборчивъ въ сво-ихъ удовольствіяхъ, потому что въ немъ пробуждена одна потребность чувственная, а не нравственная. Онъ съ одинак-кимъ наслажденіемъ смотрить на рысистый бѣгъ, на медвѣжью травлю, на канатнаго плясуня и на водевиль, въ которомъ та-скаютъ другъ друга за волосы, бьютъ палками, поютъ гру-бые двусмысленности, или на драму, въ которой главный герой валился по сценѣ, неистово реветь и размахиваетъ руками. Причина этому самая простая: умъ толпы не очищенъ, поня-тия ея не зрѣлы, вкусъ еще не пробудился; она не можетъ дать себѣ отчета въ собственныхъ своихъ ощущеніяхъ, не можетъ отличить возвышенного отъ низкаго, художества—отъ гаерства, истиннаго чувства—отъ криклиаго шарлатанства.

Указать этой толпѣ истинный путь, развить въ ней чело-вѣческій инстинктъ, облагородить ея наслажденія, вотъ настоя-стоящее назначеніе нашего театра, и съ этой точки зренія ему нужна критика, но критика сознательная, беспристрастная, чуждая мелочныхъ закулисныхъ дрязгъ, всегда вѣрная своему убѣжденію и своей цѣли. Она не только необходима, но даже спасительна.

Очищая сцену отъ явленій ничтожныхъ и певынносимыхъ для образованнаго чувства, удерживая представителей отъ привычекъ грубыхъ и несовмѣстныхъ съ правилами искусства и

обычаями хоршаго общества, требуя отъ самыхъ драматическихъ произведеній—нѣкоторой разумной и благородной тенденціи, а не однихъ хлопушекъ т. е. натянутыхъ эффектовъ, такъ вѣрно называемыхъ нѣмцами *Kulisenscheife*—кулисолованиемъ, народный театръ снова привлекетъ въ свои залы отборнѣйшее общество, высшій кругъ, людей образованныхъ, которые примутъ въ судьбѣ его живѣйшее участіе, вырвутъ орудіе успѣха изъ рукъ рабка, и своимъ вкусомъ и знаніемъ прольютъ новый свѣтъ на сцену, обративъ къ неї вниманіе всѣхъ лучшихъ писателей и постепенно образуя вкусъ и чувство толпы, для которой у насъ высшее общество всегда было и должно быть образцомъ.

Къ достижению этой цѣли, видимо стремятся всѣ усиленія благодѣтельнаго нашего правительства. Оно учредило императорскіе и правительственные театры во всѣхъ столицахъ и важнѣйшихъ городахъ Россіи; оно почило нѣкоторые изъ нихъ наименованіемъ *придворныхъ*, чтобы населять ихъ спектакли отборнѣйшимъ обществомъ; оно отпускаетъ на ихъ содержаніе, независимо отъ значительныхъ сборовъ, огромныя суммы, чтобы не подвергать ихъ, подобно частнымъ театрамъ другихъ странъ, горькой необходимости прибѣгать къ пошлымъ и унизительнымъ для искусства средствамъ — для поправленія своего бюджета; оно ясно показываетъ свое желаніе, чтобы сцена была органомъ образованія и благороднаго наслажденія для народа, а не прибыльнымъ источникомъ доходовъ; оно устроило театральныя училища, для свѣтскаго и художественнаго образованія будущихъ лицъ, — заслуга передъ искусствомъ, въ которой одни русскіе Монархи могутъ похвальиться передъ всей остальной Европою. Оно призываетъ съ великими пожертвованіями, въ столицы наши величайшихъ артистовъ всѣхъ странъ и во всѣхъ родахъ, чтобы они могли образовать своимъ примѣромъ наши отечественные таланты и дать должное направление ихъ средствамъ и вкусу. Правительство, наконецъ, поощряетъ каждый совѣтливый трудъ драматический — щедрою платою, каждую заслугу спектакльную — обезпечивающимъ пенсиономъ и даетъ свое соизволеніе — на *критику*, то есть, справедливую оцѣнку того и другаго, которую почитается полезною и необходимою, для образованія, какъ художниковъ, такъ и зрителей.

Укажите мнѣ страну, гдѣ бы со стороны правительства было такъ много сдѣлано для театра? Гдѣ бы его отеческія

заботы такъ живо клонились ко благу народа и къ преуспѣнію искусства и художествъ? Гдѣ-бы къ достижению трудной цѣли сцены — были даны такія огромныя и легкія средства?

Отчего-же, при такихъ огромныхъ, побудительныхъ средствахъ, при такомъ тепломъ усердіи Монарховъ, сцена наша возбуждается такъ мало участія въ высшихъ слояхъ общества? можетъ выставить такъ мало истинно-художественныхъ произведеній авторовъ съ талантомъ и именемъ, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ развѣ какъ нибудь ненарокомъ заблудятся на ея помосткахъ и опять быстро съ нихъ исчезаютъ? Отчего даже переводныя произведенія, имѣвшія заслуженный и постоянный успѣхъ на сценахъ иностранныхъ театровъ Россіи, при переходѣ на народныя доски — падаютъ, а иногда даже лишаются смысла? Отчего, наконецъ, наши домашнія произведенія такъ слабы, нескладны, грубы и безцѣльны, а критика театральная — такъ немощна, неопределѣнна, иносказательна?

Вотъ вопросы, которыхъ разрѣшеніе необходимо, если мы хотимъ показать настоящее состояніе русскаго театра и возможность его совершенствованія въ будущемъ — въ чертахъ искреннихъ и правдивыхъ.

Однимъ изъ главнѣйшихъ золъ, по нашему мнѣнію, есть ⁴ меркантильное или иначе бенефисное направлѣніе, которое приняли у настѣ творчество драматическое и сценическое, въ подражаніе остальнымъ литературнымъ отраслямъ. Оно подвигло на мелкій промыселъ цѣлья толпы людей непризванныхъ и бездарныхъ; оно загромоздило сцену созданіями эфемерными, прямо поддѣльвающимися подъ грубый и невѣжественный вкусъ толпы — для вѣрнѣйшаго успѣха; оно ударило артистовъ отъ ихъ настоящаго назначенія, отъ развитія художественнаго, обременяя ихъ трудомъ безпрерывнымъ, ничтожнымъ и не требующимъ усилий ума и таланта; оно отучило зрителей отъ тѣхъ ощущеній тонкихъ и возвышенныхъ въ искусствахъ, которыхъ одни доставляютъ истинное наслажденіе и достаточную пищу для ума и воображенія; оно, наконецъ, научило и авторовъ обходиться безъ усилий, размышенія, изученія и опыта, необходимыхъ для хорошихъ созданій, и продовольствоваться пошлыми переводами и передѣлками на скорую руку, которыхъ, чѣмъ грубѣе, тѣмъ скорѣе сходять съ рукъ и приносятъ болѣе прибыли.

Бенефисныя представлѣнія, даваемыя каждому актеру и

обязывающія его составлять спектакль изъ новыхъ пьесъ, поступающихъ въ безвозмездную собственность сцены, слѣдуютъ другъ за другомъ съ такою быстротою, что не даютъ артистамъ очнуться, не только, что выучить и еще менѣе того обдуматъ роли свои. Отсюда проис текаютъ непрѣдѣльные недостатки исполненія, которые тѣмъ пагубнѣе, что отъ частаго повторенія обращаются въ дурины привычки и отучаютъ отъ размышленія, т. е. отъ всякаго внутренняго участія въ представлѣніи. Художникъ безъ этого необходимаго элемента — становится ремесленникомъ. Численность потребныхъ есть для бенефисовъ не допускаетъ строгой разборчивости, особенно, когда и безъ того чувствуется сильный недостатокъ въ талантливыхъ писателяхъ и когда съ подобною разборчивостію необходимо должны сопрягаться особенные расходы бенефиціанта. Въ такомъ случаѣ, для него — всякое даяніе благо, и никто не возметъ на себя обязанности разсудить, что отъ этого частнаго и личнаго блага происходитъ общественный вредъ, ибо пьесы бенефисныя становятся законнымъ наслѣдствомъ спектаклей не-бенефисныхъ.

Въ 1842 году, я, изъ любопытства, свѣль итогъ нашей сценической дѣятельности. Оказалось, что въ теченіе года поставлено на сцену *шестъдесѧтъ девѧть* новыхъ пьесъ. Это легко выговорить, но каково ихъ разучить, обставить, сладить и сыграть, и притомъ въ самое короткое время, потому что весь *театральный срокъ* (saison) состоитъ у насъ не болѣе, какъ изъ пяти мѣсяцевъ, если исключить десять недѣль поста, сорокъ двѣ субботы и три мѣсяца, которые составляются изъ праздничныхъ и лѣтнихъ днѣй, когда не бываетъ спектаклей. Значить, на каждый мѣсяцъ приходится по четырнадцати пьесъ или на каждые два дни по одной новой пьесѣ, среднимъ числомъ — въ два акта. Возможно-ли какое нибудь совершенство или развитіе художественное при такой быстротѣ? Почти никто изъ значительныхъ и талантливыхъ авторовъ нашихъ не трудится для нашей сцены, потому, въ первыхъ, что бенефисная лента не можетъ вознаградить его за долговременный трудъ, а во вторыхъ, потому что ни одинъ мыслящій и дорожающій своимъ именемъ писатель не рѣшится отдать плодъ своего воображенія, можетъ быть, своей задушевной мысли, на произволъ слѣпаго случая, или, говоря прямѣе, на произволъ лицедѣевъ, не только не увѣренныхъ въ истинѣ своего олицетворенія, но даже и въ роляхъ своихъ.

Бенефициантъ смотритъ на свой бенефисъ, какъ купецъ на ярмарку, полагая на нее всѣ свои корыстные расчеты и назначая къ тому времени уплату по своимъ векселямъ: это для него *торговый оборотъ*. Прежде всего ему нуженъ полный домъ, полный сборъ. Для сбора необходима приманка, т. е. новыя пьесы. Но бенефисы следуютъ одинъ за другимъ съ такою быстротою, что за ними не поспѣсть ни одно авторское перо, хотя бы оно приводилось въ движение парами. Гдѣ же взять новыхъ пьесъ? Сознательный драматургъ не станетъ писать на заказъ и на скорую руку; да притомъ смѣтливый бенефициантъ, хлопоча о хорошемъ сборѣ, въ тоже время заботится и о сбереженіи личныхъ расходовъ, а какой же расходъ можетъ быть для него болѣе личнѣй, какъ не расходъ на вознагражденіе хорошаго автора, за хорошую пьесу. Да притомъ оно лежитъ и вѣтъ его средствъ.

И такъ бенефициантъ обращается къ птенцамъ литературнымъ, которые набиваются себѣ руку въ переводахъ при помощи словарей и-которыхъ самолюбіе особенно щекотливо при взгляде на свою фамилію, повторяемую печатно въ сѣро-бумажномъ царствѣ афишъ. И вотъ пьесы ссыпаются градомъ на сцену; въ два, три дни бенефисъ составленъ, афиша отпечатана, названій и подраздѣленій тьма-тьмущая, и всѣ довольны: публика въ полной увѣренности увидѣть чудеса изъ чудесъ, — театръ въ полномъ удовольствіи, что пріобрѣлъ поллюжину пьесъ, безъ траты полушки, бенефисъ — съ полнымъ сборомъ, авторы — въ полномъ убѣжденіи, что они люди геніальные; но увы! полный театръ — вполнѣ недоволенъ представлениемъ, которое послѣ двухъ, много трехъ разъ, отправляется въ Лету, то есть, въ область забвенія, на темныя полки темнаго царства театральной библіотеки. Вотъ результатъ всего!

Это приводить къ тому, что у насъ никогда не можетъ образоваться главной стихіи сценическаго искусства, поставившей театръ пѣмцевъ, французовъ и англичанъ на такую высокую степень совершенства, не можетъ быть — *созвокупности игры* (*ensemble*). Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ, нетверлое въ сѣдѣ, т. е. нетверлое въ роляхъ, думаетъ только о томъ, какъ бы по добру по здорову выпутаться изъ собственной бѣды, и предоставляетъ остальныхъ соправляющихъ на произволъ ихъ доброго генія. Не все и не всѣ дѣйствуютъ для одной главной цѣли: *выразить общими силами мысль пьесы и намѣреніе автора — въ правдивой и естественной формѣ*, и жертвовать, для

успѣха цѣлаго, частными интересами отдельныхъ характеровъ, но каждый старается отыскать эффекты въ своей роли и, не взирая на отсутствіе связи этихъ эффектовъ съ мыслью цѣлаго, выставить себя въ вышуклѣй видѣ. Оттого теряется колоритъ цѣлаго, всякая гармонія между частями, исчезаютъ всѣ мелкіе оттѣнки, которые на сценѣ, какъ въ картинѣ, составляютъ главное достоинство, а иногда даже и самъ смыслъ. Хорошія пьесы, при такомъ порядкѣ вещей, неминуемо гибнутъ: бѣдное созданіе автора тащатъ въ разныя стороны, кто въ лѣсь, кто по дрова. А посредственному творенію никогда нельзѧ дожить даже до сноснаго успѣха, между тѣмъ, какъ мы часто видимъ, что самыя скучныя издѣлія драматической на иностранныхъ сценахъ, отъ совокупной игры, производятъ огромный эффектъ.

Вотъ вредъ, который бенефисное направлѣніе причиняетъ сценическому искусству; на драматическую литературу оно дѣйствуетъ еще пагубнѣе. Критика, стало быть, можетъ отличать только людей съ истиннымъ и великимъ дарованіемъ и удерживать ихъ въ минуты, когда они готовы сбиться съ истиннаго пути, а жалкую посредственность и бездарность — она должна поручить ихъ печальной участіи, и переходить молчаниемъ дѣйствія лицъ, не постигающихъ ни цѣли, ни важности своего дѣйствія, и которые неисправимы до гроба, потому что при рожденіи не были отмѣчены божественною искрою самосознанія и постиженія.

Впрочемъ, нашей народной драмѣ и безъ того не широкій разгуль, Кромѣ недостатка въ людяхъ, душою преданныхъ искусству — безъ побочныхъ цѣлей, и въ истинныхъ дарованіяхъ, мы скучны и въ предметахъ къ олицетворенію, взятыхъ съ родной почвы. Наша политическая жизнь слишкомъ молода, чтобы могла служить источникомъ для драмы. Предъ-историческая жизнь нашихъ предковъ носитъ на себѣ образъ чего-то миѳического для насть самихъ, а ежедневный общественный нашъ быть слишкомъ одностороненъ. Наша жизнь гражданская тѣсно связана съ административною, и не всѣхъ пружинъ ея можно касаться въ драмѣ. Кивая на Петра — того-и-гляди смахнешь на Ивана; а драма изъ общественного современного быта, въ настоящихъ его проявленіяхъ, решительно невозможна; формы нашей жизни слишкомъ опредѣленны и положительны, чтобы можно было допустить мысль, что страсти у насть могутъ иногда шагать за показанные предѣлы. Оттого хорошія комедіи наши очень похожи на драмы,

смѣшъся, но съ сжатымъ сердцемъ, какимъ-то судорожнымъ смѣхомъ, потому что подъ карикатурою узнаешь черты, близкія душѣ. Такое чувство, вѣрно, испытывалъ всякий, кто поглубже вникъ въ смѣшную сторону «Горя отъ ума» или «Ревизора». И такъ, нашему театру остаются въ достояніе однѣ драмы, съ трескучими эффектами, безъ истины и силы моральной, съ громкими фразами, безъ внутренняго чувства, и водевиль—съ карикатурами, не изображающими, а корчащими общество, и исключенія изъ общихъ чертъ народныхъ — *pièces de genre*. Весь обиходъ русскаго воображенія и юмора на сценѣ ограничивается *въ драмѣ*: тремя общими характерами добродѣтельныхъ лицъ, двумя эпохами нашей исторической жизни; а въ *комедіи*: двумя, тремя стереотицкими формами мелкихъ чиновниковъ и купцовъ Щукина Двора, которыхъ авторы, въ каждой новой пьесѣ, какъ куколь, переодѣваются только въ новый костюмъ, смотря по времени и мѣстности дѣйствія. Мудрено-ли, что это иаконцъ надоѣсть и публикѣ, и самимъ авторамъ и артистамъ? Притомъ у насъ такой уже обычай: вѣсъ живутъ чужимъ умомъ. Если хороший писатель напишетъ эффектную пьесу,—не разбирая средствъ, употребленныхъ имъ для успѣха, не смотря на внутреннее достоинство его произведенія и направленіе, которое оно даетъ искусству, тотчасъ же за нимъ потягнется вереница жалкихъ подражателей, какъ стадо журавлей за маткою, и пойдетъ, по его выкройкѣ, точить на живую нитку изъ апробованныхъ сценъ и фразъ такое количество пьесъ, что даже пьеса первого созданія, или прототипъ ихъ творчества, теряетъ всю свою цѣну и становится пошлой и противною. Глубокая драма и высокая комедія изъ русскаго быта на нашей сценѣ рѣшительно существовать не могутъ, и вотъ главная причина упадка нашего народнаго театра.

По этому взглѣду эстетика на нашу драматическую литературу самый печальный: это обширная пустыня, гдѣ больше миражей, чѣмъ существенности, гдѣ капля воды—кажется уже моремъ, одна искорка мысли—глубокой идею. Тѣмъ только и поясняется часто колоссальный успѣхъ самыхъ посредственныхъ произведеній, которыхъ въ иное время и при большемъ развитіи умственной дѣятельности — показались бы больше чѣмъ ничтожными.

Нѣкоторые близорукіе цѣнители искусства, съ непроститель-

нымъ самодовольствомъ убаюкивая себя мыслью, что мы во всемъ стали въ уровень съ Европою, и забывая, что намъ посѣлъ этого предлежитъ еще великий подвигъ самобытнаго развитія нашей національности, къ чему стремится нынѣ и всѣ народы Запада, съ какимъ-то ребяческимъ восторгомъ встрѣчаютъ всякое нововведеніе въ русской драмѣ и называютъ простое усиліе быть оригинальнымъ — обновленіемъ русской сцены. Но эти люди забываютъ, что обновленіемъ можно почесть только основаніе новой школы, покоющейся на новыхъ идеяхъ, опровергнувшей всѣ старыя начала, и отъ развитія которой предвидится новая жизнь и новое направлѣніе для искусства. Такой переворотъ на сценѣ можетъ воспослѣдовать только при измѣненіи самого общества, котораго она составляетъ зеркало. Но мы въ сущности не подвинулись впередъ ни на шагъ: наши современные драмы напоминаютъ Крюковскаго, Озерова и Ильина; комедіи Гоголя возобновляютъ только направлѣніе, данное было нашему театру Фонъ — Визинъмъ. Къ чему же обманывать самихъ себя? Къ чему вводить въ заблужденіе другихъ и останавливать стремленіе къ совершенствованію, подстилаю обильныхъ лавръ для самодовольнаго отдохновенія?

Вотъ гдѣ критика должна вступить въ свои права и своимъ анатомическимъ ножемъ отдѣлить зараженные части искусства отъ свѣжихъ органовъ, способныхъ воспроизвестъ жизнь на сценѣ. Постараемся, чтобы она въ нашихъ статьяхъ, при разборѣ произведений драматической литературы, всегда клонилась къ этой цѣли.

Критика безъ естетическихъ основаній, безъ положительнаго взгляда на цѣль и направлѣніе искусства, безъ опредѣленныхъ убѣжденій, какъ она доселъ, за исключеніемъ весьма немногихъ изданій, у насть существовала, должна приносить театру болѣе вреда, чѣмъ пользы. Отъ неясности ея взгляда — сужденія ея становятся безотчетными; отъ несознанія, къ чѣму и для чего она существуетъ, — изрѣченія ея принимаются всѣ характеры, кромѣ истиннаго; отъ неопредѣленности ея цѣли — она не имѣетъ никакого направлѣнія и, дѣйствуя только по однимъ отношеніямъ личнымъ или партіальнымъ, она часто бываетъ въ приговорахъ своихъ уклончива и неискренна. Оттого мнѣнія ея объ одномъ и томъ-же предметѣ мѣняются съ каждой статьею, и статьи эти, переставая быть критикою въ тѣсномъ значеніи слова, становятся простыми, без-

участными и мертвыми отчетами, въ которые, по несчастію, вмѣсто дѣйствительной арены искусства, закрадывается темная закулисная жизнь, бесполезная для дѣла, оскорбительная для однихъ и никакъ неинтересная для другихъ. Она раздражаетъ мелкія самолюбія, и безъ того черезъ-чуръ воспріимчивыя, унижаетъ святое назначеніе критики и пускаетъ въ ходъ дрязги, которыхъ гораздо приличиѣ было бы скрывать отъ глазъ свѣта, чтобы не разочаровывать его и, въ лицѣ художниковъ, не охлаждать и къ самымъ художествамъ.

Не будемъ разоблачать того, что болѣе относится къ артистической жизни, чѣмъ къ области искусства, и вспомнимъ стихъ:

Quand le hÃ©ros s'evanouit, l'homme reste !

За чѣмъ же отнимать у художника то, что заставляетъ забыть въ немъ человѣка, подверженного слабостямъ, какъ и весь родъ людской, и приподнимать завѣсу съ таинствъ, которыя именно потому только и заманчивы, что представляются воображенію въ туманныхъ образахъ иллюзій.

Въ западной Европѣ, гдѣ образованность и грамотность нынѣ разлита во всѣхъ классахъ народа, театръ сдѣлался потребностію, какъ нравственная пища. У насъ онъ пока простое удовольствіе, приятное время препровожденіе, и мы рады, когда онъ въ залѣ свои привлекаетъ шумпія толпы, которая, можетъ быть, нашли бы иные способы убить время, менѣе пристойные и благородные. Но мы никакъ не можемъ согласиться смотрѣть на театръ съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣть на него иногда иностранцы, — какъ на спекуляцію или выгодное предпріятіе. Спекуляція можетъ существовать только тамъ, гдѣ есть потребность, а мы уже сказали, что театръ у насъ пока еще не сдѣлался потребностію народа, который часто замѣняетъ его картами, попойками и другими забавами въ томъ-же родѣ. У насъ, гдѣ большинство посѣтителей театра стоитъ еще на первой ступени образованія, сцена можетъ и должна быть не одною простую забавою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и практическою школою, которая давала бы направленіе народной мысли и народному вкусу. Съ этой точки зрѣнія вамъ-гены мы всегда смотрѣты на нашу сцену. Можетъ быть, мнѣнія ваши иногда будутъ противорѣчить громкимъ рукооплесканіямъ толпы, но на этотъ разъ мы изложимъ здесь снова мнѣніе наше, уже высказанное однажды въ другомъ мѣстѣ.

Вотъ оно:

«Критика, не должна полагаться на авторитетъ пестрой массы зрителей, разнообразной и несходной и въ степени своего образованія, и въ развитіи вкуса, и даже въ самыхъ взглядахъ и требованіяхъ своихъ. Критика дѣйствуетъ на основаніи положительныхъ, данныхъ и правильныхъ, предписываемыхъ ходомъ самого просвѣщенія и степенью развитія искусства вообще, а не на основаніи минутнаго, безотчетнаго увлеченія или странной прихоти вкуса. Эстетика, какъ наука о прекрасномъ, служить основаніемъ критикѣ; какъ наука, она имѣетъ постоянные и непреложные законы, которые не могутъ быть измѣнены. Потому-то мнѣнія критики часто находятся на такомъ разномъ противорѣчіи съ мнѣніями массы, дѣйствующей произвольно и безотчетно. Что для прихоти публики можетъ казаться прекраснымъ, не признается иногда за прекрасное по законамъ эстетики. Иногда минутное увлеченіе и прихоть публики могутъ происходить и отъ испорченности вкуса: тутъ-то и должна являться критика съ своимъ карающимъ жезломъ, чтобы открыть заблужденіе и направить вкусъ на путь истинный. Она не можетъ смотрѣть на отрасль литературы, на отрасль искусства, два важнѣйшия органа народной жизни, какъ на забаву — за что ихъ принимаютъ многіе, какъ на спекуляцію — за что принимаютъ ихъ *илькоторые*.

Театръ для нея есть одно изъ самыхъ могучихъ средствъ къ распространенію просвѣщенія, къ развитію народнаго вкуса, и потому она не можетъ оставаться равнодушною, когда видѣть непривѣтныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, дающихъ превратный смыслъ искусству, проповѣдующихъ ложныя основанія съ театральныхъ помостовъ, которые, въ этомъ смыслѣ, становятся кафедрой, откуда должны бы истекать только слова истины, знанія, убѣжденія и вдохновенія, чистаго и прекраснаго.

Къ несчастію, у насъ этого многіе не понимаютъ или не хотятъ понять: они видѣть въ критикѣ какую-то враждебную стихію для ихъ замысловъ и видовъ, не постигая того, что если искусство возвысится, то оно найдетъ болѣе поклонниковъ въ народѣ, пристраститъ народъ къ наслажденіямъ, которыя доставляютъ, и чрезъ то возвысить и самыя ихъ выгоды. Но до этого результата искусство можетъ достигнуть только при посредствѣ строгой, безпристрастной критики. Критикъ, по ихъ мнѣнію, прямо *врагъ* театру; но —

Часто полезенъ и врагъ: чего въ себѣ сами не видимъ,
Онъ подмѣчаетъ, и тѣмъ наѣтъ же наводитъ на сѣдѣ!

говорить Шиллеръ, а ему въ дѣлѣ искусства можно бы, кажется, повѣрить. Невѣжество даже называетъ критику — бранью, не понимая, что открывать въ предметѣ недостатки, побуждать его къ совершенствованію, и здравымъ сужденіемъ давать слѣпой толпѣ направлѣніе къ прекрасному и истинному, — есть величайшая заслуга, какую умъ человѣческій можетъ оказать человѣчеству. А попробуйте-ка у насъ сказать актеру, что онъ не понимаетъ требованій искусства, что онъ не такъ постигаетъ свое призваніе, что онъ ложно схватилъ характеръ, не соблюль исторической или эстетической вѣрности, — его самолюбцице тотчасъ ударить тревогу, пойдутъ толки, жалобы, просыбы — «онъ де-меня обругалъ,» — и найдутся люди, которые его выслушаютъ, съ нимъ согласятся — въ противность самой очевидной истинѣ, — и, ножалуй, васъ же осудятъ.

У насъ живописцы, литераторы, ваятели, архитекторы, музыканты, вообще всѣ художники подвергаются критикѣ, выслушиваются критику, пользуются замѣчаніями критики — и не ропщутъ, но часто даже благодарятъ. Они не боятся ея, а жалуютъ, потому что хотятъ совершенствоваться. Одни актеры рождаются у насъ непогрѣшительными геніями, для которыхъ нѣтъ судей, нѣтъ совершенствованія, — а должно быть только одно нѣмое изумлѣніе и раболѣпное поклоненіе. Но они забываютъ, что въ этомъ легкомъ стяжаніи славы именно славыто и нѣть:

A vaincre sans obstacle
On triomphe sans gloire!

Иностранные артисты паче смотрѣть на критику, они жаждутъ ея, они обожены до глубины души, если обѣихъ не судить, ибо знаютъ, что не судить только о томъ, что не стоитъ сужденія, что чуждо всякаго достоинства, что не въ состояніи навести на какую бы то ни было мысль. Художникъ творить, чтобы услышать приговоръ своему творенію: безъ приговора — и творчество его не существуетъ. Тамъ говорить критику:

Строго, какъ сорѣсти гласть, ты судишь мои начинанья;
Вотъ почему я тебя, друга, какъ совѣсть люблю.

Въ Италии, Германіи, Англіи и Франціи одни ремесленники художественные, одни поденщики искусства — боятся въ не-

любятъ критики, потому что, открывая ихъ ничтожность, ищутъ невѣжество, ихъ безгаданность — она можетъ лишить ихъ некоторыхъ житейскихъ выгодишекъ, кой-какихъ денежныхъ барышковъ. За то въ этихъ странахъ искусства и достигли такой апогеи, за то тамъ мы и встрѣчаемъ великие таланты, подобные Рубини, Тамбурини, Тальмъ, Леметру, Зейльману, г-жѣ Гагнѣ, Эмилю Девріену, Плесси, Аланамъ и проч. Всѣ они прошли чрезъ строгую школу критики, выгралились, вышлировались и являются нынѣ самоцѣнными алмазами.

Само собою разумѣется, что всѣ не могутъ родиться геніями, но каждый трудомъ, прилежаніемъ, старательностю можетъ болѣе-или менѣе искуситься въ своемъ дѣлѣ. Шиллеръ даетъ такой совѣтъ художникамъ:

*Kannst du nicht schön empfinden, dir bleibt doch vernünftig zu wissen,
Und als ein Geist zu thun, was du als Mensch nicht vermagst!*

то есть:

Не можешь прекрасно ты чувствовать, стараися разумно хотѣть, —
И пусть то свершаетъ твой духъ, чего не возмогъ человѣкъ.

Лучшимъ руководствомъ для этого могутъ служить уроки критики.

При нашей неприкосновенности мелкихъ самолюбій, критикъ всего лучше замолчать, по крайней мѣрѣ, до болѣе благопріятнаго времени, до времени терпимости чужихъ мнѣній, до того просвѣщеннаго времени, когда образованность и ученіе сдѣлаются необходимостю сценическаго поприща и когда оно оживеть подъ благотворными лучами истинныхъ понатій объ искусствѣ и любви къ нему.

Нынѣ театръ нашъ переживаетъ періодъ по опредѣленію Гете (*), но настанетъ время, когда онъ, можетъ быть, вступитъ въ періодъ, опредѣляемый Шиллеромъ, который говорить:

Das Theater ist eine moralische Anstalt.

И такъ, мы однажды навсегда поставимъ себѣ за правило только тогда говорить объ артистѣ, когда видимый шагъ къ усовершенствованію, явный успѣхъ его въ искусствѣ, или нестинно-прекрасное его созданіе — вызоветъ насть на похвалу; но мы будемъ переходить молчаніемъ все остальное, не разру-

(*) *Das Theater ist eine speculative Anstalt.*

шад мечты тѣхъ, которые, едва зная азбуку искусства, уже почитаютъ себя геніями, на основаніи аплодисмановъ, заслуживаемыхъ иногда такими средствами, которыя отвергаетъ образованный вкусъ и высокое значение искусства. Давать совѣты и указывать на заблужденія тѣмъ, которые ни по нравственнымъ, ни по физическимъ силамъ идти впередъ не могутъ — решительно бесполезно; эти указанія, конечно, могли бы служить назидательными уроками для молодыхъ талантовъ, у которыхъ такъ много еще впереди — да гдѣ эти таланты и, притомъ, кто же вынѣ учится? Теперь все выходятъ прямо съ школьной лавки — совсѣмъ готовыми великими людьми, какъ некогда Минерва вышла изъ головы Зевеса. Все, обѣ чѣмъ мы будемъ упоминать въ статьяхъ — достойно особенного вниманія, о чѣмъ умолчимъ — достойно молчанія. Сдѣлавъ, такимъ образомъ, необходимое и для настѣ небольное условіе, мы съ читателемъ будемъ понимать другъ друга.

Приступимъ же къ дѣлу.

жет, что впереди у нас есть еще одна проблема — каким образом уменьшить количество автомобилей на дорогах. Для этого необходимо улучшить транспортную инфраструктуру, включая создание новых трасс и улиц, а также внедрение различных мер поощрения общественного транспорта и стимулирование использования альтернативных видов транспорта, таких как велосипеды и электромобили. Важно также улучшить правила парковки и создать более удобные условия для пешеходов и велосипедистов. Всё это потребует времени и усилий, но в конечном итоге приведет к более безопасным и экологичным дорогам для всех участников дорожного движения.

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ ТЕАТР.

Двоиникъ. Драма, въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. П. Каратынина.

Женитьба на скорую руку, или Дурной женихъ сватается, хорошему дорогу прокладываетъ. Оригинальная (!?) комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. А. П-ча.

Приключение въ жидовской корчме, или Удача отъ неудачи. Опера-водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Семенова, музыка Ленгарда.

(Бенефисъ г. Карагина 2-го.)

Въ древнія времена многіе народы вѣрили въ метампсихосъ, то есть, въ переселеніе душъ изъ одного человѣка въ другаго, и даже въ предметы, не одаренные разумною жизнью. Одинъ изъ умнѣйшихъ людей древности, греческій философъ Піѳагоръ, извѣстный въ области математики по своимъ—извините за техническое выражение—по своимъ... словомъ, по своему нижнему платю, изображенному въ видѣ геометрической теоремы, составилъ объ этой вѣрѣ даже особенное ученіе. По его мнѣнію, души первоначально носятся въ пространствѣ безознательно, выглядывая, куда-бы имъ пріютиться, и потому часто выбираютъ себѣ для жилья тѣла безъ разбора. Но обманувшись одинъ разъ въ своемъ помѣщеніи, онъ еще съ большою ревностію и торопливостію ищутъ себѣ новаго притона, вылетѣвъ однажды изъ своей квартиры, по смерти бренной оболочки. Чѣмъ болѣе природа тратить даровъ на украшеніе тѣла, тѣмъ менѣе остается простора для души. Бѣдная душа въ такомъ случаѣ отыскиваетъ себѣ какой нибудь темный уголокъ, где бы она была совершенно незамѣтна, или, въ крайности,

сти, забивается въ ноги. Оттого красавицы и танцовщицы бываютъ, по большой части,— бездушны. Въ древности, души были не такъ падки къ золоту, какъ въ новѣйшія времена, когда они льнутъ къ блестающему металлу, какъ мотыльки къ свѣчкѣ. По этому, тогда было гораздо менѣе скаредныхъ и подленькихъ душъ, чѣмъ вышѣ, а какъ въ тѣ времена еще не знали стряпчихъ и приказныхъ, то души и не такъ скоро изнашивались и черствѣли. Пиѳагоръ основывалъ свое ученіе на чрезвычайной памяти своей души. Онъ могъ сказать, чрезъ какія тѣла она, по наслѣдству, дошла до него. Память эта простиралась около тридцати пяти лѣтъ до осады Трои, которая, какъ известно, началась въ 1218 году до Рождества Христова. Въ то время душа Пиѳагорова принадлежала Эгалиду, сыну Меркурия и Эвполемы, который служилъ въ походѣ Аргонавтовъ въ Колхиду—за золотымъ руномъ. Стало быть, душа эта была самаго аристократического происхожденія, хотя не изъята была въкоторой наклонности къ корысти, какъ мы это нерѣдко видимъ въ новѣйшія времена. Потомъ она перешла въ Эвфорба, того самаго труса, который былъ раненъ Менелаемъ при осадѣ Трои, и за трусость свою, стяжалъ важный чивъ и бессмертие — въ лѣтоисчислѣ Гомера. Изъ тѣла Эвфорба, трусливая душа его перешла въ Гермотима. Тутъ-то для нея началось настоящее житье! Тѣло это было тучное, сластолюбивое, пьяное, несмыслившее и нечувствующее, созданное только для виднаго мѣста, для пищи и сна: душа въ немъ дѣлать было нечего, и потому она, по-временамъ, отлучалась и летала путешествовать по отдаленнымъ землямъ. Во-время ея отсутствія владѣлецъ ея бывалъ всегда еле-живъ. По смерти Гермотима, душа, утомленная треволненіями большаго свѣта и суетою міра сего, переселилась въ рыбака, до того безвѣстнаго, что даже мулрый Пиѳагоръ не могъ сократить для потомства имени этого предка. Наконецъ, она отдохнула въ уединеніи, надумалась и рѣшилась пуститься въ философскія умствованія, почему и перешла въ Пиѳагору, величайшему мечтателю своего вѣка.

Вотъ древнєе вѣрованіе въ переселеніе душъ, по ученію Пиѳагора. Оно не совсѣмъ безумно, несмотря на забавную форму, въ которую облечено, ибо въ немъ заключается первая великая идея о бессмертіи души. Греческій мудрецъ былъ вполнѣ убѣжденъ въ непогрѣшимости своихъ мнѣній, что дѣлаетъ ему честь; но увѣренность его доходила иногда до смѣшнаго. Такъ, видя разъ человека, который немилосердно билъ свою со-

баку, онъ притягъ въ ужасъ и умиление отъ вида несчастного животнаго, и вскричалъ, останавливая руку сердитаго хозяина: «Стой, несчастный! что ты делаешь: это душа искренняго моего друга, я узваю его по голосу!»—Еслибъ Пиегоръ былъ еще живъ, онъ непремѣнно сдѣлался бы однимъ изъ ревностѣйшихъ членовъ *Общества противъ угнетѣнія животныхъ*, единственно для спасенія своихъ друзей!

Въ настоящее время, метаморфозъ существуетъ только въ литературѣ. Онъ состоять въ переселеніи душъ изъ сочиненія одного автора въ сочиненіе другаго, въ переходѣ души, т. е. идеи или мысли, изъ англійскаго или вѣмецкаго романа — во французскую повѣсть, изъ французской повѣсти — въ русскую драму, изъ драмы — въ водевиль, изъ водевиля — въ журнальную смѣсь и такъ далѣе. Пиегоромъ — этого рода метаморфоза былъ покойный Жанъ Покемонъ Мольеръ, который говорилъ:

«*Je prend mon bien, oй je le trouue!*»

Онъ былъ Пиегоромъ — и по гению своему и по изобрѣтенію этого способа переселенія чужаго духа въ свое созданіе. Ревностѣйшимъ его послѣдователемъ во Франціи явился Александръ Дюма, который довелъ систему Мольера до значительнаго усовершенствованія и стѣль брать чужеземное достояніе цѣлкомъ въ свои произведенія, то есть, съ *душой* и *тѣломъ*, и наряжалъ ихъ только въ костюмъ по послѣднему французскому покрою. Такъ, на примѣръ, поступилъ онъ съ Шиллеромъ, у котораго взялъ изъ драмы «Коварство и любовь» почти цѣлый актъ и вставилъ его безъ всякихъ измѣненій, кромѣ именъ дѣйствующихъ, въ свой романъ — «Альбина.»

Мы, Русскіе, кромѣ многихъ другихъ похвальныхъ качествъ, обладаемъ, по преимуществу, способностию подражанія и перениманія или обезьявства: у насъ Дюма нашелъ искреннихъ поклонниковъ и система его съ большимъ успѣхомъ перенята вѣкоторыми драматическими писателями. У насъ Шиллеръ и Шекспиръ почти цѣлкомъ явились въ русской формѣ и въ народной драмѣ. Даже «Разбойники» — первого, невозможнаго у смихъ иѣнцевъ, нашли олицетвореніе на русской сценѣ, въ русскихъ вправахъ, и притомъ подъ видомъ русскихъ историческихъ лицъ! — Занимательно и похвально!

Г. Петръ Карагановъ принадлежитъ къ числу драматиче-

скихъ метаморфистовъ; онъ старыя комедіи пересочиняетъ въ водевили и повѣсти передѣлываетъ въ комедіи и драмы. Мы весьма далеки оттого, чтобы порицать такой родъ творчества, наоборотъ, мы даже одобляемъ его, ибо думаемъ, что гораздо лучше взять чужую разумную лушу, чѣмъ создать свою—вѣлую, грубую и мелочную. Но полагаемъ, что при этомъ фокусъ—поп-ку, для того, чтобы онъ былъ удаченъ и вполнѣ изумительенъ, должно напередъ хорошо ознакомиться съ душою, принадлежащею другому, изучить и понять ее, уловить то важное и часто скрытое значеніе, которое затаено въ ея глубинѣ, и потомъ уже переводить ее въ новое тѣло, котораго физическая организація соответствовала бы моральному направлению новой его гостьи. Иначе можетъ съ этой бѣдной душою случиться тоже, что случилось съ душою Пиѳагора, при переходѣ ея изъ тѣла Евфорба, или съ душою его друга, которая въ новой формѣ своей подверглась такимъ печальнымъ результатамъ. Чѣмъ былъ владелецъ собаки для несчастной души друга Пиѳагорова, тѣмъ можетъ сдѣлаться и критика для драматической души, которую зря засунуть въ пьесу, безъ соблюденія приведенного выше правила.

Душу для своего «Двойника» г. Каратыгинъ вынулъ изъ повѣсти Поля Февалья. Душа эта уже много пострадала подъ типографскими станками и подъ ножницами нашихъ литературныхъ закройщиковъ, при переложеніи своемъ на русскій языкъ. Несмотря на то, она сохранила много своего разумнаго начала. Посмотримъ, что съ ней произошло въ русской драмѣ.

Въ повѣсти, Поль—Феваль передалъ намъ слѣдующее: Англичанинъ—банкиръ, которому во всю жизнь везло безумное счастіе, который не испыталъ никакихъ нравственныхъ потрясений, наконецъ утомляется своимъ ежедневнымъ—одно—и—тоже и дѣлается жертвою весьма извѣснѣй британской болѣзни—сплина или, по нашему—хандры. Случай заводить его въ игорный домъ, онъ вачинаетъ играть, проигрываетъ, волвуется и находитъ незнакомое ему дотолѣ наслажденіе въ этомъ судорожномъ ожиданіи, въ этихъ обманчивыхъ разсчетахъ, въ поразительныхъ проигрышахъ, которые ведегъ за собою азарная игра. Понемногу—онъ дѣлается страстнымъ игрокомъ. Дорожа своимъ именемъ, какъ человѣкъ съ честью, и достоинствомъ, которое принадлежитъ не ему одному, но и его семейству, онъ однакожъ не хочетъ, чтобы въ городѣ кто нибудь узналъ объ его слабости и ночныхъ похожденіяхъ,

весьма опасныхъ для репутаціи и кредита торгового человѣка. Для избѣжанія огласки, онъ заказываетъ восковую фигуру, совершенно на него похожую, которую одѣваетъ въ такой-же халатъ, какой самъ носить, и по вечерамъ, во время своихъ отлучекъ, сажаетъ ее къ своему рабочему столу. Возбужденный въ высшей степени безпрерывнымъ проигрышемъ, онъ во что бы то ни стало хочетъ переломить счастіе и обратить его къ себѣ своими комбинаціями. Для этого онъ придумываетъ мнимый отъездъ, передаетъ управление дѣлами своему главному контористу, переодѣвается, и уже проводитъ дни и ночи съ игроками. Между тѣмъ, контористъ подрываетъ его кредитъ ложными слухами, которые распускаетъ на биржѣ, возбуждаетъ страшныя беспокойства въ его семействѣ, выдаетъ, вместо его фальшивые векселя подбирается къ его кассѣ и къ его дочери, и все это на основаніи куклы, которую онъ открылъ и которую выдаетъ за дѣйствительнаго, но помѣшаннаго своего хозяина. Молодой человѣкъ, женихъ дочери банкира, также захолитъ въ игорный домъ, попытать счастія; проигрываетъ и уплачиваетъ векселемъ, подписаннмъ банкиромъ. Тотъ узнаетъ поддельную подпись, обвиняетъ молодаго человѣка въ мошенничествѣ, возвращается съ нимъ домой, и ясно видитъ несчастіе, въ которое ввергъ было своимъ безразсудствомъ бѣдную жену и дочь. Конторщикъ оправдывается, какъ можетъ, и думаетъ только завладѣть сундукомъ съ деньгами, которыя называетъ своими. Но банкиръ предупредилъ его. Сундукъ имѣетъ механическій замокъ, который можно запирать на разныя манеры, такъ-что только тотъ, кто его заперъ, въ состояніи его послѣ отпереть. Возвратясь домой, онъ хотѣлъ убѣдиться, цѣлы ли его деньги, и заперъ сундукъ по своему. «Хорошо, говоритъ онъ контористу, если эти деньги твои въ ты самъ ихъ положилъ въ сундукъ, то вѣроятно самъ и заперъ его. Такъ отопри-же его теперь.» Контористъ напрасно старается надѣть замкомъ, сундукъ не отпирается. Тогда банкиръ беретъ у него ключъ и отпираетъ свой сундукъ съ первого раза. Это служитъ уликою обмана конториста.

Авторъ видимо хотѣлъ показать, до чего разумнаго человѣка можетъ довести прихоть, обращающаяся часто въ пагубную страсть, если не поборешь ее разсудкомъ въ самомъ начальѣ. Для этого онъ выбралъ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ англичанина, потому-что англичане, по оригиналности и прѣцѣнности своего характера, способны на всякую крайность,

оть которой умный человѣкъ другой націи скорѣе бы воздержался. У него каждое дѣйствіе имѣть свою основательную причину, и разсказать его оттого становится простъ, понятенъ и естественъ.

Г. Карапыгинъ поступилъ не такъ: онъ—вмѣсто оригинала, хандрика, выставилъ какого-то мизантропа, декламирующаго громкія фразы противъ свѣта и людей, которые кромѣ добра вичего ему не сдѣлали, противъ жизни, — которая, благодаря его счастливой звѣзда, течетъ, какъ по-маслу. Его герой толкуетъ безпрерывно объ привязанности своей къ примѣрной же-нѣ, объ нѣжной отцовской страсти къ дочери, объ заслуженномъ уваженіи согражданъ, и при всемъ-томъ хочетъ лишить себя жизни, сдѣлаться самоубійцею, отнять у достойной жены—мужа, предметъ ея страсти, у обожаемой дочери отца, который для нея все на свѣтѣ, и почтенное имя свое опозорить — гнуснымъ малодушіемъ, непростительнымъ и пагубнымъ для семейства поступкомъ. Не правда-ли, такой человѣкъ — или просто безъ всякаго характера, или сумасшедший. Выходки этого банкира противъ людей и жизни нелѣпы и въ высшей степени не — нравственны. Жизнь не есть глупость, безмысленная комедія, какъ онъ говоритъ, когда она дана человѣку Провидѣніемъ, ничего не творящаго безъ великихъ назначеній. Она стоитъ бытія, когда судьбой доставлены человѣку всѣ средства сдѣлать ее полезною для человѣчества. Человѣкъ съ душою и умомъ, не можетъ пренебрегать ею и не вправѣ презирать людей, за то только, что между миллионами, нашелъ нѣсколько неблагодарныхъ, которые во зло употребили его благодѣянія, или выманили ихъ обманомъ, если только онъ самъ, творя добро, руководствовался внутреннимъ чувствомъ благородной души, а не побужденіями тщеславія. Можно допустить въ умномъ, образованномъ и чувствительномъ человѣкѣ минутную слабость, увлеченіе прихоти, но нельзя допустить расчитавшаго разврата, въ какомъ каждый разсудительный зритель обвиняетъ этаго гражданина-самоубійцу, этаго семьянина — игрока.

Стало быть, главный недостатокъ драмы г. Карапыгина, заключается въ характерѣ, или лучше сказать, въ отсутствіи характера его главнаго лица. Оно не возбуждаетъ участія со-бою, и еще менѣе своими дѣйствіями и ихъ послѣдствіями, которыхъ иначе иное, какъ обыкновенныя послѣдствія, неизбѣжныя въ случаяхъ, когда порядочный человѣкъ, ни съ-того, ни

съ—другого, спрыгнуть съ ума. Его обыкновенно сажаютъ въ домъ безумныхъ, а печальное семейство, хотя огорчено, но покоряется наконецъ волъ судебъ, неизмѣнной вѣчной печалю, и начинаетъ жить по прежнему, ничего не утративъ въ обществѣ съ утратою одного изъ своихъ членовъ. Г. Каратыгинъ не допустилъ, чтобы въ драмѣ его принадли эту благоразумную мѣру: сумасшедший вырвался и надѣлалъ тьму проказъ, изъ которыхъ, какъ ихъ ни рассматривай и не соображай, никакъ не выходитъ драмы. Драма можетъ быть только тамъ, где есть борьба неизмѣнныхъ законовъ человѣческой природы съ уставами общества; где сердце не въ ладу съ направленіемъ вѣка; однимъ словомъ, тамъ, где есть столкновеніе разнородныхъ стихій жизни. Эти столкновенія непроизвольны, и чѣмъ они противоположнѣ, чѣмъ насилиственнѣ, тѣмъ положеніе лицъ становится интереснѣе и страданія ихъ глубже и истиннѣе. Этаго намъ не нужно болѣе пояснить почтенному автору «Двойника», онъ имѣетъ столько сценической опытности, что самъ это пойметъ и согласится съ нами, что въ его пьесѣ нѣтъ ни одной стихіи драмы.

Всѣ остальные лица пьесы очерчены слабо и темно. Дочь банкира — Жени, больше говорунья, чѣмъ девушкa съ чувствомъ; жена банкира — самая обыкновенная плаакса, какихъ почетное купечество нанимаетъ иногда на богатыя похороны, какъ вывѣску семейнаго прискорбія, по случаю радостнаго получения наследства. Негодяй и злодѣй конторщикъ, самый невинный и недальновидный мелкій плутъ, котораго смѣло можно опять отпустить на волю, послѣ легкаго полицейскаго исправительнаго визида. Изъ всѣхъ лицъ, лучше очерченное, трактирнаго слуги, Патро: въ немъ есть комизмъ и потому натура. Чтобы люди, которыхъ мы ставимъ на ходули, могли выполнить затѣйливый танецъ, надо ихъ сперва выучить ходить на деревянкахъ. Не будетъ умѣнья — не будетъ и естественности и грации.

Величайшій эффектъ драмы г-на Каратыгина основанъ на куклѣ, на мѣсто которой въ концѣ третьаго дѣйствія, садится самъ банкиръ и нечаяннымъ своимъ появлениемъ поражаетъ злодѣя конторщика и жену, которые почитали его погибшимъ. Но сцена эта набросана не довольно энергически и потому не производить того дѣйствія, котораго бы можно отъ нея ожидать. Авторъ напрасно упустилъ изъ виду превосходную сцену въ игрномъ домѣ, когда банкиръ узнаетъ свой фальшивый

вексель; она такъ и просится въ драму и ею не следовало пренебрегать. Легко представить себѣ положеніе банкира — который въ эту минуту видѣть бездну, открытую подъ его ногами, и благороднаго молодаго человѣка, котораго публично обвиняютъ въ гнусномъ мошенничествѣ! Вотъ истинно драматический эффектъ.

За то, у г-на Каратыгина вылилась другая, очень счастливая сцена, въ Парижскомъ трактирѣ, между банкиромъ, который хочетъ застрѣлиться отъ нечего-дѣлать и трактирнымъ слугою, Петро, который сошелся съ нимъ въ идеи самоубійства изъ безумной любви. Это самое яркое мѣсто во всей драмѣ, которая, впрочемъ, не смотря на всѣ свои недостатки, все-таки лучшая изъ всѣхъ, появившихся въ прошломъ толь на нашей сценѣ. Если это не можетъ служить для нея слишкомъ лестною похвалою, то мы прибавимъ, что она написана хорошимъ, разговорнымъ языкомъ и иногда очень замысловата въ выборѣ своихъ изрѣчений. Но, не подумайте, чтобы мы относили къ тому каламбуры, которыми она изобилуетъ, въ роль съзывающихъ: «бывають душевныя тайны, отъ которыхъ становится душно;» — «я не люблю толковать сны, потому что они безтолковы;» — «для своихъ цифръ и оборотовъ онъ не хочетъ даже оборотиться ко мнѣ;» — «я разсчитался съ людьми и они меня обищали;» — «дома онъ мнѣ не давалъ отдыиху, злъсь не далъ отдохнуть;» — они принадлежать къ существеннымъ недостаткамъ всѣхъ пьесъ г-на Каратыгина вообще, и этой въ особенности, именно потому, что не отличаются остроумiemъ и недостойны таланта почтеннаго автора. Мы всегда замѣчаемъ въ пьесахъ г-на Каратыгина похвальное желаніе действовать на образованныхъ зрителей и потому, для его же пользы, советовали бы ему избѣгать этихъ средствъ, рѣшительно несомнѣнныхъ со вкусомъ и образованностью.

Драма «Двойникъ» была разыграна, какъ и всѣ драмы на нашей сценѣ, безъ особенныхъ претензій на тонкости сценическаго искусства и безъ особенныхъ эффектовъ, независимыхъ отъ тѣхъ, которые придумалъ самъ авторъ, и происходящихъ отъ совокупности игры артистовъ. Главную роль, банкира, героя пьесы, исполнялъ г-нъ Каратыгинъ /. Онъ былъ герой, въ полномъ значеніи слова, Гамлетъ лондонской биржи, и удовлетворилъ всѣхъ зрителей, которые не требовали отъ англійскаго чудака ни особеннаго колорита характера,

ни национальныхъ формъ. Этотъ артистъ не можетъ играть дурно, это дѣло рѣшеное и поконченное, и притомъ рѣшеное не нами; онъ можетъ ошибаться въ концепціи характеровъ, но въ выраженіи ихъ онъ всегда вѣренъ себѣ. Г-жа Вѣра Самойлова, въ роли Женни, истощила весь запасъ своего тонкаго ума, своей благородной игры и олушевила этотъ характеръ, довольно бѣлый и блѣдный, своею прописочною и наивною веселостію. Въ рукахъ этой артистки, какъ у хорошаго гравильщика, каждый камень получаетъ блескъ алмаза. Г-нъ Максимовъ / — игралъ злодѣя, — и былъ злодѣй вполнѣ. Прекрасенъ по натурѣ и простотѣ игры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и по неподѣльному чувству, — былъ г-нъ Марковецкій, въ небольшой, но игривой роли Патро, трактирного слуги. Г-нъ Сосницкій одинъ придалъ характеру Тома, камердинера банкира, типъ британской национальности: онъ насквозь — англичанинъ. Придавать ролемъ цветъ мѣстности не такъ легко, на это нужны размышенія, наблюдательность и большая сила воли надъ собою. Г-нъ Сосницкій, въ этомъ отношеніи, единственный актеръ на нашей сценѣ. Объ остальныхъ лицахъ мы не скажемъ ни слова.

Вѣмъ вѣроятно пришлось испытать въ жизни, что все, что дѣлается на скорую руку — рѣдко выходитъ хорошо. Но *женитба на скорую руку* — должна быть хуже всего. Что въ жизни, то и на сценѣ, потому-что сцена означаетъ жизнь. Отставной полковникъ Хромаевъ и сестра его, отставная жена Грибкова, люди весьма недальние, живутъ-себѣ, юлятъ, сиятъ, переваривають пищу и ни о чёмъ не думаютъ. У нихъ есть общая племянница — *Машенька*, которую они общими силами взлѣяли среди своей безмятежной жизни и въ столь же безмятежныхъ правилахъ. Хромаевъ, который, какъ надо полагать, уже весьма давно въ отставкѣ, потому-что по манерамъ своимъ нисколько не подходитъ къ полковникамъ нашего времени, вздумалъ отъ нечего-дѣлать, самъ жениться на Машенькѣ, не смотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, по пословицѣ: *слѣдина въ бороду — бѣсъ въ ребро*. Въ ту же племянницу влюбленъ — стиходѣй *Виршиц*, котораго *свѣтъ* не понялъ, по двумъ весьма важнымъ причинамъ, во-первыхъ, потому-что онъ самъ себя не понимаетъ, во-вторыхъ, потому-что онъ не успѣлъ еще подѣлиться съ *свѣтомъ* вдохновеніями своей музы, *зане* — для сообщенія поэта съ вѣшнимъ міромъ и пріобрѣтенія диплома на бессмертіе нужны бумага, печать, переплетчики, журнальные

друзья, или иначе, нужны деньги, а таковыхъ у г-на Варшина не имется. Это большая потеря для Россіи, потому-что г. Варшинъ пишетъ стихи по системѣ *натуральной школы*, т. е. на самые пустѣйшіе предметы, но съ дикими риѳмами, безъ всякой гармоніи, безъ всякаго поэтическаго украшенія и колорита, только съ огромными претензіями на идею, которыхъ у него нетъ. Онъ непремѣнно занялъ бы въ нашей журнальной литературѣ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ, между двумя свѣтилами, пынѣ другъ-друга прославляющими. Молодой дѣвушкѣ, которой пора выйти за-мужъ, решительно все равно, за кого-бы не выйти: Машенька готова сдѣлаться отстанией полковницей и даже лучше того, подругою личты и вздоховъ еще не выслужившагося поэта. Но является новое лицо, *Святкинъ*, племянникъ Хромаева, и порѣшаетъ дѣло въ свою пользу. Фракъ на немъ сшитъ по послѣдней модѣ, шаркаетъ онъ по столичному, выражается на тонкой деликатности, какъ-же ему не одержать побѣды надъ слишкомъ убогими соперниками. Дядюшка одураченъ по недальновидности и по глубокому чувству самоуваженія, тетушка ничего не понимаетъ до самой развязки, потому-что ей свыше не дано таланта разумѣнія.

Конецъ—свадьба. Пьеса вялая, лишенная всякой тѣни изобрѣтенія. Г. Мартыновъ — очень хороши въ роли поэта. Онъ вграетъ дурнаго жениха: будь я на мѣстѣ Машеньки—мой выборъ паль бы на него.

Приключение въ эжидовской корчмѣ—оперетка лоброго стараго времени, безъ особыхъ затѣй, безъ претензій на остроуміе, но веселая, игривая, полная военной удачи, малороссійскаго юмора, прекрасныхъ мотивовъ и притомъ вѣрная картина обычаевъ начала нынѣшняго столѣтія—лихой уланской вербунки. Ее, лѣтъ тридцать тому, написалъ Семеновъ, котораго слава не сохранилась въ литературныхъ лѣтописяхъ, хотя пьеска его до сихъ поръ, даже при Девкаліоновомъ наводненіи водевилями, все еще всплываетъ на поверхность репертуара. Музыку къ ней писалъ Ленгардъ, человѣкъ съ большимъ талантомъ, съ игривымъ воображеніемъ и образованнымъ вкусомъ, который могъ только существовать въ тѣ времена, когда артисту удавалось стяжать музыкальную славу олимпомъ талантомъ и заслугами, а не мелкой дребеденью полекъ и гаюпповъ. Я видалъ въ этой пьесѣ, за двадцать лѣтъ предъ симъ, малороссійскихъ актеровъ: знаменитаго Щепкина, Тарновскаго, Калиновскаго; они были превосходны и приводили публику въ восторгъ своей игрою.

Въ нынѣшнемъ ея изданіи, просмотренномъ и значительно укороченномъ, мы не узнали прежней Жидовской корчмы. Хоры, пѣсни, отдельные арии изъ нея исключены; многія эффектныя, и необходимыя для уразумѣнія дѣйствія, сцены выкинуты: остался голый остовъ и вся пьеса стала похожа на искониное, надъ которымъ невольно задумаешься, къ какому разряду его отнести. И Семеновъ и Ленгардъ — оба затмились и не безъ причины могли бы пожалѣть о своихъ именахъ, выставленныхъ, за давнишніе грѣхи, на афишкѣ. А жаль, пьеса въ настоящемъ своемъ видѣ могла бы еще нравиться.

Г. Самойловъ очень хорошъ въ роль жида Израиля.

Еще комедія съ дядюшкой, или Водевиль съ племянниками, въ одномъ дѣйствіи, Соч. П. Григорьева 1-го.

Дипломатъ и наборщикъ или съ большой головы на здоровую. Комедія въ оловомъ дѣйствіи П. Фурмана.

Два брата съ Арбата и третій къ нимъ хватъ. Шутка — водевиль, въ одномъ дѣйствіи, взятая съ французскаго Д. Ленскаго.

Горка* на именинахъ, или Анекдотъ съ четырьмя тузами. Русская оригинальная картина съ куплетами. П. Григорьева 1.

(Бенефисъ г. Григорьева 1-го.)

Г. Григорьеву удалось разъ написать очень счастливый водевиль, подъ названіемъ: «Комедія съ дядюшкой», который, благодаря искусной игрѣ артистовъ, до нынѣ держится на сценѣ. Въ дружку къ этому водевилю, ему вздумалось теперь написать другой и дать ему название: «Еще комедія съ дядюшкой», и онъ сдѣлалъ очень хорошо, потому что это повтореніе старой идеи на новый ладъ смотрится и слушается съ удовольствіемъ.

Дядюшка Осома Осомичъ, жившій долго, по торговымъ дѣламъ, за границею, по прѣздѣ въ Россію, хочетъ поиспытать своихъ племянничковъ и будущихъ наследниковъ, и для этого является въ свой домъ подъ видомъ своего управляющаго. Одинъ изъ его племянниковъ такой скромный, привѣтливый, деликатный, тихій, такъ что кажется водой не замутить; другой, напротивъ, повѣса, кутила, буянъ, такъ, что хоть святыхъ неси вонъ. По испытавшему оказывается, что въ тихомъ омутѣ черти волятся: племянникъ — скромникъ вечно иное, какъ волкъ въ овечьей шкурѣ, который добирается до дядюшкіной ки-сы и больше ничего. А племянникъ — сорви-голова малый благородный, который въ дѣлѣ любить больше человѣка, чѣмъ капиталиста.

Это иногда случается въ жизни, хотя не всегда кончается, какъ въ водевилѣ. У г. Григорьева *добродѣтель награждена* рукой хорошенькой и богатой невѣсты, а *порокъ наказанъ* — лишениемъ наслѣдства. Назидательно и весело.

Въ этомъ водевилѣ г. Мартыновъ въ первый разъ сыгралъ для него совершенно новый и весьма трудный характеръ — добродушного повѣсъ хорошаго това — и сыгралъ, какъ только можетъ сыграть великий художникъ. Первая сцена его появленія, сцена за столомъ, когда мвимый управлятель предлагаетъ за деньги склонить дядю въ его пользу и лишить наслѣдства его брата, и, наконецъ, послѣдняя сцена, въ которой онъ по своему вымаливаетъ у дали прощеніе брату, — созданы и выполнены съ мастерствомъ неподражаемымъ. Сколько правды и простоты во всѣхъ движеніяхъ! Какъ вѣрно выливается весь характеръ въ мальшихъ оттѣнкахъ! Какъ сильны эти простыя, но полныя искренняго чувства сцены! Здесь у г. Мартынова явилась даже *веселость*, элементъ комизма, которымъ его природа не надѣлила. Роль *Расторгуева* одна изъ лучшихъ созданій нашего гениальнаго артиста и можетъ служить образцомъ сценическаго постиженія и высокаго искусства!

Въ той-же пьесѣ явилась молоденькая воспитанница Театральнаго Училища, г-жа Жюлева, которая обѣщаетъ, если только одушевлена любовью къ своему искусству, весьма полезную и милую артистку для нашей сцены. Органъ ея пріятенъ, въ выраженіи видѣнъ природный умъ и стараніе войти въ положеніе представляемаго лица, физиогномія ея одушевлена, голосъ звучный, хотя не слишкомъ обширный, и много внутренняго чувства проглядываетъ въ мѣстахъ патетическихъ. Водевиль нашъ сильно нуждается въ хорошихъ актрисахъ на молодыя роли: г-жа Жюлева, въ этомъ отношеніи, весьма отрадное явленіе. Надо только пожелать, чтобы она развивалась самобытно, а не увлекалась подражаніемъ образцамъ прославленнымъ, но въ сущности весьма не изящнымъ.

Дипломатъ и наборщикъ! Какія двѣ крайности! Одинъ скрываетъ, действуетъ тайкомъ, маскируетъ свои мысли; другой все обнаруживаетъ свѣту, говорить во всеуслышаніе и притомъ самъ никогда не разсуждаетъ, а только передаетъ чужія мысли! Одинъ разбираетъ дѣла людей, другой ихъ набираетъ! Одинъ производить иногда перевороты въ судьбѣ государствъ, другой — разъ что ставитъ вверхъ ногами невинныя буквы; одинъ поверстываетъ выгоды народовъ, другой верстаетъ страницы,

по большей части, къ невыгодъ авторовъ. Какъ же соединить интересы двухъ такихъ противоположныхъ людей? Это задача трудная: но г. Фурманъ разрѣшилъ ее съ талантомъ и умѣніемъ, ко всеобщему удовольствію.

Графъ де Марна, президентъ совѣта, при Людовикѣ XVI, сочинилъ юкую пасквиль на Австрію, выставилъ политику ея въ довольно забавномъ свѣтѣ и пустилъ брошюру въ свѣтѣ, безъ имени автора. Брошюра надѣлала много шума и сильно встревожила австрійскаго посланника, герцога фонъ-Бригена, который лично пострадалъ отъ сарказмовъ этого анонимнаго сочиненія. Король поручаетъ президенту непремѣнно отыскать автора брошюры. Герцогъ самъ наблюдаетъ за дѣйствіями президента, который, будучи увѣренъ, что никто не можетъ открыть его имени, назначаетъ огромную награду тому, кто откроетъ правительству имя автора. Бѣдный наборщикъ, комікъ, изъ любви къ Маріани, на которой не можетъ жениться по недостатку денегъ, объявляетъ себя творцомъ пасквиля, чтобы получить обѣщанную награду. Вотъ все содержаніе пьески, обильной самыми эффектными и свѣжими положеніями и полной благороднаго комизма.

Г. Самойловъ, въ роли наборщика, показалъ, что можетъ выполнять характеры, которые основаны не на одномъ переодѣваніи и передразненіи, но имѣютъ болѣе важныя стороны. Веселость, чувство, простодушіе — смѣняются въ игрѣ его съ такой истиной и непрятанностью простотою, что невольно возбуждаютъ участіе зрителей. Но главное достоинство его выполненія состоитъ въ томъ благородствѣ, которымъ проникнуты всѣ его дѣйствія на сценѣ. Достоинства этого у насъ иные артисты вовсе не постигаютъ, полагая, что если имъ въ удѣль досталось лицо изъ низшихъ слоевъ общества, то его непремѣнно надо вылить въ *площадную форму*; а если лицо это дѣйствуетъ въ драмѣ, то надо изъ него сдѣлать *героя-удальца*, рыцаря Баляра или Карла Мора. Они забываютъ, что благородство образа мыслей и чувствъ облагороживается и самый способъ ихъ выраженія, хотя бы выраженіе это выливалось и не въ кудрявыхъ и изысканныхъ фразахъ. Г. Самойловъ торжествовалъ въ этой роли одну изъ тѣхъ трудныхъ побѣдъ въ области искусства, которая, при постоянномъ его стремленіи къ той-же цѣли и при твердой волѣ надъ собою, можетъ очистить ему одно изъ первѣйшихъ мѣстъ на русской сценѣ.

Два брата съ Арбата и третій къ нимъ хватъ! — Какъ грустно, какъ прискорбно намъ, что горькая обязанность рецензента, заставляетъ насъ говоритьъ объ этомъ жалкомъ продуктѣ московской фабрикаціи, который ныне всякой посредственности. Г. Ленскій перевѣль весьма удачно нѣсколько хорошихъ французскихъ водевилей, встарину у него бывали очень остроумные куплеты и даже весьма ловкія прімѣненія. Но, увы! все проходитъ съ годами, особенно все случайное, всякий вѣнчаній блескъ, всякий временный успѣхъ! Время, разсвѣвая постепенно густые туманы съ умовъ, очищая вкусы, рождаетъ и новые требованія; что когда-то казалось забавнымъ—становится пошлымъ; что почиталось вершиною остроумія—оказывается плоскостью, и люди, слышавшіе геніальными, во времена, когда геніальность доставалась легкою цѣною, являются предъ взыскательнымъ вѣкомъ—въ жалкомъ видѣ, обнаженные отъ воображенія и ума, въ яркихъ лохмотьяхъ своей, прежде блестательной, мишуры, съ растрепанными и засохшими лаврами, и имъ остается только употребить ихъ въ супы и соусы! Таковъ неминуемый конецъ судьбы!

Не можно вѣтъ носить литьиъ
И истина должна открыться!

Давно-ли, кажется, одинъ услужливый и незыскательный журналистъ, вѣроюю для мистификаціи, сравнивалъ г. Ленскаго съ Беранже и объявлялъ его законнымъ наследникомъ Пушкина въ русской литературѣ? А теперь и онъ уже развѣнчалъ своего лауреата и говоритъ, что послѣднее произведеніе г. Ленскаго *лиже всякой критики*. Авторы, ищущіе *особенныхъ* похвалъ и превознесеній не по заслугамъ, всегда должны бы помнить, что — чѣмъ выше ихъ поставятъ на пьедесталъ, тѣмъ больнее будетъ ихъ паденіе, когда восторжествуетъ истина.

Что сказать объ этой новой шуткѣ г. Ленскаго? Что она плохая шутка, этого мало, потому что она не только плоха, какъ пьеса, но еще открываетъ во всей наготѣ — средства, къ которымъ, на бѣду нашего театра, прибегаетъ жалкая посредственность за недостаткомъ воображенія и изобрѣтенія. И только съ этой точки зренія стоитъ войти въ *вѣкоторыя* подробности о «двуихъ братцахъ съ Арбата».

Тихонъ Калинка и Романъ Калинка, изволите видѣть, галантейные торговцы — на Арбатѣ, на аристократической улицѣ въ Москвѣ, на которой, кроме мелочныхъ лавочекъ и,

кажется, одной только кандитерской, ни какихъ лавокъ не было и вѣть. Ромавъ Калинка—прикащикъ Тихона Калинки. Этотъ Романъ—настоящій романіческій герой прилавка и сочинилъ цѣлый романъ въ жизни: на Коренной ярмаркѣ, отмѣривая курской барышнѣ аршиномъ ленты, онъ успѣлъ пѣвить ей разными галантѣйностями и, наконецъ, похитилъ ее и тайно съ нею обвѣчался. Она живетъ съ нимъ на квартирѣ старшаго брата, которому, какъ русскому человѣку и притомъ коренному москвичу, незнакомому съ идеями соціализма и эманципаціи, этотъ романтизмъ жизни вовсе не нравится, тѣмъ болѣе, что онъ и самъ намѣренъ обзавестись супругою, по всемъ формамъ закона гражданскаго и христіанскаго. Но онъ въ этомъ отношеніи поступилъ, какъ настоящій классикъ; онъ сопрягаетъ брачный союзъ съ выгодами житейскими и торговыми. Онъ беретъ жену изъ дома курскаго мѣщанина, у котораго забираетъ товаръ. Притомъ беретъ ее по всемъ правиламъ, заповѣданнымъ предками: при посредствѣ свахи и съ приличествующею рядною. Во ожиданіи своей суженой, ему хочется очистить домъ отъ запрещенного товара, который туда занесъ его братецъ, въ видѣ мамзель Софы. Братъ ее защищаетъ со всей горячностію, къ какой только силѣлецъ способенъ въ минуты, когда не бываетъ особенно одушевленъ полыннымъ горскимъ. Тихонъ—(отчества знать чести не имѣмъ)—человѣкъ, хотя и не отборной деликатности, по извѣдалъ по опыту, что силою не вездѣ возмѣши, и что за избытокъ силы надо иногда платиться, а это не совсѣмъ согласно съ коммерческими расчетами:—онъ хочетъ подѣйствовать на брата своего нравственными пружинами, т. е. увѣрить его, что Софы *шалитъ*, что на лавочномъ нарѣчіи означаетъ — «Софы де-моль тебѣ не-вѣрна.» Вотъ обстоятельства, въ которыхъ находятся два брата съ Арбата, когда совершается слѣдующій изумительный курьозъ. Есть, видите ли, нѣкто Волчекъ, знаменитый русскій скрипачъ, который, въ званіи артиста, по-европейски, обѣзжаетъ русскіе города и даетъ въ нихъ концерты. Побывавъ въ Волоколамскѣ, Подольскѣ, Каротоякѣ, Чухломѣ, Сапожкѣ и другихъ артистическихъ городахъ русскаго царства, онъ заѣзжаетъ и въ Курскъ. Одна изъ курскихъ мѣшанокъ, такъ же великая артистка на фортепиано, въ него влюбляется въ концертѣ. Лиза (такъ зовутъ пьяницкую) разсуждаетъ очень здраво: что фортепиано само по себѣ — такъ, — ничего особенного не представляетъ, но при акампашеманѣ скрипки,

Можетъ быть весьма вріятнымъ дѣломъ и привести къ дуэтамъ самыи упомѣнныиимъ. Посему, по отъѣзду знаменитаго Волчка, хитрая лисичка рѣшается бѣжать за нимъ, оставляетъ домъ родительскій, переодѣвается въ мужское платье, вѣроятно, нечаянно захватываетъ отцовскія деньги, ибо своихъ суммъ не имѣть, и летитъ въ почтовой каретѣ въ Москву, къ своему возлюбленному, съ которымъ хочетъ жить по-артистически и давать уроки. Но Москва, столица огромнаго размѣра: хотя возлюбленный ея и знаменитый виртуозъ, но и его съ разу неотыщешь, а потому она рѣшается прежде помѣститься у своей пріятельницы, Софии Калинкиной, какъ и она, курской бѣглянки. Тихонъ подмѣтилъ, что вошелъ мужчина въ комнату Софии: — это для него настоящая находка. Но этого мало, вдругъ врывается въ комнату человѣкъ со скрыпкою и съ носовымъ платкомъ въ руки и спрашиваетъ молодую особу, которая здесь живетъ. «Софью — вамъ, — что-ли?» — Да Софью, коли ее такъ зовутъ. — «Да вы ее развѣ знаете?» — Какъ-же не звать, вѣдь это она, та самая, которую я обожаю и на которой хочу жениться. — «Такъ вы хотите ее взять отсюда? очень радъ. Я васъ благословляю и сейчасъ ее вышию.» Изъ этого глупаго явленія выходитъ путаница. Мужъ ревнуетъ Софью къ скрыпкѣ, скрыпка ревнуетъ такъ же Софью, вместо Лизы, которой имени не знаетъ, къ ее мужу. Обѣщаютъ другъ друга притузить самыи артистическими образомъ, но, къ крайнему сожалѣнію райка, эта изящнѣйшая сцена эстетического творенія не приводится въ исполненія, потому-что прежде, чѣмъ сидѣльцѣ сходилъ за аршиномъ, а великій виртуозъ навострилъ кулаки, все дѣло приходитъ въ ясность. Лиза оказывается невѣстой Тихона Калинки, который, разумѣется, по правиламъ здраваго разсудка и доброй старины, на вей не женится, а вручаетъ ее со всѣми ея талантами Волчку. Куплеты этого водевиля соответствуютъ своимъ приличiemъ и художественностию остальнымъ частямъ творенія.

Спрашивается: есть ли какая-нибудь возможность вскленать на русскій бытъ и русскіе права событіе болѣе не правдоподобное и нелѣпое?

Гдѣ у насть званіе странствующихъ виртуозовъ? Кто занимается музыкою, какъ призваніемъ, составляющимъ всю цѣль его жизни? Гдѣ у насть тѣ губернскіе города, гдѣ мѣщанки возвышены образованіемъ своимъ до высокихъ музикальныхъ идей и до понятія объ эманципаціи женщинъ? Кто

видаль, чтобы въ почтовыхъ каретахъ можно было разъезжать по Россіи безъ форменного вида? У *городи* у Курски мѣщанки *дюжія и наиприкраснѣшія девчатки*, которые ходятъ въ повязкахъ, носятъ сарафанъ съ таліей выше груди и *ни въ какихъ художествахъ не обращаются*. Вся музыкальность ихъ состоитъ въ весьма пронзительныхъ и крикливыхъ пѣсняхъ, которые онѣ на сковорахъ и свадьбахъ (замѣтьте, всегда законныхъ) своихъ *подруженекъ*, сопровождаются битьемъ въ тазы, сковороды и кастрюли. За что-же обвинять этихъ певчихъ голубицъ въ высшихъ музыкальныхъ взглядахъ и продѣлкахъ французскихъ гризетокъ?

Когда, наконецъ, московскій гостиній дворъ, этотъ почтенный музей древнихъ повѣрій, предразсудковъ, обычавъ, это высокое училище русской подчиненности, русскаго послушанія, усыщенія всякаго чувства, кромѣ чувства — стяжанія, отличался сидѣльцами — романтиками, которые увозили бы молодыхъ барышень, на нихъ женились тайкомъ и жили съ ними открыто, свѣдома родныхъ и стороннихъ лицъ изъ достопочтеннаго купечества?

Какъ правы этой пьесы, такъ и всѣ происшествія чисто-французскія, возможныя только во Франціи, а въ Россіи составляющія анахронизмъ, тѣмъ болѣе непріятный, что всѣмъ лицамъ и мѣстамъ дѣйствія даны русскія названія.

Эта манера сочинять водевили самая легкая: взялъ французскую пьеску, Mr. Michot — перемѣнилъ въ Трифона Васильича, M-dm. Adele — въ Акулину Савишину; Діэппъ — въ Курскъ или Влади-міръ, marchand de comestibles, rue St. Jaques, въ галантерейнаго торговца на Поварской или на Арбатѣ, наконецъ; Mr. St.—Albin, jeune artiste, — въ Егора Смычка или Кузьму Варгана — и пьеса готова. Стоитъ только подобрать къ ней пополнѣй заглавіе — и она будетъ чисто *российскаго произведенія*, первого сорта, восемнадцать-четвертой пробы — и приведеть непремѣнно въ восторгъ судей искусства съ *высшимъ воззрѣніемъ на сцену*, т. е. блаженныхъ посѣтителей райка, которые именно тѣмъ и блаженны, что не вѣдаются, что творять.

Русская жизнь имѣть много своего оригинального коми-ма, надо только имѣть талантъ подмѣчать его и довольно во-ображенія, чтобы передавать въ правдивыхъ образахъ. Ужъ если непремѣнно надо выставлять смѣшныя стороны нашего купеческаго быта, то пусть авторы выставляютъ ихъ съ та-

кой точки зрењія, которая, не оскорблія щѣлаго сословія, и сословія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, очень почтенного, въ тоже время служила бы ему къ исправленію. *Deridendo castigantur mores!*

Пусть для этого берутъ примѣръ хоть съ двухъ Гг. Григорьевыхъ, 1-го и 2-го, и пишутъ картины изъ русскаго быта, можетъ быть, не слишкомъ изящныя, но яркія и вѣрныя, въ родѣ

Горки на именинахъ. Здѣсь нѣть сюжета, нѣть завязки, нѣть развязки, но много высказано такого, чего, можетъ быть, иной поштенный — увидѣвъ на сцѣнѣ — постыдится быть представителемъ въ своемъ обществѣ.

Горка — купеческая карточная игра, чисто русское национальное изобрѣтеніе, которое свидѣтельствуетъ, что характеръ нашего народа живъ, горячъ и впечатлителенъ, потому что это — игра азардная. Название сдачъ и прикупокъ — *фалля, брадодымъ, хлюстѣ, фу-фу* — ясно указываютъ на русское происхожденіе этой игры, которая есть ничто иное, какъ усовершенствованіе другой игры, называемой — *въ три листика*. Купцы собирались другъ къ другу на вечеринки, утѣшаются этой игрою, и часто, въ азардѣ, рисуютъ огромными суммами, что составляетъ разительный контрастъ съ ихъ мелкимъ барышничествомъ въ торговлѣ и копѣчной сквердностью въ дѣлахъ домашней жизни. Игра сопровождается обыкновенно попойкою, съ приличными подчываніями со стороны хозяина или хозяйки, до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ потемнѣеть въ глазахъ — и всѣ пойдутъ темнить, т. е., играть на темную или *не открытую* сдачу. Этой минутой иногда пользуются ловкие промышленники, для подтасовки картъ и фальшивой сдачи, вслѣдствіе которой игра разгорается, страсти вскишаютъ и дѣло кончается не рѣдко потасоюкою и ущербомъ почтенныхъ бородъ. Благовѣрныя супружницы играющихъ въ это время чинно драпируютъ стѣны комнаты, сидя въ стрункѣ, перебирая пальчиками, перешептываясь, и изрѣдка, по одиначкѣ, путешествуютъ въ маленькую боковую комнатку, чтобы тамъ, сохраняя все вѣнчаное приличіе, одушевляться нектаромъ наливокъ и *хересовѣт*, россійского произведения.

Всѣ эти обстоятельства выставлены въ живой и рѣзкой картинѣ въ небольшой пьесѣ г. Григорьева, который ловко подмѣтилъ смѣшную и оригинальную сторону подобныхъ дишушекъ. Такія олицетворенія на сценѣ мы почитаемъ.

весьма полезными, ибо они должны живо представлять воображению подлинниковъ этихъ копій — все неприличие и безобразіе подобной жизни и следовательно, благодѣтельно действовать на ихъ нравы. Ничѣмъ нельзя такъ рѣшительно исправлять закоренѣлые пороки, какъ посмѣяніемъ.

Въ этой ничтожной, въ сущности, пьесѣ, всѣ артисты играютъ съ рѣдкимъ совершенствомъ, а г. Мартыновъ, въ роли Вавилы Крупчаткина — есть дивный типъ купца подъ хмѣльникомъ. Одна его игра можетъ обезсмертить эту шутку, видимо написанную для бенефиса.

Школа мужей. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Мольера. Переводъ въ стихахъ А. Григорьева.

Невидимка. Комедія — водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сюжетъ заимствованъ изъ старинной оперы.

Королевская Охота. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переводъ съ французского.

Москаль-Чаривникъ. Малороссійская опера въ одномъ дѣйствіи. Соч. И. П. Котляревскаго.

(Бенефис г. Сосницкаго).

Бенефисъ г. Сосницкаго можно почти назвать волшебными представлѣніемъ, не по магическому дѣйствію на зрителей, но по колдовству, которое составляетъ главный элементъ этого спектакля. Въ водевилѣ «Невидимка» — колдуютъ, въ оперѣ «Москаль - Чаривникъ», опять колдуютъ, водевиль «Королевская Охота» такъ же родъ колдовства, потому что въ немъ не лоберешься до смысла, и наконецъ, по какому-то волшебству — Мольеръ опять попадъ на русскую сцену! Добро-пожаловать, добрый и рѣдкій гость! Милости просимъ.

Школа мужей — одна изъ самыхъ удачнѣйшихъ комедій Мольера, по своему мастерскому составу, по оригинальности мысли, по истинно комической развязкѣ. Вольтеръ былъ правъ, говоря въ своемъ сужденіи о Мольерѣ: «Еслибъ Мольеръ написалъ только одну «Школу мужей», онъ все таки былъ бы превосходнѣйшимъ драматургомъ.»

Но и въ «Школѣ мужей» Мольеръ поступилъ по принятому имъ правилу: онъ заимствовалъ мысль ея у Теренція, а форму — у Лопе-де-Веги. Теренцій выставилъ въ своихъ «Адельфахъ» двухъ стариковъ, которые воспитываютъ своихъ дѣтей, каждый по своему. Одинъ изъ нихъ строгъ,

брюзга и скунецъ; другой весель, великодушенъ и пѣженъ. Тоже самое мы видимъ и у Мольера въ лицахъ Сганареля и Ариста. Вся разница въ томъ, что изложеніе Теренція холодно, вяло, безцвѣтно: лица его проповѣдуютъ, но не дѣйствуютъ и Юлій Цесарь очень справедливо упрекалъ за то римскаго комика. у Мольера, напротивъ, дѣйствіеkipить, разговоръ — не сентенціи, а прямое осуществленіе жизни, и каждая сцена одушевлена веселостію и благороднымъ комизомъ.

Итальянскій писатель Боккачіо, еще гораздо прежде Мольера, взялъ изъ комедіи Теренція основу для повѣсти. У него молодая дѣвушка, живущая подъ строгимъ надзоромъ, влюбившись въ молодаго человѣка, который обѣ ней и не думаетъ, прибѣгааетъ къ помощи францисканскаго монаха, объявляяется ему, что молодой человѣкъ преслѣдуется ее своею страстью, старается обольстить и, полная негодованія, просить добраго патера подѣйствовать на душу обольстителя своимъ пастырскимъ назиданіемъ. Этимъ способомъ, она невольно заставляетъ молодаго человѣка обратить на нее вниманіе и наконецъ полюбить ее взаимно. Знаменитый испанскій драматургъ, Лопе-де-Вега, воспользовался интригой Боккачіо и обработалъ ее для сцены, подъ названіемъ: *La Discreta epatologada* (*Ловкая любовница*.) Лопе-де-Вега, какъ искренній католикъ, не могъ допустить, чтобы суетная женщина употребляла орудіемъ своей любви священную особу монаха, притомъ духовное лицо было невозможно на театрѣ, въ странѣ, где существуетъ инквизиція. Онъ замѣнилъ ее старикомъ — селадономъ, который влюбленъ въ молодую дѣвушку, а юноша, къ которому дѣвушка ему даетъ порученія, собственный сынъ его. Мысль замѣнить холоднаго, безучастнаго монаха лицемъ, которое дѣйствуетъ противъ воли и притомъ во вредъ себѣ, привадлежить къ самымъ счастливымъ комическимъ вымысламъ. Но за то, съ другой стороны, въ этомъ переложеніи страдаетъ нравственное чувство, потому что весьма непріятно видѣть отца, одураченаго и обманутаго сыномъ.

Мольеръ, съ удивительнымъ тактомъ и мастерствомъ, воспользовался своими образцами. Онъ исправилъ ихъ по грѣшности и своимъ гениемъ пополнилъ ихъ недостатки. Вместо отца — онъ вывелъ на сцену опекуна, скучаго и самолюбиваго старичишку, который угнѣтастъ свою питомицу и насилино хочетъ на ней жениться. Молодой чело-

Въкъ, съ которымъ сносится молодая лѣвушка, въ нее влюблень, слѣдить за нею, и страстию своею оправдываетъ ея поступки: у кого-же ей и просить помощи, какъ не у человѣка ее любящаго? Притомъ Валеръ не сынъ и не родственникъ Спанареля, а просто—его соперникъ, и потому не заслуживаетъ упрека за то, что дурачить и наказывать старого глупца. Мольеръ умѣлъ мастерски соединить требование комизма съ нравственными условіями пьесы. Въ «Школѣ музей» есть только одинъ недостатокъ: развязка ея немножко натянута и неправдоподобна. Но этотъ недостатокъ произошелъ отъ понятій того вѣка объ искусствѣ, и потому извинителенъ. Въ свое время пьеса эта имѣла необычайный успѣхъ и никогда не перестанетъ нравиться. Новый переводъ ея на русскій языкъ, по большей части, очень хорошъ, правда, есть мѣста, которыхъ отзываются иногда поспѣшнотю, гдѣ стихъ нѣсколько натянутъ или небреженъ, но въ цѣломъ, языкъ довольно разговоренъ и простъ.

Пьеса разыгрывается на нашей сценѣ, безъ особыхъ замѣтъ. Мы замѣтили бы только нѣкоторымъ изъ главныхъ действующихъ лицъ, что играя въ пьесѣ Мольера въ притомъ въ пьесѣ, написанной стихами, отнюдь не излишне знать роли наизусть; иначе, не говоря уже о недостаткахъ въ созданіи характеровъ, зритель лишается еще возможности судить о достоинствѣ перевода, ибо вмѣсто стиховъ переводчика, слышитъ безпрерывно какую-то дикую прозу, иногда весьма не дружную съ здравымъ смысломъ.

Королевская охота — столь искусно переведена и съ такимъ совершенствомъ представлена, что мы не беремся передать ея содержанія читателю.

Невидимка. Въ старину, когда живали дѣды веселый своихъ внучатъ, — все забавляло и приводило въ восторгъ добродушныхъ зрителей. Тогда-то была создана оперетка, *Невидимка*, съ весьма хорошенькой музыкою и отмѣнно глупымъ герояемъ пьесы. Герой этотъ, трактирный прислужникъ, влюбленный, какъ перепень, въ свою хозяйку, молодую содергательницу гостинницы, на большой военной дорогѣ, и ревнивый, какъ Отелло. Хозяйка забавляется иногда разными шуточками съ господами офицерами, для того собственно, чтобы позабавиться отчаяніемъ своего пламенного Ганса. Гансъ, впрочемъ, не совсѣмъ такъ глупъ, какъ кажется, онъ непремѣнно хочетъ бытьувѣренъ, точно ли Каролинхенъ шутить, и потому уже

на ней жениться. Начитавшись волшебныхъ сказокъ г. Перо, которыхъ умишка его не переварилъ, онъ ломаетъ себѣ голову надъ средствомъ, какъ бы сдѣлаться невидимкою и подстерьчать хозяйку въ ту минуту, когда она приходитъ расчитываться къ молодыми ротмистрами и корнетами. Одинъ изъ нихъ сговаривается съ товарищами разыграть съ бѣднымъ Гансомъ комедію и отучить его отъ ревниваго любопытства. Ротмистръ наряжается магомъ и обучаетъ легковѣриаго кельнера двумъ тарабарскимъ словамъ, по первому онъ можетъ сдѣлаться не зрямымъ, по второму—опять видимымъ. Тутъ начинается потѣха: Гансъ, полагая, что онъ невидимъ, вездѣ подглядываетъ, подслушиваетъ, узнаетъ о себѣ разныя горькія истины, и въ одну критическую минуту, когда молодой корнетъ хочетъ объясниться въ любви и расцѣлововать Каролину, — онъ рѣшается предстать предъ ихъ очи, какъ грозный судія. Но не тутъ-то было: онъ позабылъ волшебное слово, снимающее очарование. Позабавясь его отчаяніемъ, ловкая Цирцея — трактирщица, наконецъ, его прощаетъ и выходитъ за него за мужъ, взявъ напередъ слово, что онъ никогда уже подглядывать и ревновать ее не будетъ.

Эту маленькую шутку нынѣ переложили на водевильную музыку и на русскіе нравы. Вмѣсто простаго прислужника — является уѣздный русскій трактирщикъ, Долгостоловъ, вмѣсто увертливой Каролины, добродѣтельная супруга трактирщика, Марья Ивановна, вмѣсто ротмистра — колдуна, — полковой вахмистръ Шельменко — и такъ далѣе. Поступлено съ пьесой по методѣ г. Ленскаго. Водевиль, хотя и не сдѣлался оттого русскимъ, но не перестаетъ быть забавнымъ, для тѣхъ, кто любитъ крупную аттическую соль. Въ роли трактирщика у г. Мартынова есть минуты неподражаемыя.

Москаль — Чаривникъ всѣмъ извѣстенъ. Слава его связана съ именемъ М. С. Щепкина, который въ ролѣ Чупруна, не можетъ имѣть двойника; потому что это типъ малороссійской лѣни, хладнокровія, юмора и прожорливости. Г. Самойловъ скопировалъ очень удачно г. Щепкина, въ той — мѣрѣ, въ какой можно скопировать великаго актера; онъ перенялъ его движения, его мины, его манеры, но внутренней игры, источника всего этого, онъ перенять не могъ, потому что это не перенимается. Какъ коція г. Щепкина, г. Самойловъ очень хорошъ, какъ Михайло Чупрунъ — онъ слѣбъ.

сердце, и жаждет генерализации, аристократия винят виноваты, а виноваты винят виноватов, и т. д., и т. п. Итак, Французская публика и французские аристократы, под звуки французской оперы, винят виноватов, и т. д., и т. п. Итак, Французская публика и французские аристократы, под звуки французской оперы, винят виноватов, и т. д., и т. п.

ОБОЗРЕНІЕ

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижская корреспонденція.

Отвержение Фауста (La Damnation de Faust), легенда въ четырехъ частяхъ, положенная на музыку Гекторомъ Берліозомъ. (Исполнена на сценахъ Комической Оперы, въ Парижъ.)

Я помню вечеръ на взморье: солнце тонуло въ яркомъ пурпурѣ; на золотомъ горизонти мелькали черные силуэты кораблей; облака раскидывались широкими формами, какъ образы боговъ, изваянныя изъ блестящаго мрамора; кругомъ было все безмолвно, и я чуткимъ ухомъ прислушивался къ величайшей гармонии, которую называютъ тишиной. Я читалъ легенду про любовь Розамунды, старинную, простую легенду, и въ душѣ моей пробуждалось теплое, тихое, отрадное чувство, какого давно я не испытывалъ, по неволѣ питаясь скороспѣльными плодами нынѣшней поэзіи, этой гордой серьезной сибиллы, которая, во чѣо бы не стало, карабкается на идею и хочетъ, поднявъ человѣчество на блокъ, перевести его на какую-то новую планету. Скажите, могъ ли я не радоваться при мысли, что Берліозъ расскажетъ мнѣ легенду, правда страшную, съ Фаустомъ и Мефистофелемъ, когда я зналъ, что подъ нихъ будетъ и Маргарита, это нѣжное, кроткое созданье, увѣнчанное двойнымъ ореоломъ—любви и страданія?

Взглядъ на картину заставляетъ подумать и о характерѣ художника. Господинъ Берліозъ при первомъ дебютѣ своемъ, въ 1830-мъ году, нашелъ себѣ защитниковъ, во-первыхъ, въ молодыхъ артистахъ, которымъ хотѣлось разрушить всѣ правила, потому что они сами никогда не учились имъ, во вторыхъ—

въ журналахъ, враждебныхъ всему, что только имеетъ форму закона, будетъ ли онъ написанъ для музыкальной гармоніи или для уличного воровства. После трудностей неслыханныхъ, перенесенныхъ съ твердостью, благородствомъ и предусмотрительностью, господинъ Берліозъ нашелъ двухъ писателей, Леона-де-Вальи и Барбье, которые спили ему либретто для оперы, имѣвшей неоспоримыя достоинства. Композиторъ представилъ свое произведение директору Большой Оперы, этотъ посовѣтовалъ ему обратиться съ партитурою въ комическую оперу. Берліозъ отправился. Члены театрального совета велили ему сократить оперу изъ трехъ актовъ въ одинъ, потомъ начали, что она слишкомъ коротка. Новый сотрудникъ, одинъ изъ самыхъ блестящихъ именъ въ литературѣ, Альфрефъ де-Виви, бросилъ щепотку жемчугу въ либретто, и опера *les Ciseleurs*, послѣ долгаго мытарства, явилась на сцену.

Такъ дебютировалъ Берліозъ, композиторъ съ несомнѣнныи мѣдованіемъ, имѣющій столько же враговъ, сколько поклонниковъ.—Честь, которая дается на долю очень немногимъ. Ноѣдѣстственно ли онъ принадлежитъ къ числу геніевъ, ненонятыхъ временною эпохою, потому—что они опередили ее и говорятъ языкомъ будущаго, для нея непонятнымъ? Если это справедливо, можно предположить, что музыкальное искусство въ той формѣ, въ какой представили его намъ величайшия композиторы, Моцартъ, Веберъ, Бетховенъ, Мейерберъ и Россини (не смотря на различіе ихъ генія, чувствъ и стиля) можетъ сравниться только съ лирикой, предшественницею высшаго художественаго развитія, именно драмы. Пожалуй! Но въ этотъ разъ наша разумная гордость живо возстанетъ противъ такого страннаго предположенія.

Если Берліозъ иногда увлекаетъ насъ, передавая свою смѣшную мысль въ звукахъ, соединенныхъ своеобразно, но всегда поэтически и выраженныхъ оркестромъ стройнымъ и могучимъ, мы однаждѣ, не въ силахъ слѣдить за узловатыми линіями фантастического узора, по которымъ онъ старается вести человѣческіе голоса. Это нарушеніе естѣственныхъ законовъ, или, по крайней мѣрѣ, нарушеніе требований сердца и слуха, требований, получившихъ законность, невольно возмущаетъ наше чувство. Извѣстно каждому, что діатоническая скала не вездѣ одинакова и измѣняется съ различiemъ народовъ и образованности. Мелодіи, которыя чаруютъ наши чувства, симфоніи, приводящія нашу

душу въ восторгъ, заставили бы китайцевъ и арабовъ бѣжать изъ театра.

Еще разъ, Берліозъ не гений, опередившій свою эпоху. Старалась разорвать цѣпи, соединяющія его съ прошедшимъ, онъ все-таки не слишкомъ подвинулъся къ будущему. На дорогѣ, которую выбралъ себѣ Берліозъ, гонясь за оригинальностью, онъ могъ только заблудиться и слѣдить за страннымъ. Ошибка автора симфоній «Ромео и Джюльєтта» и «Отверженіе Фауста» есть слѣдствіе истины, дурно понятой и натянутой. Музыка не живопись, не можетъ предложить себѣ исключительную задачу — рисовать природу: если вѣкоторыя сцены, высокія, грозныя или вѣжныя и выражаются въ физическомъ мірѣ звуками, сплетенными болѣе или менѣе гармонически, то ими невозможнно, однажды, выражать положеній патетическихъ, нравственныхъ, драматическихъ, взятыхъ изъ истории одного человѣка или цѣлаго народа. Поэтическое подражаніе можетъ только случайно находить себѣ въ музыку примѣненіе, скромное и осторожное.

Прослушавъ *Отверженіе Фауста* только одинъ разъ, нельзя произнести приговора объ этомъ странномъ произведеніи. Партитура продолжается не менѣе трехъ часовъ. Она написана Берліозомъ на отрывки изъ Гётеа *Фауста*, связанные вставочными тирадами, надъ которыми трудились три музы, одна Паржера де-Нервала, другая — Гандоньера и третья — самого композитора. Съ каждою сценою Фаустъ переходитъ къ новымъ удовольствіямъ, но постоянно мрачный, разочарованный, до того, что Мефистофель даетъ ему, наконецъ, возможность осуществить идеалъ своихъ мечтаний, видѣть, слышать, любить прекрасную, чистую, невинную Маргаритту, во даетъ ему все это за ужасную цѣну — за небесное проклятіе.

Въ Лейпцигѣ, Мефистофель ведетъ Фауста въ погребъ. Здѣсь разочарованный философъ слышитъ вѣнѣе *отравленной мыши*, «такой скучной, такой несчастной, какъ будто у нея въ тѣлѣ была любовь»: но Фаустъ не въ состояніи развеселиться отъ вакхической пѣсни. Мефистофель предлагаетъ ему выслушать, вмѣсто *мышиной арии*, куплеты *миловидной блохи*; но человѣкъ, которому наука высушила душу и помутнила разумъ, не находить себѣ сопутствія въ этой оргіи, въ этомъ сборищѣ пьяныхъ студентовъ, солдатъ и бургевровъ, отталкиваетъ отъ себя кружку, наполненную ларами винограда, и убѣгаетъ. Могутъ говорить, что это остроумно, и гриво, но это скорѣе

смѣшно, въ смыслѣ музикальномъ и литературномъ. Въ самомъ лѣтѣ, подобныя испытанія не стояли Фауста; для Маргаритты была не великкая слава возвысить его надъ такими недостойными искушеніями.

Но допустимъ, что здравый смыслъ, — для которого впрочемъ существуютъ тѣ же правила, какъ и для вкуса, — не всегда требуется въ произведеніяхъ искусства, тогда артистъ, по крайней мѣрѣ, долженъ действовать на меня вдохновеніемъ иривымъ, нѣжнымъ, трогательнымъ или граціознымъ. Что мнѣ за лѣто до ученой музыки. Публика не хочетъ брать циркуль, чтобы математически измѣрять пропорціи всѣхъ частей музыкального произведенія: если она увлечена, растрогана, если пульсъ у неї бьется сильнѣе, она заглушитъ композитора аплодисмансами, восторгомъ. Точно такъ многіе, которые упорно противились фантастическимъ несообразностямъ господина Гектора Берліоза, нашли, что въ этой новой партитурѣ «венгерскій миръ», аранжированный изъ старого національного мотива — отрывокъ превосходнай, смылый, полный чувства, жара, воображенія. Въ видѣніи, въ которомъ Мефистофель открываетъ Фаусту сияющую Маргаритту, музыкантъ провелъ прелестный мотивъ вальса сквозь таинственное *morendo* струнныхъ инструментовъ и гармонические звуки одной арфы.

Есть еще вѣсколько другихъ инструментальныхъ страницъ, правда, слишкомъ эксцентрическихъ по идеѣ, но которыхъ живо тронули и восхитили слушателей. Такъ, фантастический галопъ Фауста и Мефистофеля на двухъ черныхъ коняхъ, летящихъ по безпредѣльности времени и пространства, чтобы потомъ ринуться въ адскую пропасть, — картина, поразительная своею осознательною истиной.

Не говоримъ о финальномъ тріо, поражающемъ легкостью, простотою и оригинальностью мелодій: это оазисъ, прекрасный только потому, что кругомъ его безплодная пустыня. Пѣсня *Оулейскій царь* блеститъ очаровательнымъ колоритомъ; въ этомъ сліяніи звуковъ женскаго голоса съ звуками альта было что-то поэтическое, полупрозрачное, эффектъ чрезвычайно живописный. Къ сожалѣнію, въ ту минуту, какъ умъ и чувство начиняютъ успокаиваться на этой нѣжной мелодіи, ее тогчасъ смыняютъ звуки фантастические, толпятся, толкаютъ другъ друга, спотыкаются, разрушая свѣтлые призраки, мелькнувшіе передъ глазами слушателя, и онъ невольно долженъ подумать, что эти

три прелестныя партія легенды Берліоза—три жемчужины подъ грудою граненыхъ стеколъ...

Берліозъ ведеть васъ отъ удивленія къ удивленію. Если угодно и это доставляетъ удовольствіе, но неужели этимъ ограничивается назначеніе музыки? Не думаемъ.

Многіе прекрасные люди, когда я жаловался на скуку, производимую на меня музыкой, которою они такъ неистово восхищались, говорили мнѣ: «надобно слушать ее нѣсколько разъ». Ловушка эта показалась мнѣ очень не ловкою: какъ, я буду только одинъ разъ слушать музыку, которая меня восхищаетъ, и слушать нѣсколько разъ ту, которая наводитъ на меня скуку?.. Нѣтъ, добрые друзья, я не попаду на эту уловку. Я какъ можно чаще слушаю музыку пріятную для меня и если случается мнѣ слышать музыку другого качества, я очень сожалѣю, что для сужденія о музыкальныхъ красотахъ пьесы у меня нѣтъ другой мѣрки, кроме скуки и удовольствія, и я не пойду въ другой разъ на *Отверженіе Фауста*.

Планета въ Парижѣ (Planète à Paris), *Обозрѣніе* въ трехъ дѣйствіяхъ. Соч. Габріеля, Дювера и Дюпеті.

Вата-Порохъ (Poudre-Coton), *Обозрѣніе* въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Дюмануара и Клервиля.

Нѣкоторые театры и водевильные писатели поставили себѣ непремѣнною обязанностью давать въ концѣ каждого года оглавление всѣхъ его происшествій, сплетней, проектовъ, выдумокъ, паденій. Эти обозрѣнія—крошки вчерашняго ужина; счетъ, представленный отъ портного, когда платье износилось, пепель сигары, которой вы топчете на полу. Я не люблю пережевывать жизни: это довольно горькая пилюля; чтобы одинъ разъ проглотить ее, и для того надобно имѣть не мало смѣлости. Да и что представляетъ этотъ граль обозрѣній? Положимъ, вы идете въ Пале-Рояльскій театръ слушать эпиграммы на разныя пьесы, сыгранныя въ теченіе года, въ васъ стрѣляютъ мелкою дробью изъ пистолета, заряженного огнестрѣльною ватою; ташутъ за хвостъ планету Леверье, подкапываютъ подъ театръ Монбансье.. Вы оглушены каламбурами; у васъ рябитъ въ глазахъ отъ живыхъ картинъ; но дѣлать нечего: какъ пламенный театраль, вы отправляетесь ex officio, по долгу, въ театръ *Водевилля*. Опять также вата-порохъ, опять живыя картины покойниковъ, о которыхъ вы, къ счастію, позабыли; тѣ же каламбуры, тотъ же *Монте-Кристо* въ газетовомъ мундирѣ, серебряномъ жилетѣ, на

вѣсть сыплются тѣ же эгиграмы, которые вы только что проглотили въ Пале-Рояльскомъ театрѣ,—и очень понятно: оба обозрѣнія почерпнуты изъ одного источника: это славки или пѣна маленькихъ газетъ, литературныхъ инфузорій.

Агнеса Мерани (Agnes de Méranie), трагедія въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Понсара. (Представлена на Второмъ—Французскомъ—Театрѣ: *Одеонъ*).

Два года назадъ, Понсарь, бѣдный, неизвѣстный пріѣхалъ изъ провинціи съ своею *Лукрециею*, трагедіей, замѣчательною во многихъ отношеніяхъ, особенно по прекрасному слогу. Молодой поэтъ, дѣйствуя подъ знаменемъ Корнелья, въ то время, какъ публика потеряла вѣру въ возможность прекрасной драмы, вполнѣ насладился прелестью славы, пробрался сквозь лавры до академическихъ кресель, и, самъ не замѣчая того, нанесъ жестокій уларъ своимъ литературнымъ собратьямъ.

Теперь все утихло. Новое произведеніе Понсара является передъ публикой, освобожденное отъ всякихъ вѣнчихъ обстоятельствъ. Второе произведеніе писателя, встрѣченаго съ восторгомъ при его первомъ дебютѣ, должно ждать суда и сула строгаго. Понсарь могъ предвидѣть это; онъ зналъ, что, какъ бы ни были велики достоинства его новой пьесы, ему труднѣе будетъ увлечь публику, труднѣе сорвать пальму успѣха. И поэтъ не могъ жаловаться. Молва обѣ его первомъ торжествѣ проснулась и привлекла въ залу *Одеона* всѣхъ любителей искусства и литературы, и число ихъ было огромное. Эта избранная публика слушала съ участіемъ, съ благосклонностью, и если, отдавая справедливость многочисленнымъ красотамъ *Агнесы Мерани*, она не выражала такого фанатического восторга, какой обнаруживали некоторые классики при появленіи *Лукреции*, по крайней мѣрѣ, эта публика не произносила вѣсмѣшокъ, которыхъ скользили въ первое представлѣніе римской трагедіи. Содержаніе пьесы, менѣе извѣстное, дѣйствіе безъ движенія, оправдывало отчасти эту холодность зрителей! Лица, дѣйствующія въ новой комедіи, превосходны въ литературномъ отношеніи, изящно обрисованы, рельефны; но чтобъ восхищаться этими холодными извяніями, зрителю должно прежде охладѣть самому, потому что въ наше время немнога *Пигмаліоновъ*.

Для *Лукреции* авторъ долженъ былъ много изучать, много соображать, справляться; для *Агнесы Мерани* исторія давала драму почти готовую; довольно было только выполнить ее.

Филипп Августъ, государь очень непостоянный въ любви и очень мало питавшій уваженія къ священнымъ узамъ брака, овдовѣвъ послѣ Изабеллы Генб (Наша), вступилъ въ бракъ съ принцессою датскою Ингебергою, которую скоро удалилъ, неизвѣстно почему. Черезъ нѣсколько времени, Филиппъ началъ искать и получить руку Агнесы Мераніи. Между тѣмъ, Ингеберга и ея родственники громко и справедливо возстали противъ развода, который былъ произнесенъ, тогда какъ несчастной королевѣ не дали даже оправдаться. Наирасно хотѣли заглушить ея вопли: ничто не могло склонить ее, ни изгнаніе, ни жестокіе поступки короля, ни бѣнность, приносившая безчестіе не столько ей самой, сколько Филиппу. Однако жъ, жалобы злополучной королевы дошли до Рима. Папа написалъ французскому королю, чтобы онъ удалилъ Агнесу Мераніи, на которой женился противъ закона въ Церкви, и опять соединился съ Ингебергою, своюю законною супругою. Филиппъ противился. Папа наложилъ интердиктъ на Филиппа и на все его королевство. Разгневанный этой чуждою властію, возставшою противъ его воли, онъ изгналъ епископовъ изъ ихъ епархій, канониковъ изъ церквей, священниковъ изъ приходовъ, конфисковалъ ихъ имѣнія, завладѣвъ ихъ богатствомъ и потомъ, ваконецъ, не смотря на все, долженъ былъ уступить папѣ, который снялъ интердиктъ, съ условіемъ, чтобы Филиппъ соединился съ Ингебергою, и въ теченіе шести мѣсяцевъ, шести недѣль, шести дней и шести часовъ, отказался отъ своего развода чрезъ двухъ папскихъ легатовъ, прелатовъ королевства, и въ присутствіи родителей королевы, назначенныхъ защищать ея дѣло.

Ингеберга избрала мѣстомъ съѣзда Соассонъ. Защитники Филиппа приволили свои причины съ возможнымъ краснорѣчіемъ и тѣмъ успѣшнѣе, что никто не осмѣялся явиться для защиты королевы. Между тѣмъ, когда президентъ три раза спросилъ, будеть ли кто говорить за королеву, изъ толпы вышелъ молодой человѣкъ, и, спросивъ позволенія у легатовъ и короля, съ такимъ искусствомъ защищалъ дѣло королевы, что привелъ всѣхъ въ изумленіе, и какъ никто не зналъ этого оратора и съ тѣхъ поръ не видалъ болѣе, то рѣшили, что это былъ ангелъ, посланный съ неба. Суды не хотѣли тотчасъ произнести свое мнѣніе. Филиппъ, подавая вѣль, будто признаетъ себя виновнымъ, увезъ Ингебергу, приказавъ сказать легату, что король не намѣренъ обдумывать, справедливъ ли

разводъ или нетъ, потому что примирился съ Ингебергой и хочетъ имѣть ее своею супругой.

Такъ кончается пятнадцатій споръ, вступая только въ точку исхода!... Бѣдная Агнеса Мерани, вступившая въ бракъ въ полной увѣренности на прочность развода, сдалась жертвою своего легкомыслія. Удаленная въ Санли, она умерла отъ горести въ самый годъ своего разлученія съ мужемъ, оставивъ двоихъ дѣтей, признанныхъ папою законными.

Вотъ самая исторія. Въ этомъ разсказѣ находятся все элементы драмы и драмы занимательной, полной движенія, съ условіемъ, чтобы авторъ не ограничился только половиною сюжета, какъ это слѣдалъ Понсаръ, но представилъ ее вполнѣ. Я лучше объясню эту мысль, показавъ планъ, начертанный Понсаромъ.

Агнеса, вступившая, пять лѣтъ назадъ, въ бракъ съ Филиппомъ, наслаждается нѣжностью, которая выражается въ поступкахъ ея супруга, словою и блескомъ своего положенія. Филиппу готовятся еще новые лавры: онъ сбирается наказать Иоанна Безземельнаго и присоединить Нормандію къ своей коронѣ. Уже Филиппъ надѣлъ латы, Агнеса застегнула его каску, но въ это время является монахъ: это папскій легатъ, онъ передаетъ Филиппу приказаніе папы — удалить Агнесу и примириться съ Ингебергою.—А если король не захочетъ повиноваться?—Если не захочетъ, будетъ наложенъ интердиктъ на него и на его государство.

Филиппъ противится легату: интердиктъ произнесенъ; дворецъ короля опустѣлъ, все слуги покинули его, кроме одного, храбраго, вѣрнаго Вильгельма. Но Вильгельмъ понимаетъ, что бой не равенъ между духовнымъ оружіемъ папы и мірскою силою Филиппа, и совѣтуетъ ему повиноваться. Филиппъ отвергаетъ это мнѣніе. Между тѣмъ, легатъ продолжаетъ исполнять свое дѣло: если въ продолженіе срока, опредѣленного въ интердиктѣ, французскій король не отошлетъ свою вальжницу, онъ лишится своего вѣнца; бароны и вассалы будутъ освобождены отъ ихъ присяги, и онъ — болѣе не король!

Гневъ Филиппа возрастаетъ съ упорствомъ легата: ни молитвы, ни угрозы не могутъ смягчить несокрушимаго монаха. Агнеса съ отчаяніемъ видитъ, что ея присутствіе оставливаетъ благородныя намѣренія ея супруга; она боится, чтобы ея любовь не замѣнила королю потерянную славу, и, въ свою очередь, обращается къ легату, который совѣтуетъ ей пожер-

твовать своимъ величіемъ для спокойствія мужа. Убѣжденная, что только этимъ средствомъ можно возвратить миръ, Агнеса повинуется: она пойдетъ, подъ защитою вѣрнаго Вильгельма, въ ломъ своего отца.

Агнеса хотѣла исполнить это намѣреніе; но Филиппъ доказалъ ея на дорогѣ, и, не смотря на упреки народа, проложивъ себѣ путь мечемъ, возвратилъ Агнесу въ свой дворецъ, созвавъ своихъ бароновъ и велъ имъ готовиться къ крестовому походу. Римъ будетъ доволенъ этимъ поступкомъ... Но Римъ не измѣняетъ своей воли, и легатъ повторяетъ неумолимый законъ. Срокъ кончился. Филиппъ долженъ былъ отказаться отъ своей короны!... Тогда, побѣжденная отчаяніемъ, Агнеса рѣшается на послѣднее и страшное средство: она умретъ! Филиппъ будетъ свободенъ, можетъ взять свою первую супругу, тогда осуществить онъ свои обширные замыслы... Агнеса поручаетъ своихъ дѣтей заботливости своей вѣрной подруги и готова исполнить страшную мысль.

Филиппъ собираетъ бароновъ, напоминаетъ имъ клятву, напоминаетъ свои заслуги Франція, и спрашивается, что предпочитаютъ они — повиноваться папѣ или быть вассалами короля, который ведетъ ихъ къ славѣ. Всѣ молчатъ.... Но въ это мгновеніе является легатъ, чтобы рѣшить вопросъ: онъ однимъ словомъ хочетъ низложить Филиппа съ престола... Но присутствіе умирающей Агнесы удерживаетъ легата, и она умоляетъ его только объ одномъ — простить ей преступную смерть.

Эта простота расположенія частей исполнена величія и благородства, но очень однообразна; дѣйствіе, заключенное только въ трехъ лицахъ, ограничивается вариаціями на темы: *надежда и страданіе*. Характеръ легата, глубоко задуманный и широко выполненный, но безстрастный, естественно очень холоденъ. Наконецъ, борьба этой драмы только политическая, но не страстей. Манера Понсара, слишкомъ ровная, плавная, чисто-литературная, вредитъ ему. Эта ровность, это желаніе избѣгать всякаго блеска, всякой спекающей мысли, всякаго эффекта, неизбѣжнаго на сценѣ, растягиваетъ, ослабляетъ разговоръ: горизонтъ Понсара ясенъ, тихъ, прозраченъ; не мѣшало бы разсыпать на немъ нѣсколько облаковъ и оживить идеалистійскій пейзажъ блескомъ молвій.

Во всякомъ случаѣ, это произведенія господина Понсара — одно изъ самыхъ замѣчательныхъ въ области драматического

искусства и пользуется вполнъ заслуженнымъ успѣхомъ. Роль *Ангесы* была превосходно исполнена госпожею Дорваль, назначенню самимъ авторомъ вмѣсто Арапли, которая, по этому случаю, начала съ Понсаромъ процессъ. Чѣмъ кончается это дѣло — покамѣсть неизвѣстно. Подождемъ развязки юридического водевиля.

Робертъ-Брюсъ (Robert-Bruce), опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Слова Альфонса Ройе и Гюстава Ваэза; музыка Россини; танцы Мазилье.

Въ одной сказкѣ говорятъ принцессѣ: «Народъ кричитъ: у него вѣтъ хлѣба». — «Дайте ему корку пирога!» — отвѣчаетъ ея свѣтлость. Директоръ большой оперы, господинъ Леонъ Шилье, поступаетъ по примѣру этой заботливой принцессы. Онъ умѣлъ обратить театральную залу въ огромную пустыню, въ которой толпа умираетъ съ голоду и просить маны, просить такимъ голосомъ, что отъ него разрывается сердце. И господинъ Шилье приготовилъ для своихъ слушателей пирогъ, булку, брешку, гдѣ не будетъ недостатка въ коркахъ: четырнадцать старыхъ нумеровъ въ двухъ первыхъ актахъ *новой оперы*!!

Здѣсь позвольте разсказать въ скобкахъ одинъ замѣчательный случай, вмѣсто предисловія.

На дверяхъ провинціального театра была прибита афиша: «*Быллал волшебница*. Опера въ трехъ дѣйствіяхъ; слова Скриба; музыка Бозельдѣ». Толпа бросилась въ театръ. Поднимается занавѣсъ. Актеръ выходитъ на сцену и говоритъ: «Звучитъ труба. У шотландскихъ горцевъ каждый найдетъ гостепріимство...»

Не много спустя, другой актеръ говоритъ: «Въ самомъ дѣлѣ, пріятно быть военнымъ».

— Да позвольте, замѣтилъ одинъ изъ зрителей, слышавшій эту пьесу въ Парижѣ: здѣсь были куплеты.

— О, какое удовольствіе, какое великое удовольствіе быть солдатомъ! продолжаетъ актеръ.

Междутѣмъ замѣчаніе пошло въ ходъ: поднимается свистъ, крикъ, шиканье; вызываютъ режиссера. Онъ выходитъ, дѣлаетъ три поклона и говоритъ:

— Чего желаетъ публика?

— Музыки!

— Позвольте; вы не прочитали афиши: на ней напечатано, правда, нѣсколько мелкимъ шрифтомъ, слѣдующее: «Музыка

вредить действію пьесы, и потому будетъ замѣнена живымъ и благоразумнымъ разговоромъ».

Публика отправилась въ театръ слушать *Роберта Брюса*: публика слышала отрывки изъ *Donna del Lago*, *Bianca e Faliero*, *Zelmira*, *Towaldee*, *Derliska*, и осадила театральную кассу, требуя, чтобы ей возвратили деньги. Публика была права: она ждала *новой* оперы великаго маэстро, — ей предложили на серебряномъ блюдѣ подогрѣтый пудингъ. Но кассиръ не возвращалъ денегъ, говоря, что на афишѣ не было сказано *новая опера*, но просто *опера*, что тѣкъ-же справедливо. Господинъ Пилье недаваль покоя Россини, прерывалъ его на половинѣ самаго сладостнаго *far-niente*, мышалъ ему сочинять глубокомысленную теорію салата, мышалъ ему мышать макароны. Согласитесь, что все это чрезвычайно непріятно. Вотъ знаменитый маэстро и наказалъ своего скучнаго гостя, нанесъ послѣдній ударъ его хилому театру своею *новой* оперой. Россини ничего не потерялъ отъ этого; мнѣ даже кажется, что онъ выигралъ — название болонскаго Мефистофеля, владѣющаго злымъ, остримъ и жестокимъ сарказмомъ.

Альфонсъ Ропе и Густавъ Ваэзъ поставлены были въ затруднительное положеніе — написать поэму на данныя риѳомы, не измѣняя ихъ порядка, и въ заданный сюжетъ, или, что все равно, прискать новыя положенія, новыя сцены для музыки, созданной во все не для нихъ, скроить эти сцены занимательною связкою, такъ, чтобы изъ *Donna del Lago*, *Zelmira*, и проч., вышелъ *Робертъ Брюсъ*. Бѣдные поэты почерпнули вдохновеніе въ легендахъ Вальтера-Скотта.

Дѣйствіе происходитъ въ 1314-мъ году. Робертъ Брюсъ, защитникъ шотландской независимости, ведетъ войну съ королемъ Англіи. — Артуръ, офицеръ Эдуарда II, влюбленъ въ дочь Дугласа Чернаго, привязаннаго самою рѣдкою вѣрностью къ Роберту Брюсу. Шотландскій графъ поклялся, что Марія никогда не будетъ женою «неблагодарнаго», который сражается за англійскаго короля и завтра же готовъ пролить кровь своего отца.

Сердце Маріи принадлежитъ Артуру, ему одному, Артуру, любимцу и рыцарю Эдуарда. Повинуясь долгу, бѣдная девушка скрываетъ отъ отца свои слезы, стараєтъся заглушить свои страданія, между-тѣмъ, какъ англичане, не давая непріятелю ни мира, ни перемирія, обступаютъ замокъ Дугласа, куда скрылся Брюсъ, и вѣгаютъ во всѣ галлерей. Предводитель

войска—Артуръ, храбрый англійскій офицеръ. Изъ любви къ Маріи онъ хочетъ спасти Дугласа отъ смерти, которую пригото-
валъ ему капитанъ Мортанъ. Дѣвушка старается обмануть
своего любовника, чтобы спасти шотландскаго короля, но
страшное подозрѣніе, какъ молнія сверкнуло въ умъ Артура,
когда онъ узнаетъ, что Дугласъ скрылся изъ замка: «Кого хо-
тыли вы спасти?.. Не отвѣчаете... Да, я понимаю, угадалъ:
это супругъ, котораго вамъ готовятъ, это ненавистный
соперникъ!...» Сцена очень драматическая: въ то мгновеніе,
какъ Артуръ хочетъ убить мнимаго жениха дѣвушки, она хва-
таетъ изъ-за пояса кинжалъ и смѣло становится передъ Робер-
томъ Брюсомъ. «Артуръ», гордо произноситъ она: «страшитесь
моего гнѣва!.. Клянусь, если вы сделаете хотя одинъ шагъ къ
нему... вы будете въ могилѣ!..»

Изгнанный король, пораженный такою преданностью, со-
знаеть въ себѣ воскресающее мужество,—и готовъ дорого продать
свою жизнь; но Артуръ дѣлается его защитникомъ—изъ любви къ
Маріи.—Въ это же время, Дугласъ съ предводителями шотланд-
скихъ клановъ, прибѣгаєтъ освободить короля, такъ великолушно
спасеннаго Артуромъ.—«Дочь моя принадлежитъ тебѣ!» воскли-
цаєтъ Дугласъ, подавая руку Артуру. Роковая любовь! Храбрый
и благородный офицеръ не можетъ быть измѣнникомъ; онъ дол-
женъ возвратиться подъ знамена чести, подъ знамя своего ко-
роля. — Эдуардъ II, узнавъ, что Робертъ Брюсъ ускользнуаъ
изъ его рукъ, спасенныи англійскимъ офицеромъ, не можетъ
удержаться отъ гнѣва, вырываетъ шпагу Артура: «Палачъ раз-
обьетъ твой гербъ и твою жизнь, какъ я разбиваю ногами
твою честь».

Едругъ изъ толпы выбѣгаєтъ женщина, блѣдная, въ отчая-
ніи — это Марія. «Я вмѣстѣ съ нимъ виновата... Не клялась ли
я умереть въ тобою!..»

Солдаты ведутъ ихъ обоихъ на казнь... Но раздается ра-
достный звукъ трубы... Шотландія торжествуетъ... Эдуардъ
взять въ пленъ; Артуръ освобождается отъ присяги англій-
скому королю... «Шотландія свободна!.. Безсмертіе Роберту
Брюсу!..»

Хорошая музыка не старѣется и не теряетъ цѣны, какъ зо-
лото, въ какую бы форму не переливали его... Совершенная
правда. Но только грустно видѣть произведеніе таланта, сшитое
безъ всякаго участія его душа, чувства, воображенія. «Робертъ
Брюсъ» оставляетъ въ сердцѣ слушателя печальное чувство, ка-

кое бываетъ, когда мы видимъ человѣка, на которомъ налагаютъ платье нашпѣхъ друзей, давно умершихъ, давно засыпанныхъ землею. Мрачное, тяжелое чувство!.. Если огромный талантъ Россини рѣшительно опустилъ крылья, къ чему было составлять эти *псоди*? Композиторъ уже составилъ себѣ всемирную славу и хотѣть спать на лаврахъ, — и прекрасно пусть спить. Неужели крики журналовъ, обвинявшихъ его въ бездѣйствіи, вслугали его и онъ вздумалъ оправдаться? Въ такомъ случаѣ, Россини долженъ бы разогрѣть литературную саранчу партитурою, достойною *Вильгельма-Телля*, а не оперой-попурри.

Врочемъ судить объ успѣхѣ *«Роберта Брюса»* по первому представлению довольно трудно, потому что тутъ случилась история, не совсѣмъ приличная для сцены. Госпожа Штольцъ, назначенная для главной партіи въ оперѣ, нѣсколько разъ получала безымянныя письма, въ которыхъ ей советывали не брать на себя первую роль въ новой пьесѣ, однакожъ она не обращала никакаго вниманія на таинственные совѣты. Занавѣсь подняли. Опера шла и нѣкоторые нумера возбудили живѣйший восторгъ въ публикѣ. Между тѣмъ, лица, бывшія близко къ сценѣ, не ограничивались жестами, простительными развѣ только простому народу, посыпали госпожѣ Штольцѣ фразы, до того дерзкія, что поставили ее въ нестерпимое положеніе. Въ порывѣ негодованія, госпожа Штольцъ разорвала у себя въ рукахъ батистовый платокъ и сказала: «Это нестерпимо!... Низко оскорблять женщину!...» Дѣйствительно, права женщины выше обязанностей актрисы, и если вторая должна быть снисходительна къ публикѣ, то, въ свою очередь, и публика должна уважать ее, какъ женщину. Госпожа Штольцъ имѣла полное право сдѣлать подобный упрекъ и она произнесла его не на свистъ и шиканье, но въ защиту себя отъ оскорбительныхъ словъ какого-то мужика въ жолtyхъ перчаткахъ. Разказываютъ, будто г-жа Штольцъ хотѣла сойти со сцены, но дѣвица Но удержала ее, сказавъ: «Что вы дѣлаете?... Вы бѣжите, какъ негодный солдатъ въ миavуту опасности!..» Неизвѣстно, эти ли слова, или собственное размышеніе заставили госпожу Штольцъ вспомянуть свой долгъ и свое достоинство, только она осталась на сценѣ и продолжала роль смѣло, спокойно, и нѣсколько разъ должна была повторить нѣкоторыя арии, по требованію публики и при громкихъ аплодисманахъ. — Госпожа Штольцъ, въ оправданіе своего неудовольствія, напечатала длинное письмо въ газетѣ *Siècle*, помѣщенное потомъ и въ другихъ журналахъ. Этотъ бур-

чый вечеръ останется надолго памятнымъ въ летописяхъ театра. Должно, однакожъ, отдать справедливость господину Пилье: опера была обставлена великолѣпно; декорации Тьеरри в костюмы, слѣянные по рисункамъ Сешана, отличались необыкновенною роскошью. Дѣйствующія лица: Робертъ-Брюсь — *Баруале*, Эдуардъ II — *Поленз*, Дугласъ — *Анкони*, Артуръ — *Беттини*, Муротнъ — *Ромми*, Марія — г.-жа *Штолльц*, Нелли — г.-жа *Но*, Пажъ — г.-жа *Муассон*.

Тайное покровительство (La Protégée sans le savoir), комедія въ одномъ дѣйствіи съ куплетами. Соч. Скриба.

Вы знаете, что некоторые дамы понимаютъ подъ словомъ *покровитель*, *protéteur*, слововательно объяснять это почетное званіе было бы дѣломъ излишнимъ.

Восемьдесятъ лѣтъ назадъ, напечатана маленькая повѣсть, «*Ernestine*,» которую Лагарпъ называетъ алмазомъ госпожи Риккобони. Изъ этой-то маленькой повѣсти плодовитый академикъ взялъ сюжетъ и даже подробности для своей новой комедіи. Но Скрибъ, съ удивительнымъ званіемъ сцены, умѣль придать своей героинѣ несравненно болѣе драматизма, пожелѣ сколько находится въ Эрнестинѣ, которую, впрочемъ, г.-жа Риккобони никогда и не назначала для театра. Лакло, очень умный писатель, укололъ себѣ ногу, въ 1777-мъ году, на томъ самомъ мѣстѣ, где, три недѣли назадъ, Скрибъ нарвалъ душистый букетъ. Лагарпъ и Гримъ, въ своихъ письмахъ, много шутятъ надъ несчастною судьбою Эрнестинѣ, комической оперы въ трехъ дѣйствіяхъ, для которой написалъ музыку знаменитый мулатъ Сенъ-Жоржъ, и говорятъ, что эта бѣдная пьеса поэта Лакло пала радикально. Парижскіе журналы вынѣшняго года въ восторгѣ отъ пьесы Скриба. Только онъ одинъ былъ достоинъ и способенъ ограничить для сцены алмазъ мадамъ Риккобони, такъ долго лежавшій подъ пылью забвенія.

Вотъ въ какомъ видѣ представилъ Эрнестину счастливый академикъ:

Лордъ Клерверингъ открылъ въ окрестностяхъ своей отели, въ Лондонѣ, больную женщину, за которую съ самою вѣжною заботливостью ходила ся четырнадцатилѣтняя дочь, и захотѣлъ облегчить существованіе этихъ бѣдныхъ людей; но его услуги были отвергнуты, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости. Мать умерла и завѣщала дочери существовать честными трулами... но много ли достанетъ работою бѣдный художникъ?... Клариса занимается живописью... Однажды, является купецъ

и заказывает ей картину, для опыта. Мало по малу прі-
обрѣтая навыкъ, артистка получаетъ и большую плату; нако-
нецъ, спустя три года, она начинаетъ жить съ маленькими
удобствами и тѣмъ болѣе счастлива, что всѣмъ обязана един-
ственno своему таланту и трудолюбію. Впрочемъ, она ведеть
жизнь очень уединенную и не принимаетъ къ себѣ никого,
кромъ лорда Клеверинга, который беретъ у нея уроки рисо-
вания, за очень умѣренную цѣну, и мистера Кресби, велико-
душнаго покупателя картинъ.

Въ такомъ положеніи живетъ молодая художница, въ
прелестномъ загородномъ домикѣ, у Лондонскихъ воротъ, ко-
гда является къ ней старинный другъ ся родителей, французскій
живописецъ. Дѣла этого бѣднага такъ дурны, что буквально
оправдываются пословицѣ: «бѣденъ, какъ живописецъ». Молодая
подруга, по чувству и по занатіямъ, разсказываетъ ему про
свои успѣхи, про свое довольство. — Да, скажите на милость,
чѣмъ вы нажили это? спрашиваетъ откровенный художникъ,
осматривая комнаты. — Работою. — Значить, у васъ большой
талантъ. — Посмотрите! — О, о.. вотъ мило!.... Да за это дай
Богъ получить пять франковъ. — Не угадали! — Въ самомъ
дѣлѣ, приходитъ покупатель картинъ и даетъ сто гиней за
нейзажъ. Живописецъ разинулъ ротъ отъ удивленія; но скоро
все объясняется. Онъ узнаетъ, что лордъ Клеверингъ — покро-
витель молодой артистки, что она — и это всеобщая молва — его
любовница. Въ негодованіи онъ возвращается потерянной жен-
щинѣ деньги, которая надѣялся получить изъ честныхъ рукъ.
Дѣвушка, въ испугѣ, открываетъ глаза, понимая свое положе-
ніе. Объясненіе между Кларисой и Клеверингомъ; они клянут-
ся во взаимной любви.... любви безнадежной, потому что лордъ
Клеверингъ долженъ жениться на молодой леди... Но онъ рас-
траганъ преданностью своей подруги, онъ готовъ отказаться
отъ самыхъ блестящихъ предложеній; бѣдная дѣвушка возвра-
щается къ надеждѣ — принадлежать тому, кого она такъ
тепло, такъ нѣжно любитъ..., но этотъ мигъ блаженства — толь-
ко одинъ мигъ. Клеверингъ узнаетъ, что отецъ его невѣсты
разорился и разсчитывалъ на него, чтобы обезпечить судьбу
своей дочери. Что дѣлать? Клариса (точъ-въ-точъ Эрнестина)
велитъ своему любовнику — не измѣнить данному слову!.. Но
добрый французскій живописецъ выводить ихъ изъ этого тру-
днаго положенія: онъ убѣждаетъ невѣstu Клеверинга сдѣлаться
супругою денди, котораго она любила уже прежде, и освобо-

жласть любовника молодой артистки. Пьеска очень мила и доставляетъ обильные сборы театру. Роль артистки играеть *Роза Шери*, лорла Клеверинга - *Брессанъ*, а бѣднаго живописца - *Юма*.

Семплисъ (*Simplis*), комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Соч. Фурнѣ и Преморе.

Это одна изъ пьесокъ, составленныхъ по рецепту, который извѣстенъ каждому, кто сколько-нибудь знакомъ съ закулиснымъ міромъ: это госпитальный настой изъ грудной травки.

Въ загородномъ домикѣ живутъ лиценсіѣ, наивный, робкій, простодушный, однимъ словомъ, *Семплисъ*, и капитанъ африканскаго егерскаго полка (африканскіе егера въ такой-же моль у цынѣнныхъ водевилистовъ, въ какой были гусары во времія Имперіи). Вышесказанный капитанъ — человѣкъ горячій, бойкій, дерется на-процалую, однажды готовъ соединиться узами брака. Въ деревнѣ живутъ три особы прекраснаго пола: девица, вдова и замужняя дама. Они безпрестанно получаютъ самыя вѣжныя записки. Вы напередъ знаете, что во всемъ обвиняютъ капитана, но что на самомъ дѣлѣ виноватъ дерзкій лиценсіѣ; вы знаете также, что дѣло не обойдется безъ ссоры, что капитанъ будетъ рвать на себѣ волосы, что дружба его съ милою вдовою разрушится, но правда восторжествуетъ, что *снеги-біо* di amore окажется виноватымъ и добродѣтельный капитанъ получитъ награду. Вы предвидѣли всѣ эти обстоятельства, неизбѣжныя, необходимыя, вы знаете ихъ, какъ свои пять пальцевъ, и аплодируете тому, что уже видѣли девять-сотъ девяносто-девять разъ. Бомарше сказалъ: «никто не написалъ новой комедіи.»

Для чего же родился *Семплисъ*, для чего вышелъ на сцену?

Вѣрный мужъ. (*Un mari fidèle*), водевиль въ одномъ дѣйствіи, Гг. Варена и Дюжара?

Мужъ состоять при особѣ своей супруги въ качествѣ управляющаго, швейцара, секретаря, горничной; предуореждается всѣ мысли, слова, желанія своей прекрасной спутницы на тернистомъ пути бытія, такъ, что, наконецъ, ей становится душно отъ такой любезности и она обращаетъ снисходительный взоръ на мосьѣ Октава. Что дѣлать мужу? Какое употребить ему средство, чтобы остановить зло?.. Мужъ вспомнилъ старинный водевиль, вспомнилъ три дюжины старинныхъ водевилей, и рѣшился разыграть у себя въ домѣ роль невѣрнаго мужа, роль измѣнника, и возбудить ревность своей супруги. Хоро-

шенькая гризетка соглашается начать приступъ къ добродѣтельному мужу. Онъ съ удовольствіемъ попадаетъ въ сѣти. «О коварный!» вскрикиваетъ супруга, увидѣвъ его l'ête-à-l'ête съ милой модисткою. Но дѣло кончается благополучно. Зять мирить супруговъ и счастливый мужъ бѣжитъ на цвѣточный рынокъ, купить корзинку букетовъ для благодѣтельныхъ водевилистовъ, которые научили его вышутаться изъ бѣды.

Марія, или наводненіе (Magie ou l'inondation), мелодрама въ пяти дѣйствіяхъ и семи картинахъ, соч. * * *

Мелодрама, какія всякий день наводняютъ драматическую литературу: лавина приключеній, утѣшающихъ въ потопѣ фразъ и эффектовъ. Впрочемъ, это огромное наводненіе едва ли выступить золотымъ разливомъ черезъ края театральной кассы.

Царица водъ (La reine des eaux), водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. * * *

Это балетное название угрожало мнѣ озеромъ, аллеями плачущихъ ивъ, феями, пери.... Но, благодаря судьбу, я боялся напрасно.

Вотъ вами шіеса въ двухъ словахъ:

Въ Баньерѣ съѣхалось многочисленное общество лечиться отъ здоровья, отъ спины и тому подобныхъ вещей, очень обыкновенныхъ. Царицею сезона, прекраснѣйшою изъ очаровательныхъ дамъ, была молодая вдова, мужъ которой имѣлъ горькую участъ скончаться на плантаций сахариаго тростника, въ Гаванѣ. Мадамъ Луиза де-Саверни окружена покорною толпою поклонниковъ, но презираетъ ихъ мольбы, и между тѣмъ — странныя существа эти женщины! — любить бѣднаго чичероне, Доминика. Впрочемъ, можно ли и не любить его, когда онъ, послушный одному ея взгляду, бросался въ прощанье — поднять вѣръ мадамъ Луизы. Любовь ихъ доходитъ до того, что въ одинъ прекрасный вечеръ все Баньерское общество застаетъ бѣднаго Доминика у ногъ вдовы.... Зависть торжествуетъ, но не долго. Чичероне быть ни больше, ни меньше, какъ достойный мужъ Луизы, который пропадаль и встался.

Вотъ и все.

Самая интереснѣйшая театральная новость послѣдней недѣли комедія остроумнаго Мери: *L'univers et la maison*. Комедія эта съ своими пятью актами и тяжелыми школьными александрийскими стихами явилась впервые на помостѣ Одеона. Не будь этихъ несчастныхъ шерховатыхъ стиховъ, комедія, безъ со-

мнѣнія, имѣла бы болѣе успѣха, потому что она хотя и не образцовое произведеніе драматургіи, но все-таки отличается счастливою основною идеюю, интересными положеніями и преимущественно острѣмъ, текущимъ языкомъ.

Авторъ переноситъ зрителя въ контуръ богатаго негоціанта Доріи, котораго корабли разсыкаютъ волны всѣхъ морей земного шара, и имя котораго также извѣстно и славно въ Калькутѣ, въ Пондишери и на Цейлонѣ, какъ и на парижской биржѣ. Дорія богатъ, какъ набобъ. — Но какою цѣною покупаетъ онъ это богатство! День и ночь работаетъ онъ съ своимъ новвреннымъ Дюбланомъ; онъ не знаетъ ни минуты покоя; ему никогда даже взглянуть на лѣтей, никогда молвить слово съ женою, никогда подумать о друзьяхъ, если только у него есть они. Дорія не человѣкъ, а счетная машина; онъ безпрерывно считаетъ и считаетъ, и наконецъ жена его, которую онъ считаетъ за простой нуль, находитъ, что, не смотря на все окружающее богатство, такого рода жизнь весьма скучна и печальна. У Доріи есть сынъ и дочь. Послѣдняя должна выйти за некоего Божона, современаго Тартюфа,acciю желѣзной дороги въ образъ человѣческомъ. Дорія чрезвычайно высокаго мнѣнія о своемъ будущемъ зятѣ, а тотъ только и думаетъ, какъ бы посредствомъ мнимыхъ спекуляцій выманить у тестюшки миллиончикъ другой. Молодой Дорія, по мнѣнію отца, образецъ сыва и наследника негоціанта, ведущаго всесвѣтную торговлю; батюшка отправилъ его въ Италію закупать рисъ, а сынокъ, вместо занятія торговыми дѣлами, занялся какою-то пивицею, и вместо рису, покупалъ шампанское и драгоценныя подарки для своей возлюбленной. По счастію, благодаря Дюблану, эти проказы кой-какъ скрыли отъ отца. Итальянскую пѣвицу ангажировали въ Парижъ. Людвигъ Дорія видѣть ее и снова влюбляется; но любовь его превращается въ бѣшенство, когда онъ узнаетъ, что у итальянской соловушки есть уже другой, болѣе его счастливый обожатель. Людвигъ дерется съ нимъ на поединкѣ, въ то самое время, когда въ домѣ отца его блестящій балъ. Людвигъ раненъ. Мать, сестра, кузенъ спѣшатъ къ нему, а отецъ вичего не знаетъ объ этомъ происшествіи.

Наконецъ, онъ узнаетъ обо всемъ и разгадываетъ, что за птица будущей зяткъ его, которому послѣ этого остается только убраться подальше. Дорія сознаетъ свое заблужденіе,

постигаетъ, что онъ ставилъ на карту свое семейное счастіе и—il quitte l'univers et garde la maison.

Во «Французскомъ—театрѣ» такимъ же успѣхомъ пользуется пяти-актная драма г-жи Каза-Майоръ: *Le Noeud gordien*. Планъ этой пьесы показываетъ большую драматическую способность, но въ интрагѣ есть кое-что невѣроятное и эпизоды слишкомъ растянуты.

Новый театръ Монпансіе быстро приближается къ окончанію. На бульварѣ возвышается уже величественная колоннада, которой не достаетъ только нѣкоторыхъ наружныхъ украшений. Для первого этажа, очень мало возвышающагося отъ земли, назначены двѣ колосальныя статуи, представляющія Кomedію и Трагедію. На высотѣ бель-этажа поставлены будуть двѣ группы: Гамлетъ и Офелія и Сидъ и Селимена. На самомъ верху парадный геній. Внутреннее украсеніе будетъ величественно и изящно. Надъ тремя горами музъ: Пиндомъ, Парнасомъ и Геликономъ, парить поэзія и подаетъ одну руку Кomedіи, а другую Трагедіи; первая улыбается и машетъ своею маскою; вторая серьезна и держитъ въ рукахъ классической кинжалъ. Съ обѣихъ сторонъ группируются величайшія знаменитости драматического искусства; съ одной Эсхилъ, Софоклъ, Эвріпидъ, Сенека, Шекспиръ, Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Шиллеръ, Тальма, Нурри, Глукъ и Мегюль,—съ другой Аристофанъ, Менандеръ, Плавтъ, Теренцій, Мольеръ, Гете, Лопе де-Вега, Сервантесъ, Ренъяръ, Мариво, д-ца Марсь, Моцартъ, Гретри. Подъ этими группами возвышается храмъ Бахуса. Вакханка подаетъ поэту чашу нектара, который долженъ развязать ему языкъ. Пространства между колоннами украсятся сценами изъ «Фелры», «Отелло», «Эриньи», «Фауста», «Магомета», «Теля» и т. п. Вся эта живопись, по заключенному контракту, нынѣ должно быть уже окончена. Театръ будегъ названъ: «Историческимъ».

Габенекъ, капельмейстеръ Большой Парижской Оперы, въ създѣствіе продолжительной болѣзни своей, совершенно отказался отъ этой должности. Мѣсто его занялъ Жираръ, бывшій до сихъ поръ капельмейстеромъ Комической Оперы.

Францъ Антонъ Габенекъ родился въ 1781-мъ году, въ Мезьерѣ (Mézières). Отецъ его, родомъ изъ Мангейма, былъ полковой музыкантъ и самъ преподавалъ сыну первыя познанія въ музыку. Только на 20-мъ году Габенекъ вступилъ въ Консерваторію, где вскорѣ и отличился подъ руководствомъ Бальо.

Въ 1804 году получилъ онъ первую премію за игру на скрипкѣ.

Въ то время воспитанники Консерваторія, получившіе первую премію, поочередно дирижировали небольшимъ оркестромъ въ концертахъ, даваемыхъ этимъ заведеніемъ, и Габенекъ такъ отличился въ подобномъ случаѣ, что во время Реставраціи, когда Консерваторія была на нѣсколько времени закрыта, долго удерживалъ за собою капельмейстерскую должность въ такихъ концертахъ. И въ этихъ то концертахъ онъ впервые познакомилъ парижскую публику съ чудными произведеніями Бетховена. Въ 1821-мъ году онъ сдѣлался директоромъ Оперы, а потомъ капельмейстеромъ ея.

Въ 1828 году, подъ руководствомъ Габенека, образовалось концертное общество и, благодаря его терпѣнію и отличному знанію своего дѣла, сдѣлалось образцовымъ въ своемъ родѣ и прославило имя своего основателя и руководителя.

Г Е Р М А Н И Я.

Ученики Карловской школы, драма Лаубе, (Karlsschüler.)

(Дрезденъ 14 ноября).

2-го нынѣшняго мѣсяца, въ день рожденія великаго Шиллера, дана была на здѣшней сцѣнѣ пьеса Лаубе: «die Karlsschüler.»— Полковой лекарь Шиллеръ, стихами своими къ Лаурѣ уже възстановившій противъ себя нѣкоторыхъ придворныхъ дамъ герцога Карла Виртембергскаго, написалъ «Разбойниковъ» и тайно напечаталъ ихъ. Узнавши объ этомъ, Герцогъ ужасно разгневался и хочетъ жестоко наказать автора, если онъ самъ не осрамитъ позоромъ своего произведенія и не обяжется на будущее время не писать ничего безъ позволенія и безъ цензуры самого Герцога. Поэтъ, разумѣется, не соглашается; его бросаютъ въ тюрьму и готовятъ ему участіе Шубарта, а можетъ быть и казнь, но онъ успѣваетъ спастись бѣгствомъ, при помощи друга своего Коха и одной покровительствовавшей ему придворной дамы. Герцогъ приказываетъ преслѣдовать бѣглца, какъ вдругъ приходитъ письмо отъ Дальберга, возвѣщающее объ огромномъ успѣхѣ «Разбойниковъ» на Мангеймской сцѣнѣ. Пораженный Герцогъ тотчасъ отмѣняетъ приказъ преслѣдовать Шиллера. Названіе пьесы: die Karlsschüler происходить отъ того, что въ ней эпизодически введены уче-

ники училища Карла (Karlschule), которые подружились съ Шиллеромъ, составили союзъ и назвали его «Шайкою». (Шиллеръ взялъ себѣ имя Карла Мюра, Кохъ-Шпигельберга и т. д.) Союзъ этотъ составлялъ табачная и цуннешевая вечеринки, на одной изъ которыхъ Шиллеръ читаетъ Шубартову свою *Fürstengriff*, и за этимъ чтеніемъ застаетъ его Герцогъ. — Кромѣ-того, въ пьесѣ введены любовь Шиллера къ Лаурѣ, побочной дочери Герцога; представлениѣ Шиллеромъ и его товарищами трагедіи Клавиго при герцогскомъ дворѣ. — Пьеса прекрасно и вполнѣ драматично придумана, полна жизни и дѣйствія, полна остроумія и особенного юмора, но завязка слишкомъ авекдестическая, такъ что ей не достаетъ внутренней органической связи и подкѣплѣнія, и въ особенности благородной, строго-выдержанной характеристики, не говоря уже о томъ, что юношеская жизнѣ и характеръ Шиллера, какъ намъ кажется, выставлены ложно и съ весьма дурной стороны, а строгій Герцогъ представленъ слишкомъ подчиненнымъ вліянію своихъ придворныхъ дамъ. Сыграна была пьеса превосходно. Емилю Девріену можно сдѣлать только одинъ упрекъ, что онъ вѣсколько серьезно понялъ молодаго, пламенаго Шиллера. Вингерь, какъ Герцогъ, былъ вполнѣ на своемъ мѣстѣ, потому что этотъ характеръ имѣетъ много сходства съ характеромъ Фридриха Вильгельма въ пьесѣ Гуцкова, а Вингерь чудесно понялъ и исполняетъ эту роль. Д-ца Бауеръ, быть можетъ, въ настоящее время первая немецкая актриса, въ роли супруги Герцога, была лучшимъ украшеніемъ пьесы.

На мѣсто Тика назначенъ авторомъ при Дрезденскомъ театре Гуцковъ и ожидаютъ только утвержденія короля. Между тѣмъ здѣсь разучиваются новую драму его «Uiel Acosta» отъ которой ожидаютъ весьма многаго.

ВЪНА.

Гуттенбергъ, новая романтическая опера въ 4-хъ дѣйствіяхъ,
Ф. К. Фукса.

Г. Фуксъ, извѣстный уже въ музыкальномъ мірѣ многими удачными сочиненіями, написалъ эту оперу позадъ тому нѣсколько лѣтъ. Послѣ долгихъ хлопотъ и стараній, ему блеснула, наконецъ, два года тому, надежда увидѣть свое

произведеніе поставленнымъ на вѣнскомъ оперномъ театрѣ. Опера была принята, все устроено, роли разданы, стоило только разучить ихъ; какъ вдругъ явилась какая-то новая препятствія и опера не была поставлена. Тогда композиторъ рѣшился поставить ее на другой какой нибудь сценѣ, и въ слѣдствіе этого она явилась сперва въ Грецѣ, и потомъ въ Бременѣ, где имѣла блестящій и вполнѣ заслуженный успѣхъ. Произведеніе это уже по одному преобладающему въ немъ благородному музыкальному стремленію заслуживаетъ полнаго вниманія строгой музыкальной эстетики. Фуксъ доказалъ въ немъ, что талантъ его не изъ числа обыкновенныхъ и что онъ избралъ себѣ цѣль гораздо выше и достойнѣе обыкновенной цѣли большей части композиторовъ настоящаго времени, т. е. успѣха посредствомъ общихъ мѣстъ и музыкальныхъ пошлостей. Стиль его музыки, хотя конечно нисколько не самостоятельный, но, по крайней мѣрѣ, имѣетъ уже то достоинство, что отличается солиднымъ музыкальнымъ направленіемъ и прекраснымъ стремленіемъ соединить глубокую гармонію съ пріятною мелодіею. Конечно, некоторые эффектныя мѣста могли бы быть обработаны построже, другія, чрезъ сокращеніе и устраненіе повтореній, сами собою вышли бы гораздо сильнѣе, но главнаго — обладанія драматико-музыкальнымъ талантомъ и музыкальною декламацію нельзѧ не признать вполнѣ въ произведеніи Фукса, и одна уже обработка речитативовъ показываетъ прилежное и вполнѣ успѣшное изученіе лучшихъ образцовъ въ этомъ отношеніи. Композитору-же, не умѣющему писать речитативы, всегда будетъ чужда музыкальная декламація.

Текстъ оперы одно изъ лучшихъ произведеній талантливаго Отто Прехтлера. Гуттенбергъ, не понятый своими соотечественниками и почти изгнанный изъ роднаго города, покидаетъ родину и съ тѣмъ вмѣстѣ возлюбленную свою, дочь сенатора Вернера, Клару. Потомъ, когда онъ, послѣ исполненія своей геніальной идеи, возвращается въ триумфѣ въ Майнцъ, сознавшій наконецъ вину свою и готовящій ему почести и торжество — онъ находитъ свою Клару женою Fausta. Faустъ, узнавши о любви жены своей къ Гуттенбергу, рѣшается отмстить и погубить этого уже и прежде невѣистаго ему соперника. При помощи своего повѣренаго, Курта, онъ успѣваетъ подкупить цыганку Хирбу, и та доноситъ суду, что будто Гуттенбергъ заказалъ ей волшебное питье, посредствомъ котораго хочетъ обольстить Клару и отравить ея мужа. Вслѣдствіе этого по-

казаниі, Гуттэнберга сажаютъ въ тюрьму и Фаустъ торжествуетъ, а Клара въ отчаяніи. Но наконецъ невинность и истина одерживаются верхъ. Хюрба, которую Фаустъ для обезпечения себя вздумалъ отправить на тотъ свѣтъ, открывается на смертномъ одрѣ его преступленіе въ Гуттэнбергову невинность. Фаустъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ, а Клара, върная первой любви своей, спѣшитъ къ Гуттэнбергу, съ триумфомъ оставляющему тюрьму свою. Цѣлое хорошо сценировано и стихи прекрасны.

Особенно знаменательные нумера слѣдующіе: кромъ чрезвычайно-эффектно инструментованной увертюры, въ которой особенно хороши канты на віолончелей въ интродукціи и огненная блестящая выходка скрипокъ въ концѣ аллегро; въ первомъ дѣйствіи: арія Гуттэнберга, а именно первая часть ея, и прекрасный мотивъ: «Ein Mal noch», въ съдующемъ за тѣмъ дуэтъ съ Кларою; далѣе истинно блистательно инструментованная и характеристическая выдержанная сцена Фауста съ его соумышленниками.

Во второмъ дѣйствіи произвели фуроре: прекрасный хоръ оргіи въ d-тактѣ и пылкій переходъ въ f—dur въ кантыленѣ Фауста: «All mein Fühlen», въ продолженіе которой хоръ продолжаетъ прежній напѣвъ съ отрывистыми афоризмами; также какъ и застольная пѣсня Фауста, превосходно исполненная г-мъ Штаудигелемъ; оба нумера были по общему требованію повторены. Слѣдующая за тѣмъ сцена заговора Фауста съ товарищами противъ Гуттэнберга понята не такъ, какъ бы она этого заслуживала, но въ музыкальномъ отношеніи это одинъ изъ лучшихъ нумеровъ въ оперѣ. Канталена Клары произвела больше эффекта, чѣмъ требующая большей страсти арія «Sturm der Schmetter.» Напротивъ того въ дуэтѣ съ Гуттэнбергомъ, которымъ кончается это дѣйствіе, много вредили эффекту повторенія.

Въ третьемъ актѣ заслуживаютъ особенного вниманія грациозный прелестный мотивъ цвѣточницы: «Mose hier, Süre dir», также прекрасно компонированная и инструментованная сцена обвиненія Гуттэнберга Фаустомъ и полный эффекта большой финалъ, въ которомъ въ особенности эффектна живая стретта. По нашему мнѣнію, цѣлое финала еще больше выиграло бы, если бы заключеніе *largo* было нѣсколько больше развито.

Въ четвертомъ дѣйствіи живѣйшее одобреніе заслужила арія Клары; но еще больше драматический дуэтъ ея съ Фаустомъ, который впрочемъ и исполненъ былъ превосход-

но; а также прекрасная, съ большимъ чувствомъ пропытая, арія Гуттенберга. Какъ композиторъ, такъ и артисты, занимавшіе главныя роли, были по нѣсколько разъ вызываемы. Ансамблъ оперы былъ чудесный, хоры исполнили свое дѣло отлично. Цыганка Хіорба эффектнѣя была бы въ виѣ старухи, чѣмъ молодой девушки; потому что въ молодой девушки какъ — то ненатуральны подобная жадность къ деньгамъ и готовность на преступленіе. Не худо бы также исключить маршированіе алебардистовъ въ торжественно-освященной ратушѣ. Во всемъ прочемъ обстановка достойна полной похвалы. Игра г-на Дитта въ роли Гуттенберга заслужила полное одобрение, въ особенности имѣла успѣхъ заключительная арія его, послѣ которой онъ былъ единодушно вызванъ публикою. О г-нѣ Штаудигль (Фаустъ) нечего и говорить; онъ пѣлъ и игралъ какъ всегда — превосходно.

Намъ кажется сомнительнымъ, чтобы партія Клары первоначально была написана для меццо-сопрано, потому что во многихъ общихъ нумерахъ замѣтна потребность высшаго сопрано. Вѣроятно, партія эта передѣлана для д-цы Берггауеръ (меццо-сопрано). Но вѣрно, по крайней мѣрѣ то, что настоящее сопрано многимъ отдельнымъ мѣстамъ придало бы болѣе живости и эффекта. Въ цѣломъ однажды исполненіе д-цы Берггауеръ достойно всякаго одобренія, и некоторые отдельные моменты были действительно постигнуты и исполнены съ талантомъ, какъ, напримѣръ, кантилена въ 2-мъ актѣ, *Schweige Sturm in meinem Herzen*, и въ особенности прекрасный дуэтъ съ Фаустомъ, въ 4-мъ актѣ, который также сыграчи былъ ею вполнѣ драматически.

А Н Г Л И Я.

*Лондонскія театральныя новости. отъ 5-го ноября. 1-го ноября на Геймаркетскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ представлена была новая комедія Ловеля: *Look before you leap* (*Не спросясь броду, не суйся въ воду.*) Хотя въ сюжетѣ пьесы и мало дѣйствія, въ особенности для пяти-актной комедіи, но интересъ поддерживается прекрасною и вѣрною обрисовкою характеровъ и остроумнымъ, чудесно веденнымъ діалогомъ. Театръ «Принцессы» открытъ въ тотъ же вечеръ, новою операю Лодера: *The Night Dances* (*Ночные танцы.*). Упомянутый композиторъ, познакомившій съ собою публикѣ въ первый разъ въ 1834 году оперою своею: *Nourschadah*, представленною при*

открытіи вновь выстроеннаго, на мѣсто сгорѣвшаго лондонскаго оперного театра, съ тѣхъ поръ ни съ чѣмъ не являлся предъ публикою, за то, тѣмъ сильнѣе былъ энтузіазмъ этой публики, когда она уѣдилась, что Лодеръ съ успѣхомъ употребилъ это время на усовершенствованіе своего уже признаннаго таланта. Сюжетъ его оперы тотъ — же, что и сюжетъ балета «Жизель», только съ избѣжаніемъ неправдоподобностей и замѣною счастливой развязки. Либретто написано г-мъ Soane. Участвовавшіе въ оперѣ артисты: г-жи Альбертацци, взявшая на себя главную роль, писанную сперва для д-цы Но (Nau), миссъ Смитсонъ и Миссъ Флонесръ и г-да Алленъ, Лефлеръ и Бодда вполнѣ соотвѣтствовали требованіямъ публики, и были вмѣстѣ съ композиторомъ вызваны по иѣекольку разъ. Представление было на нѣсколько минутъ прервано весьма серьезнымъ происшествіемъ, угрожавшимъ г-жѣ Альбертацци трагическою кончиною. Именемъ когда Жизель, въ сценѣ Виллсовъ, призывающая свомъ любезнѣмъ, появляется изъ пучины, у нея вдругъ загорѣлось отъ лампы, помѣщенной за цветочными кустами, газовое покрывало. За кулисами раздался вопль ужаса; пѣвцы и хористы, бывшіе на сценѣ бросились туда, и по счастію имъ удалось отвратить опасность, артистка отдалась только испугомъ. Публика, узнавши въ чѣмъ дѣло, единодушно взъявила желаніе, чтобы г-жа Альбертацци успокоилась и не продолжала спектакля, но артистка не согласилась, и, оправившись немножко, кончила свою роль при безпрерывныхъ рукоплесканіяхъ восхищенной публики. — На театрѣ «Адельфи» имѣла порядочный успѣхъ пародія «Gisella»; тамъ же поставлена новая передѣлка французской шутки: *Madame Pochet et madame Gibou*. Ванбругова драма, *The Relapse* перешла съ Геймаркетской сцены на сцену Олимпійскаго театра, и мало имѣть успѣха. — Въ Астлей-театрѣ даетъ представленія волтижеръ Штейнбрехтъ, называющій себя шталмейстеромъ короля прусскаго. Чрезвычайно-правильная школа этого нѣмца, несравненная дрессировка жеребца его «Setel venat» обращаютъ вниманіе знатоковъ, и потому представленія его посѣщаются многочисленною публикою.

Англичане отыскали Нельсонову шнагу. Неподложность ея засвидѣтельствована ветераномъ, хранившимъ ее со смерти адмирала при Трафальгарѣ. Лордъ Saye купилъ ее за 100 гиней и подарилъ Гринічскому морскому госпиталю.

СМЪСЬ.

НОВЫЯ ИСТОРИЧЕСКИЯ СВѢДЧНІЯ ПО ПОВОДУ ЗНАМЕНИТОЙ ЖЕЛЪЗНОЙ МАСКИ.

Таинственная история желѣзной маски занимала нѣкогда цѣлую Европу и подала поводъ къ составленію множества драмъ, изъ которыхъ въ новѣйшее время Александръ Дюма, выжавъ весь сокъ, своимъ необыкновеннымъ талантомъ драматизированія, заставилъ вниманіе Европы снова обратиться на эту давно забытую политическую загадку. Но и въ новой драмѣ А. Дюма, *желѣзная маска*, съ разными историческими неправдоподобностями является опять братомъ Людовика XIV.

Новѣйшія изысканія показываютъ, однакожъ, что эта догадка не совсѣмъ справедлива. Вотъ одна изъ самыхъ приблизительныхъ догадокъ къ разрѣшенію этой тайны. Эрколе Антоніо Маттіоли, происходившій отъ очень древней и занимавшей значительные посты фамиліи, родился 1 декабря, 1640 года. Онъ былъ сынъ Валеріано Маттіоли и Жироламы Магги. Здѣсь надобно сдѣлать важное замѣчаніе, что въ томъ же 1640 году, 21 сентября, родился въ Сенъ-Жерменскомъ замкѣ единственный братъ Людовика XIV, названный Филиппомъ, бывшій отцомъ Регента, и умершій 9 Июня, 1701 года, на 61-мъ году отъ рожденія. Слѣдовательно, рожденіе Филиппа двумя мѣсяцами и девятью днями предшествовало рожденію Антоніо Маттіоли. Одно это сближеніе чиселъ уже опровергаетъ всѣ выводы тѣхъ, которые утверждали, что желѣзная маска былъ ни кто иной, какъ младшій братъ Людовика XIV. Маттіоли, вдоворившись въ Мантую, обратилъ на себя вниманіе своими политическими способностями и получилъ мѣсто статсъ-секретаря Карла III—Гонзаго, герцога Мантуанскаго. Въ царствованіе Фердинанда Карла IV (родившагося 31 Августа 1652 года, сдѣлавшагося Герцогомъ Мантуанскимъ въ 1663, и умершаго, послѣ потери всѣхъ своихъ владѣній, въ Падуѣ, въ 1708 году). Маттіоли былъ сверхъ-комплектнымъ сенаторомъ Мантуанскимъ, и получилъ потомственное графское достоинство. Будучи самымъ

близкимъ лицомъ къ молодому Герцогу и первымъ его совѣтникомъ, графъ Маттиоли, въ декабрѣ 1677 года, завелъ съ аббатомъ д'Эстрадъ, французскимъ посланникомъ въ Венеции, чрезъ посѣтъ средство и редактора разныхъ газетъ Бенедетто Джуліани, переговоры о продажѣ важнаго укрѣпленія Казаль въ Монфератѣ. Въ сопровождѣніи хитраго Джуліани, который въ послѣдствіи измѣнилъ ему и выдалъ его, графъ Маттиоли, снабженный полномочіемъ герцога Мантуанскаго, пріѣхалъ въ Версаль, и въ декабрѣ 1678 года заключилъ тамъ съ аббатомъ Помпоною, министромъ иностраннѣхъ дѣлъ, трактатъ на продажу Казаля. Герцогъ Мантуанскій, въ случаѣ успѣха этой неготіаціи, обѣщалъ Маттиоли возвратить мѣсто статсъ-секретаря и сдѣлать его первымъ министромъ. Возвратившись въ Италію въ началѣ 1679 года, графъ Маттиоли открылъ секретно о заключенномъ имъ договорѣ съ Франціею, сначала Туинскому Двору, потомъ графу Мелгару, испанскому губернатору въ Миланѣ, государственнымъ инквизиторамъ въ Венеции и т. д. Онъ постоянно употреблялъ всѣ усилия, чтобы помѣшать исполненію этого договора, и дѣйствительно, исполненіе это послѣдовало не ранѣе, какъ черезъ два года, т. е. 30 сентября, 1681. По интригамъ Маттиоли, баронъ Асфельдъ, драгунскій полковникъ, отправившійся изъ Венеции въ Пиньероль, для совѣщанія съ Катина на счетъ исполненія договора и движенія французскихъ войскъ къ Казаю, былъ арестованъ, въ первыхъ числахъ марта, на испанской землѣ и отвезенъ въ Миланскій замокъ. Аббатъ д'Эстрадъ, заступившій въ Туинѣ мѣсто маркиза де Вилларъ, раздраженный этимъ обманомъ Маттиоли, успѣлъ искусственнымъ образомъ завлечь его въ западню, и 2 мая 1679 года Маттиоли былъ схваченъ на французской землѣ, въ виду Пиньероля, былъ перевезенъ Сенъ-Марсомъ въ крѣпость д'Эксиль, въ 10-ти лье отъ Пиньероля, а въ апрѣлѣ 1687 года на острова Св. Маргариты и Сантъ-Оноре, въ 2 миляхъ отъ Антибы, куда Сенъ-Марсъ былъ назначенъ губернаторомъ. Здѣсь надо сдѣлать замѣчаніе, которое въ послѣдствіи пойдетъ къ дѣлу въ большей части рукописныхъ документовъ, касающихся этого запутаннаго дѣла, имя итальянскаго министра писалось: Маттиоли; но въ официальной перепискѣ Сенъ-Марсъ часто называлъ его Мартіоли. Въ 1698 году Сенъ-Марсъ назначенный губернаторомъ Бастилии, перевезъ туда и Маттиоли. Маттиоли вступилъ въ бастилию 18 сентября, 1698 года, въ три часа пополудни. Сначала онъ былъ посаженъ въ башню *de la Basiniere*, а въ 9 часовъ вечера былъ переведенъ въ третью комната башни, *de la Beraudiere*, Дюлонкою, королевскимъ лейтенантомъ въ Бастилии, который, по приказу Сенъ-Марса умѣблировалъ эту комнату всѣмъ нужнымъ, еще до прибытія пленника въ Бастилию.

Маттіоли умеръ въ этой комнатѣ 19 ноября, 1703 года, около 10 часовъ вечера. И такъ, заточеніе Маттіоли, со 2 мая 1679 года, когда онъ былъ схваченъ въ виду Пиньероля, до 19 ноября, 1703 года, дни его смерти, продолжалось *двадцать четыре года, шесть месяцев и 18 дней*, а жизнь этого лица, столь долго таинственная, съ 1 декабря, 1640 года, дни его рожденія до 19 ноября 1703 года, день его смерти — *шестидесять два года, одиннадцать месяцев и 19 дней*. За нѣсколько дней до смерти, онъ говорилъ аптекарю Бастиліи, что считаетъ себѣ шестидесять лѣтъ. Слѣдовательно, онъ ошибался только двумя годами одиннадцатью мѣсяцами и двумя днями — ошибка очень возможная со стороны человѣка-рѣшительно и столь долго лишенного даже малѣйшаго сообщенія съ вѣнчаниемъ свѣтомъ. Маттіоли былъ похороненъ 20 ноября, 1703, въ 4 часа по-полудни, на кладбищѣ прихода Св. Павла въ Парижѣ въ присутствіи Росаржи, маіора Бастиліи и де Рейля, главнаго ея хирурга. Въ метрической книжѣ имя покойника съ намѣреніемъ было измѣнено и онъ названъ Маршіали, (выше мы упомянули, что Сенъ-Марсъ часто называлъ его Мартіоли). По всему этому почти утвѣрдительно можно сказать, что знаменитая желѣзная маска былъ именно ни кто другой, какъ графъ Эрcole Антоніо Маттіоли, секретарь Карла IV, герцога Мантуйскаго и невѣрный уполномоченный для заключенія трактата на уступку Франціи укрѣпленія Казаль. Эти доказательства, кромѣ того, соглашаются и съ замѣчаніемъ, сдѣланымъ Вольтеромъ, что въ эту эпоху не исчезло въ Европѣ ни одного важнаго лица, какъ на поприщѣ политическомъ, такъ и на какомъ либо другомъ.

Все это было напечатано въ одной французской газетѣ, но въ слѣдующемъ номерѣ той-же газеты было напечатано въ опроверженіе всѣхъ этихъ доводовъ слѣдующее:

Статья о желѣзной маскѣ, напечатанная въ вчерашнемъ нумерѣ, извлечена изъ книги, изданной въ 1825 году Ж. Делоромъ, который старается въ ней доказать, что таинственное существо въ желѣзной маскѣ былъ никто иной, какъ Эрcole Антоніо Маттіоли, Болонскій уроженецъ, возведеній въ графы и сенаторы герцогомъ Мантусанкимъ. Не подвержено никакому сомнѣнію, что Маттіоли участвовалъ въ интригѣ на счетъ сдачи Казала Франціи, и что онъ кончилъ эту интригу измѣною, но всѣ прочія доказательства г-на Делора о тождествѣ этого лица съ человѣкомъ въ желѣзной маскѣ нисколько не могутъ убѣдить человѣка безпристрастнаго. Ру-Фацильянъ, въ своихъ *изысканіяхъ* не былъ счастливъ. Неоспоримо, что человѣкъ въ желѣзной маскѣ не былъ ни графъ Вермандуа, ни герцогъ Бофоръ, ни герцогъ Монмутъ, ни Фуке, младшій братъ Людовика XIV; но съ чѣмъ же согласить и тѣ исторически-извѣстные знаки высокаго уваженія, съ которыми Сенъ-Марсъ обращался съ вѣреннымъ ему пѣтнникомъ, если

этотъ плѣнникъ былъ не болѣе, какъ простой секретарь или агентъ герцога Мантуанскаго? Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе о связи между этою таинственномъ загадкою человѣка въ желѣзной маскѣ съ извѣстными близкими отношеніями Анны Австрійской съ кардиналомъ Мазарини. Лудовикъ XIII подозрѣвалъ королеву участницею въ заговорѣ, составленномъ въ Кале; между супругами царствовала величайшая холодность, и только непредвидѣній случай заставилъ короля раздѣлить ложе съ королевою; послѣ чего черезъ 9 мѣсяцевъ родился Лудовикъ XIV. Что было тогда дѣлать съ ребенкомъ, рожденнымъ прежде, воспитаннымъ втайне котораго существованія Лудовикъ XIII, и не подозрѣвалъ даже. Нельзя же было открыть тайну его рожденія и объявить его незаконнымъ. «По смерти Лудовика XIII, говоритъ Вольтеръ, «Лудовикъ XIV не нашелъ лучшаго средства, какъ то, которое онъ употребилъ для упроченія собственнаго своего спокойствія и спокойствія государства: средство это избавляло его отъ совершенія акта жестокости, который политики представили бы необходимостью всякому другому государю менѣе совѣстливому и велиководушному, нежели Лудовикъ XIV. Если это мнѣніе не истинно, то, по крайней мѣрѣ, правдоподобно. Но всего лучше оставить въ покой вопросъ, который никогда не можетъ быть и не будетъ разрѣщенъ удовлетворительнымъ образомъ.»

МАГНЕТИЧЕСКІЯ ПРЕДСТАВЛЕНІЯ.

Въ Парижской газетѣ *Соуренгъ des spectacles* напечатано:

Мы недавно присутствовали при чрезвычайно-интересномъ магнитическомъ сеансе, въ залахъ г-жи Лафонтенъ. Тамъ двѣ молодыя особы, приведенные въ состояніе сомнамбулизма и дошедшия до магнитического экстаза, представили, подъ вліяніемъ музыки, зрѣлище, превосходящее всякое описание. Въ особенности одна изъ этихъ дѣвицъ Луиза, пріобрѣтѣсть отъ могущественной магнитической матеріи такую степень граціи, красоты, пластической эластичности и выразительности взгляда, что никакая кисть живописца не въ состояніи воспроизвести ничего подобнаго. Въ этомъ экстазическомъ кризисѣ, молодая ясновидящая, покоряясь вліянію гармоніи и силѣ магнитического притяженія, создаетъ позы самыя живописныя, контуры самые очаровательные, то оставаясь неподвижною, то исполняя граціозныя движения. Ни какой образецъ искусства хореографіи, никакой типъ Королевской Академіи Музыки не можетъ идти здѣсь въ сравненіе; ибо то, что производить магнитическая матерія (эта таинственная загадка

нервовъ, которую мы не беремся разрешить), решительно не подлежит никакому сравнению.

Еще болѣе сообщало пріятности этому зрѣлищу то, что обѣ упомянутыя сомнамбулки были магнетизированы дамою, г-жою Лантенъ, которая, какъ видно, пріобрѣла могущественную магнетическую силу отъ своего мужа, весьма искуснаго магнетизера. — Все это конечно чудно, необъяснимо; но какъ же и невѣрить тому, что тысяча честныхъ людей видѣли своими собственными глазами!

ПЕРЕНЕСЕНИЕ ПРАХА КЕРУБИНИ.

II-го ноября, прошлаго года, бренные останки Керубини были вынуты изъ временной могилы и перенесены въ прекрасный мавзолей на кладбищѣ отца Лашеза, воздвигнутый великому композитору любителями музыки и артистами. Монументъ этотъ исполненъ знаменитымъ ваятелемъ Дюмономъ, по проекту архитектора Ахилла Леклерка. Идея его: Кlio, увѣличивающая бессмертнаго композитора. Церемонія перенесенія происходила въ присутствіи семейства покойнаго, многочисленнаго собранія отличнѣйшихъ виртуозовъ, членовъ Французскаго Института, профессоровъ Консерваторіи, друзей покойнаго и множества другихъ особъ высшаго круга общества. Гробъ несли Галеви, Рауль Рожетъ, Оберь и Фогтъ. Мавзолей поставленъ на небольшомъ возвышеніи, на которомъ симметрически группируются памятники Тальмы, Лесюера, д-цы Бургуанъ, Делиля, Мегюля, обоихъ Крейдеровъ, Мартини, Бульи, Пера, Беллини, Гретри, Госсека и другихъ славныхъ артистовъ.

РЕЦЕПТЪ ДЛЯ СОСТАВЛЕНИЯ РОМАНОВЪ.

Въ наше время, романъ долженъ состоять по крайней мѣрѣ изъ четырехъ частей, въ каждой по двѣсти — пятидѣсяти страницъ. Публика глотаетъ залпомъ по двадцати томовъ; для нея романъ въ четырехъ частяхъ — гомеопатическая порошонка, литературная инфузорія. Страсть къ огромному, чудовищному составляетъ отличительную черту нашего вѣка, которой взваливаетъ Оссу на Геликонъ, и все — таки становится не выше пятаго этажа. Впрочемъ, я удалился отъ цѣли. Если вы хотите написать модный романъ, если вы хотите подорвать Александра Дюма, Сулье, Мери, Сю, Бальзака, съ компаніей, если вы хотите, чтобы слава полилась золотымъ дождемъ на вашу голову, украшенную вѣнкомъ изъ розовыхъ и голубыхъ оберточекъ вашихъ твореній, предлагаю вамъ самый вѣрный рецептъ для составленія романовъ, извлеченный мною изъ долголѣтнаго наблюденія. Вамъ надобно вытянуть эластическое воображеніе на

тысячу страницъ, распределить ваши мысли въ следующихъ размѣрахъ:

Вступление, съ прибавкою нѣсколькоихъ отрывковъ изъ исторіи и съ современными тенденціями 60 стран,

Любовныя сцены въ сумракѣ сиреней и при свѣтѣ лампы 120

Описанія природы въ разныхъ видахъ 75

Два блестящіе бала, гдѣ комнаты украшены единственно Флорою Австралии, и негры разносятъ мороженое на золотыхъ блюдечкахъ 30

Сцены въ театрѣ; о бархатѣ ложѣ и закулисныхъ тайнахъ 40

Похищеніе невѣсты отчаяннымъ любовникомъ 15

Ревность тридцати-лѣтней дѣви 90

Неожиданная смерть богатого родственника 36

Удивительное завѣщаніе 17

Мелкія подробности о туалетѣ героя 150

Описаніе будуаровъ 200

Эпизоды, вовсе не идущіе къ роману 105

Таинственный свиданія при лунѣ 45

Герой романа попадаетъ за долги въ тюрьму: описание тюремныхъ таракановъ и прочихъ непріятностей. 28

Герой спасается изъ тюрьмы бѣгствомъ (приключенія въ лѣсу, на заливѣ, у подошвы горы); онъ питается стебельками и кореньями 87

Благополучная развязка романа неожиданнымъ наслѣдствомъ, свободою и проч. 56

Возьмите все это, перемѣшайте, пересыпьте фразами, и получите романъ, самый живой, самый современный, романъ въ пяти частяхъ, съ эффектами, блескомъ, ужасами, однимъ словомъ, самый занимательный.

ЛИСТЪ И ГИРЛЯНДА ГИМЕНЕЯ.

Листъ женился. Мелодическій дятель порхнулъ въ золотую клѣтку. Три миллиона упали въ кошелекъ странствующаго музыканта. Вотъ что называется бить сильно, играть вѣрно, и употребить въ дѣло свои десять пальцевъ, потому что, если вѣрить современной хроникѣ гостиныхъ, знаменитый пьянинъ обязанъ пріобрѣтеніемъ невѣсты единственно волшебству своего фортепіано. Вотъ какъ это случилось:

Листъ жилъ въ Парижѣ. Въ одно утро приходитъ къ знаменитому артисту бѣдный музыкантъ, въ истертомъ фракѣ, и просить

себѣ пособія. Листъ, человѣкъ очень щедрый, тотчасъ выдвигаетъ ящикъ своего бюро, и, къ сожалѣнію, находитъ въ немъ только три червонца. Можно ли дать такую бездѣлицу—своему брату по искусству! Листъ въ замѣшательствѣ, но добрый гений шепнула ему на ухо, что дѣлать, и маэстро отдалъ несчастному артисту медальонъ съ портретомъ Императора, украшенный алмазами. Музыканть, безъ памяти отъ такого счастія, бѣжитъ къ ювелиру продать драгоценный подарокъ. Разумѣется, въ головѣ бриллиантчика тотчасъ родилось подозрѣніе, какъ могла попасть въ руки скрипача вещь, которая стоитъ двѣнадцать тысячъ франковъ? Онъ ведетъ артиста въ поліцію. Несчастнаго музыканта сажаютъ въ тюрьму. Тотъ посыпаетъ письмо къ Листу. Аттила съ фортепіанъ хватаетъ шляпу и бѣжитъ къ ювелиру:

— Вы обвинили невиннаго; я подарилъ ему этотъ медальонъ.

— А вы кто?

Вместо отвѣта, Листъ садится къ фортепіано и начинаетъ играть акроматический галопъ. Едва только артистъ ударилъ по клавишамъ, дверь отворилась и въ комнату вѣжала дѣвушка, съ каштановыми локонами, разумѣется, хорошенъкая, и съ изумленіемъ остановилась въ трехъ шагахъ отъ рояля, устремивъ на артиста свѣтлые, голубые глаза.

— Браво, г. Листъ! Божественно!—вскричала она, какъ только затихли мужественные звуки галопа.

— Развѣ ты знаешь этого господина? спросилъ ювелиръ у своей дочери.

— Нѣтъ, но такъ играть можетъ только Листъ!

На другой день, маэстро, какъ слѣдуетъ, былъ приглашенъ къ ювелиру.

— Скажите, г. Листъ, нравится ли вамъ моя дочь?

— Очаровательна!

— Что думаете вы о трехъ миллионахъ приданаго?

— Возьму ихъ съ удовольствіемъ.

— Вы поняли меня. Вамъ понравилась моя дочь, вы понравились ей; приданое лежитъ на столѣ; будьте моимъ зятемъ и раздуйтесь.

Бракъ Листа останется самою блестящею изъ его импровизаций.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ.

Городской совѣтъ Версалъя славится необыкновенною любовью къ искусствамъ и награждаетъ ихъ золотыми медалями, съ тѣхъ поръ, какъ въ городѣ существуетъ музей, очень образованный.

Недавно, узнавъ о блестящемъ успѣхѣ мадмоазель Гримъ на сценѣ Комической Оперы, совѣтъ назначилъ чрезвычайное засѣданіе.

— Эта молодая пѣвица родилась въ нашемъ городѣ, сказали члены совѣта: она достойна такой же чести, какъ и мадмоазель Добре, которая такъ-же родилась въ Версалѣ.

Президентъ похвалилъ эту мысль и заплакалъ отъ радости. Но въ ту минуту, какъ совѣтъ хотѣлъ присудить золотую медаль пѣвицѣ, кто-то замѣтилъ, что въ Версалѣ не было никого по имени Гримъ.

— Правда! совершенная правда! сказалъ президентъ, пересматривая списокъ городскихъ жителей: я не вижу Грима; впрочемъ у насъ есть Гриль, прибавилъ онъ, показывая пальцемъ на совѣтника, дремавшаго въ углу во время засѣданія.

— Можетъ быть, господа, какія нибудь особенные причины заставили мадмоазель Гриль дебютировать подъ именемъ Гримъ. Это часто встречается въ театрѣ. Вольтеръ не былъ пѣвцомъ, а между тѣмъ отказался отъ имени Аруа.

— Мольеръ тоже не захотѣлъ называться Покленомъ, можно привести тысячу подобныхъ примѣровъ. Господинъ Гриль! проините же, господинъ Гриль! мы хотимъ предложить золотую медаль вашей дочери.

— У меня никогда не было дочери!—сказалъ Гриль, протирая узенькие глаза.

— Безчувственный отецъ! закричали члены совѣта: онъ отказывается отъ своей дочери, молодой, прелестной пѣвицы, которая принесетъ славу Версалю!....

Совѣтъ осадилъ господина Гриля, уговаривалъ его, умолялъ, растрогалъ до слезъ, и заставилъ, наконецъ, признать себя отцомъ дебютантки Комической Оперы.

Золотая медаль была предложена единогласно, и совѣтъ отправился въ четырехъ вагонахъ по желѣзной дорогѣ къ мадмоазель Гриль.

— Здравствуйте, мадмоазель Гриль, сказалъ президентъ.

— Гримъ, милостивый государь; моя фамилія Гримъ, отвѣчала пѣвица.

— Гриль, или Гримъ, это одно и то же. Дебютъ вашъ, мадмоазель Гриль, былъ торжествомъ для вашей родины, для Версаля.

— Помилуйте, я вовсе не изъ Версаля; не знаю, съ чего вы взяли, будто меня зовутъ Гриль!

— Перестанемъ спорить объ этомъ предметѣ, у артистовъ есть свои фантазіи, которая должно уважать. Но, скажите, зачѣмъ вы не хотите родиться въ Версалѣ? Вотъ и вашъ почтенный батюш-

ка, господинъ Гриль, городской советникъ Версаля. Онъ едва не плакать отъ умиления.

—Не смѣшивайте Гриль и Гrimъ, проговорилъ советникъ дрожащимъ голосомъ.

—Все равно, сказаъ президентъ; обнимите вашу дочь.

Господинъ Гриль простеръ къ ней свои объятия.

—Я не думала родиться въ Версальѣ, сказала пѣвица двумя тонами выше.

—Неблагодарная! закричалъ президентъ. Вы хотите отнять у своей родины частицу славы, которую вы доставили ей своимъ торжествомъ? Взгляните, взгляните на мадмоазель Добре! Развѣ она отказалась отъ своей родины? Развѣ она не приняла медали изъ нашихъ рукъ? Отказалась ли она отъ своего имени, потому только, что Амьенъ называлъ себя ея отечествомъ? Но вы будете наказаны за неблагодарность. Вы не принимаете нашей дани добровольно, — мы наложимъ ее на васъ силою: помѣстимъ вашъ портретъ въ Версальскомъ музѣ, поставимъ вамъ конную статую, а эту золотую медаль повѣсимъ надъ дверьми господина Гриля.

Господинъ Гриль поднесъ къ глазамъ носовой платокъ.

Пѣвица, чтобы спастись отъ конной статуи, рѣшилась принять золотую медаль версальского совета. —

МУЖЪ, ОТЫСКИВАЮЩІЙ ЖЕНУ,

Андрей Бюлеръ, зажиточный поселянинъ изъ Нейбурга, получилъ прошедшими лѣтомъ письмо изъ Америки, отъ одного родственника, переселившагося туда лѣтъ за двадцать, и успѣвшаго въ это время нажить порядочное состояніе. Бюлеръ, увлеченій советами этого родственника, рѣшился продать свое имущество и тоже переселиться въ Америку. Вздумано, сдѣлано. Бюлеръ выручилъ за свое имущество до 10,000 флориновъ, и оставивъ у себя денегъ только на необходимые расходы, остальныя отдалъ женѣ, которая и зашила ихъ въ свой корсетъ. Переселенцы поѣхали въ Мюльгаузенъ, чтобы оттудаѣхать въ дилижансѣ въ Парижъ, а изъ Парижа въ Гавръ. Жена Бюлера съ шестерыми дѣтьми сѣла во внутренность дилижанса, а самъ онъ въ такъ называемую ротонду. Вечеромъ, при перемѣнѣ лошадей, Бюлеръ вылезъ изъ дилижанса, вошелъ въ почтовой домъ, и что-то тамъ замѣшился; когда онъ возвратился, дилижансъ уже уѣхалъ. Полагая догнать его, Бюлеръ пустился бѣжать за нимъ по большой дорогѣ, какъ вдругъ его схватили полевые сторожа, и какъ онъ не зналъ по-французски, то его сочли за бро-

дягу и отвели сначала къ меру ближайшаго селенія, а потомъ проводили къ окружному мирному судью. Только на третій день, наконецъ, возвратили ему свободу. Онъ спѣшилъ въ Троа, въ надеждѣ найти тамъ свою дорогую супругу. — Не тутъ-то было: семья его продолжала свое путешествіе. Написали въ Парижъ, въ полицейскую префектуру, и получили въ отвѣтъ, что такая-то г-жа Бюлеръ уѣхала въ Гавръ. Написали въ Гавръ. — Изъ Гавра отвѣчали, что г-жа Бюлеръ сѣла на корабль и отправилась въ Америку. Несчастный покинутый мужъ остался безъ всякихъ средствъ, и только, благодаря покровительству полиції города Троа, нашелъ кое-какъ возможность возвратиться въ отечество.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

Театральный бюджетъ Парижа въ 1846 году, въ сравненіи съ бюджетомъ прежнихъ лѣтъ, былъ весьма значительный, не смотря на то, что въ 1845-мъ году было представлено сорокъ пьесъ больше, нежели въ прошломъ. Причиною этого огромнаго успѣха нѣкоторыхъ пьесъ, наиболѣе посѣщаемыхъ публикою, именно *Mousquetaires de la Reine*, *Clarisse Harlowe*, *Gentil-Bernard*, *Clouseries des Genêts*, *Docteur poig*, и другихъ. Парижскіе театры отличались постоянной дѣятельностью, которая, безъ сомнѣнія, удвоится съ открытиемъ *Исторического Театра* Александра Дюма.

Въ 1845 году явилось 269 пьесъ, написанныхъ двумя стами авторовъ.

Въ 1846 году поставлены на сцену 2 трагедіи, 2 балета, 12 оперъ, 12 комедій, 29 драмъ и 170 водевилей; всего 227 новыхъ пьесъ, надъ которыми трудились 193 автора и 12 композиторовъ. — Самымъ плодовитѣйшимъ изъ этихъ авторовъ былъ *Клервиль*, написавшій одинадцать пьесъ, различнаго объема. *Данци* произвелъ только семь, *Балръ* и *Люманоартъ* по шести, *Мельвиль* и *Варенъ* по пяти; *Люсеръ* и *Поль-де-Кокъ* по четыре, *Скрибъ* далъ только двѣ маленькия пьески для театра Гимназіи, и не далъ ни строчки ни Французскому — театру, ни Комической оперѣ. Знаменитый академикъ, вѣроятно, вознаградить ихъ въ 1847-мъ году. — Въ театральной администраціи также произошли перемѣны. Ипполитъ Коньяръ, заступившій, въ 1846 году, постъ Ансело, мѣсто директора *Водевилля*, взялъ отставку, и вмѣсто его министръ назначилъ *Локруа*. Ни одинъ годъ не проходитъ безъ какихъ-нибудь несчастій для драматического искусства. Въ 1846-мъ году сгорѣли четыре театра, въ Квебекѣ, въ Нью-Йоркѣ, въ Лондонѣ, и въ Авионѣ.

Двѣ сестры Миланолло дали въ Ліонѣ, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, двадцать четыре концерта, и каждый разъ огромная зала была полна слушателей; некуда было протянуть руку, чтобы аплодировать. Ліонскіе музыканты поднесли вдохновеннымъ артисткамъ золотую медаль; живописцы соорудили имъ великолѣпной альбомъ, а ліонскій поэтъ Викторъ Ла-Прадъ воспѣлъ ихъ волшебный смычекъ прелестными стихами.

Двадцать третьяго декабря исполнилось ровно двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Фрейшиоуз явился въ первый разъ на Лейпцигскомъ театрѣ. Въ продолженіе этого времени превосходное созданіе Вебера исполнено сто-двадцать-шесть разъ. Сто-двадцать-седьмое представленіе, данное въ день юбилея, происходило съ особенно торжественностью. По окончаніи оперы были исполнены хоръ, сочиненный въ честь композитора, и на сцену вынесли его бюстъ, увѣнчанный короною изъ семи звѣздъ, на которыхъ были написаны названія его оперъ.

При вѣзѣ Листа въ Темешваръ построили въ честь знаменитаго піаниста трумфальную арку, обвитую гирляндами изъ цвѣтовъ; послѣ третьяго концерта, поднесли ему золотой вѣнокъ.

Прогулки Вѣчнаго Жида—ничто въ сравненіи съ путешествіями Леопольда Майера. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ ломалъ клавиши въ Луизіанѣ; теперь собирается нагрѣть себѣ руки въ Огненной-землѣ.... Счастливый путь! Древніе, желая выразить силу Геркулеса, говорили, что онъ можетъ поднять на плечахъ весь земной шаръ. Американцы обнаруживаютъ свое удивленіе не совсѣмъ по европейски: одинъ Ново-Орлеанской журналъ напечаталъ огромную біографію неутомимаго виртуоза съ его портретомъ. Леопольдъ Майеръ представленъ въ сапогахъ *a la Juif Errant*, съ сигарою въ рту и огромнымъ мѣшкомъ за спиною, онъ отправляется въ Гавану, держа подъ мышками два рояля.

Актриса Дозъ вышла замужъ за остроумнаго романиста, господина Роже-ле-Бовуара. Театръ лишился прелестнаго таланта, сѣть выигралъ женщину, очаровательную наружностью, надѣленную

иую прекрасными качествами души и поэтическимъ талантомъ. Госпожа Роже-ле-Бовуаръ пишетъ очень милые стихи, известные въ образованномъ кругу, хотя она и не помѣщаетъ ихъ въ журналахъ.

Мадамъ Вейсъ, капитанша фаланги вѣнскихъ танцовщицъ, претерпѣвъ жестокія гоненія въ Парижѣ и Лондонѣ за несправедливости при наборѣ своихъ рекрутовъ, прибыла наконецъ въ Америку съ летучимъ батальономъ, состоящимъ изъ тридцати шести нѣмочекъ и дюжины англичанокъ. Но съ дѣтскимъ балетомъ случилось маленькое несчастіе: дѣти незамѣтно подростали, выросли, и хотѣть освободиться изъ подъ опеки. Мадамъ Вейсъ не-прочь отъ этого, но только обѣщаетъ сама выбрать имъ попечителей.

Фелисьенъ Давидъ окончилъ новую симфонію «Le nuage». «Синай» былъ сухъ и бесплоденъ, какъ песокъ «Пустыни»; опасаются, чтобы «Туча» не размылась водою.

Превосходный пьяница Кальбреннеръ давалъ на дняхъ большои обѣдъ и какъ глубокій гастрономъ, самъ отправился на рынокъ выбрать огромную форель. Въ самомъ дѣлѣ, онъ нашелъ рыбу, какой не видалъ въ Парижѣ. — Что стоять форель? — Ничего. — Какъ, ничего? — Она продана за два луидора. — Я даю три. — Невозможно. — Четыре. — Никакъ нельзя: это для господина Ротшильда. — Послушайте, моя милая: возьмите пять луидоровъ. — Нѣтъ. — По-крайней-мѣрѣ, постарайтесь доставить мнѣ другую такую рыбу къ четыремъ часамъ; вотъ мой адресъ. — Какъ! вскричала торговка, прочитавъ карточку: вы Кальбреннеръ? — возьмите мою форель. — А Ротшильдъ? — Господинъ Ротшильдъ можетъ обойтись и безъ нея: артистъ, какъ господинъ Кальбреннеръ, выше банкира Ротшильда. — Этотъ случай разсказанъ самимъ Кальбреннеромъ другу его Альфонсу Карру.

Адамъ Эленшлегеръ, латскій драматический поэтъ, кончилъ трагедію въ пяти дѣйствіяхъ: *Гамлетъ*, которая была въ первой разъ представлена семнадцатого ноября, въ день рождения этого славнаго писателя. Ему исполнилось шестьдесятъ семь лѣтъ. По окон-

чані пьесы, принятой съ живѣйшимъ восторгомъ, артисты увѣни-
чали бюстъ Эленишлера, а самому автору вручили лавровый вѣ-
ночъ, между тѣмъ, какъ публика пѣла куплеты, наисанные на-
рочно для этого случая. Король пожаловалъ Эленишлера командо-
ромъ ордена Данеброга.

Вѣнскіе композиторы работаютъ не на шутку. Фуксъ окон-
чилъ комическую-оперу «Саламанкскіе студенты», Николаи — допи-
сываетъ новую партитуру «Виндзорскія кумушки»; романъ Виктора
Гюго *Notre-Dame de Paris* послужилъ сюжетомъ для двухъ оперъ,
одна — Прага, другая — Леви.

Театръ Гаррика, въ Лондонѣ, сдѣлался добычей пламени. Пола-
гаютъ, что пожаръ произошелъ отъ пыжка. Наканунѣ пожара игра-
ли въ этомъ театрѣ большую пьесу: «Битва при Ватерло.»

Слѣдующее приключение доказываетъ, что старый предразсуд-
окъ противъ театра и актеровъ, теперь обратился, если не во
всей еще Франціи, то, по-крайней мѣрѣ, въ Парижъ, въ другую
крайность. Теперь всѣ лѣстятся знакомствомъ съ первымъ траги-
комъ или комикомъ какого бы то ни было бульварнаго театра; да-
же суфлеры и бутафоры играютъ важную роль въ среднихъ кла-
сахъ общества. Многіе родители, видя, какія почести и вы-
годы доставляетъ ремесло актера, съ малолѣтства начинаютъ прі-
учать дѣтей своихъ къ сценѣ. Такъ точно поступили и ро-
дители Леокадіи Д...., помѣстивъ ее съ самаго юнаго возра-
ста въ труппу дѣтскаго театра Конт, гдѣ она долго играла
второстепенные роли. Но какъ видно было, юная Леокадія вовсе
не имѣла никакого призванія къ драматическому искусству, потому
что она никакъ не умѣла владѣть своими чувствами, волненiemъ и
робостію. Бѣдное дитя мечтала о скромной семейной жизни, но,
не смѣя противиться твердой волѣ своихъ родныхъ, рѣшилась на-
конецъ на самоубійство. На дняхъ она заперлась въ своей комна-
тѣ и зажгла жаровню съ каменнымъ углемъ. По счастію, мать о-
безпокоенная тѣмъ, что дочь не сходитъ внизъ, чтобы отпра-
виться на репетицію, пошла къ ней и посыпала еще во-время, чтобы
бы спасти несчастную. Леокадія держала въ рукахъ письмо, въ
которомъ просила благословенія у родителей и объявляла имъ
причину, понудившую ее къ самоубійству. Страшный при-
мѣръ жестокаго упрямства родителей, чтобы дѣти ихъ шли

по такому поприщу, къ которому они решительно не чувствуют никакого призыва!

Въ циркъ Елисейскихъ полей въ Парижѣ привлекаютъ теперь многочисленную публику пластическая представенія и живыя картины г-на Келлера. Вотъ что говорятъ объ этихъ представеніяхъ французскіе журналы.

«Представенія г-на Келлера верхъ очарованія и мы не удивляемся, что циркъ Елисейскихъ полей въ дни этихъ представлений привлекаетъ многочисленную публику.

Не думайте, чтобы эти представенія оскорбляли стыдливость. Искусство никогда не оскорбить ее, если только оно опоэтизировано. Развѣ оскорбляютъ наше чувство сокровища ваянія, собраннаго въ музеяхъ?—почему же должны оскорблять его живыя копіи съ этихъ сокровищъ?

Вотъ три Граціи, восхитительная группа превосходныхъ правильныхъ формъ, которыхъ не можетъ скрыть защищающей ихъ газъ. Вотъ Аріадна, съ нѣжными легкими формами Діаны охотницы. А эти воины, посреди которыхъ плачущая женщина, съ простертymi руками — это картина Давида: *похищеніе Сабинокъ*.

Осмотрите весь Музей и повѣрьте, вы не найдете Кайна или Геркулеса — лучше г. Келлера, Венеры — правильнѣе г-жи Келлеръ, Грацій приличнѣе г-жъ Келлеръ и Даннекеръ. Живописцы, скульпторы никогда не мечтали о созданіяхъ болѣе совершенныхъ и болѣе цѣломудренныхъ.»

Зрѣлище звѣринца неоспоримо чрезвычайно интересно и привлекательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не вполнѣ безопасно. Малѣйший недосмотръ со стороны содержателя звѣринца, малѣйшая неосторожность со стороны зрителей, могутъ легко быть причиною трагического происшествія. Въ особенности строго надобно воспрещать зрителямъ дразнить звѣрей, даже отнимать у нихъ всѣ средства къ этому, отгораживая клѣтки съ звѣрями барьеромъ на довольно значительное разстояніе отъ того места, гдѣ находятся зрители. Вотъ случай, бывшій не давно въ Англіи, который хотя слѣдуетъ болѣе приписать ложному страху, но который все-таки доказываетъ необходимость подобныхъ мѣръ осторожности. Въ городъ Хердтъ пріѣхалъ содержатель звѣринца, и въ тотъ же вечеръ къ нему собралось множество любопытныхъ, такъ, что

всѣ зрители не могли помѣститься въ звѣринцѣ и огромная толпа дождалась очереди у входа. Часовъ около десяти вечера, кто-то изъ дѣтей, бывшихъ въ числѣ зрителей, принялъся дразнить сильную гѣенну. Разсерженное животное начало дратъся съ другою гѣенною, бывшею съ нею въ одной клѣткѣ. Крикъ ихъ разбудилъ льва, онъ привсталъ и страшно зарычалъ. Зрители невольно содрогнулись; какъ вдругъ раздался крикъ: Левъ ушелъ изъ клѣтки, левъ ушелъ изъ клѣтки! Тогда толпою овладѣлъ панический страхъ и все пришло въ невыразимое смятеніе. Всѣ съ крикомъ бросились къ дверямъ, опрокидывая другъ друга. Но какъ двери отворялись внутрь, а не наружу, то приливомъ толпы прихлопнули ихъ и выйти было не возможно. Наконецъ, проломали одну стѣну звѣринца, и толпа устремилась на улицу. Панический страхъ тотчасъ же сообщился и тѣмъ, которые стояли около звѣринца, и все съ крикомъ: Левъ ушелъ! бросилось въ разныя стороны. Болѣе двухъ сотъ человѣкъ было опрокинуто, многие растоптаны почти до полусмерти. Городскіе медики тотчасъ же явились подавать помощь жертвамъ этого несчастнаго происшествія. По счастію, никто не лишился жизни, но нельзя утвердительно сказать, чтобы жертвы этого случая были виѣ опасности.

На большой дорогѣ близъ Фонтенебло, слѣданъ былъ удачный опытъ Ѣзды въ экипажѣ съ парусами. Говорятъ, что экипажъ этотъ шелъ почти также быстро, какъ вагоны на желѣзной дорогѣ! Быль ли онъ притомъ запряженъ лошадьми или нѣтъ — не упомянуто. Экипажъ этотъ на трехъ колесахъ, — переднее служить вмѣсто руля.

ЗАКУЛИСНЫЯ ТАЙНЫ.

На одномъ провинціальномъ театрѣ играли «Разбойниковъ» Шиллера. Роль Карла Мора занималъ какой-то пріѣзжій артистъ. Въ этой трагедіи, какъ известно, есть сцена, въ которой Карль Моръ, желая разбудить разбойниковъ, спящихъ за кустами, изъ-за которыхъ видны ихъ ноги, кричитъ: «Вѣчно что ли вы будете спать!» и стрѣляетъ изъ пистолета. Представьте же себѣ изумленіе пріѣзжаго артиста, когда ни на крикъ его, ни на выстрѣль, ни одинъ изъ спящихъ разбойниковъ даже не пошевельнулся. Что бы это значило? А вотъ что. Директоръ театра, по недостатку въ пер-

сонажахъ, вмѣсто того, чтобы положить за кулисы статистовъ, выставилъ изъ-за кустовъ одни только сапоги.

Одинъ великий трагикъ, который криками и сильнымъ размахи-
ваниемъ рукъ приводилъ воскресную публику въ неописанный
восторгъ, имѣлъ артистическую привычку, въ порывахъ своего
трагического жара, забывать всякое приличие и уваженіе, кото-
рыя каждый благовоспитанный человѣкъ обязанъ имѣть къ да-
мамъ. Играя разъ въ драмѣ съ молодой, нѣжной и прекрасно вос-
питанной артисткою, онъ въ любовной сценѣ сжалъ ее такъ сильно
и такъ неловко въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, что она невольно
покраснѣла и вскрикнула. По окончаніи спектакля, она обратилась
къ великому трагику и сказала трогательнымъ голосомъ: «Имѣй-
те хоть на сценѣ какое нибудь снисхожденіе къ моимъ лѣтамъ и
полу! Обѣ этомъ умоляю васъ, не какъ артиста, а какъ *человѣка!*»

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, играйте съ другими, а не со
мной! — отвѣчала ей самодовольный герой и гордо пошелъ далѣе.

Тотъ же великий артистъ, въ минуту подобнаго забвенія, вмѣ-
сто того, чтобы выгнать актера, игравшаго его соперника, силь-
но ударили его въ грудь. За кулисами, по этому случаю между
ними произошло объясненіе.

«Любезный другъ!» — говорилъ великий артистъ, — «когда я
вхожу въ пассію, я ни за что не отвѣчую. Въ этомъ то и со-
стоитъ превосходство моей игры!»

— А, такъ вотъ оно что! — отвѣчала смѣтливый соперникъ:
потому то я никогда и не могъ сравниться съ вами, до сихъ
поръ я не зналъ этой тайны. За то ручаюсь, что въ первое
представлѣніе, въ которомъ мы будемъ играть вмѣстѣ — я вой-
ду въ такую пассію, — (тутъ онъ значительно поднялъ дюжій
кулакъ), что дамъ себя знать и непремѣнно съ вами поровняюсь.»

Лондонскій актеръ Кили (Keely), жившій въ концѣ прошлаго
столѣтія, былъ чрезвычайно оригиналлнй человѣкъ. Замаравъ
какъ-то въ маслѣ новой кафтанъ, онъ все-таки продолжалъ носить
его, потому что сшить другой было не въ состояніи. Разумѣет-
ся, гдѣ бы онъ ни появлялся въ обществѣ, ему сейчашъ же
замѣчали: у васъ на кафтанѣ масляное пятно. — Наконецъ, эти
повторенія надоѣли ему до нѣзла и чтобы избавиться отъ нихъ,
онъ придумалъ слѣдующее. Входя въ какое бы то ни было обще-

ство, онъ, вмѣсто привѣтствія, говорилъ: «У меня на кафтанѣ масляное пятно—но это въ сторону; теперь о чёмъ нибудь другомъ.»

—Извѣстно, что знаменитая актриса Клеронъ, первая ввела на сценѣ Французскаго-театра употребленіе костюмовъ, сообразныхъ съ вѣкомъ и націю того лица, которое актеръ долженъ быть представлять, а до того времени во всѣхъ трагедіяхъ актеры одѣвались рѣшительно въ одинъ и тотъ же костюмъ, который назывался *римскимъ*, а въ сущности былъ *французскимъ*. Лекенъ первый послѣдовалъ примѣру г-жи Клеронъ и заказалъ себѣ греческій костюмъ для роли Ореста въ «Андромахѣ».

Одинъ изъ сотоварищъ его, Добервиль, случившійся у него въ то время, когда портной принесъ ему этотъ костюмъ, съ любопытствомъ спросилъ: Что это такое?—Это называется—греческій костюмъ, сказалъ Лекенъ.—«О, да это чудесная вещь, возразилъ Добервиль, въ слѣдующій же разъ, какъ буду заказывать себѣ новый *римскій* костюмъ, вѣло сдѣлать его по гречески.»

Одинъ актеръ, съ большимъ успѣхомъ игравшій роль Карла Мора, послѣ спектакля строго выговаривалъ бутафору, за то, что тотъ не прибралъ чудеснаго краснаго сultана, который Карлъ Моръ бросаетъ отъ себя въ послѣдней сценѣ трагедіи. Бутафоръ, маленький безобразный человѣчекъ, намоталъ это себѣ, какъ говоритъ, на усъ, и въ слѣдующее же представлѣніе «Разбойниковъ», съ самаго начала пьесы стоялъ у первой кулисы и дожидался послѣдней сцены.—«Прочь отъ меня этотъ кровавый сultанъ. Пусть возьметъ его тотъ, у кого есть охота быть послѣ меня атаманомъ!» вскричалъ Карлъ Моръ и бросилъ сultанъ къ самой почти рампѣ.

Въ тоже мгновеніе крошечный безобразный человѣчекъ, съ огромными очками на носу, является изъ-за кулисъ, поднимаетъ сultанъ и, тщательно обдувая съ него пыль, при громкомъ хохотѣ цѣлаго театра, преспокойно удаляется опять за кулисы.

ПРОГРАММА.

I. ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА:

1. Пьесы, *игранныя на сцену*, трагедии, драмы, комедии, водевили.
2. Пьесы драматической, не игранныя, но почему-либо особенно замечательныя.

II. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ТЕАТРА.

1. Биографии артистовъ, драматическихъ писателей, композиторовъ, музыкантовъ, великихъ художниковъ и вообще людей, замечательныхъ въ области искусства, или имѣющихъ отношеніе къ театру.
2. Записки и мемуары, касающіяся до театра.
3. Драматическая библіографія.

III. ПОВѢСТИ и РОМАНЫ, русскіе и переводные.

IV. ЮМОРИСТИКА, могущая служить материаломъ для драматическихъ теорій.

V. СМѢСЬ:

1. Анекдоты и мелочи.
2. Театральные слухи и извѣстія.
3. Водевильные куплеты.

VI. ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1. С. Петербургскіе театры: *русскій, оперный, французскій, пльмецкій*.
2. Московскіе театры.
3. Провинціальные театры.
4. Концерты и свѣдѣнія обо всемъ замечательномъ въ области искусствъ.

VII. ПРИЛОЖЕНИЯ:

1. Музыка водевильныхъ куплетовъ.
2. Портреты артистовъ.

«Репертуаръ и Пантеонъ театровъ» выходитъ *аккуратно* 15-го числа каждого мѣсяца.

Цѣна за годовое изданіе «Репертуара и Пантеона», съ приложеніями, состоящее изъ 12 книжекъ. 10 руб. сер.
Съ пересылкою въ города или на домъ: 11 руб. 50 коп. сер.

Подписька принимается:

Въ С. Петербургъ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Невскомъ проспектѣ, противъ Аничкова дворца, въ домѣ Завѣтного.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ М. Д. Ольхина, на Тверской, въ домѣ Мятлева.

Въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамта.

1962

Просить покорно всѣхъ имѣющихъ дѣло до «Репертуара и Пантеона» обращаться къ Редактору, Федору Алексѣевичу Кони, въ Вознесенскомъ переулкѣ, въ домѣ Штакельберга.